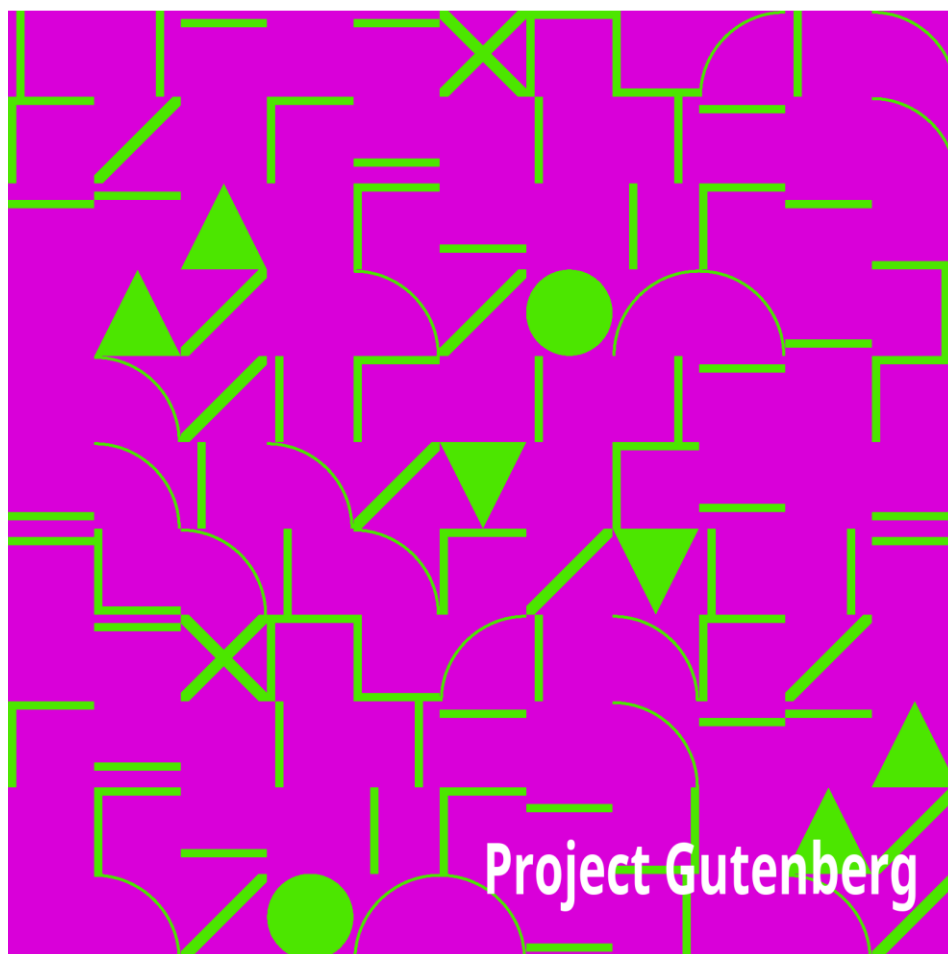

Эволюция идеи Бога: исследование происхождения религий

Грант Аллен

The Evolution of the Idea of God: An Inquiry Into the Origins of Religions

Grant Allen

Электронная книга проекта "Гутенберг" "Эволюция идеи Бога: исследование происхождения религий"

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Эволюция идеи Бога: исследование происхождения религий

Автор: Грант Аллен

Дата выхода: 25 июля 2018 г. [Электронная книга № 57581]

Последнее обновление: 25 февраля 2021 г.

Язык: Английский

Титры: Создано Дэвидом Уиджером на основе изображений страниц, щедро предоставленных интернет-архивом

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ БОГА: ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕЛИГИЙ" ***

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ БОГА

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕЛИГИЙ

ГРАНТ АЛЛЕН

АВТОР КНИГ "ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА", "КРАСКИ ЦВЕТОВ", "СИЛА И ЭНЕРГИЯ" И ДР.

ЛОНДОН: ГРАНТ РИЧАРДС

1897

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ БОГА.

ГЛАВА I.ХРИСТИАНСТВО КАК РЕЛИГИОЗНЫЙ СТАНДАРТ.

ГЛАВА II.РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ.

ГЛАВА III.ЖИЗНЬ МЕРТВЫХ.

ГЛАВА IV. ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОГОВ.

ГЛАВА V.СВЯЩЕННЫЕ КАМНИ.

ГЛАВА VI.СВЯЩЕННЫЕ КОЛЬЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ—СВЯЩЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ.

ГЛАВА VIII.БОГИ ЕГИПТА.

ГЛАВА IX.БОГИ ИЗРАИЛЯ.

ГЛАВА X. РАСЦВЕТ МОНОТЕИЗМА.

ГЛАВА XI.ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ БОГИ.

ГЛАВА XII.СОЗДАНИЕ БОГОВ.

ГЛАВА XIII.БОГИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ.

ГЛАВА XIV.БОГИЗЕРНА И ВИНА.

ГЛАВА XV.ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ И ТАИНСТВО.

ГЛАВА XVI. УЧЕНИЕ ОБ ИСКУПЛЕНИИ.

ГЛАВА XVII. МИР ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

ГЛАВА XVIII.РОСТ ХРИСТИАНСТВА.

ГЛАВА XIX. ПЕРЕЖИТКИ В ХРИСТИАНСКОМ МИРЕ.

ГЛАВА XX.—ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Указатель

ПРЕДИСЛОВИЕ

В наши дни среди нас существуют две основные школы религиозного мышления: школа гуманистов и школа анимистов. Эта работа в некоторой степени является попыткой примирить их. Я полагаю, что в ней содержится первая из когда-либо предпринятых масштабных попыток проследить генезис веры в Бога от ее самого раннего зарождения в сознании первобытного человека до ее наиболее полного развития в продвинутом и неземном христианском богословии. Таким образом, мой метод является конструктивным, а не разрушительным. Вместо того чтобы пытаться опровергнуть или разрушить глубоко укоренившийся элемент предков в нашей сложной природе, эта книга просто ставит перед собой психологический вопрос: “Какими последовательными шагами люди пришли к созданию для себя концепции божества?” — или, если читателю так больше нравится, “Как мы пришли к нашему знанию Бога?” В ней предпринята попытка дать предварительные ответы на эти глубокие и важные вопросы, обратившись к древнейшим верованиям дикарей, прошлым или настоящим, а также к свидетельствам исторических документов и древних памятников. Это вовсе не касается обоснованности или недействительности идей самих по себе; это лишь попытка показать, насколько они были неизбежны и насколько отношение человека к внешней вселенной было определенным *априори*, чтобы породить их как необходимость.

В таком обширном синтезе было бы абсурдно притворяться в наши дни, что кто-то подошел к своему предмету полностью *de novo*. Каждый исследователь должен во многом полагаться на различные исследования своих предшественников в различных областях своей исследовательской деятельности. Стоящая перед нами проблема делится на три основные части: *первая*, как люди пришли к вере во многих богов — происхождение политеизма; *вторая*, как, устранив большинство из этих богов, определенные человеческие расы пришли к вере в единого верховного и всемогущего Бога — происхождение монотеизма; *третья* каким образом, придя к этой концепции, наиболее развитые расы и цивилизации пришли к представлению об этом Боге как о Троице и отождествили одну из его ипостасей с особым божественным и человеческим воплощением — монотеизмом. происхождение христианства. При рассмотрении каждой из этих трех основных проблем меня в значительной степени направляли и помогали три предыдущих исследователя или группы исследователей.

Что касается *происхождения политеизма*, я в основном принял замечательную теорию призраков мистера Герберта Спенсера, хотя и с некоторыми важными изменениями и дополнениями. В этой части моей работы мне также в значительной степени помогли материалы, почерпнутые у мистера Даффа Макдональда, талантливого автора *Africana*, у мистера Тернера, хорошо известного миссионера с Самоа, и у нескольких других авторов, дополненные моими собственными исследованиями среди работ исследователей и этнологов в целом. В целом, я здесь принял теорию, которая ведет происхождение веры в богов к

первобытному поклонению предкам, или, скорее, к поклонению трупам, в отличие от конкурирующей теории, которая ведет свое происхождение от предполагаемого первобытного анимизма.

Что касается *возникновения монотеизма*, то на меня в немалой степени оказали влияние Куэнен и тевтонская школа критики Ветхого Завета, идеи которых были дополнены более поздними концепциями, почерпнутыми из замечательной работы профессора Робертсона Смита "*Религия семитов*". Но здесь, в целом, центральное объяснение, которое я могу предложить, рискну предположить, новое и оригинальное: теория, хорошая или плохая, обстоятельств, которые привели к возвышению этнического еврейского Бога Яхве над всеми его соперниками и его окончательному признанию единственным истинным и живым богом, принадлежит мне и никому другому.

Что касается *происхождения христианства* и его связи с предшествующими культами богов зерна и вина, я в значительной степени руководствовался м-ром Дж. Г. Фрейзером и Маннхардтом, хотя я не думаю, что ни живой, ни мертвый антрополог полностью согласился бы с использованием мною их великолепных материалов. М-р Фрейзер, автор этого ученого труда, "*Золотая ветвь*", оказал глубокое влияние на мнения всех серьезных работников антропологии и науки о религии, и я не могу не признать, что глубоко обязан им. под этим я подразумеваю его глубокие и умелые трактаты. В то же время я настолько преобразовал материал, полученный от него и от доктора Робертсона Смита, что сделал его во многих отношениях практически моим собственным; и я дополнил его несколькими новыми примерами и идеями, предложенными в ходе моего собственного достаточно обширного чтения.

На протяжении всей книги в целом я также в большом долгу перед доктором Э. Б. Тайлором, у которого я позаимствовал много ценного материала; перед *Легендой о Персее* мистера Сиднея Хартленда; перед мистером Лоуренсом Гоммом, который временами подходил ближе, чем кто-либо другой, к изложенным здесь особым взглядам и теориям; и перед мистером Уильямом Симпсоном из *Illustrated London News*, ненавязчивым ученым, чьи превосходные монографии о *культе смерти* и родственных предметах никогда еще не привлекали того внимания, которого они заслуживают, из-за того, что они не были опубликованы. непредвзятые изучающие религию. Другие мои обязательства перед доктором Моммзеном, моими друзьями мистером Эдвардом Клоддом, профессором Джоном Рисом и профессором Йорком Пауэллом, а также перед многочисленными путешественниками, миссионерами, историками и классиками слишком часты, чтобы их перечислять.

Рассматривая предмет в целом, я осмелился бы еще раз сказать, что мои общие выводы можно рассматривать как представляющие собой в некоторой степени примирение конфликтующих школ гуманистов и анимистов, возглавляемых соответственно мистером Спенсером и мистером Фрейзером, хотя и склоняющихся скорее к первым, чем ко вторым.

В то же время было бы большой ошибкой рассматривать мою книгу как в каком-либо смысле просто повторение или компромисс. Напротив, это в каждой части новая и личная работа, содержащая, какой бы ни была ее ценность, свежий и оригинальный синтез темы. Я бы рискнул отметить как особенно новые два следующих момента: полное отграничение религии от мифологии, как практики от простого объяснительного блеска или догадок; и важную роль, отводимую в генезисе большинства существующих религиозных систем преднамеренному созданию богов путем убийства. Это учение о выдуманном боге, которому посвящена почти

половина моей книги, представляется мне понятием первостепенной ценности. Среди других новых идей среднего ранга, я хотел быть смелым достаточно, чтобы перечислить следующие: создание трех последовательных стадий в процессе зарождения жизни умерших, которые могут быть суммированы как труп-поклонения, дух поклонения, и тени-поклонение, и что ответить на три стадии консервации или мумификации, захоронения и кремации; признание высокое место должен быть назначен сохранность пророческим голову в рост идолопоклонства; то значение, которое придается священный камень, священный акция, а также священное дерево, и предварительной доказательства их тесной связи с могил мертвых; совершенно новая концепция развития монотеизма среди евреев от эксклюзивного культ Бог ревнитель; гипотеза о происхождении выращивания из Курган-жертвы, и ее связь с ростом богов и культуры; широкое распространение получил от древней понятие божественного с человеческим жертвам; признание мирового масштаба распространения в рамках пятидневного фестиваля кукурузы или вина Бога, и близкое сходство, которое отмечает свое обряды на всех континентах, включая Америку; предложил эволюции Бога-людоеда таинств Нижнего религий от людоедская практика honorifically есть один умер отношений; * и свидетельством широкого выживания первобытного труп-поклоняться вплоть до наших времен в цивилизованной Европе. Я мог бы значительно расширить этот краткий список того, что, по моему мнению, является новым вкладом, внесенным здесь в философию религиозной эволюции, но я намеренно воздерживаюсь. Я думаю, будет допущено, что если хотя бы некоторые из этих идей при рассмотрении окажутся новыми и верными, моей книге удастся оправдать свое существование.

* Пока эта работа проходила через прессу, похожая теория была выдвинута мистером Флиндерсом Петри в статье "Съедено с честью", в которой он кратко рассматривает свидетельства существования этого обычая в Египте и других местах.

Я приступаю к этой работе с величайшей неуверенностью. Урожай большой, а работников мало. Я занимаюсь сбором и сравнением материалов более двадцати лет. Я занимаюсь написанием своей книги более десяти лет. Как я объясняю в последней главе, настоящий первый набросок выводов, к которым я наконец пришел, является не более чем предварительным. В своем настоящем эссе я хочу просто изложить основы общей теории, которую после стольких лет изучения я склоняюсь принять. Если моя попытка привлечь внимание общественности увенчается успехом, я надеюсь продолжить ее несколькими другими томами, в которых изложенные здесь основные мнения или предложения могут быть подкреплены и расширены обильными подборками свидетельств и иллюстраций. Однако, если это не привлечет внимания общественности, мне волей-неволей придется удовлетвориться этим весьма неадекватным предварительным заявлением. Я также хотел бы добавить сюда то, на что я более подробно указываю в основной части работы, а именно, что я не придерживаюсь догматически всех или ни одной из идей, которые я сейчас высказал. Это всего лишь концепции, навязанные мне нынешним состоянием доказательств; и я признаю тот факт, что в столь обширной и разнообразной области, где для того, чтобы прийти к однозначному выводу, потребовались бы почти энциклопедические знания, каждая из этих концепций в отдельности или все вместе могут быть опровергнуты дальнейшими исследованиями. Я просто говорю: "Вот как этот вопрос представляется мне в настоящее время, исходя из известных нам сейчас фактов".

Несколько глав книги были отдельно опубликованы в различных обзорах на момент их первого написания. Однако с самого начала они были составлены как части этой книги, которая, следовательно, не состоит из разрозненных эссе, составленных в искусственное единство. Каждый из них занимает именно то место в аргументации, для которого он изначально предназначался. Речь идет о главах “Религия и мифология” и “Жизнь мертвых”, опубликованных под названиями “Практическая религия” и “Бессмертие и воскрешение” в *Двухнедельном повторном выпуске*; о “Священных камнях”, опубликованных под тем же названием в том же периодическом издании; и о “Богам Египта”, первоначально опубликованных в *Universal Review*. Я должен поблагодарить владельцев и редакторов этих журналов за разрешение напечатать их здесь в надлежащем месте. Все они были изменены и доведены до той степени, насколько я мог привести их к существующему уровню наших знаний относительно предметов, о которых они говорят.

Имея дело с таким большим разнообразием материалов, взятых из всех времен и мест, рас и языков, было бы почти невозможно избежать ошибок. Те, которые я мог обнаружить своим вниманием, я, конечно, исправил: в остальном я должен просить на этом основании снисхождения у тех, кто, возможно, случайно их заметит.

Я старался писать без пристрастий и предубеждений, движимый единственным желанием докопаться до истины. Преуспел ли я в этой попытке или нет, я верю, что моя книга будет воспринята в том же духе, в каком она была написана, — в духе искреннего стремления узнать все, что можно узнать, исследуя связь человека с его Богом в прошлом и настоящем. В этой надежде я передаю ее на доброе рассмотрение той небольшой части читающей публики, которая проявляет живой интерес к религиозным вопросам.

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ БОГА.

ГЛАВА I. ХРИСТИАНСТВО КАК РЕЛИГИОЗНЫЙ СТАНДАРТ.

В этой работе я предлагаю в общих чертах проследить эволюцию идеи Бога от ее самых ранних и грубых зачатков в уме дикаря первобытного человека до той высокоразвитой и абстрактной формы, которую она в конечном итоге принимает в современном философском и теологическом мышлении.

В глазах современного исследователя эволюции интерес к происхождению и истории этой широко распространенной идеи носит главным образом психологический характер. Перед нами обширная и всепроникающая группа человеческих мнений, истинных или ложных, которые оказывали и продолжают оказывать огромное влияние на развитие человечества и цивилизации: возникает вопрос, почему люди вообще пришли к этим мнениям и как они к ним пришли? Что было такого в условиях жизни древнего человека, что побудило его сформировать у себя такие абстрактные представления об одном или нескольких великих сверхъестественных агентах, объективного существования которых в природе у него, безусловно, не было четких или очевидных доказательств? Рассматривая проблему в этом свете, как по существу проблему процессов человеческого разума, я с самого начала отложил в сторону, как чуждую моей цели, любое исследование объективной значимости любого из религиозных верований, таким образом, поставленных перед нами в качестве предмета исследования. Вопрос о том, может ли существовать Бог или боги, и если да, то какова может быть его или их сущность и атрибуты, нас здесь не касается. Все, что нам нужно сделать в нашем нынешнем качестве, - это строго спросить себя, что вообще впервые пришло в голову человеческому разуму об абстрактном понятии божества? И как, исходя из раннего многообразия божеств, которое, как мы находим, преобладало во все первобытные времена среди всех человеческих рас, впервые возникла концепция единого великого и неограниченного божества? Другими словами, почему люди вообще верили в существование богов и почему от многих богов они пришли к одному? Почему от политеизма самые передовые нации перешли к монотеизму?

Ставить вопрос в такой форме - значит полностью упускать из виду объективную реальность или что-то иное самой идеи. Анализировать происхождение концепции - это не значит подвергать сомнению обоснованность заключенного в ней убеждения. Идея всемирного тяготения, например, постепенно зарождалась в человеческих умах и, наконец, достигла своего окончательного выражения в законе Ньютона. Но проследить шаги, с помощью которых постепенно была достигнута эта идея, никоим образом не означает опровергнуть или дискредитировать ее. Верующий христианин может точно так же считать, что люди естественным путем пришли к познанию единого истинного Бога; он не обязан отвергать окончательную концепцию как ложную только из-за этапов, по которым она медленно развивалась. Бог-творец, это правда, мог бы предпочесть внезапное откровение о себе какому-нибудь избранному кругу людей; но Бог-эволюционист, мы вполне можем поверить, мог бы предпочесть в своей непостижимой мудрости раскрыть свое собственное существование и качества своим созданиям посредством тех же медленных и пробных интеллектуальных

поисков, с помощью которых он открывал им физические истины природы. Поэтому я хочу, чтобы мое исследование рассматривалось не как разрушительное, а как восстанавливающее. Она лишь пытается восстановить и проследить различные уровни эволюции идеи Бога, а не ставить под сомнение истинность развитой концепции.

При исследовании любого непонятного и трудного предмета часто лучше всего двигаться от известного к неизвестному, даже если само неизвестное может оказаться первым в порядке природы и логического развития. По этой причине, возможно, было бы целесообразно начать здесь с краткого предварительного изучения христианства, которое является не только наиболее знакомой из всех религий для нас, христианских народов, но и наиболее известной по своему происхождению: а затем показать, насколько мы можем безопасно использовать его в качестве эталона при объяснении менее очевидных и определенных черт более ранних или побочных культов.

Таким образом, христианство, рассматриваемое как религиозный стандарт, имеет то явное и неоспоримое преимущество почти перед любой другой известной формой веры, что оно совершенно откровенно и признанно начинает свое развитие с поклонения конкретному Обожествленному Человеку.

Важность этого момента в его истории, я думаю, невозможно переоценить, потому что в этом единственном несомненном центральном факте он дает нам ключ ко многому, что является кардинальным во всех других религиях; каждая из которых, как я надеюсь показать ниже, в равной степени проистекает, прямо или косвенно, из поклонения одному Обожествленному Человеку или многим Обожествленным Людям, более или менее эфирным.

Что бы еще ни говорили о происхождении христианства, по крайней мере, обе стороны, как друзья, так и враги, сходятся во мнении, что эта великая религия возникла вокруг личности некоего конкретного галилейского учителя по имени Иисус, о котором, если мы вообще что-либо знаем с хоть каким-то приближением к достоверности, мы знаем, по крайней мере, что он был человеком из народа, повешенным на кресте в Иерусалиме под прокураторством Кая Понтия Пилата. Это ядро факта — человек и его смерть — Иисус Христос, и он распят, — является единственным почти несомненным историческим ядром, вокруг которого медленно выкристаллизовалась вся остальная обширная европейская и азиатская система мышления и верований.

Давайте ясно представим себе всю важность этих истин. Обожествленный Человек является центральной фигурой в вере христианского мира.

Однако с самого начала вокруг личности этого конкретного галилейского крестьянина-реформатора сложилась легенда, правдивая или лживая (но чья правдивость или лживость не имеет никакого отношения к нашей нынешней теме). Поначалу почитаемый небольшой группой учеников его собственной расы и касты, он постепенно превратился в их сознании в божественную личность, о которой рассказывали странные истории, и в эту странную историю верила группа все увеличивающихся приверженцев во всех частях греко-римской средиземноморской цивилизации. Самая ранняя из этих историй, по всей вероятности — безусловно, та, которой первопроходцы веры придавали наибольшее значение, — повествует о его смерти и ее непосредственной последовательности. Иисус, как нам говорят, был распят, мертв и похоронен. Но по прошествии трех дней, если мы можем доверять ранним документам

нашей христианской веры, его тела больше не было найдено в гробнице, куда его положили дружеские руки; и повсюду распространился слух, что он воскрес из мертвых и снова жил несколько призрачной жизнью среди живых в своей провинции. Сверхъестественные посланники возвестили о его воскресении женщинам, которые любили его: время от времени на очень короткие промежутки времени тот или иной из верующих, которые все еще почитали его память, видел его во плоти. Наконец, после многих таких появлений, более или менее полно описанных в примитивных существующих повествованиях, он внезапно был вознесен на небо на глазах своих последователей, где, как авторитетно отмечает одна из версий, он был “принят на небеса и воссел одесную Бога”, то есть Яхве, этнического божества еврейского народа.

Таково в своей основе было первоначальное христианское учение, дошедшее до нас в тумане чуда в четырех или пяти документах сомнительного возраста и сомнительной подлинности. Даже эта центральная идея не полностью отражена в посланиях Павла, которые считаются самыми древними по дате из всех наших христианских писаний: впервые она обретает полную форму в несколько более поздних Евангелиях и Деяниях Апостолов. В самом простом и, возможно, самом раннем из этих достоверных рассказов нам просто рассказывается история смерти и воскресения, причем последний факт подтверждается сомнительным свидетельством “молодого человека, одетого в длинное белое одеяние”, дополненным (очевидно, в более поздний период) последующими “явлениями” различным верующим. Однако споры, которые бушевали вокруг этих различных историй, не имеют отношения к широкому антропологическому исследованию эволюции Бога. Здесь нам достаточно признать, что доказательства, вероятно, заставляют нас сделать вывод, что реальный исторический человек по имени Иисус действительно когда-то существовал в Нижней Сирии, и что его ученики вскоре после его казни поверили, что он действительно воскрес из мертвых и в свое время вознесся на небеса.

Также очень рано утверждалось, что Иисус был в каком-то неестественном или сверхъестественном смысле “сыном Божьим”, то есть, еще раз, сыном Яхве, местного и национального божества еврейского народа. Другими словами, его богослужение было связано с более ранним историческим богослужением народа, среди которого он жил и из которого были собраны исключительно его первые ученики. Это не было, как мы более полно увидим ниже, революционной или чисто деструктивной системой. Она основывалась на общих концепциях семитского сообщества. Горстка евреев и галилеян, принявших Иисуса как божественную фигуру, не сочла необходимым, принимая его как бога, избавляться от своих собственных предвзятых религиозных мнений. Они скорее верили в его предыдущее существование как части Яхве и в его воплощение в человеческом теле с целью искупления. И когда его культ распространился по соседним странам (главным образом, по-видимому, при содействии некоего Павла из Тарса, который никогда его не видел или видел только в том, что неопределенно называется “видением”), культ Яхве шел рука об руку с ним, так что своего рода модифицированный мистический монотеизм, основанный на иудаизме, стал ранним вероучением новой космополитической христианской церкви.

О жизни христианского лидера сложились другие легенды, в некотором роде знакомые по жизнеописаниям основателей вероучений и церквей в других местах; или, во всяком случае, типичные случаи были рассказаны его учениками как часть его истории. То, что бог или богоподобная личность родились от женщины в результате обычных физиологических процессов человечества, кажется унижением для его достоинства — возможно, фатальным

для его божественности: * поэтому утверждалось — мы не знаем, верно это или нет, — что основатель христианства по какому-то таинственному стечению обстоятельств был рожден девственницей. Хотя иногда его описывали как сына некоего Иосифа, плотника, из Назарета, и Марии, его нареченной жены, он также рассматривался альтернативным образом как сын еврейского бога Яхве, точно так же, как Александр, хотя и известный как сын Филиппа, также считался отпрыском Амона-Ра или Зевса Амона. Чтобы уменьшить это расхождение (опираясь на слабый авторитет сна Иосифа), нам рассказывают, как Иисус был чудесным образом зачат Святым Духом Яхве во чреве Марии. Кроме того, ему была предоставлена царская родословная из дома Давида, реального или мифического древнееврейского царя; и было обнаружено, что пророчества из еврейских священных книг сбылись в его самых детских приключениях. В одной из существующих биографий, обычно приписываемой Луке, спутнику Павла, но предположительно носящей следы гораздо более позднего авторства, рассказывается множество подобных чудесных историй о его детских приключениях: и во всех наших документах чудеса свидетельствуют о его сверхъестественных силах, в то время как постоянно апеллируется к исполнению предполагаемых предсказаний (все древнееврейского происхождения) как к проверке реальности его божественной миссии.

* По этому вопросу см. "Легенду о
" мистера Сиднея Хартленда "Персей", том i.

Мы позже увидим, что эти два момента — постепенный рост мифа или легенды и привязанность к более ранним местным религиозным идеям — являются общими чертами эволюции богов в целом и Бога монотеизма в частности. Почти в каждом случае, когда мы можем определенно проследить его восхождение, божество, таким образом, начинается с Обожеествленного Человека, возведенного его почитателями в божественный ранг и снабженного историей чудесных происшествий, часто связанных с личностями ранее существовавших божеств.

На ранних этапах кажется довольно очевидным, что отношения зарождающегося христианства к иудаизму были расплывчатыми и неопределенными: христиане считали себя простой сектой евреев, которые с особым почтением относились к конкретному умершему учителю, ныне вознесенному на небеса особым апофеозом, с которым тогда был знаком каждый. Но по мере того, как христианская церковь распространялась в другие страны, через большие морские порты, она становилась, с одной стороны, более отчетливой и исключительной, в то время как с другой стороны, она становилась более определенной, догматической и теологической. По-видимому, именно в Египте христианский пантеон (если мне будет позволено это выражение применительно к религии, номинально монотеистической) впервые принял свою определенную тринитарную форму. Под влиянием древнеегипетской любви к Триадам или троикам богов, своего рода мистическое триединое божество было, наконец, воздвигнуто из еврейского Яхве и человека Иисуса, с помощью Святого Духа или Мудрости Яхве, который стал рассматриваться раннехристианскими умами (под влиянием прямого божественного вдохновения или иным образом) как отдельная и согласованная личность этого составного божества. Насколько знакомая египетская Троица Осириса, Исиды и Гора могла повлиять на концепцию христианской Троицы, таким образом, окончательно составленной из Отца, Сына и Святого Духа, мы обсудим на более позднем этапе нашего исследования; пока может быть достаточно указать, что греко-египетский Афанасий был великим сторонником определенной догмы о Троице против противостоящих (еретических) христианских мыслителей; и что гимн или так

называемый символ веры, известный под его именем (хотя, по всей вероятности, не его собственного сочинения), несет на себе отпечаток этого учения. мистический египетский дух, смягченный александрийским греческим восторгом от определенности и мельчайших философских различий.

В дальнейшем мы также увидим в этом отношении, что история христианства, наиболее известной из религий, была в точности параллельна истории более ранних и малоизвестных вероучений. Поначалу отношения богов друг к другу расплывчаты и неопределенны; их родословная часто запутана и даже противоречива; а в пантеоне отсутствует что-либо похожее на должную иерархическую систему или субординацию личностей. Но с течением времени, когда вопросы теологии или мифологии обсуждаются среди священников и других заинтересованных сторон, детали такого рода оформляются в виде жестких догм, в то время как более цивилизованные люди, как правило, приносят тонкие различия философского или метафизического характера в грубую примитивную веру. Вера, начавшаяся с искреннего принятия иудаизма плюс личного поклонения Обожествленному Человеку Иисусу, в конце концов оформилась в католическую веру в единого Бога, состоящего из трех лиц: Отца, Сына и Святого Духа.

Даже возникают придирки и, наконец, поднимаются дискуссии по поводу того, являются ли Отец и Сын “одной субстанции” или только “подобными субстанции”; исходит ли Святой Дух от Отца и Сына или только от Отца; и так далее до *бесконечности*.

Именно в других странах, помимо Иудеи, и особенно в Галлии, Риме и Египте, как я полагаю, символизм пришел на помощь мистицизму: крест, тау, лабарум, рыба, Альфа и Омега и все другие раннехристианские эмблемы были развиты и усовершенствованы; и что зачатки христианского искусства приняли свои первые определенные формы. Такие формы были особенно широко развиты в римских катакомбах. Христианство, будучи универсальной, а не местной или национальной религией, восприняло в своем развитии множество разнообразных элементов из самых разных источников.

Первоначально, по-видимому, христианский пантеон был почти исключительно заполнен триединым Богом в его трех проявлениях, или “личностях”, как это строго понималось александрийским умом. Но с очень ранних времен, если не с самого зарождения христианского культа, было принято почитать останки тех, кто пострадал за веру, и, возможно, даже призывать их на помощь ко Христу и Отцу. Римская ветвь церкви, особенно привыкшая к римскому поклонению предкам и римскому почитанию Ду Манов, имела свои главные места молитвы в катакомбах, где хоронили ее умерших. Так возникла практика обращения к святым, у могил или мощей которых возносились молитвы как верховному божеству, так и самим верующим усопшим как ходатаям перед Христом и Отцом. Ранние христиане, привыкшие на своей языческой стадии оказывать уважение и даже поклоняться духам своих умерших друзей, не могли сразу отказаться от этого благочестивого обычая после своего обращения в новую веру, и поэтому привили его к принятой ими религии. Таким образом, второстепенные основатели христианства, Павел, Петр, апостолы, Евангелисты, мученики, исповедники, образовали, так сказать, второстепенный пантеон и в какой-то степени стали относиться почти к низшему разряду божеств.

Среди людей, которые, таким образом, разделяли почести новой веры, мать Иисуса рано приобрела особое значение. Богини играли очень большую роль в религиозном духе старых

религий: вполне естественно, что приверженцы Исиды и Пушт, Артемиды и Афродиты искали какой-нибудь соответствующий объект женского поклонения в более молодой вере. Богородица, мать Божья, блаженная Мадонна вскоре приобрела практическое значение в христианском богослужении, едва ли уступающее тому, которым пользуются сами личности Троицы, — в некоторых южных странах даже превосходящее его. Богородица с Младенцем в живописном виде стала излюбленным предметом христианского искусства. Насколько это особое развитие христианского духа зародилось в Египте и было связано с хорошо известными египетскими фигурами богини Исиды с младенцем Гором на коленях - это вопрос, который, возможно, потребует рассмотрения в каком-нибудь будущем трактате. Пока будет достаточно мимоходом привлечь внимание к тому факту, что в этом второстепенном чине божеств или полубожественных личностей святые и мученики, все в равной степени, от Пресвятой Девы Марии до новейших канонизированных среди римско-католических прелатов, были в то или иное время Живущими Мужчинами и Женщинами. Другими словами, помимо одного Обожествленного Человека, Иисуса, вокруг которого сосредоточена вся система христианства, Церковь теперь поклоняется также во второй степени целому сонму Умерших второстепенных Мужчин и Женщин, епископов, священников, дев и исповедников.

С древнейших до позднейших эпох Церкви сложность, таким образом давным-давно привнесенная в ее практику, продолжала возрастать с каждым поколением. Номинально с самого начала являясь монотеистической религией, христианство почти сразу отказалось от своего строгого монотеизма, признав существование трех лиц в божестве, которых оно тщетно пыталось объединить своей мистической, но, по общему признанию, непостижимой догмой Афанасия. Мадонна (с Младенцем) со временем поднялась практически до ранга независимой богини (во всех, кроме эзотерической католической теории): в то время как святой Себастьян, Святой Георгий, святой Иоанн Креститель, святая Екатерина и даже сам святой Томас Кентерберийский стали такими же важными объектами поклонения в определенных местах, как и божество собственной персоной. В Милане, например, Сан-Карло Борromeо, в Компостелле - Сантьяго, в Венеции - Святой Марк в значительной степени узурпировал место изначального Бога. По мере того как в каждом поколении умирало все больше и больше святых, в то время как культ старших святых все еще сохранялся повсюду более или менее локально, вторичный пантеон становился все более и более полным. Малоизвестные персонажи, такие как святой Криспин и святой Косма, святой Чад и святой Катберт, возвысились до ранга ведомственных или местных покровителей, подобно ведомственным и местным богам более ранних религий. Каждое ремесло, каждая гильдия, каждая нация, каждая провинция имели своего особого святого. И в то же время теория Церкви претерпевала постоянную эволюцию. Символ веры был добавлен к символам веры—апостольскому, Никейскому, афанасианскому и так далее, каждый из которых воплощал в себе какое-то новое и часто едва уловимое приращение ко всей массе общепринятых догм. Собор за собором вносились новые дополнения в символы веры — Единство сути, Доктрину Искупления, Непорочное зачатие, Авторитет Церкви, Непогрешимость Папы в его духовных способностях. И все это также хорошо известные случаи любого развивающегося культа: постоянное увеличение числа божественных существ; постоянные усовершенствования в религиозных догматах под влиянием жреческой или схоластической метафизики.

В этом поспешном обзоре эволюции христианства, рассматриваемого как стандарт религии, необходимо отметить еще два или три момента; и к ним я сейчас перейду со всей возможной краткостью.

Что касается церемониала и некоторых других важных атрибутов религии, то следует откровенно признать, что христианство скорее заимствовало из более древних культов, чем претерпело естественное и оригинальное развитие само по себе. Священство как таковое, по-видимому, не составляло какой-либо неотъемлемой или необходимой части самого раннего христианского мира: и когда чины епископов, священников и дьяконов были введены в новое вероучение, идея, по-видимому, была заимствована скорее из существующего духовенства предшествующих религий, чем из какой-либо органической связи с центральными фактами нового богослужения. В силу самой природы обстоятельств это неизбежно привело бы к такому результату. Ибо первобытный храм (как мы увидим ниже) был могилой Умершего Человека; алтарем был его надгробный камень; а священник был родственником или представителем, который продолжал за него обычные подношения призраку на могиле. Но случай Иисуса отличается от почти всех других известных случаев Обожествления Человека тем, что его тело, по-видимому, исчезло очень рано; и что, поскольку его воскресение и вознесение на небеса были сделаны краеугольным камнем новой веры, поклонение его останкам не могло принять ту же форму, что и поклонение почти всем ранее обожествленным Умершим. Таким образом, материалы, из которых обычно создаются Храм, Алтарь, Жертвоприношения, Жречество (как мы увидим позже), здесь в значительной степени неизбежно отсутствовали.

Тем не менее, все эти внушительные и привычные аксессуары настолько важны для религии в умах ее последователей, что нашему культу действительно удалось позаимствовать их в готовом виде у великих религий, которые были до него, и привести их в своего рода искусственную связь со своей собственной системой. Вы не можете произвести революцию в человеческом разуме одним ударом. Язычники привыкли ко всем этим идеям как к неотъемлемым частям религии в том виде, в каком они ее понимали, и они, как христиане, приспособили их побочными вопросами к новой вере, в которой этим элементам не было такого естественного места, как в старых символах веры. Священные места возникали не только на могилах или в местах мученичества святых; не только богослужение совершалось рядом с костями святых усопших в катакомбах и других местах; но даже во время мессы был изобретен способ жертвоприношения и приобщения к жертвоприношению - несколько искусственное развитие, возможно, не ацердотических праздников Агапе первобытных христиан. Постепенно церкви собирались вокруг мощей святых—мучеников: и со временем стало общепринятым принципом, согласно которому в каждой церкви должен быть алтарь, сделанный из камней по аналогии с древними священными камнями; содержащий кости или другие реликвии святого, как и все более ранние святилища; освященный возливанием елея по старинному обычаю; и посвященный празднованию жертвоприношения мессы, которое постепенно приобретало все более искупительный и жреческий характер. По мере того как значение святых возрастало, вокруг их тел возникали новые святые места; и некоторые из этих святых мест, в которых находились их могилы, стали центрами паломничества для самых отдаленных уголков христианского мира; как и, в частности, пустая гробница самого Христа, Гроб Господень в Иерусалиме.

Рост священства шел в ногу с ростом церемониала в целом, пока, наконец, не достиг кульминации в средневековом папстве с его иерархией кардиналов, архиепископов, епископов, священников и других бесчисленных чиновников. Облачения, благовония и подобные им принадлежности к жречеству также быстро завоевали популярность. Все это также является общей чертой высшей религиозной эволюции повсюду. Точно так же обстоят дела с постом, бдениями и экстатическим состоянием. Но аскетизм, монашество, безбрачие и

другие формы болезненного воздержания особенно распространены на востоке и нашли свое высшее выражение в жизни сирийских и египетских отшельников.

Наконец, мимоходом следует сказать несколько слов о появлении и развитии Священных Книг, которые в настоящее время чрезвычайно почитаются в Северо-западном христианском мире. Они состояли в первую очередь из подлинных или поддельных писем апостолов к различным поместным церквям (так называемые Послания), некоторые из которых, без сомнения, будут храниться с большим почтением; а позже из жизнеописаний или легенд об Иисусе и его непосредственных преемниках (так называемые Евангелия и Деяния Апостолов). Более того, поскольку христианство переняло от иудаизма культ своей единственной высшей божественной фигуры, которая теперь рассматривается не как Яхве, национальное божество евреев, а как универсальный космополитический Бог и Отец, естественно, что священным книгам еврейского народа, литературе поклонения Яхве, также должно уделяться значительное внимание со стороны нового духовенства. Путем постепенного процесса отбора и исключения канон Священного Писания был составлен из этих разнородных материалов: исторические или квазиисторические и пророческие еврейские трактаты были приняты Церковью с несколькими дополнениями более позднего времени, такими как Книга Даниила, в стиле и под названием Ветхий Завет. Более общепринятые жизнеописания Христа, опять же, известные как Евангелия; Деяния Апостолов; послания к церквям; и та любопытная мистическая аллегория нероновских гонений, известная как Апокалипсис, были выбраны из массы раннехристианской литературы для формирования авторитетного собрания богодухновенных текстов, которое мы называем Новым Заветом. Важность этой разнородной антологии произведений, принадлежащих ко всем эпохам и системам, но смешанных в народном воображении под названием "Книги" или, совсем недавно, под именем единственного числа "Библия", быстро росла по мере роста Церкви: хотя крайнее и суеверное преклонение перед их простым словесным содержанием было достигнуто только в униженных и реакционных формах христианства, которым в наши дни следуют наши полуобразованные английские и американские протестантские диссиденты.

Из этого очень краткого обзора наиболее существенных факторов в развитии христианской религии как системы, слабо связанных друг с другом с учетом требований нашего настоящего исследования, каждому разумному читателю сразу станет очевидно, что христианство не может пролить для нас никакого прямого света на проблему эволюции идеи Бога. Мало того, что концепция бога и богов существовала в полном объеме задолго до того, как христианство вообще возникло, но и чисто монотеистическая концепция единого верховного Бога, творца и вседержителя всего сущего, была достигнута еврейскими учителями во всей своей возвышенной простоте за столетия до рождения человека Иисуса. Христианство позаимствовало у иудаизма эту великолепную концепцию и, говоря по-человечески, продолжило портить ее добавлением Сына и Святого Духа, которые нарушают полное единство великого еврейского идеала. Даже за пределами иудаизма к тому же понятию уже пришли в определенной мистической форме как к "эзотерической доктрине" египетского жречества, у которого, с их особыми взглядами на эманации и триады, были в значительной степени заимствованы христианские догмы о Троице, Логосе, Воплощении и Святом Духе. Евреи Александрии, что на востоке Лондона, образовали связующее звено между египетским язычеством, эллинской философией и ранним христианством; и их наполовину философские, наполовину религиозные идеи пронизывают первые писания и первую систематическую мысль зарождающейся церкви. Следовательно, ни одним из этих способов мы не можем рассматривать христианство как дающее нам какое-либо прямое или непосредственное

руководство в наших поисках происхождения и эволюции концепций многих богов и единого Бога-творца.

Тем не менее, в некотором вторичном и иллюстративном смысле, я думаю, мы имеем полное право сказать, что история христианства, религии, истоки которой нам наиболее достоверно известны, формирует эталон для всех других религий мира и косвенно помогает нам понять и объяснить происхождение и эволюцию этих глубочайших из наших фундаментальных духовных концепций.

Ее ценность в этом отношении может быть лучше понята, если я кратко укажу в двух противоположных утверждениях, в каких моментах она может быть принята как типичная религия, а в каких - нет.

Давайте сначала начнем с пунктов, в которых это возможно.

Во-первых, христианство совершенно типично тем фактом, что, вне всякого сомнения, его самой центральной божественной фигурой поначалу, по общему согласию как ортодоксальных, так и неортодоксальных, был не кто иной, как конкретный Обожеествленный Человек. Все остальное, что утверждалось об этом конкретном Человеке — что он был Сыном Божиим, что он был воплощением Логоса, что он существовал ранее от вечности, что он восседает сейчас одесную Отца, — все остальные богословские истории никоим образом не затемняют простой и общепризнанный исторический факт, что эта Божественная Личность, Истинный Бог Истинного Бога, будучи однойсубстанции с Отцом, рожденный от Отца прежде всех миров, был все же, в тот момент, когда мы впервые мельком видим его в трудах его последователей, Истинным Богом Истинного Бога. недавно умерший Человек, которого уважала, боготворила и, возможно, которому поклонялась небольшая группа односельчан, которые когда-то знали его как Иисуса, сына плотника. На этой неприступной скале твердых исторических фактов мы вполне можем довольствоваться тем, что основываем нашу аргументацию в этом томе. Здесь, по крайней мере, никто не может обвинить нас в “грубом и вопиющем эвгемеризме”. Или, скорее, известно, что грубый и вопиющий эвгемеризм здесь представляет собой непреложную истину. Иисус и его святые — Доминик, Франциск, Екатерина Сиенская - это не просто словесные мифы, не аллегорические концепции, не олицетворения Солнца, Зари, Грозовой тучи. Оставляя пока в стороне от нашего понимания Веры тот элемент более древнего верховного Бога — еврейского Яхве, — которого христианство позаимствовало из более ранней еврейской религии, мы можем сказать, по крайней мере, с полной уверенностью, что каждый отдельный член христианского пантеона — Иисус, Мадонна, святой Иоанн Креститель, святой Петр, апостолы, Евангелисты — были, так же как Сан-Карло Борромео, или святой Фома Кентерберийский, или Святая Тереза, Умершими мужчинами или Женщинами, которым поклонялись после их смерти с божественными или квазибожественными почестями. В этой наиболее известной из всех человеческих религий, той, которая выросла на глазах истории, той, чьи боги и святые наиболее отчетливо прослеживаются, каждый объект поклонения, за исключением единственного раннего и пока еще неразгаданного божества еврейского культа, происхождение которого теряется для нас во мгле веков, при ближайшем рассмотрении оказывается действительно чисто эвгемеристским богом или святой, - в конечном счете, реальным Мужчиной или Женщиной.

Я считаю, что только этот момент имеет кардинальное значение и огромную или почти неоценимую иллюстративную ценность в поисках происхождения идеи бога в более ранние эпохи.

Во-вторых, христианство совершенно типично во всем, что касается его последующего хода эволюции; постепенное возвышение его главного Почитаемого Человека до Бога высочайшей мощи; умножение второстепенных божеств или святых путем поклонения другим Умершим Мужчинам и Женщинам; рост постепенной и должным образом подчиненной иерархии божественных персонажей; возникновение легенды с ее чудесами и другими сверхъестественными дополнениями; формирование определенной теологии, философии и систематического догматизма; развитие особых художественных форм и рост или принятие соответствующей символики. ; создание священных книг, ритуалов и формуляров; возникновение церемоний, мистерий, посвящений и таинств; почитание реликвий, священных мест, гробниц и мертвых тел; и тесная связь религии в целом с представлениями о смерти, душе, духе, воскресении тела, страшном суде, аде, рае, вечной жизни и всей другой обширной группе концепций, которые окружают простой факт смерти в примитивном человеческом сознании в целом.

Теперь, во-вторых, давайте посмотрим, в чем христианство в определенной степени не является типичным или, по крайней мере, не решает наших фундаментальных проблем.

Она не является типичной, потому что в значительной степени заимствует всю готовую теологию и, прежде всего, единого верховного Бога из ранее существовавшей религии. Поскольку оно заимствует некоторые незначительные черты у других культов, мы вряд ли можем с уверенностью сказать, что оно не представляет собой среднюю серию религиозных систем; поскольку почти каждое конкретное новое вероучение основывается на элементах еще более ранних верований; и, возможно, в наши дни для нас невозможно вернуться к чему-либо похожему на действительно примитивную или оригинальную форму культа. Но христианство действительно очень далеко ушло от всех примитивных культов в том смысле, что оно принимает готовую монотеистическую концепцию, так сказать, высшую точку религиозного философствования. Хотя откровенность, с которой он демонстрирует нам то, что является практически половиной его верховного божества, как галилейского крестьянина с несомненной человечностью, впоследствии обожествленного и превратившегося в эфир, позволяет нам одним шагом приблизиться к самому происхождению божества; однако по силе, с которой он утверждает для другой половины своего верховного божества (Отца с его призрачным спутником Святым Духом) незапамятную древность и полный отрыв от человеческой жизни, это наименее антропоморфное и наиболее абстрактное вероучение. Таким образом, чтобы проследить идею Бога до самого ее источника, мы должны в последнем средстве применить к этому неразрешенному элементу христианства — еврейскому Яхве — тот же подход, который мы применяем к концепции Иисуса или Будды; мы должны показать, что это также чрезвычайно преображенный и увеличенный призрак Человеческого Существа; говоря простым и убедительным языком Суинберна, “Тень, отбрасываемая душой человека”.

Более того, христианство не является типичным в том смысле, что оно также в значительной степени заимствует из ранее существовавших религий идеи священства, жертвоприношения, храма, алтаря, которые из-за странного исчезновения или, по крайней мере, неузнаваемости тела своего основателя (или, скорее, центрального объекта поклонения) занимают менее

естественное место в нашей христианской системе, чем в любой другой известной форме религиозной практики. Совершенно верно, что великолепные церкви, высокоразвитый жреческий культ, жертвоприношение во время мессы, алтарь и реликвии - все это было импортировано в развитом христианстве в их наиболее полной форме, особенно в его центральной, или римской, форме. Но каждая из этих вещей частично заимствована, почти как пережиток или даже как чужеродная черта, из более ранних религий, а частично выросла на вторичном поклонении святым и мученикам, их костям, их гробницам, их катакомбам и их реликвариям. Само христианство, особенно если рассматривать его как поклонение Христу (к которому оно было в значительной степени сведено в тевтонской Европе), не так естественно подходит для этих второстепенных церемоний; и в тех униженных раскольнических формах Церкви, которые наиболее строго ограничиваются поклонением Иисусу и верховному Богу, жречество и сакраментализм были сведены к минимуму, так что храм и алтарь утратили большую часть своего жертвенного значения.

Итак, в последующих главах я предлагаю проследить развитие идеи Бога от самых примитивных истоков до наиболее высокоразвитых форм; начиная с призрака и раннего неразвитого божества; продолжая через политеизм к возникновению монотеизма; и затем, наконец, еще раз вернуться к полной христианской концепции, которую мы гораздо лучше поймем в деталях после того, как объясним природу еще не решенного или лишь временно разрешенного иеговистского элемента. Я попытаюсь вкратце показать эволюцию Бога, начав с эволюции богов в целом и постепенно спускаясь через различные расы к эволюции еврейского, христианского и мусульманского Бога в частности. И целью, к которой я буду двигаться, будет та, которая уже была намечена в этой вводной главе, — доказательство того, что по своему происхождению концепция бога - это не что иное, как концепция Умершего Человека, рассматриваемого как все еще живущий призрак или дух, наделенный повышенными или сверхъестественными силами и качествами.

ГЛАВА II. РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ.

В самом начале глубокого исследования, к которому мы сейчас собираемся приступить, мы сталкиваемся с трудностью значительного масштаба. По мнению большинства современных мифологов, мифология является результатом "болезни языка". Многие выдающиеся люди уверяют нас, что истоки религии следует искать не в диких представлениях о привидениях и

духах, Умершем человеке и его теле или его выжившем двойнике, а в примитивных неправильных представлениях о значении слов, которые имели отношение к появлению Солнца и Облаков, ветра и дождя, Рассвета и сумерек, различных метеорологических явлений в целом. Если это так, то наша попытка вывести эволюцию богов из грубых представлений древних людей о своих умерших явно неверна; аналогия с христианством, которую мы уже приводили, является простым блуждающим огоньком; и сам исторический Иисус в конечном итоге может оказаться псевдонимом бога солнца или воплощением духа виноградной лозы.

Я не верю, что эти предположения верны. Мне кажется, что поклонение солнцу, луне и звездам, вместо того чтобы быть элементом примитивной религии, на самом деле является поздним и производным типом поклонения; и что мифология ошибочна в своих претензиях на собственную важность в генезисе идеи Бога или богов. Однако для того, чтобы расчистить почву для честного старта в этом направлении, нам следует, я думаю, начать с изучения относительного положения мифологии и религии. Поэтому я посвящаю рассмотрению этого важного вопроса предварительную главу.

Религия, как утверждает другая группа современных мыслителей, среди которых мистер Эдвард Клодд, пожалуй, самый способный английский представитель, “выросла из страха”. Это порождено страхом человека перед великими и таинственными природными силами, которые его окружают. Я не собираюсь отрицать, что многие мифологические существа различных ужасных форм действительно происходят от этого. Я бы охотно согласился с таким туманным происхождением многих драконов и чудовищ, которыми изобилуют все дикие или варварские фантазии, — Горгон, Гидр, ужасных Химер и других разнообразных форм, вызывающих суеверный ужас. Я бы отдал мистеру Клодду этрусских дьяволов и еврейского сатану, гренделей и Огненных драконов, весь выводок Церберов, Бриарей, Циклопов, Кентавров. Однако ни один из них не является богом или чем-то подобным. Они имеют не больше отношения к религии в собственном смысле этого слова, чем единорог на королевском гербе имеет отношение к британскому христианству. Бог, как я понимаю это слово и как его всегда понимала огромная масса человечества, — это сверхъестественное существо, заслуживающее почитания. В целом, как хорошо заметил доктор Робертсон Смит, он относится к своим приверженцам по-доброму и покровительственно. Конечно, иногда он может сердиться на них, но его гнев временный и носит исключительно отеческий характер: его постоянное отношение к своему народу — дружеская забота; ему поклоняются как милосердному Отцу. Здесь нас интересует происхождение богов в самом строгом смысле этого слова, а не происхождение тех смутных и бесформенных созданий, которых первобытное человечество боится, а не боготворит.

Тщательно помня об этом различии, давайте перейдем к рассмотрению основ религии. Если бы вы спросили почти любого умного и неискушенного ребенка: “Что такое религия?” он отвечал небрежно, с ясным видением юности: “О, это произносить свои молитвы, и читать Библию, и петь гимны, и ходить в церковь или в часовню по воскресеньям”. Если бы вы задали тот же вопрос любому интеллигентному и неискушенному крестьянину-индусу, он ответил бы почти в том же духе: “О, это регулярное совершение пуджи и ежедневная уплата взносов Махадео”. Если бы вы спросили любого простодушного африканского дикаря, он бы точно так же ответил: “Это дарение богам муки, и масла, и местного пива, и баранины”, И, наконец, если бы вы спросили набожного итальянца контадино, он бы немедленно ответил: “Это вознесение свечей и молитв Мадонне, посещение мессы и воспоминание святых на каждом празднике”.

И все они были бы совершенно правы. Это, по своей сути, именно то, что мы называем религией. Помимо особой утонченности высших умов в определенных вероучениях, которые стремятся привнести во все это, в соответствии со своими особыми вкусами или фантазиями, большую или меньшую дозу философии, или метафизики, или этики, или мистицизма, это именно то, что религия означает и всегда означала для подавляющего большинства людей как вида. Общим для всего этого является Обычай или Практика: определенный набор более или менее схожих обрядов: умиловивление, молитва, восхваление, приношения: просьба о божественных милостях, осуждение божественного гнева или других несчастий: и как внешние и видимые дополнения ко всему этому - алтарь, жертвоприношение, храм, церковь; священство, службы, облачения, церемониал.

Что совсем не существенно для религии в ее более широком аспекте — охватывающем весь мир, как прошлый, так и настоящий, языческий, буддийский, магометанский, христианский, дикий и цивилизованный, — так это этический элемент, так называемый в собственном смысле. И что на самом деле очень мало существенно, так это философский элемент, теология или мифология, абстрактная теория духовного существования. Эта теория, безусловно, в каждой стране или расе тесно связана с религией в определенных аспектах; и истории, рассказываемые о богах или Богинях, сильно перемешаны с самим культом в умах верующих; но они не являются собственно частью религии, строго говоря, так называемой. Одним словом, я утверждаю, что религия как таковая по существу практична: теология или мифология как таковые по существу теоретичны.

Более того, я также верю и попытаюсь показать, что эти два понятия имеют в значительной степени различные истоки: что связь между ними в значительной степени случайна; и что, следовательно, объяснение одного ни в коем случае не равносильно объяснению другого.

Откровенное признание этого различия в происхождении религии и мифологии, я полагаю, в значительной степени примирило бы две конфликтующие школы мысли, которые в настоящее время расходятся во мнениях по этой интересной проблеме эволюции человеческих идей. С одной стороны, у нас есть мифологическая школа интерпретаторов, будь то узколингвистическая, как профессор Макс Мюллер, или широко антропологическая, как мистер Эндрю Лэнг, атакующая проблему только с точки зрения мифа или теории. С другой стороны, у нас есть истинно религиозная школа толкователей, таких как мистер Герберт Спенсер и, в некоторой степени, мистер Тайлор, которые рассматривают проблему с точки зрения практики или настоящей религии. Первая школа, как мне кажется, не смогла понять, что то, что она объясняет, — это вовсе не происхождение религии - богослужения, которое является центральной идеей всех религиозных обрядов, или храма, алтаря, священника и приношения, которые являются ее внешним выражением, — а просто происхождение мифа или басни, массы историй и преданий о различных существах, реальных или воображаемых, человеческих или божественных, которые естественным образом возникают в каждом первобытном сообществе. Последняя школа, с другой стороны, хотя и правильно интерпретирует происхождение всего, что является существенным и центральным в религии, возможно, недооценила ценность работы своих оппонентов, рассматривая ее как действительно противоположную их собственной, вместо того, чтобы признать, какая ее часть может быть истинной в свете вклада в независимую, но смежную ветвь того же исследования.

Короче говоря, если предложенная здесь точка зрения верна, Спенсер и Тайлор проложили путь к истинной теории происхождения религии; Макс Мюллер, Ланг и другие мифологи дали намеки различной ценности на истинную теорию происхождения мифологии или ее более современного эквивалента и преемника - Теологии.

Краткое изложение фактов поможет яснее представить этот взгляд на религию как на по существу практическую — набор обрядов, ставших неизбежными из-за примитивных данных человеческой психологии. Тогда будет видно, что фундаментальным и существенным в религии является совокупность практик, остающихся на всех этапах человеческого развития одними и теми же или почти одинаковыми, несмотря на изменения мифологической или теологической теории; и что случайным и изменчивым является конкретное словесное объяснение или философская причина, приписываемая различным обрядам и церемониям.

В своем простейшем сохранившемся у дикарей виде религия целиком и исключительно заключается в определенных актах почтения, оказываемых живыми личностям умерших. В дальнейшем я попытаюсь показать, что вплоть до его наиболее высокоразвитого современного типа в наиболее культурных обществах его сущность по-прежнему составляют точно такие же акты почтения либо непосредственно к трупам или призракам как таковым, либо косвенно к богам, которые когда-то были призраками или произошли от призраков. Но для начала я попытаюсь привести несколько простых примеров точной природы религии в ее низшей, существующей, дикой форме.

Я мог бы, если захочу, почерпнуть свою небольшую подборку иллюстративных фактов у какого-нибудь писателя-теоретика, например, у мистера Герберта Спенсера, который собрал достаточно примеров, чтобы доказать эту точку зрения; но я предпочитаю обратиться прямо к оригинальному наблюдателю за жизнью и обычаями дикарей, пресвитерианскому миссионеру в Центральной Африке - преподобному Даффу Макдональду, автору книги "*Africana*", у которого в миссии Блантайр были широкие возможности для изучения идей и практики суданских аборигенов, и который, конечно, не имел теоретической предрасположенности к тому, чтобы сводить все религиозные представления к природе. примитивное уважение и почтение к умершим или поклонение предкам.

Здесь в общих чертах, но собственными словами мистера Макдональда, изложены идеи и обряды, которые этот внимательный и аккуратный исследователь обнаружил среди племен сердца Африки. "Я не думаю, " говорит он, - что я признал какой-либо важный момент, не выслушав по крайней мере четырех туземцев по этому вопросу. Эти утверждения являются переводом, насколько это возможно, *cipsissima verba* негров".

Племена, среди которых он жил, "единодушны в том, что за пределами тела есть нечто, что они называют духом. Этот дух покидает каждое человеческое тело после смерти". Это почти универсальная, хотя и не совсем примитивная вера, необходимый генезис которой был хорошо прослежен мистером Гербертом Спенсером, а совсем недавно в Америке с большой энергией и ясностью - мистером Лестером Уордом.

"Эти духи когда-нибудь умирают?" - спрашивает мистер Макдональд. "Я слышал, что некоторые, - отвечает он, - утверждают, что беспокойного духа можно убить. Другие прямо отрицают это. Многие, такие как Кумпама или Черасуло, говорят: 'Вы спрашиваете меня,

умирает ли когда-нибудь дух человека. Я не могу сказать. Я никогда не был в мире духов, но в одном я уверен: духи живут очень долго”.

На вопрос “Кто такие боги?” м-р Макдональд говорит: “Во всех наших переводах Священного Писания, где мы находили слово "Бог", мы использовали *Мулунгу*; но это слово в основном используется туземцами как общее название духа. Дух умершего человека называется его Мулунгу, и все молитвы и подношения живых направляются таким духам умерших. Именно здесь мы находим великий центр местной религии. Духи мертвых - это боги живых.

“Где находятся эти боги? В могиле? Нет. Жители деревни шарахаются от этого мрачного места, которое находится далеко за их полями, на унылом склоне горы. Только когда им придется уложить еще одного спящего рядом с его предками, они отправятся туда. Их бог - это не тело в могиле, а дух, и они ищут этого духа в том месте, где их усопший родственник в последний раз жил среди них. Большое дерево на веранде дома умершего является их храмом; и если здесь не растет ни одного дерева, они устраивают небольшую тень и там совершают свои простые обряды. Если это место станет слишком людным, подношения могут быть осквернены, и святилище перенесут в тщательно выбранное место под каким-нибудь красивым деревом. Очень часто человек кладет подношение на свою кровать рядом с изголовьем. Он желает, чтобы его бог пришел к нему и прошептал что-то на ухо, пока он спит”.

И здесь мы снова сталкиваемся с происхождением поклонения природе:

“Дух старого вождя может обитать на целой горе, но обитает он главным образом на облачной вершине. Там он восседает, чтобы принимать поклонение своих приверженцев и ниспосылать освежающие дожди в ответ на их молитвы”.

Почти столь же важным для религии, как и эти первичные факторы ее эволюции — бог, богослужение, подношения, подарки, святые места, храмы, — является существование священства. Вот как жители Центральной Африки приходят к этой особой функции:

При обращении к богам соблюдается определенный этикет. Ни в коем случае маленький мальчик или девочка не могут приближаться к этим божествам, как и те, кто не присутствовал на мистериях. Общим условием является то, что человек достиг определенного возраста, примерно двенадцати или четырнадцати лет, и у него есть собственный дом. Рабы редко молятся, за исключением тех случаев, когда им приснился сон. Дети, которым приснился сон, рассказывают об этом своей матери, которая обращается к божеству от их имени. (Необходим подарок для бога, которого у рабыни или ребенка может не быть.)

“За исключением случая со снами и нескольких подобных частных вопросов, обычно никто не обращается к богам, кроме вождя деревни. Он является признанным верховным жрецом, который возносит молитвы и подношения от имени всех, кто живет в его деревне. Если вождя нет дома, действовать будет его жена, а если отсутствуют оба, то его младший брат. Местные жители поклоняются не столько индивидуально, сколько в деревнях или общинах. Их религия - скорее общественное, чем частное дело”.

Но есть и другие причины, по которым священники необходимы. Взаимоотношения всегда являются хорошей основой для ходатайства. Необходим посредник.

“Глава деревни, - говорит мистер Макдональд, - имеет еще одно право на священство. Деревенскими богами являются его родственники. Каждый, кто живет в деревне, признает этих богов; но если кто-то переезжает в другую деревню, он меняет своих богов. Теперь он признает богов своего нового вождя. Тот, кто желает помолиться богу (или богам) какой-либо деревни, естественно, желает, чтобы его молитвы были переданы через деревенского старосту, потому что последний является близким родственником деревенского бога, и можно ожидать, что его лучше выслушают, чем незнакомца”.

Чуть дальше мистер Макдональд говорит: “По поводу деревенских богов мнения расходятся. Некоторые говорят, что каждый житель деревни, независимо от того, является ли он родственником вождя или нет, должен поклоняться предкам вождя. Другие говорят, что человек, не имеющий отношения к вождю, должен поклоняться своим собственным предкам, иначе их духи навлекут на него беду. Чтобы примирить эти авторитеты, мы можем упомянуть, что почти все в деревне состоят в родстве с ее вождем, а если и не состоят в родстве, то из вежливости считаются таковыми. Любой человек, не состоящий в родстве с деревенским старостой, был бы достаточно вежлив во всех общественных случаях, чтобы признавать деревенского бога: во время личной молитвы (которых не так много, как в христианском мире) он обращался бы к духам своих собственных предков. Кроме того, у этой земли может быть бог. Вождь капени молится своим собственным родственникам, а также старым богам этого места. К своим собственным родственникам он обращается сам; к другим божествам он также может обратиться сам, но он часто находит людей более близкими родственниками и, следовательно, более приемлемыми для старых богов страны”.

Таким образом, африканский пантеон заселен большим количеством людей. Элиминация и естественный отбор затем дают человеку переход от призрака к богу, правильно так называемому.

Таким образом, богов у туземцев почти так же много, как и их умерших. Невозможно поклоняться всем; должен быть сделан отбор, и, как мы указывали, каждый поклоняющийся наиболее естественно обращается к духам своих усопших родственников; но его богов все еще слишком много, и при дальнейшем выборе он обращается к тем, которые жили ближе всего к его собственному времени. Таким образом, глава деревни не будет беспокоиться о своем прапрадедушке: он преподнесет свое подношение своему непосредственному предшественнику и скажет: “О отец, я не знаю всех твоих родственников, ты знаешь их всех, пригласи их попить с тобой”. Подношение делается не просто для него, но для себя и всех его родственников”.

Обычные призраки вскоре забываются вместе с поколением, которое их знало. Не так уж мало избранных, цезарей и Наполеонов, Карлов Великих и Тимуров из диких империй.

“Великий вождь, добившийся успеха в своих войнах, не исчезает из памяти так скоро. Он может стать богом горы или озера и может получать почитание как местное божество еще долго после того, как его собственные потомки будут изгнаны с этого места. Когда раздается мольба о дожде, жители страны молятся не столько своим собственным предкам, сколько богу вон той горы, на плечах которой покоятся огромные дождевые тучи. (Холмы поменьше редко почитаются божеством.)”

Что ж, во всем этом, как мне кажется, мы получаем самую суть и универсалии религии в целом, то, без чего никакая религия не могла бы существовать, жизненно важную часть, без постоянно меняющихся дополнений простой мифологии сплетен. Подарки, приносимые на могилу умершего, чтобы умиловить призрака, являются центральным элементом любого богослужения, практическим ключом ко всем культам прошлого или настоящего.

С другой стороны, мифологи ничего не говорят нам о происхождении молитвы и жертвоприношения: они отталкивают нас историями о конкретных богах, не объясняя нам, как вообще появилось поклонение этим богам. Итак, мифология - по-своему очень интересное исследование, но рассматривать как религию массу историй и преданий о богах или святых, едва ли содержащих хоть один живой элемент практики или жертвоприношения, мне кажется, просто смешивает две совершенно разные ветви человеческих исследований. Происхождение Сказок не имеет никакого отношения к происхождению Богослужения.

С другой стороны, когда мы начинаем читать рассказ м-ра Макдональда о похоронах местного жителя, мы сразу переходим к совершенно иному подходу; мы можем понять, как при электрической вспышке, генезис первобытных актов жертвоприношения и религии.

“Вместе с покойным похоронена значительная часть его имущества. Мы уже видели, что его кровать похоронена вместе с ним; так же, как и вся его одежда. Если у него есть несколько бивней из слоновой кости, один бивень или больше растирают в порошок между двумя камнями и кладут рядом с ним. Бусины также растирают таким же образом. Эти меры предосторожности приняты для того, чтобы ведьма (которая, как предполагается, несет ответственность за его смерть) не использовала слоновую кость или бусы.

“Если у покойного было несколько рабов, для могилы выкапывается огромная яма. Теперь рабов выводят вперед. Они могут быть либо брошены в яму живыми, либо гробовщики могут перерезать им всем глотки. Затем тело их хозяина или любовницы кладут на землю поверх их собственного, а могилу засыпают.

После этого женщины выходят вперед с подношениями пищи и кладут их в изголовье могилы. Блюда, в которых приносили еду, оставляют на месте. Горшок, в котором хранилась питьевая вода покойного, и его чашка для питья также остались у него. Они тоже могут быть желанными для ведьмы, но в горшке проделано отверстие, а калebas для питья разбит.

“Человек теперь покинул общество живых, и ожидается, что он разделит трапезу, оставленную таким образом на его могиле, с теми, кто ушел до него. Похоронная компания распадается; они не хотят снова посещать могилу своего друга без очень веской причины. Любого, найденного среди могил, могут принять за каннибала. Их друг стал гражданином другой деревни. Он со всеми своими родственниками из прошлого. Он имеет право на подношения или подарки, которые могут поступать к нему лично или через его вождя. Этими подношениями в большинстве случаев он делится с другими, как делал это при жизни: ”Иногда человек может быть похоронен в своей собственной хижине.

“В этом случае дом не сносят, а обычно обтягивают тканью, и веранда становится местом для подношений. Таким образом, его старый дом становится своего рода храмом.... Умерший сейчас находится в мире духов и получает подношения и поклонение. К нему обращаются как к "Нашему великому духу, ушедшему раньше". Если кто-нибудь увидит его во сне. сразу делается

вывод, что дух "что-то замышляет". Очень вероятно, что он хочет, чтобы кто-нибудь из выживших был его компаньоном. Сновидящий спешит умиловить дух подношением”.

Это общество мертвых настолько реально, что мистер Макдональд говорит: “Практика отправки вестников в загробный мир существует на Западном побережье. Вождь вызывает раба, передает ему сообщение, а затем отрубает ему голову. Если вождь забывает что-то из того, что хотел сказать, он посылает другого раба в качестве постскриптума”.

Я так подробно процитировал эту недавнюю и чрезвычайно качественную работу, потому что хочу подчеркнуть тот факт, что здесь у нас на глазах изо дня в день, *de novo*, происходит полное рождение новых богов и богинь и всего, что является самым центральным и существенным для религии — поклонения, молитвы, храма, алтаря, священства, жертвоприношения. Ничто из того, что мифологи могут рассказать нам о Солнце или Луне, Рассвете или Грозовой Туче, Красной Шапочке или Золушке и Хрустальной туфельке, не имеет ни малейшего отношения к Происхождению Религии в этих ее центральных и универсальных элементах. Эти истории или догадки могут представлять огромный интерес и важность как вклад в историю идей нашей расы; но ничто из того, что мы можем узнать о выживании дикарей в мифе о Купидоне или Психее, или о примитивной космологии в мифе о детях Кроноса, не помогает нам ни на дюйм приблизиться к происхождению Бога или молитвы, богослужения, религиозной церемонии, храма, обрядности, жертвоприношения, мессы или любой другой составной части того, что мы действительно знаем как конкретную Религию. Иногда эти мифы могут быть философскими догадками, иногда примитивными народными сказками, но они определенно не являются истинами религии. С другой стороны, живые факты, здесь так просто изложенные внимательным, точным и непритязательным наблюдателем, подкрепленные сотнями подобных фактов, собранных Тайлором, Спенсером и другими, помогают нам сразу понять происхождение центрального ядра религии, повсеместно практикуемой во всем мире.

Ибо, опустив пока мифологический и космологический фактор, который так часто используется для затенения простых религиозных фактов в повествованиях миссионеров или ярких европейских описаниях местных верований, что мы действительно находим в качестве основополагающих истин всех религий? Что во всем мире среди человечества преобладают обычаи, по существу сходные с обычаями этих дикарей Центральной Африки; обычаи, связь которых с теми же примитивными идеями была убедительно доказана мистером Гербертом Спенсером; обычаи, суть которых состоит в умиловании или преклонении перед духовным существом или существами, происходящими от призраков, и рассматриваемыми как сходные, во всем, кроме величия подразумеваемых атрибутов, с душами людей. “Всякий раз, когда [индийских] жителей деревни спрашивают об их вероисповедании, - говорит сэр Уильям Хантер, - неизменно дается один и тот же ответ: ”Простые люди не имеют ни малейшего представления о религии, но поступать правильно [церемониально] и поклоняться деревенскому богу“.

Короче говоря, я утверждаю, что религия - это в основном не Вера или Вероучение, как мы ошибочно называем это из-за ошибочной аналогии с христианским обиходом, а просто и исключительно Церемония, Обычай или Практика. И я рад сообщить, что, по крайней мере, для раннесемитских времен, профессор Робертсон Смит придерживается того же мнения.

Если взглянуть на огромную часть мира, древнего и современного, то совершенно ясно, что религия состоит и всегда состояла из обрядов, по существу аналогичных только что описанным

у центрально-африканских племен. Его ядром является поклонение. Его центром является Бог, то есть Умерший Предок или Родственник. Религия Китая по сей день почти полностью основана на чистом культе предков. Совершение подношений и сжигание бумаги перед Усопшей Семейей составляют его основные церемонии. В Индии, хотя трем великим богам мистической философии брахманизма вообще практически не поклоняются, в каждой общине и в каждом доме есть свои особые боги и свой особый культ маленького домашнего алтаря.

“Первый англичанин, ” говорит сэр Уильям Хантер, “ который попытался изучить туземцев такими, какие они есть на самом деле, а не такими, какими их описывали брахманы, был поражен повсеместным распространением культа, совершенно отличного от культа индуистских божеств. У бенгальской деревни обычно есть свой местный бог, которому она поклоняется либо в виде грубого необработанного камня, либо в виде пня, либо в виде дерева, помеченного свинцово-красной краской. Иногда кусок глины, положенный под дерево, выполняет обязанности божества, а сопровождающий его жрец, если таковой имеется, обычно принадлежит к одной из полуиндуизированных низших каст. Грубый камень олицетворяет неарийский фетиш; а дерево, по-видимому, обязано своей святостью неарийской вере в то, что оно является обителью духов или богов деревни ”.

Исключая простые догадки об этом фетише и беспричинное предположение, сделанное из уважения к умирающему вероучению Макса мюллеризма, что поклонение предкам обязательно должно быть “неарийской” чертой (хотя оно существует или существовало у всех так называемых арийских рас), это простое описание показывает нам распространенность по всей Индии обычаев, по существу сходных с теми, которые распространены в Центральной Африке и в китайских провинциях.

Римская религия примерно таким же образом разделяется сразу на гражданский, или национальный, и частный, или семейный культ. Были великие боги, местные или усыновленные, которым государство поклонялось публично, как племена Центральной Африки поклоняются предкам вождей; и были лары и Пенаты, которым семья поклонялась у своего собственного очага, и само название которых показывает, что они были по происхождению и сути духами предков. И как настоящая или практическая религия индуизма состоит в основном из подношения риса, проса и гхи маленьким местным и семейным божествам или избранному богу-покровителю в брахманистском пантеоне, так и настоящая или практическая религия Рима состояла в основном из жертвоприношений, совершаемых на домашнем алтаре особым пенатам, *farre pio et saliente mica*.

На данном этапе наших рассуждений я не буду подробно останавливаться на том, как профессор Сэйс аналогичным образом находит поклонение предкам и шаманизм (низшую форму умиловления духов) в основе религии древних аккадцев; как другие наблюдатели выполняли ту же задачу в отношении египтян и японцев; и как сходные обычаи были прослежены у греков и амазулу, у евреев и никарагуанцев, у ранних англичан и индейцев-диггеров, у самих наших арийских предков и жителей Андаманских островов. Каждое недавнее повествование о путешествиях изобилует примерами. Об острове Нетерланд я прочитал: “Черепки их предков хранились для богов Новых Гебрид“, люди поклонялись духам своих предков. Они молились им над чашей с каковой о здоровье и процветании”. В Новой Каледонии “Их богами были их предки, чьи реликвии они хранили и боготворили”. В Тане “Общее название богов, по-видимому, было *аремха*; это означает *мертвеца* и намекает, - говорит преподобный

Джордж Тернер с приятной откровенностью, - одинаково на происхождение и природу их религиозного поклонения”. Когда вождь молился, он предлагал батат и фрукты, говоря: “Сострадательный отец, вот тебе немного еды; съешь это. Будьте добры к нам из-за этого.” Тем, кто желает увидеть все доказательства по этому вопросу в боевом порядке, стоит только обратиться к первому тому *"Принципов социологии"* мистера Герберта Спенсера, где они найдут множество примеров из всех времен и мест, собранных в огромную и подавляющую фалангу.

Что нас еще немного беспокоит в этой главе, так это привлечение внимания путем предвосхищения к тому факту, что даже в самом христианстве сохраняется тот же примитивный элемент как центр всего, что является наиболее отчетливо религиозным, в противоположность теологическому, в христианской религии. И я привожу здесь эти замечания в предварительном порядке, чтобы читатель мог лучше понять, к какой конечной цели приведет его наше расследование.

Это всеобщий католический обычай - класть мощи святых или мучеников под алтари в церквях. Так, тело святого Евангелиста Марка покоится под главным алтарем собора Святого Марка в Венеции; и в каждом другом итальянском соборе или часовне реликварий находится внутри самого алтаря. Этот принцип настолько хорошо понят в латинской церкви, что он превратился в поговорку: “Нет реликвии - нет алтаря”. Жертвоприношение во время мессы происходит на таком алтаре и совершается священником в жертвенных одеждах. Весь римско-католический ритуал - это ритуал, основанный на более ранних жреческих идеях служения у алтаря, и его связь с примитивной формой все еще поддерживается необходимым присутствием человеческих останков в его святых местах.

Более того, сама идея церкви восходит к раннехристианским местам собраний в катакомбах или у могил мучеников, которые, по всеобщему признанию, были примитивными христианскими алтарями. Теперь мы знаем, что крестообразный план христианских церквей с куполом происходит от этих ранних мест встреч на пересечении переулков в катакомбах; что неф, алтарь и трансепты указывают на пересечение переулков, в то время как купол представляет собой выдолбленную часть или грубо круглый свод, где пересекаются две линии арок. Самые ранние церкви с куполом были попытками, так сказать, построить катакомбу над землей для размещения алтаря-усыпальницы святого или мученика. Аналогично обстоит дело и с часовнями, которые открываются сбоку от нефов или трансептов. Этимологически слово “часовня” представляет собой модернизированную форму *capella*, сводчатого склепа, вырытого в стенах катакомб, перед гробницей, у которой было принято возносить молитвы и хвалу. Часовни, построенные в проходах римских церквей, каждая со своим алтарем и собственными святыми реликвиями, представляют собой попытку воспроизвести над землей таким же образом первоначальные священные места на раскопанных раннехристианских кладбищах. Мы вернемся к этому вопросу гораздо подробнее в последующих главах.

Таким образом, само христианство связано с очень древним обычаем поклонения у гробниц и обычаем поклонения предкам у алтарей, реликвий и обращения к святым, даже революционный протестантизм все еще сохраняет некоторые последние слабые следы своего происхождения в посвящении церквей определенным евангелистам или мученикам и в более или менее замаскированном сохранении алтаря, священства, жертвоприношений и облачений.

Итак, я не говорю, что поклонение предкам дает нам полное представление о происхождении всего, что в умах англичан-христиан входит в понятие религии. Я не говорю, что это объясняет

все космологии и космогонии диких, варварских или цивилизованных племен. По большей части это чисто мифологические продукты, объяснимые, как я полагаю, главным образом с помощью ключа, которым снабжает нас мифология; и одно из них, заимствованное в Книге Бытия из чуждого источника, стало приниматься современным христианским миром как частью организованной системы верований, которая формирует христианский символ веры, хотя ни в каком истинном смысле не является христианской религией. Я также не говорю, что поклонение предкам дает нам истоки тех онтологических, метафизических или мистических концепций, которые составляют часть философии или теологии многих священнослужителей. Считается, что религии, в том виде, в каком мы обычно представляем их себе в настоящее время, включают мифологию, космогонию, онтологию и даже этику расы, которая их практикует. Однако я считаю, что эти посторонние явления проистекают из разных корней и не обязательно имеют ничего общего с собственно религией. Бог - это истинная суть. Если мы однажды объяснили происхождение призраков, богов, гробниц, алтарей, храмов, церквушек, богослужений, жертвоприношений, жречества и церемоний, то мы объяснили все, что является существенным и центральным в религии, и можем передать остальное — сказки, предания и благочестивые легенды — на рассмотрение сравнительной мифологии или пока еще необоснованной науки сравнительной идеологии.

Еще раз, я также не хочу настаивать на том, что каждый конкретный бог, национальный или натуралистический, обязательно должен представлять определенный призрак - мертвый дух одного определенного, когда-то жившего человека. Достаточно показать, как показал м-р Спенсер, что идея бога и поклонение, воздаваемое богу, непосредственно вытекают из идеи призрака и подношений, приносимых призраку, не обязательно утверждая, как, по-видимому, считает м-р Спенсер, что каждый бог является и должен быть в конечном счете призраком конкретного человеческого существа. Как только концепция богов была развита человечеством и стала обычной частью воображаемой вселенной каждого человека — мира, каким он представлялся разуму воспринимающего, — тогда было достаточно естественно, что время от времени создавались новые боги из абстракций или особых аспектов и сил природы, и что таким новоиспеченным и чисто воображаемым богам должно воздаваться такое же поклонение, какое ранее воздавалось всему сонму богов, произошедших от личных и племенных предков. Это первый шаг, который стоит того: как только у вас сложится достаточно развитое представление о боге, любое количество дополнительных богов может быть изобретено или введено со всех сторон. Великий пантеон с готовностью принимает в свои ряды новых членов из множества странных источников. Известными примерами в одном из самых известных пантеонов являются Конкордия, Пекуния, Аий Локуций, Редикулус Тутанус. Римляне, действительно, обожествляли все мыслимые проявления природы или человеческой жизни; у них были боги или богини для мельчайших деталей сельского хозяйства, социальных отношений, первых лет детства, брака и домашнего устройства в целом. Многие из их божеств, как мы увидим ниже, были явно изготовлены для удовлетворения особого спроса в особых случаях. Но в то же время ни один из этих богов, насколько мы можем судить, вообще никогда бы не появился, если бы теория о призраках и поклонение предкам уже не сделали знакомыми человеческому разуму принципы и практику религии в целом. Сама идея бога иначе не могла бы развиваться; хотя, однажды разившись, человеческое воображение могло бы легко связать с ней любое количество новых существ.

Тем не менее, признать, что впоследствии появились другие элементы, которые привели к путанице в религии, - это совсем другое дело, чем признать, что сама религия имеет более чем

одно происхождение. Все, что дает нам ключ к практике богослужения, дает нам ключ ко всей настоящей религии. Итак, можно прочесть почти любые книги мифологической школы, но так и не наткнуться ни на одно слово, которое бросило бы хоть один луч света на происхождение самой религии, названной таким образом должным образом. Проследить развитие той или иной истории или эпизода в религиозном мифе само по себе является очень ценным исследованием эволюции человека: но никакое изучение подобных историй никогда не даст нам ни малейшего ключа к вопросу, почему люди поклонялись Осирису, Зевсу, Шиве или Венере; почему они возносили молитвы и хвалу Исиде или Артемиде; почему они приносили в жертву быков Капитолийскому Юпитеру в Риме или убивали горлиц на алтаре Яхве, бога Израиля, в Иерусалиме. Теория призраков и практика поклонения предкам показывают нам естественную основу и генезис всех этих обычаев и объясняют их таким образом, к которому никакое мифологическое исследование не может добавить ни одного элемента, представляющего фундаментальный интерес.

Возможно, на этом этапе было бы неплохо заранее попытаться немного распутать различные посторонние элементы, которые в конце концов вплетаются в простую примитивную ткань практической религии.

Во-первых, здесь присутствует мифологический элемент. Мифопоэтическая способность - это реальность человечества. Истории возникают, растут, собирают эпизоды в движении, трансформируются и трансмутируют сами себя, блуждают далеко в пространстве, искажаются временем,десятью тысячами способов претерпевают изменения и видоизменения. Такие истории иногда связаны с живыми мужчинами и женщинами. Все знают, сколько мифов существует даже в наши дни о каждом выдающемся или необычном человеке. Они также в большей степени связаны с памятью о мертвых, и особенно о любом очень выдающемся умершем мужчине или женщине. Иногда они берут свое начало в подлинной традиции, иногда они являются чистым плодом фантазии или романтической склонности. Призраки или боги не менее свободны от этих мифопоэтических причуд, чем другие люди; и поскольку боги продолжают жить бесконечно, у них есть достаточно времени, чтобы о них сложились мифы. Чаще всего миф придумывается для описания какой-то конкретной религиозной церемонии. Опять же, мифы, явно более древние, чем конкретный человек - скажем, Цезарь, Вергилий, Артур, Карл Великий, — могут быть приспособлены к этим особым личностям в более поздние эпохи. То же самое часто происходит и с богами. Короче говоря, миф становится, наконец, историей богов; и персонаж, о котором существует множество мифов, реальных или воображаемых, олицетворение природы или абстрактное качество, может со временем стать практически божественным существом и даже, возможно, удостоиться поклонения, последнего испытания на божественность.

Опять же, мифы о богах со временем, во многих случаях, записываются, особенно священниками, и сами по себе приобретают значительную степень привходящей святости. Таким образом, мы получаем Священные Книги; и у большинства развитых рас священные книги, как правило, становятся важной неотъемлемой частью религии и проверкой чистоты догматов или церемониалов. Но священные книги почти всегда содержат грубые космологические догадки и сверхъестественную космогонию, а также рассказы о деяниях, взаимоотношениях и прерогативах богов. Такие ранние философские гипотезы оказываются затем тесно связанными с идеей религии и во многих случаях даже вытесняют в некоторых умах

ее истинное, практическое, центральное ядро. Крайность этой тенденции проявляется в английском протестантском библиопоклонничестве.

Рационалистические и примиренческие приукрашивания, как правило, возникают по мере развития культуры. Предпринимаются попытки проследить родословную и взаимоотношения богов, а также избавиться от расхождений в более ранних легендах. Теогония Гесиода - это определенная попытка, предпринятая в этом направлении для греческого пантеона. Часто такая попытка предпринимается наиболее образованными и философски настроенными жрецами и приводит к созданию квазифилософской мифологии, подобной мифологии брахманов. В монотеистических или полумонотеистических религиях это становится теологией. По мере того, как она становится все более сложной и определенной, внимание ученых и священнического сословия все больше и больше направляется на догмы, вероучения, веру, абстрактные формулы философской или интеллектуальной веры, настаивая также на ритуале или практике. Но популярная религия обычно остается, как в Индии, религией одних только практических обычаев и обрядов, имеющей очень мало отношения к крайне абстрактным теологическим идеям ученых или священнослужителей.

Наконец, в высших религиях допускается присутствие значительного элемента этики, чувства, широкого гуманизма и случайных эмоций, часто до такой степени, что они затемняют первоначальные факторы практики и соблюдения.

Нас постоянно учат, что “настоящая религия” означает множество вещей, которые на земле не имеют ничего общего с собственно религией ни в каком смысле, а являются просто высокой моралью, окрашенной эмоциональной преданностью духовному существу или группе существ.

В силу всех этих причин современные исследователи в поисках происхождения религии склонны примешивать к ней, даже имея дело с дикими племенами, множество посторонних вопросов космологии, космогонии, философии, метафизики, этики и мифологии. Они недостаточной степени понимают, что истинный вопрос в конечном итоге сводится к двум основным факторам — поклонению и жертвоприношению. Во всех ранних религиях практика была максимальной, а вероучение - минимальным. Сегодня мы оглядываемся назад на эти ранние культы, которые были культами и ничем иным, с умами, искаженными современными теологическими предрассудками — постоянными спорами по поводу догм, положений, определений и формуляров. Мы бойко говорим об индуистской вере или верованиях китайцев, когда нам скорее следовало бы говорить об индуистской практике или китайских обрядах. Таким образом, неверно понимая природу религии, мы сбиваемся с пути относительно ее происхождения. Мы снова станем правы только тогда, когда научимся полностью отделять мифологию от религии и когда осознаем, что рост и развитие мифа не имеют никакого отношения к зарождению богослужения. Наука о сравнительной мифологии и фольклоре по своему является ценным и светоносным исследованием, но она имеет к происхождению религии не больше отношения, чем наука об этике или наука о геологии. В большинстве развитых культов существуют этические правила; в большинстве священных книг содержатся геологические предположения; но ни то, ни другое на этот счет не является религией в не большей степени, чем история Иосафата или легенда о Самсоне.

То, что я хочу предложить в этой главе, резюмируется в нескольких предложениях следующим образом: религия - это практика, мифология - это рассказывание историй. У каждой религии есть мифы, которые сопровождают ее, но мифы не порождают религию: напротив, религия

порождает мифы. И в этой книге я попытаюсь объяснить только происхождение религии, полностью опуская как мифологию в целом, так и всех мифических личностей или существ, отличных от богов, в том смысле, который здесь проиллюстрирован.

ГЛАВА III.ЖИЗНЬ МЕРТВЫХ.

Цель этой книги, как мы видели в начале, состоит в том, чтобы проследить эволюцию идеи Бога. Но решение этой проблемы подразумевает два отдельных вопроса— во-первых, как люди вообще начали формировать идею бога; и, во-вторых, как они продвинулись от концепции множества различных богов к концепции единого верховного Бога, подобного центральному божеству христианства и ислама. Другими словами, сначала мы должны исследовать происхождение политеизма, а затем его постепенное вытеснение монотеизмом. Таковы основные направления исследования, которым я предлагаю следовать в настоящем томе.

Однако в религии есть один элемент, который еще древнее, фундаментальнее и более стойкий, чем любая простая вера в бога или богов — нет, даже чем обычай или практика обращения с мольбами и умиротворения призраков или богов с помощью подарков и обрядов. Этим элементом является концепция Жизни Мертвых. На примитивной вере в такую жизнь в конечном счете основывается вся религия. На самом деле эта вера - самое раннее, что появилось в религии, поскольку есть дикие племена, у которых нет ничего, что стоило бы называть богами, но все еще существует религия или культ их умерших родственников. Это также последнее, что сохранилось в религии; ибо многие современные спиритуалисты, которые перестали быть теистами или принимать любую другую форму сверхъестественного, тем не менее продолжают верить в продолжающееся существование мертвых и в возможность общения между ними и живыми. Следовательно, это самое раннее проявление религиозной мысли, и которое сохраняется повсюду как одна из ее наиболее заметных и непреодолимых черт, должно ненадолго привлечь наше внимание, прежде чем мы перейдем к генезису политеизма.

Но сама вера в продолжение жизни, как и все другие человеческие идеи, естественным образом претерпела различные стадии эволюции. Стадии, конечно, незаметно перетекают одна в другую; но я думаю, что в целом мы можем с приемлемой точностью различить три основных уровня или страты мнений относительно продолжения существования умерших. В

первом, или низшем, слое разница между жизнью и смертью сама по себе воспринимается лишь плохо или неадекватно; об умерших думают как о еще живых телесно. На втором уровне смерть признается физическим фактом, но рассматривается лишь как временный; на этой стадии люди с нетерпением ожидают Воскресения Тела и ожидают Грядущей Жизни в Этом Мире. На третьем уровне душа рассматривается как отдельная от тела сущность; она переживает его в отдельной и несколько призрачной форме: так что мнение относительно будущего, присущее этой стадии, - это не вера в Воскресение Тела, а вера в Бессмертие Души. Эти две концепции часто смешивались вольными и полуфилософскими христианскими мыслителями; но по своей сути они совершенно различны и непримиримы.

Я рассмотрю каждый из этих трех слоев отдельно.

И во-первых, что касается того раннего дикарского уровня мышления, где представления о жизни и смерти очень плохо разграничены. Нам в наши дни кажется любопытным представление о том, что люди не должны воспринимать смерть как необходимое событие в истории каждого отдельного человека. Но это происходит потому, что мы не можем легко прочесть все наши предыдущие размышления, не можем откровенно вернуться в состояние дикаря. Мы привыкли жить в больших и густонаселенных сообществах, где смертные случаи часты, и где естественная смерть, в частности, является повседневным явлением. У нас за плечами обширная и долгая история предыдущих эпох; мы знаем, что историческое время было занято жизнями многих сменявших друг друга поколений, все из которых сейчас мертвы, и ни одно из которых в среднем не превышало определенного установленного предела в семьдесят или восемьдесят с лишним лет. Для нас представление о человеческой жизни как об относительно коротком периоде, ограниченном известной продолжительностью и, естественно, заканчивающемся относительно фиксированным концом, является обычным и привычным.

Однако мы забываем, что для дикаря все обстоит совершенно иначе. Он живет в маленьком и разрозненном сообществе, где смертельные случаи редки, и где естественная смерть, в частности, сравнительно редка. Большинство его людей убито на войне, или растерзано дикими зверями, или уничтожено в результате несчастных случаев на охоте, или от жажды или голода. Некоторые утонули в быстрых реках; некоторые раздавлены падающими деревьями или камнями; некоторые отравлены смертоносными плодами или укушены ядовитыми змеями; некоторые убиты вождями или убиты в ссорах со своим соплеменниками. В подавляющем большинстве случаев существует какая-то открытая и очевидная причина смерти; и эта причина, как правило, вызвана либо рукой человека, либо каким-либо другим животным; или, в противном случае, каким-либо явно активным воздействием внешней природы, таким как наводнение, или молния, или лесные пожары, или оползень и землетрясение. Смерть от болезни сравнительно редка; смерть от естественного распада почти неизвестна или непризнана.

У дикаря также нет за плечами великого исторического прошлого. Он мало кого знает, кроме своих соплеменников, и мало что знает об их предках, за исключением тех, кого его родители помнят до них. Его взгляд на прошлое крайне ограничен. Ничто не позволяет ему сформировать то широкое представление о необходимости и неизменности смерти, которое нам так знакомо. То, что "все люди смертны", является для цивилизованного человека прописной истиной; очень ранним дикарям это неизбежно показалось бы поразительным парадоксом. Ни один человек

никогда не умирает в рамках своего собственного опыта; с тех пор, как он себя помнит, он продолжал существовать как постоянная часть всех своих приключений. Большая часть семьи сэвиджа продолжала постоянно жить с ним. Смерть была редким и поразительным событием. Таким образом, представление о смерти как о неизбежном конце вообще никогда не возникает; представление о смерти как о результате естественных причин кажется совершенно несостоятельным. Когда умирает дикарь, первый вопрос, который возникает, - "Кто его убил?" Если он убит на войне, или съеден тигром, или разорван слоном, или утонул в потоке во время паводка, или убит соплеменником, причина очевидна. Если ничего из этого нет, то смерть обычно приписывают колдовству.

Более того, сам факт смерти гораздо менее достоверен среди примитивных или диких людей, чем в цивилизованных сообществах. Как правило, мы знаем с почти абсолютной уверенностью, жив ли в данный момент больной или раненый человек. Тем не менее, даже среди нас нередко возникают случаи сомнения. Временами мы сомневаемся, умер ли мужчина или женщина или потеряли сознание. Если сердце продолжает биться, мы считаем их все еще живыми; если не ощущается ни малейшего трепетания пульса, мы считаем их мертвыми. Однако даже наша передовая медицинская наука часто приходит в замешательство в очень неясных случаях каталепсии; время от времени случаются ошибки, приводящие к преждевременным похоронам. Отличить истинную смерть от кажущейся не всегда легко. Везалий, выдающийся анатом, вскрыл предполагаемый труп, у которого было обнаружено все еще бьющееся сердце; и аббат Прево, которого поразила апоплексический удар, считался мертвым, но снова пришел в сознание под скальпелем хирурга. Естественно, среди дикарей такие случаи сомнения встречаются гораздо чаще, чем среди цивилизованных людей; или, скорее, выражаясь так, как об этом подумал бы дикарь, часто неизвестно, когда человек, который лежит окоченевшим и безжизненным, может снова встать и возобновить свою обычную деятельность. Дикарь привык видеть своих собратьев оглушенными или лишенными сознания в результате ударов, ран и других несчастных случаев, нанесенных либо врагом, дикими зверями, природными факторами, либо гневом своих соплеменников; и он никогда не знает, как скоро последствия таких несчастных случаев могут пройти, и человек сможет восстановить свою обычную жизненную силу. Как правило, он хранит тела своих друзей и ухаживает за ними до тех пор, пока остается хоть какой-то шанс на их окончательное выздоровление, а часто (как мы увидим в дальнейшем) и гораздо дольше.

Опять же, чтобы понять отношение древнего человека к своим раненым, пораженным и мертвым, мы должны на мгновение отвлечься от первобытной психологии. Я полагаю, что действительно очень рано в истории человеческого разума некое смутное представление о душе начало проникать в человечество. Теперь мы знаем, что сознание - это функция мозга; что оно прерывается во время сна, когда мозг отдыхает, а также во время серьезных расстройств нервной или кровеносной систем, например, когда мы теряем сознание или впадаем в коматозное состояние, или оглушены ударом, или впадаем в каталепсию или эпилепсию. Мы также знаем, что сознание полностью прекращается со смертью, когда мозг больше не функционирует; и что возможность его дальнейшего существования абсолютно исключается фактом разложения. Но эти истины, все еще недостаточно понятые или опрометчиво отвергаемые многими из нас, были совершенно неизвестны древним людям. Они должны были сформулировать для себя, насколько это было возможно, какую-нибудь расплывчатую рабочую гипотезу о человеческом разуме на основе данных, которые напрашивались сами собой в ходе обычной жизни; и гипотеза, которую они сформулировали, была более или менее

приблизительной гипотезой о душе или духе, все еще неявно принятой подавляющим большинством представителей человеческого вида.

Согласно этой гипотезе, каждый человек состоит из двух половинок или частей, одной материальной или телесной, другой нематериальной или духовной. Первая половина, называемая телом, видима и осязаема; вторая половина, называемая душой, обитает внутри него и более или менее невидима или призрачна. Оно в значительной степени отождествляется с дыханием; и часто считается, что, подобно дыханию, оно покидает тело после смерти и даже уходит в свободной форме и живет своей собственной жизнью в другом месте. Поскольку эта предполагаемая независимость души от тела лежит в самой основе всех призраков и богов, а следовательно, и самой религии, я могу быть извинен за то, что несколько углубляюсь в вопрос о ее происхождении.

На самом деле, насколько нам известно из прямых и заслуживающих доверия свидетельств, существование разума, сознания или “души” отдельно от тела еще никогда не было удовлетворительно продемонстрировано. Но дикарь пришел к этой вере, по-видимому, на основании большого количества одновременных намеков и предположений, неизбежным результатом которых ему казалась такая гипотеза. Днем он бодрствовал; ночью он спал; но даже во сне, когда его тело лежало, свернувшись калачиком, на земле у лагерного костра, ему казалось, что он охотится или сражается, занимается любовью или пирует в каком-то другом месте. Что это была за часть его, которая покидала тело во сне? — что, если не душа или дыхание, которые он, естественно, рассматривал как нечто отдельное? А когда человек умирал, разве душа или дыхание не покидали его? Когда он был тяжело ранен, разве это не исчезало на время, а затем возвращалось снова? Разве при обмороках, каталепсии и других ненормальных состояниях она не покидала тело и даже не играла с ним странные шутки? Мне нет необходимости развивать эту линию мысли, уже полностью разработанную мистером Гербертом Спенсером и доктором Тайлором. Достаточно сказать, что с очень раннего времени первобытный человек начал рассматривать душу или жизнь как нечто, связанное с дыханием, нечто, что может по желанию покидать тело и возвращаться в него снова, нечто отдельное и отчетливое, но необходимое для человека, очень смутно воспринимаемое как нематериальное или призрачное, но более позднее, чем в более ранний период. *

Вопрос об Отдельной Душе недавно получил очень подробное освещение от мистера Фрейзера в "Золотой ветви" и мистера Сиднея Хартленда в "Легенде о Персее".

Более того, эти души или духи (покинувшие тело во сне или трансе) пережили смерть и снова явились выжившим. Во сне мы часто видим очертания живых людей; но мы также с особой живостью видим образы ушедших. Всем знакомо частое повторное появление во сне близких друзей или родственников, недавно умерших. Я полагаю, что эти явления особенно часты в течение первых нескольких месяцев тяжелой утраты и постепенно становятся менее частыми и яркими с течением времени. Причина обоих наборов явлений, на мой взгляд, заключается в следующем: нервные структуры, привыкшие к стимуляции в определенных сочетаниях при общении с умершим другом, автоматически упускают привычную стимуляцию; и, следовательно, находясь в хорошо питаемом и нестабильном состоянии, особенно готовы подвергаться идеальной стимуляции во сне, как, как мы знаем, бывает с другими хорошо

питаемыми и недостаточно работающими нервными центрами. Или, выражаясь менее материально, мозг легко включается в знакомый ритм. Но со временем каналы атрофируются из-за неиспользования; привычка утрачивается; и явления умершего друга во сне становятся все более и более редкими. Дикарь, однако, воспринимает мир грез как почти столь же реальный, как и мир чувственных представлений. Как он себе представляет, его душа отправилась в свои странствия без тела и там встретила и беседовала с душами умерших друзей или родственников.

Мы должны помнить также, что в дикой жизни случаи транса, обморока и других ненормальных или коматозных нервных состояний возникают гораздо чаще, чем в цивилизованной жизни. Дикарь часто бывает ранен и умирает от потери крови; он порезал ногу о камень или был наполовину убит диким зверем; он голодает долго и часто, волей-неволей, или находится на грани голодной смерти; и поэтому ему знакомы, как в его собственном случае, так и в случае других, все разновидности бессознательного состояния и бреда или галлюцинации. Все эти факты представляются ему как отлучение души от тела, которое, таким образом, является для него привычным и почти повседневным опытом.

Более того, отсюда следует, что дикарь вряд ли сможет составить себе сколько-нибудь ясное представление о Смерти, и особенно о смерти от естественных причин. Когда члена племени привозят домой тяжело раненым и без сознания, непосредственная мысль зрителя обязательно должна заключаться в том, что душа ушла и покинула тело. Как долго это продолжалось, он не может сказать; но его первые попытки направлены на то, чтобы побудить это вернуться снова. С этой целью он часто обращается к нему с молитвами и заклинаниями или просит его вернуться с громкими криками и уговорами. И он никак не может отличить его временное отсутствие от окончательного ухода. Как хорошо сказал мистер Герберт Спенсер, последствия ударов или ран незаметно переходят в смерть. "Теперь раненый мужчина вскоре 'пришел в себя' и больше нигде не уходил; и теперь, вернувшись к себе только после долгого отсутствия, он вскоре покинул свое тело на неопределенное время. Наконец, вместо этих временных возвращений, за которыми следовало окончательное отсутствие, иногда происходили случаи, когда сильный удар вызывал длительное отсутствие с самого начала; другое "я" вообще никогда не возвращалось".

На самом деле, на этих более ранних стадиях идея Смерти в том виде, в каком мы ее знаем, не возникала и не возникает ни в какой форме. Все еще есть дикари, которые, кажется, не признают универсальности и необходимости смерти — которые, напротив, считают ее чем-то странным и неестественным, чем-то, вызванным происками врагов или колдовством. Что касается древнейших людей, то с психологической точки зрения было предreshено, что они должны так относиться к этому; они не могли сформировать никакой другой концепции без гораздо более обширных знаний, чем те, которыми они располагают. Для них Мертвый Человек, должно быть, всегда казался человеком, чья душа, дыхание или иное "я" покинуло его, но, возможно, в любой момент может снова вернуться в тело.

Каждая из трех выделенных выше стадий мышления имеет свой соответствующий способ избавления от своих мертвецов. Подходящим способом для этой самой ранней стадии является консервирование Трупа, которое в конечном итоге приводит к мумификации.

Простейшая форма такого способа захоронения трупа состоит в хранении его в хижине или пещере, где обитает семья, вместе с живыми. Таким образом, женщина из Новой

Гвинеи хранила тело своего мужа в своей хижине, пока оно само не высохло, и она целовала его и предлагала ему пищу каждый день, как будто оно было живым. О многих подобных случаях сообщают из других мест. Сохранение хижин является обычным явлением для самых низших рас. Однако чаще всего из-за очевидного дискомфорта от жизни в слишком тесной близости к мертвому телу труп на этой стадии мышления выставляется на всеобщее обозрение на дереве, или на платформе, или при каких-либо других обстоятельствах, когда ему не может быть причинен вред. У австралийцев и жителей Андаманских островов, которые, подобно негритянам Новой Гвинеи, сохранили для нас очень ранний тип человеческих обычаев, труп часто выставляют на грубо сколоченном помосте. Некоторые полинезийские и меланезийские народы придерживаются той же практики. Даяки и кианцы развешивают своих мертвецов на деревьях. “Но именно в Америке,” говорит мистер Герберт Спенсер, “экспозиция на приподнятых сценах наиболее распространена. Дакоты перенимают этот метод; одно время это было практикой ирокезов; Кэтлин, описывая манданов как эшафоты, на которых, как они выражаются, “живут мертвые”, замечает, что таким образом они держатся подальше от волков и собак; и Скулкрафт говорит то же самое о чиппева”. Вообще говоря, на низших ступенях культуры дикари хранят настоящие тела своих умерших на поверхности земли, либо в самом доме, либо в непосредственной близости от него. Позже мы вернемся к этой необычной практике.

Небольшой вариант этого метода, характерный для очень морской расы, описан мистером Х. О. Форбсом среди уроженцев Тимурлаута:

“Мертвое тело помещают в часть *прау* подогнанную под рост человека, или в полосы *гамк-гамк*, или в скрепленные вместе стебли саговой пальмы. Если речь идет о каком-либо важном человеке, таком как *Оранг Кая*, специально изготавливается богато украшенный гроб в форме *прау*. Затем его заворачивают в ситец и кладут либо на вершину скалы у кромки моря на небольшом расстоянии от деревни, либо на высокую свайную платформу, возведенную на берегу примерно во время отлива. На крышке гроба установлены высокие флаги и фигуры мужчин, играющих в гонги, стреляющих из ружей и дико жестикулирующих, чтобы отпугнуть злых духов от спящего. Иногда помост воздвигают на берегу выше отметки прилива, и рядом с ним в землю вотывают высокий бамбук, наполненный пальмовым вином; а через бамбуковые перила подвешивают пучки сладкого картофеля для использования в *Нуту* покойника. Когда тело достаточно разложить его сын или одна из семьи *disinters* черепа и кладет их на маленькой площадке в его доме, на фронте напротив камина, а чтобы отогнать злых духов от себя он повсюду носит с собой атлас и оси кости его шеи в его *луон*, или *Сири-держатель*.”

Этот интересный рассказ полон подтекстов, более полное значение которых мы поймем позже. Следует особо отметить использование черепа и кости-талисмана в связи с их более поздним значением. Ибо черепа играют фундаментальную роль в истории религии.

Подобные случаи легко переходят в практику мумификации, особенно в условиях сухого или пустынного климата. Однако даже в такой влажной тропической стране, как Новая Гвинея, Д'Альбертис нашел в сарае на берегу реки Флай две мумии, искусственно приготовленные, как он думал, путем удаления плоти, сохранились только кости с покрывающей их кожей. Здесь мы, очевидно, имеем четкое представление о смерти как о серьезном изменении, отличном по характеру от простого временного отсутствия. Точно так же мистер Чалмерс говорит о народе *кояри* на том же острове: “Они обращаются со своими мертвецами подобным образом. Огонь

поддерживается горящим днем и ночью у головы и ног в течение нескольких месяцев. С помощью большого и указательного пальцев снимается вся кожа, и соки размазываются по всему лицу и телу оператора (родителя, мужа или жены умершего). Огонь постепенно иссушает плоть, так что от нее остается лишь скелет”. Но мумификация по большей части ограничивается более сухим климатом, где она осуществляется искусственно вплоть до очень развитой стадии цивилизации, как мы хорошо знаем по Перу и Египту.

Мимоходом следует сказать несколько слов о распространенной привычке специально сохранять и даже носить с собой голову или руку умершего родственника. Это уже упоминалось в случае с Тимурлаутом; и это часто встречается в других местах. Так, м-р Чалмерс говорит о новорожденном из Новой Гвинеи: “Он будет покрыт слоем земли в два дюйма, друзья будут наблюдать за ним у могилы; но в конечном итоге череп и кости поменьше будут сохранены и носились матерью”. Точно так же на Андаманских островах, где мы соприкасаемся, возможно, с самым низким из существующих слоев чувства дикости, “вдов можно увидеть с черепами их умерших партнеров, подвешенными у них на шее”. Особая сохранность головы, даже когда остальная часть тела съедена или похоронена, привлечет наше внимание позже: к сохраненным таким образом головам обычно прибегают как к оракулам, и к ним часто относятся как к обители духа. Мистер Герберт Спенсер собрал много подобных примеров, например, у тасманийцев, которые носили кость от черепа или руки умершего родственника. Он также справедливо отмечает, что во всем Новом Свете “примитивное представление о смерти как о длительной приостановке жизнедеятельности, по-видимому, было особенно ярким”; и соответственно мы обнаруживаем, что обычаи такого рода особенно распространены среди американских дикарей. Таким образом, чтобы еще раз почерпнуть из своего огромного хранилища, Креес в течение трех лет носил кости и волосы умерших родственников, в то время как карибы и несколько племен Гвианы раздавали чистые кости родственникам умершего. На Сандвичевых островах кости королей и вождей также носили с собой их потомки, полагая, что умершие осуществляют над ними опеку.

На данном этапе размышлений, как мне кажется, именно реальный труп все еще считается живым; реальный труп появляется в снах; и реальный труп, которого кормят, которому поклоняются и умиляют подарками.

Церемониальный каннибализм, который будет более полно рассмотрен ниже, появляется в этом слое и переходит из него на более высокие уровни. Тело съедается целиком, а кости сохраняются; или удаляются мякоть и жир, а кожа остается; или только часть священной и благоговейно съедается оставшимися в живых родственниками. Эти процессы также будут более подробно описаны в дальнейшем.

Первая стадия постепенно переходит во вторую, которая заключается в погребении или его эквиваленте. Переходным звеном является пещерное захоронение мумий или трупов. Действительно, поскольку многие расы первобытных людей обычно жили в пещерах, помещение или оставление трупа в пещере кажется почти таким же, как помещение или оставление его в сарае, хижине или укрытии. Живущие в пещерах ведды просто оставили мертвеца в пещере, где он умер, а сами переселились в какую-нибудь другую пещеру. Тем не менее, пещерные захоронения сохранились у многих племен или народов, которые на века изжили привычку жить в пещерах. Среди южноамериканских индейцев пещерные захоронения были обычным явлением, а в Перу они предполагали высокую степень мумификации. Создание

искусственной пещеры или склепа для умерших - лишь небольшая разновидность этого обычая; он был распространен в Египте, другой засушливой стране, где изготовление мумий было доведено до высшей степени совершенства. Гробницы царей в Фивах являются великолепными примерами таких искусственных пещер, превращенных в величественные дворцы с расписными стенами, где умершие монархи могли проводить свою подземную жизнь с достоинством. Пещерные гробницы, естественные или искусственные, также распространены в Малой Азии, Италии и других местах.

Можно отметить, что на первой стадии отношение человека к своим умершим является в основном отношением нежности. Труп держат дома, кормят и ухаживают за ним; череп повсюду носят с собой как любимый предмет. Но на второй стадии, которая вызывает практику погребения, определенный страх перед Мертвыми становится более очевидным. Люди боятся возвращения трупа или призрака и стремятся удержать это в установленных пределах. На этой стадии вера в Воскрешение Тела является подходящим вероучением; и хотя поначалу считается, что настоящий труп, скорее всего, вернется к выжившим после чумы, я полагаю, что эта идея уступает место концепции менее материального двойника или духа.

И здесь давайте начнем с тщательного проведения различия между Воскресением Тела и Бессмертием Души.

Идея Воскрешения возникла из практики погребения, второго и более простого способа утилизации останков умерших, и тесно связана с ней. Идея Бессмертия возникла из практики сожжения, более позднего и совершенного нововведения, изобретенного на третьем этапе развития человеческой культуры, и тесно связана с ним. В ранний исторический период все наиболее развитые и культурные нации сжигали своих мертвецов и, как следствие, приняли более идеальное и утонченное представление о Бессмертии. Но современные европейские нации хоронят своих мертвых и, как следствие, принимают, по крайней мере номинально, более грубое представление о Воскрешении. Номинально, я говорю, потому что, несмотря на вероучения и формулы, влияние Платона и других древних мыслителей, а также сохранившихся идей предков, заставило большинство образованных европейцев действительно поверить в Бессмертие, даже когда они воображают, что верят в Воскресение. Тем не менее, вера в Воскресение является общепризнанной и авторитетной верой христианского мира, который, таким образом, заявляет о себе как о более низком уровне в этом отношении, чем цивилизованные народы древности.

Самым ранним из этих двух способов избавления от тел умерших, безусловно, является захоронение. Поскольку этот факт недавно был поставлен под сомнение, я рискну немного остановиться на свидетельствах в его пользу. С точки зрения времени захоронения с уверенностью восходят к эпохе неолита и, с некоторой вероятностью, к палеолиту. Компетентные геологи отнесли несколько настоящих погребений в пещерах к более раннему из этих двух периодов, первому, для которого у нас есть какие-либо достоверные гарантии существования человека на земле. Но, поскольку я не желаю вносить какие-либо противоречивые материалы в это изложение, я откажусь от доказательств захоронения в эпоху палеолита как сомнительных и просто упомяну, что в пещерах Ментоны, согласно мистеру Артуру Эвансу, наиболее компетентному авторитету, мы имеем случай настоящего захоронения, сопровождаемого неолитическими остатками культуры более ранней и простой, чем любая известная нам в других местах. Другими словами, с самого раннего начала эпохи неолита люди

хоронили своих умерших; и они продолжали хоронить их в пещерах или курганах вплоть до конца неолитической культуры. Они хоронили их в Длинных Курганах в Англии; они хоронили их в курганах Огайо; они хоронили их в тенистых лесах Новой Зеландии; они хоронили их в сердце самой мрачной Африки. Я не знаю ни одного случая сожжения или какого-либо другого способа избавления от мертвых, кроме как путем погребения или его более раннего эквивалента - мумификации, среди людей каменного века культуры в Европе. Только когда появляются бронза и другие металлы, расы переходят к третьей стадии, стадии кремации. Однако в Америке мексиканцы - кремационисты.

Широкое распространение захоронений по всему земному шару также является веским аргументом в пользу их относительно примитивного происхождения. Во всех частях света люди сейчас хоронят своих умерших или когда-то хоронили их. От гробниц царей в Пекине до пирамид Мемфиса; от перуанских пещер до самоедских кладбищ, мы находим большинство древних народов, самые дикие народы, самые примитивные народы, которые когда-то или все еще занимались той или иной формой погребения. Погребение - обычный и универсальный способ; сожжение, выставление напоказ, бросание в священную реку и так далее являются спорадическими и исключительными, и во многих случаях, как среди индусов, явно имеют позднее происхождение и связаны с некоторыми относительно современными усовершенствованиями религии.

Еще раз, во многих или большинстве случаев у нас есть убедительные доказательства того, что там, где раса сейчас сжигает своих мертвецов, она когда-то хоронила их. Погребение предшествовало сожжению в доэройской Греции, как это было также в Этрурии и в раннем Лациуме. Жители Длинных Курганов, как правило, в Западной Европе, хоронили своих умерших; пришедшие им на смену жители Круглых Курганов, обладавшие гораздо более высоким уровнем культуры, почти всегда кремировали. Предполагалось, что сожжение изначально существовало в Индии; но мистер Уильям Симпсон, хорошо известный художник *Illustrated London News*, обращает мое внимание на тот факт, что Веды с большой ясностью говорят о погребении как обычном способе захоронения трупа и даже упоминают курган, каменный круг вокруг него и священный *теменос*, который они окружают. Согласно Раджендралале Митре, чей высокий авторитет в этом вопросе общепризнан, захоронение было правилом в Индии примерно до тринадцатого или четырнадцатого века до христианской эры; затем наступила кремация с захоронением праха, и это продолжалось примерно до времен Христа, когда от захоронения отказались, а прах бросили в какую-то священную реку. Поэтому я думаю, что до тех пор, пока не будут представлены какие-либо более позитивные доказательства с другой стороны, мы можем довольствоваться нашим общим выводом о том, что погребение является древнейшим, наиболее универсальным и наиболее жестоким способом избавления от останков умерших среди человечества после всеобщего признания смерти как положительного условия. Вероятно, он возник в ранний период, когда человечество еще было одним однородным видом; и, соответственно, оно было рассеяно по всему миру, даже на самых отдаленных островах океана.

Каково происхождение этого варварского и отвратительного обычая, столь противного всем наиболее тонким чувствам человеческой натуры? Я думаю, мистер Фрейзер прав, приписывая это ужасу, испытываемому живыми перед призраками (или, скорее, поначалу перед трупами) умерших, и страху, что они могут вернуться, чтобы напасть или встревожить своих выживших соплеменников.

В своей замечательной статье “Некоторые погребальные обычаи как иллюстрация примитивной теории души” мистер Фрейзер указывает, что некоторые племена древних людей уделяли большое внимание умершим не столько из привязанности, сколько из эгоистичного страха. Призраки или тела умерших бродят по земле повсюду, если только их искусственно не ограничить рамками, и делают себя чрезвычайно неприятными для своих оставшихся в живых родственников. Чтобы предотвратить это, простая примитивная философия на своей второй стадии изобрела множество приемов. Наиболее универсальным является захоронение мертвых, то есть помещение их в глубокую яму и насыпание могучей насыпи земли, которая теперь, к сожалению, превратилась в цивилизованных странах в простую формальную кучу, но которая первоначально имела размеры и достоинство кургана. Целью нагромождения этой огромной кучи земли было заточение призрака (или трупа), который не мог легко сдвинуть с места такую огромную массу материи. На самом деле люди хоронили своих умерших, чтобы как можно лучше избавиться от них и эффективно предотвратить их возвращение к свету, чтобы они не беспокоили выживших.

По той же причине на мертвых часто наваливали тяжелые камни. В какой-то форме они в конце концов превратились в пирамиду из камней; и, поскольку призраки убийц и их жертв, как правило, особенно беспокойны, каждый, кто проходит мимо их могил в Аравии, Германии и Испании, обязан добавить камень к растущей куче, чтобы ограничить их. В другой форме, представляющей собой единственный большой камень, прикатанный прямо поверх тела, чтобы удержать его своей массой, довесок превратился в современное надгробие. В наше время, действительно, надгробный камень превратился в обычную посмертную дань вежливости и обычно используется для записи имени и несравненных добродетелей покойного (в отношении которого *nil nisi bonum*); но по происхождению это был не более чем большой, тяжелый валун, предназначенный для заточения призрака, и по замыслу и функции он был каким угодно, но только не почетным.

Опять же, некоторые нации идут еще дальше в своих попытках удержать призрак (или труп) от скитаний. Труп дамары, говорит Гальтон, зашитый в старую бычью шкуру, закапывают в яму, и зрители прыгают взади вперед над могилой, чтобы не дать покойному подняться из нее. В Америке тупи крепко связывали все конечности трупа, “чтобы мертвец не смог встать и не надоедал своим посещениям друзьям”. Как отмечает мистер Фрейзер, вы даже можете отклонить реку от ее русла, надежно похоронить своего покойника в ее русле, а затем позволить ручью вернуться в свое русло. Именно таким образом Аларих был сохранен в своей могиле от дальнейшего преследования человечества; и таким образом капитан Камерон обнаружил, что племя жителей Центральной Африки заставило своих умерших вождей “перестать беспокоить”. Иногда, опять же, могила обнесена забором, слишком высоким, чтобы покойник мог перелезть его даже прыжком с разбега; а иногда выжившие принимают благоразумные меры предосторожности, надежно прибывая тело гвоздями к гробу, или ломая позвоночник своему другу, или даже — но это крайний случай — разрубая его на куски. В христианской Англии бедняге, доведенному несчастьем до самоубийства, не давали бродить по округе, причиняя неудобство подданным, хороня его с варварски вбитым в него колом. Австралийцы подобным образом отрубали большой палец убитому врагу, чтобы он не мог натянуть лук; а греки имели обыкновение отрубать конечности своим жертвам, чтобы вывести их из строя для дальнейшего боя. Эти случаи станут очень яркими, когда мы приступим к изучению происхождения и значения кремации.

Таким образом, я полагаю, что погребение - это просто по происхождению средство, используемое живыми для защиты от бродячих наклонностей настоящих мертвецов. По какой-то оккультной причине подавляющее большинство людей во все века по глупости боялись встречи с духами усопших. Их великим желанием было не видеть, а избежать встречи с этими необычными посетителями; и с этой целью они изобрели, прежде всего, погребение, а затем кремацию.

Распространенное современное представление о призраке, безусловно, представляет собой нематериальную или призрачную форму, которую можно увидеть, но не потрогать, и которая сохраняет внешнее подобие человеческой фигуры. Но сама эта идея, которая была привнесена во все наши описания и рассуждения о верованиях первобытного человека в привидения, я склонен думать, что она очень далека от примитивной и в значительной степени находилась под влиянием довольно поздних концепций, основанных скорее на кремационном, чем на погребальном уровне религиозной философии. Другими словами, хотя, в соответствии со всеобщим употреблением и прецедентом мистера Фрейзера, я использовал слово "призрак" выше, говоря об этих суеверных страхах раннего человека, я полагаю, что древние люди даже на этой второй стадии действительно боялись гораздо меньше духа, чем самого трупа. Это труп, который может вернуться и причинить вред выжившим. Именно труп должен быть прижат к земле физическими средствами, его нужно засыпать землей, придавить большим и тяжеловесным камнем, лишить больших пальцев, кистей, глаз, членов. Правда, я полагаю, что дикарь также думает о призраке или двойнике как о возвращении на землю; но его психология, как мне кажется, не настолько определена, чтобы проводить очень точное различие между трупом и духом. Точное разграничение этих двух понятий относится, как мне кажется, скорее к посткрематической и более духовной философии, чем к первичной, или консервирующей, и вторичной, или бесчеловечной.

Любой, кто обратит внимание на доказательства, собранные мистером Фрейзером, сам увидит, что меры предосторожности принимаются скорее против возвращения реального физического тела, чем против возвращения призрака. Или, возможно, если быть более точным, об этих двух вещах вряд ли думают на этой ранней стадии разделения или противопоставления.

Если мы посмотрим на средства, принимаемые для сохранения тела после смерти у большинства примитивных народов, выше уровня Тасмании, эта истина о том, что труп сам по себе бессмертен, становится все яснее и яснее. Фактически, мы все еще находимся на том уровне, где призрак и мертвец недостаточно дифференцированы. Во всех этих случаях считается, что мертвое тело продолжает жить в могиле той же жизнью, которую оно вело на поверхности; и для этой цели оно обеспечено оружием, орудиями труда, посудой, продуктами питания, сосудами и всем необходимым для жизни в его новом особняке. Продолжение разумного существования тела после смерти является лейтмотивом самого раннего уровня психической философии. Сначала труп живет в хижине со своей семьей; позже он живет в могиле со своими предками.

Но бок о бок с этой наивной верой в продолжение существования тела после смерти, которое сохраняется и на бесчеловечной стадии эволюции, существует другая и, по-видимому, непримиримая вера в будущее воскресение. Строго говоря, конечно, если тело все еще живо, нет необходимости в каком-либо таком особом оживлении. Но религиозная мысль, как мы все знаем, не всегда гордится такими мирскими достоинствами, как логика или

последовательность; и дикарь, в частности, нисколько не смущается, когда его просят представить один и тот же предмет двумя противоположными и противоречивыми способами. Он не сводит в мыслях эти два несоответствия воедино; он думает о них попеременно, иногда об одном, иногда о другом. Даже христианские систематики вполне привыкли объединять несовместимые верования в будущее воскресение и в продолжение существования души после смерти, предполагая, что душа тем временем остается в некоем неопишемом подвешенном состоянии, отдельно от своего тела — в каком-нибудь неопределенном Шеоле, каком-нибудь тусклом аиде, или чистилище, или “месте усопших духов”. Вряд ли дикарь может быть более требовательным в этом вопросе, чем наши доктора богословия.

Таким образом, общепринято считать, что на второй, или нечеловеческой стадии, в тот или иной момент произойдет “Всеобщее воскресение”. Без сомнения, это Всеобщее Воскрешение постепенно развивалось из веры во многие частичные воскрешения и ожидания их. Понятно, что каждый отдельный труп возродится или может возродиться в какой-то момент: поэтому считается, что все трупы вместе возродятся в один конкретный момент. До тех пор, пока сохраняется погребение, вера в Воскресение сохраняется рядом с ним, и является главной чертой современной концепции будущей жизни среди людей, которые ее практикуют.

Как же тогда нам перейти от этой второй, или бесчеловечной, стадии к третьей стадии с ее практикой сожжения и соответствующей догмой о Бессмертии Души?

Таким образом, как мне кажется. Помимо борьбы с призраком (или трупом) с помощью комьев земли и камней, во многих случаях обычно применялись другие, еще более сильные средства убеждения и разубеждения в том же направлении. Иногда уговоры были самыми мягкими; например, покойника часто вежливо просили и заклинали сохранять спокойствие в могиле и не доставлять хлопот. Но иногда они были менее вежливыми; труп часто забрасывали палками, камнями и горячими углями, чтобы показать ему, что его визиты домой в будущем не будут оценены по достоинству. Очевидно, что обычное лечение колом и нанесением увечий основано на том же принципе; если у человека нет ступней или своих собственных ног, он вряд ли сможет вернуться обратно. Но дальнейшее развитие подобной грубой идеи состоит в том, чтобы отрезать голову, вырвать сердце, разрубить тело на куски, облить кипятком и уксусом опасное место, где зарыт труп. Итак, сжигание, как я понимаю, первоначально относилось к той же категории сильных мер против невосприимчивых призраков или трупов; и это тем более вероятно, что мистер Фрейзер упоминает его среди средств, рекомендованных для использования в крайних случаях с вампирами. Его первоначальной целью, без сомнения, было каким-либо образом воспрепятствовать возвращению трупа в дома живых.

Однако, как только какой-либо народ примет сожжение в качестве обычного обычая, есть вероятность, что при *равных условиях* это продолжится и распространится. Ибо практика кремации настолько полезнее и гигиеничнее, чем практика захоронения, что она дала бы двойное преимущество в борьбе за существование любой расе, которая приняла ее, как в мирное, так и в военное время. Следовательно, вполне естественно, что, когда на определенном уровне культуры определенным расам случалось проникаться этим таким суеверным образом, эти расы, вероятно, процветали и занимали лидирующие позиции в культуре до тех пор, пока никакие неблагоприятные обстоятельства не сводили на нет это преимущество.

Но суеверия и ложная психология, которые поначалу породили представление о продолжении жизни после смерти, конечно, не исчезнут с введением сожжения. Первобытные кремационисты, возможно, надеялись, превращая тела своих умерших в пепел, предотвратить возвращение трупа в присутствие живых; но они не могли предотвратить возвращение призрака в снах выживших; они не могли предотвратить ветер, который вздыхал над могилой мертвеца, летучих мышей, которые порхали, неясные звуки, которые наводили ужас, постоянное ощущение присутствия трупа. Все факторы, из которых состоит призрак или ревенант (если использовать стоп-слово, менее подверженное неправильному толкованию), по-прежнему оставались такими же активными, как и прежде. Следовательно, я полагаю, с введением кремации концепция призрака претерпела лишь незначительные изменения. Он стал более призрачным, более нематериальным, более светлым, более духовным. Одним словом, он стал, строго говоря, призраком, как мы сейчас понимаем это слово, а не возвращающимся мертвецом. Мне кажется, что такое представление о призраке как о тени особенно характерно для народов, совершающих кремацию. Я могу ответить за это, что среди негров, например, “даппи” воспринимается как вполне материальный объект. Классическая литература, литература кремирующих греков и римлян, больше всего познакомила нас с представлением о призраке как о чем-то призрачном и неосвязаемом. У похоронных рас есть более надежные двойники. Когда Петр сбежал из тюрьмы в Иерусалиме, собравшиеся братья придерживались мнения, что это, должно быть, “его ангел”. О белой женщине, которая годами жила в коренном австралийском племени, хозяева всегда говорили как о призраке. Одним словом, на низкой ступени культуры *пришелец* воспринимается как материальный и земной; на более высокой ступени он воспринимается как нематериальный и призрачный.

Теперь, когда люди начинают сжигать своих умерших, становится ясно, что они больше не смогут верить в Воскресение Тела. Действительно, если я прав в изложенной здесь теории, то они прибегают к сожжению только для того, чтобы предотвратить Воскрешение Тела в неподходящие моменты. Конечно, цивилизованные нации с их развитой верой в чудеса способны предположить не только то, что море отдаст своих мертвецов, но также и то, что сожженные, искалеченные или рассеянные тела будут собраны со всех частей, чтобы быть снова собранными при Воскресении. Это, однако, не наивная вера простых и естественных людей. Для них, когда вы сжигаете тело, вы полностью уничтожаете его, здесь и после; и мы знаем, что увечья и сожжения использовались именно с этой целью в случае вампиров и других трупов, полное уничтожение которых было желательно. Сипаев расстреливали из ружей во время индийского мятежа по той простой причине, что, согласно индуистским верованиям, такой метод уничтожения уничтожал не только тело, но и душу - избавлялся от них полностью. Обычная человеческая идея состоит в том, что когда вы сжигаете тело, вы просто уничтожаете его; и именно по этой причине ранние христиане предпочитали погребение кремации, потому что они думали, что таким образом у них больше шансов на Воскресение. Это правда, что они допускали, что божественное всемогущество могло создать новые тела для сожженных мучеников; но что касается их самих, то они, похоже, предпочитали в среднем продолжать жить в старых, привычных телах.

Поэтому естественно, что среди народов, совершающих кремацию, учение о Воскрешении Тела имело тенденцию к исчезновению, и на смену ему пришло учение о Бессмертии Души. Вы можете сжечь тело, но дух все равно выживет; и это выживание дает начало новой философии призраков и *ревенантов*, новой идее внутренней природы призрачности. Постепенно дух начинает восприниматься как божественная сущность, как бы запутанная и заточенная в сетях

плоти, и высвобождается только с помощью огня, который, таким образом, в конце концов рассматривается как дружественный, а не разрушительный в своем действии на мертвое тело. То, что поначалу было мерой предосторожности против возвращения трупа, в конце концов становится благочестивым долгом; точно так же, как само погребение, изначально эгоистичная предосторожность против шалостей и уловок возвращающихся трупов, становится в конце концов настолько священным и императивным, что непогребенные призраки воспринимаются как бродящие повсюду Архиты, выпрашивающие горсть песка, чтобы навсегда избавить их от бездомного скитания. Народы, которые сжигают, начинают рассматривать акт сожжения как назначенное средство для освобождения духа из сковывающих оков тела и рассматривают это скорее как священный долг перед умершими, чем как личную предосторожность.

И не только это, но среди них возникает смутное и причудливое представление о мире теней, действительно весьма отличное от определенного и материального представления о двух более ранних стадиях. Считалось, что мумия обитает в гробнице, которая была обставлена и украшена для ее приема, как дом; и она была снабжена всеми необходимыми предметами для использования и комфорта. Даже погребенное тело было снабжено инструментами и приспособлениями для призрака. Потребности тени совершенно иные и более призрачные. Он не нуждается в земных инструментах или орудиях труда. Предметы, найденные в Длинных курганах погребального народа и Круглых курганах крематористов, хорошо иллюстрируют это изначальное и далеко идущее различие. Длинные курганы людей каменного века насыпаны над местом погребения; в них находится закрытая гробница, которая на самом деле является подземным домом или дворцом похороненного в ней тела. Жены и рабыни покойного были убиты и похоронены вместе с ним, чтобы составить ему компанию в его новой жизни в могиле; а орудия труда, оружие, чашки для питья, игры, безделушки и украшения были похоронены вместе со своими владельцами. Вся жизнь в могиле была такой же материальной и реальной, как и эта; те же предметы, которые служили воину в этом мире, в равной степени будут служить ему в той же форме в следующем. Совсем иначе обстоит дело с Круглыми курганами крематориев бронзового века. Эти курганы сложены вокруг урны, которая определяет форму кургана, поскольку камерная гробница и труп определяют форму погребений более раннего каменного века. В них только пепел; а все инструменты и оружие, помещенные в них, сломаны или обуглены огнем. Почему? Потому что призрак, каким бы нематериальным он сейчас ни стал, больше не может пользоваться твердым земным оружием или посудой. Только их призраки или тени могут быть как-то полезны призрачному обладателю в стране теней. Следовательно, все, в чем он нуждается, сжигается или ломается, чтобы его призрак мог быть высвобожден; и все материальные объекты теперь воспринимаются как обладающие такими призраками, которые могут быть соответствующим образом использованы в мире духов.

Обратите также внимание, что с этим продвижением от выжившего или оживляемого Труса к бессмертной Душе или Духу почти естественно и обязательно происходит соответствующий переход от продолжающейся, но уединенной жизни в могиле к более свободной и более широкой жизни в подземном мире теней и духов. Призрак становится значительно раскрепощенным. У него появляется больше свободы передвижения, и он становится гражданином организованного сообщества, часто рассматриваемого как управляемое Царем Мертвых и разделенное на места вознаграждения и наказания. Но в то время как мы, современные европейцы, притворяемся воскресенцами, фактом является то, что наши нынешние призрачные и эсхатологические концепции (я говорю о мире в целом, а не просто о богословах-схоластах) в значительной степени находились под влиянием идей, вытекающих из

этой противоположной доктрины — доктрины, которой когда-то придерживались многие или большинство наших собственных предков и с детства были знакомы нам по классической литературе. На самом деле, в то время как большинство современных англичан считают, что они верят в Воскресение Тела, на самом деле они верят в Бессмертие Души.

На первый взгляд может показаться, что между двумя несовместимыми идеями существует серьезное расхождение: во-первых, хоронили или сжигать своих умерших, чтобы они не смогли вернуться или досаждают вам, и, во-вторых, поклоняться на их могилах или делать подношения их бестелесным духам. Но для ума дикаря эти две концепции ни в коем случае не являются несовместимыми. Когда он прыгает на труп своего друга или своего отца, чтобы опустить его в узкую яму, которую вырыл для него, он все же приносит ему еду и питье или убивает животных у могилы, чтобы дух мог освежиться стекающей к нему кровью. Действительно, существует несколько промежуточных обычаев, которые помогают нам преодолеть очевидную пропасть между благоговейным сохранением мумифицированного тела и грубыми мерами предосторожности при погребении или сожжении. Таким образом, во многих случаях, некоторые из которых мы рассмотрим в следующей главе, после того, как тело в течение некоторого времени было похоронено, голова извлекается из могилы и бережно хранится в семейном молельне, где ей поклоняются и за ней ухаживают и где она часто дает предсказания членам семьи. Церемониальное омовение почти всегда является неотъемлемой частью этого приема головы; оно повторяется снова и снова в различных случаях, вплоть до захоронения головы Хосейна в Каире и головы Сен-Дени в одноименном аббатстве, к обоим из которых мы вернемся еще раз на гораздо более позднем этапе нашего исследования. На данный момент достаточно сказать, что церемониальное и пророческое сохранение головы — той части, которая видит, и говорит, и ест, и пьет, и слушает — является общей чертой всех религиозных обычаев; что это, по-видимому, дает начало коллекциям семейных черепов, которые украшают так много хижин и ораторий дикарей; что это, в конечном счете, может быть причиной римских бюстов и многих других имитационных изображений мертвых, на которых представлена только голова; и что при переносе на священную жертву человека или животного (его самого, как мы увидим ниже), убитый бог), это, по-видимому, объясняет человеческие головы, вывешиваемые даяками и другими дикарями около своих домов, а также черепа быков и других священных животных, обычно выставляемые перед местами поклонения, последней реликвией которых являются скульптурные головы быков, заполняющие метопы в некоторых греческих и большинстве римских храмов. Я признаю, что многое из этого будет малопонятно читателю на данном этапе наших рассуждений, но я прошу его временно иметь в виду это пророческое и репрезентативное значение головы или черепа с этого момента и далее; он обнаружит, что по мере продвижения его значение будет становиться все яснее и больше на каждом последующем этапе нашего изложения.

Я должен также добавить, что между полным сохранением трупа и практикой погребения, по-видимому, прошла еще одна промежуточная стадия, ныне сравнительно редкая, но когда-то очень распространенная, если судить по следам, которые она оставила после себя, — стадия, когда все тело или его часть было сакраментально съедено выжившими в качестве акта поклонения. Мы рассмотрим эту любопытную и отвратительную практику более подробно, когда дойдем до сложной проблемы жертвоприношения и таинства; пока же достаточно будет сказать, что во многих случаях в Австралии, Южной Америке и других местах тело съедается, в то время как сжигаются или закапываются только кости. У этих дикарей, опять же, обычно бывает так, что голову очищают от плоти путем приготовления пищи, в то время как череп

церемониально моют и сохраняют как предмет домашнего почитания и божество-оракул. Примеры будут приведены в последующих главах.

Таким образом, между заботой о предотвращении возвращения трупа и поклонением призраку или тени примитивные расы не испытывают такого чувства несоответствия, которое мгновенно пришло бы в голову цивилизованным людям.

Три стадии развития человеческих представлений, о которых идет речь в этой главе, можно кратко охарактеризовать как поклонение трупу, духу и тени.

ГЛАВА IV. ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОГОВ.

Мистер Герберт Спенсер в своих *Принципах социологии* так превосходно проследил прогресс развития от Духа к Богу, что я не предлагаю в этой главе предпринимать ничего большего, чем краткое изложение его основных положений, которые, однако, я дополню свежими примерами и в то же время адаптирую к концепции трех последовательных стадий в человеческих представлениях о жизни мертвых, изложенных в предыдущем рассуждении. Но поспешное резюме которое я приведу сейчас, будет попутно дополнено позже рассмотрением нескольких национальных религий.

На самой ранней стадии — стадии, когда сохраняются настоящие тела умерших, — Боги как таковые по большей части неизвестны: именно трупам друзей и предков поклоняются и почитают их. Например, Эллис говорит о трупе таитянского вождя, что его поместили в сидячем положении под защитным навесом; “перед ним был воздвигнут небольшой алтарь, и родственники или священник, назначенный для ухода за телом, ежедневно приносили в жертву фрукты, еду и цветы”. (Этот момент, касающийся священника, имеет существенное значение.) Жители Центральной Америки, опять же, как отмечает мистер Спенсер, совершали аналогичные обряды перед тем, как тела высушивались искусственным нагревом. Жители Новой Гвинеи, как выяснил Д'Альбертис, поклоняются высушенным мумиям своих отцов и мужей. Немного выше по шкале мы видим развитое поклонение мумиям в Египте и Перу, которое сохраняется даже после эволюции более великих богов, от могущественных королей или вождей. Другие многочисленные свидетельства были приведены из Полинезии и Африки. Везде, где хранятся настоящие тела умерших, им также поклоняются и приносят жертвы.

Однако, как уже отмечалось, часто не все тело, а только голова подвергается особому хранению и поклонению. Так, мистер Х. О. Форбс говорит о жителях Буру: “Мертвых хоронят в лесу в каком-нибудь уединенном месте, часто отмеченном *мерангом* или могильным столбом, на который через определенные промежутки времени родственники кладут табак, сигареты и различные подношения. Когда тело разлагается, сын или ближайший родственник расчлняет голову, заворачивает ее в новую ткань и кладет в Матакау за своим домом или в маленькую хижину, возведенную для нее рядом с могилой. Это представитель его предков, к чьим заветам он относится с величайшим уважением”.

В этом интересном рассказе заслуживают внимания два момента, дающие нам предварительный намек на два дополнительных аксессуара, эволюцию которых мы должны проследить ниже; во-первых, могильный столб, от которого, вероятно, произошел деревянный идол; и, во-вторых, маленькая хижина, воздвигнутая над головой рядом с могилой, что, несомненно, является одним из истоков храма или молитвенного дома. Обратите внимание также на церемониальное заворачивание черепа в ткань и его оракульные функции.

Подобным же образом мистер Уайатт Джилл, хорошо известный миссионер, пишет о мертвом младенце в Боэре, в Новой Гвинее: “Он будет покрыт слоем земли в два дюйма, друзья будут наблюдать у могилы; но в конечном итоге череп и кости поменьше будут сохранены, и мать будет носить их”. А о народе суау он говорит: “Поинтересовавшись использованием нескольких маленьких домиков, я узнал, что они предназначены для засыпки могильных ям. Все члены семьи после смерти занимают одну и ту же могилу, земля, тонким слоем покрывавшая последнего обитателя, вычерпывается, чтобы впустить вновь прибывшего. Эти могилы неглубокие; умерших хоронят в сидячей позе со сложенными руками. Землю засыпают только по горло. Глиняный горшок закрывает голову. Через некоторое время горшок снимают, идеальный череп вынимают и очищают — в конечном итоге его подвешивают в корзине или сетке внутри жилища умершего над огнем, чтобы он почернел в дыму.” В Африке, опять же, череп часто хранят в таком горшке и перед ним молятся. В Америке в курганах в Нью-Мадриде и других местах были найдены глиняные горшки, отлитые в форме человеческих черепов; череп нельзя извлечь, не разбив сосуд. Действительно, этот любопытный метод консервирования в горшочках, по-видимому, очень распространен; возможно, мы получаем смутный намек или воспоминание о его прежнем распространении в Европе в истории об Изабелле и горшочке с базиликом.

Особый выбор и сохранение головы в качестве объекта поклонения, отмеченный таким образом в Новой Гвинее и на Малайском архипелаге, также до сих пор встречается у многих других первобытных народов. Например, андаманские вдовы хранят черепа своих мужей как драгоценное достояние, а жители Новой Каледонии в случае болезни или несчастий “приносят пищу в жертву черепам усопших”. М-р Спенсер приводит несколько подобных примеров, лишь некоторые из которых я извлекаю из его страниц.

“В частной хижине-фетише короля Адоли в Бадагри череп отца этого монарха хранится в глиняном сосуде, закопанном в землю’. Он ‘мягко упрекает его, если его успех не оправдывает его ожиданий’. Точно так же у манданов, которые кладут черепа своих умерших по кругу, каждая жена знает череп своего бывшего мужа или ребенка, и редко проходит день, чтобы она не посетила его с блюдом самой лучшей приготовленной пищи.... В приятном дне едва ли бывает час, но можно увидеть, как многие из этих женщин сидят или лежат у черепа своего ребенка или

мужа, разговаривая с ним на самом приятном и ласковом языке, который они могут использовать (как они привыкли делать в прежние дни), и, по-видимому, получают ответ ”.

Этот нежный тип общения с мертвыми, почти свободный от страха, особенно характерен для первой стадии человеческих представлений о смерти, или стадии сохранения трупа. Оно редко сохраняется там, где погребение сделало чувство к трупу болезненным или отвратительным, и тогда оно ограничивается только головой, в то время как саму могилу с телом, которое в ней находится, скорее избегают и боятся.

Немного выше этого уровня г-н Дю Шайю отмечает, что некоторые из его западноафриканских последователей, отправляясь в экспедицию, доставали черепа своих предков (которые они свято хранили) и соскребали небольшие кусочки костей, которые смешивали с водой и пили; объясняя такое поведение тем, что их предки были храбрыми, и что, выпив их часть, они тоже стали храбрыми и бесстрашными, как их предки. Здесь мы имеем простой и ранний пример привычки “есть бога”, на универсальность и важность которой так убедительно привлек внимание мистер Фрейзер и которую мы должны полностью рассмотреть в следующей главе.

На протяжении более ранних и грубых фаз эволюции человека это примитивное представление о предках или умерших родственниках как о главных известных объектах поклонения сохраняется в неизменном виде, и поклонение предкам по сей день остается основной религией китайцев и ряда других народов. Боги как таковые практически неизвестны в Китае. Поклонение предкам также сохранилось у многих других рас в качестве одного из основных культов, даже после того, как на него наложились другие элементы более поздней религии. В Греции и Риме это до последнего оставалось важной частью домашнего ритуала. Но в большинстве случаев со временем устанавливается постепенная дифференциация между различными классами призраков или умерших людей, причем некоторые призраки считаются более важными и могущественными, чем другие; и из этих последних, как правило, в конечном итоге развиваются боги. На самом деле, бог — это, по крайней мере, вначале, исключительно могущественный и дружелюбный призрак - призрак, способный помочь и от помощи которого можно разумно ожидать великих свершений.

Опять же, возвышение власти вождя и царя во многом связано с ростом более высокого представления о божестве; умерший царь любой великой силы или авторитета, несомненно, со временем будет рассматриваться как бог значительной важности. Позже мы более полно проследим эту идею в религии Египта; пока же достаточно сказать, что предполагаемое могущество богов в каждом пантеоне регулярно возрастало пропорционально возросшему могуществу королей или императоров.

Когда мы переходим с первого уровня сохранения трупов и мумификации на второй уровень, где захоронение является обычным делом, на беглый взгляд может показаться, что дальнейшее поклонение мертвым и возведение их в ранг богов больше невозможно. Ибо мы видели, что погребение вызвано смертельным страхом перед тем, как труп или призрак вернутся и будут досаждают живым. Тем не менее, естественная привязанность к родителям или друзьям и желание заручиться их доброй волей и помощью делают эти, казалось бы, противоположные идеи приемлемыми. Фактически, мы обнаруживаем, что даже когда люди хоронят или сжигают своих умерших, они продолжают поклоняться им: в то время как, как мы покажем в дальнейшем, даже большие камни, которые они закатывают на могилу, чтобы мертвые не воскресли, со временем становятся алтарями, на которых приносятся жертвы духу.

На этих двух более поздних стадиях мышления о мертвых, которые сопровождают погребение и кремацию, боги действительно становятся все более и более отличными от второстепенных призраков с ускоряющейся скоростью эволюции. Они становятся больше пропорционально возвышению храмов и иерархий. Более того, сама неопределенность бестелесного призрака говорит в пользу возросшего божественного статуса. Боги считаются все более и более воздушными и нематериальными, менее определенно человеческими по форме и природе; они облечены могущественными атрибутами; они приобретают колоссальные размеры; их даже отождествляют с солнцем, луной, великими силами природы. Но они никогда не бывают вполне всемогущими на политеистической стадии, потому что в пантеоне они неизбежно взаимно ограничивают друг друга. Даже в греческой и римской цивилизации ясно, что обычные умы обычно не представляли себе богов чем-то большим, чем люди; ибо Писистрат нарядил афинскую куртизанку, чтобы та изображала Афину Палладу, и этим дешевым театральным трюком навязал себя вульгарным афинянам; в то время как Павла и Варнаву в Листре приняли за Зевса и Гермеса. Ученому-классику сразу придет в голову множество подобных примеров. Лишь довольно поздно, под влиянием монотеизма, превалирующие ныне возвышенные представления о божестве начали формироваться в иудаизме и христианстве.

Простое домашнее поклонение предкам, опять же, едва ли могло дать нам представление о происхождении чего—либо большего, чем домашняя религия, - культа грив, домашних богов, в отличие от культа племенных и национальных божеств. Но королевская власть дает нам недостающее звено. В рассказе мистера Даффа Макдональда о боготворчестве в Центральной Африке мы видели, как поклонение предкам вождя приводит к возникновению племенных или деревенских богов; и ясно, как по мере расширения власти вождя и короля из этих ранних монархов могут постепенно развиваться национальные боги гораздо более высокого типа. Особенно мы должны принимать во внимание фактор времени, помня, что более ранние предки в конце концов индивидуально забываются как люди и остаются в памяти только как сверхъестественные существа. Таким образом, царствование быстро реагирует на божественность. Если сам ныне живущий король велик, насколько более великим должен быть предок, которого даже сам король боится и которому поклоняется; и насколько бесконечно более великим должен быть тот еще более древний бог, предок предка, которого сам предок почитал и умилялся! Примерно таким образом постепенно вырастает иерархия богов, среди которых самые старые и, следовательно, наименее известные обычно в конце концов оказываются величайшими из всех.

Консолидация королевств и империй, а также развитие искусств с одновременной силой сказываются в этих направлениях; в то время как изобретение письменности ставит окончательную печать на божественности и могуществе великих древних предков. Действительно, среди очень примитивных племен мы находим, как правило, только очень домашние и недавние объекты поклонения. Вождь молится по большей части своему собственному отцу и своим непосредственным предшественникам. Более древние предки, как хорошо заметил мистер Дафф Макдональд, быстро уходят в небытие. Но у более развитых рас возникают различные факторы, которые помогают помнить о ранних умерших; и в очень развитых сообществах эти факторы, достигая высокой ступени эволюции, заставляют недавних богов, королей или призраков казаться сравнительно неважными по сравнению с очень древними и очень давно почитаемыми. Больше, чем о чем-либо другом, можно сказать о боге, *vires acquirit eundo*. Таким образом, в развитых типах общества святые или боги недавнего происхождения приобретают лишь второстепенное значение; в то время как высшие и

величайшие боги из всех принадлежат к глубочайшей древности, история человечества которых теряется из виду в тумане веков.

Здесь необходимо упомянуть три таких фактора, имеющих первостепенное значение при переходе от простого призрака к полностью развитому богу. Это рост храмов, идолов и, прежде всего, духовенства. Теперь мы должны кратко рассмотреть каждый из них, но по отдельности.

Происхождение Храмов различно; но, тем не менее, все храмы в конечном итоге могут быть превращены либо в могилы умерших, либо в места, где им поклоняются специально. Эта истина, к которой мистер Герберт Спенсер пришел, изучив отчеты путешественников или историков, и развил ее в связи со своими *Принципами социологии*, была независимо достигнута с помощью совершенно иного подхода к наблюдению и рассуждениям мистером Уильямом Симпсоном, хорошо известным художником из "*Иллюстрированных лондонских новостей*". Мистер Симпсон, вероятно, посетил большее количество культовых сооружений по всему миру, чем любой другой путешественник любого поколения: и на него рано произвел впечатление тот факт, который бросился ему в глаза, а именно, что почти каждое из них, где можно было проследить его происхождение, было получило гробница в том или ином виде. Он изложил результаты своих исследований в этом направлении в нескольких замечательных статьях, все из которых, но особенно ту, которая называется "*Поклонение смерти*", я могу с уверенностью рекомендовать серьезному вниманию изучающих религию. Они содержат самую большую коллекцию примеров по этому вопросу, когда-либо сделанных; и они, вне всякого сомнения, показывают связь самой идеи храма с могилой какого-либо выдающегося умершего человека, известного своей силой, мужеством или святостью.

Пещера, вероятно, является первой формой Храма. Иногда мертвеца оставляют в пещере, в которой он жил при жизни; случай, который мы уже заметили у веддов Цейлона. В других случаях, когда расы переросли обычай пещерного проживания, обычай пещерного погребения или, скорее, захоронения мертвых в пещерах или в искусственных гротах все еще сохраняется благодаря обычному консерватизму религиозного чувства. Во всех этих различных пещерах совершаются подношения умершим: и здесь мы получаем зачатки пещерных храмов. Такие храмы поначалу, конечно, либо естественны, либо чрезвычайно грубы; но вскоре их начинают украшать грубыми фресками, как это делают, например, южноафриканские бушмены. Со временем эти фрески снова постепенно порождают такие великолепные произведения, как Гробницы царей в Фивах; к каждой из них пристроен великолепный храм в качестве часовни погребения. Скульптура аналогичным образом используется при украшении пещерных храмов; и конечный результат такого художественного орнамента мы получаем в великолепных пещерных храмах, подобных храмам Эллары. Оба искусства использовались вместе в красивых и интересных этрусских храмах-усыпальницах.

В другом классе случаев хижина, в которой жил умерший, покидается после его смерти его живущими родственниками и, таким образом, становится рудиментарным Храмом, где ему совершаются подношения. Так обстоит дело с готтентотами, если взять пример с очень низким уровнем культуры. О захоронении в хижине в Новой Гвинее мистер Чалмерс говорит: "Вождь похоронен в центре; на могиле была расстелена циновка, на которой меня попросили посидеть, пока они не поплачут". Этот плач обычно исполняют женщины — штрих, который приводит нас к обрядам Адониса и Осириса, а также к христианской пьете. Мистер Спенсер собрал несколько других превосходных примеров. Так, араваки помещают труп в маленькую лодку и

хоронят его в хижине; среди ручьев жилище умершего становится местом его погребения; фанти также хоронят умершего в его собственном доме; а юкатанцы “как правило, бросали дом и оставляли его необитаемым после погребения”. Я не буду множить цитаты; будет лучше отослать читателя к страницам самого мистера Спенсера, где собрано достаточное количество подтверждающих примеров, чтобы удовлетворить любого, кроме самого предвзятого критика. “По мере того, как в заброшенный дом постоянно приносят еду, - говорит м-р Спенсер, - и поскольку наряду с приношениями совершаются и другие действия умилоствления, заброшенный жилой дом, превращенный в похоронное бюро, приобретает атрибуты храма”.

Третье происхождение Храмов можно найти в сарае, хижине или укрытии, возводимом над могилой либо для защиты умерших, либо для удобства живых, которые приносят свои подношения. Так, в некоторых частях Новой Гвинеи, по словам м-ра Чалмерса, “туземцы хоронят своих умерших перед своими жилищами и прикрывают могилу небольшим домиком, в котором ближайшие родственники спят в течение нескольких месяцев”.

“Там, где домашнее погребение не практикуется, ” еще раз говорит м-р Спенсер, - укрытие, возведенное над могилой или над помостом, на котором лежит труп, становится зародышем священного здания. У некоторых народов Новой Гвинеи над местом захоронения воздвигнута “крыша из атапа”. Во времена Кука таитяне клали тело умершего человека на что-то вроде носилок, опирающихся на палки и находящихся под крышей. То же самое на Суматре, где ‘над могилой построен навес’; и то же самое на Тонге. Конечно, этот навес допускает расширение и отделку. Даяки в некоторых местах строят мавзолеи, похожие на дома, высотой 18 футов, украшенные орнаментальной резьбой, в которых хранятся вещи усопших — меч, щит, весло и т.д. Когда мы читаем, что фиджийцы хоронят тела своих вождей в небольших *энбурах*, или храмах, мы можем справедливо заключить, что эти так называемые храмы являются просто более развитыми защитными сооружениями. Еще яснее обычаи перуанцев показали, что сооружение, воздвигнутое над мертвым телом, превращается в храм. Акоста говорит нам, что “каждый из этих королей Инкас оставил все свои сокровища и доходы, чтобы войти в место поклонения, где было похоронено его тело, и там было много министров со всей их семьей, посвятивших себя его служению”.

В качестве последнего штриха, предвещающего, обратите внимание на одно происхождение священства. С другой стороны, мы видели в рассказе мистера Даффа Макдональда о туземцах Центральной Африки, что эти дикари не совершают богослужения у самой могилы. В данном случае ужас перед *ревенантом*, по-видимому, препятствует обычным формам почитания у могилы умершего. Более того, поскольку призрак теперь воспринимается как более или менее свободно отделяемый от трупа, ему можно будет поклоняться в каком-нибудь месте, удаленном от страшного кладбища. Поэтому эти африканцы “ищут духа в том месте, где их ушедший родственник в последний раз жил среди них. Их храмом является большое дерево на веранде дома умершего, и если здесь не растет ни одного дерева, они устраивают небольшую тень и там совершают свои простые обряды”. В данном случае у нас есть еще одно возможное происхождение некоторых храмов, а также, добавлю я, предвосхищая будущую главу, священного дерева, которое является столь распространенным объектом благочестивого поклонения во многих странах.

Начиная с таких естественных пещер или таких скромных хижин, Храм приобретает большие размеры и более красивые украшения по мере развития искусства и роста королевств.

Особенно, как мы видим в храмах-усыпальницах и пирамидах Египта и Перу, оно приобретает огромные размеры и дорогие украшения, когда его строит могущественный царь для себя при жизни. Храмы-гробницы, подобные этому описанию, достигают высшей точки художественного развития в таком здании, как так называемая Сокровищница Атрея в Микенах, которая на самом деле является усыпальницей какого-то безымянного доисторического монарха. Он превосходно реконструирован в Перро и Чипьеze.

Очевидно, важность и великолепие храма повлияют на популярное представление о важности и великолепии бога, который в нем обитает. И наоборот, по мере того, как боги становятся все более и более могущественными, все больше искусства и конструктивного мастерства будет постоянно направляться на строительство и украшение их постоянных жилищ. Таким образом, в Египте гробница часто строилась более тщательно и великолепно украшалась, чем дом, потому что в доме жили лишь короткое время, а в гробнице - вечность. Более того, по мере того как короли становились все более могущественными, они часто украшали храмы своих предков с нескрываемой гордостью, чтобы показать свое собственное величие. В Египте, опять же, первоначальная часть всех наиболее важных храмов представляет собой всего лишь небольшую темную камеру древнего происхождения, к которой один сменяющий друг друга царь в более поздних династиях добавлял все более величественные вестибюли или портики, так что в конце концов здание приобрело гигантские размеры и благородные пропорции Карнака и Луксора. Такой важный доступ к храму не мог соответственно не повысить достоинства бога; так что с течением времени, вместо того чтобы забывать ранних царей и им больше не поклонялись, они приобретали все большее и большее значение благодаря великолепию работ, в которых была увековечена их память. В конце концов, бог в значительной степени зависит от своего дома для придания ему впечатляющей. Насколько сама эллинская религия была обязана Парфенону и храму Зевса Олимпийского! Сколь многим само христианство обязано Линкольну и Дарему, Амьену и Шартру, Милану и Пизе, соборам Святого Марка и Святого Петра! Люди не могут поверить, что божества, которым поклоняются в таких благородных и смутно религиозных святилищах, когда-то были такими же людьми, как они сами, состоящими из тех же тел, частей тела и страстей. И все же, по крайней мере, в последнем случае мы знаем, какие великие произведения были воздвигнуты в честь одного-единственного сирийского крестьянина.

С этим кратким и несовершенным замечанием о происхождении храмов, которое косвенно будет расширено в последующих частях моей работы, я перехожу от рассмотрения самого священного здания к рассмотрению Идола, который обычно обитает в нем.

Там, где преобладает погребение и где искусство находится на низкой стадии развития, память об умерших вряд ли сохранится дольше двух-трех поколений. Но там, где мумификация является правилом, нет причин, по которым умерших нельзя сохранять и им нельзя поклоняться в течение неопределенного периода; и мы знаем, что, по крайней мере, в Египте культ царей, умерших в самые отдаленные времена Ранней империи, продолжался регулярно вплоть до дней Птолемеев. В таком случае, как этот, нет абсолютно никакой необходимости в появлении идолов; сам труп является главным объектом поклонения. Соответственно, мы обнаруживаем, что и в Египте, и в Перу поклонение мумии играло большую роль в местных религиях; хотя иногда оно чередовалось с поклонением другим священным предметам, таким как изображение или священный камень, которые, как мы увидим ниже, имели сходное происхождение. Но во многих других странах, где тела сохранились менее заметно и очевидным

образом, поклонение духу или богу часто воздавалось симулякру или идолу; настолько, что “идолопоклонство” стало на христианском языке общим термином для большинства форм поклонения, отличных от монотеистических.

Итак, каково происхождение и значение идолов и как они могут быть связаны с примитивным поклонением трупам или призракам?

Как и храм, идол, я полагаю, имеет множество отдельных источников, некоторые из которых были отмечены мистером Гербертом Спенсером, в то время как другие, как мне кажется, ускользнули от внимания даже этого глубокого и проницательного наблюдателя.

Самые ранние идолы, если мне будет позволено противоречивое выражение, вовсе не идолы - не изображения умершего человека, а настоящие тела, законсервированные и мумифицированные. Однако они легко переходят в различные типы репрезентативных цифр. Ибо, во-первых, сама мумия обычно обернута тканями, скрывающими ее черты; и, во-вторых, она часто заключена в деревянный футляр для мумий, который сам по себе чаще всего имеет грубую человеческую форму и который, несомненно, дал начало определенным формам идолов. Таким образом, изображения Амона, Хема, Осириса и Птаха среди египетских богов часто или обычно изображают мумию в футляре для мумий. Но, кроме того, сама мумия редко или никогда не представляет собой всего человека целиком; по крайней мере, были удалены кишки или даже, как в Новой Гвинее, вся масса плоти, остались только кожа и скелет. Глаза, опять же, часто заменяются, как в Перу, каким-нибудь другим имитирующим объектом, чтобы сохранить реалистичный внешний вид. Подобные случаи приводят к другим, когда изображение или идол постепенно полностью вытесняет труп или мумию.

Г-н Х. О. Форбс приводит интересный пример такого переходного этапа в Тиморлауте. “Тела тех, кто погиб на войне или насильственной смертью, предаются земле, - говорит он, - и если голова была захвачена [врагом], в могилу кладут кокосовый орех, чтобы символизировать отсутствующий член, а также обмануть и удовлетворить его дух”. Существует множество свидетельств того, что таких импровизированных конечностей или тел вполне достаточно для использования душой, когда настоящий труп был уничтожен или изуродован. Иногда, действительно, замена частей является преднамеренной. Ланда говорит о юкатанцах, что они часто отрезали головы древних лордов Кокома, когда те умирали, и очищали их от мяса, готовя их (очень вероятно, чтобы съесть на жертвенном пиру, о котором подробнее ниже); затем они отпилили верхнюю часть черепа, залили остальную часть головы цементом и, придав лицу максимально сходство с лицом первоначального владельца, сохранили эти изображения вместе со статуями и пеплом. Обратите внимание на обычное сохранение головы как исключительно священной. В других случаях они делали для своих отцов деревянные статуэтки, клали в пепел сожженного тела и прикрепляли снятую с трупа кожу на затылке. Эти изображения, наполовину мумии, наполовину идолы, хранились в молельнях их домов, и к ним относились с большим почтением и усердием заботились о них. На всех празднествах им предлагали еду и питье.

М-р Спенсер собрал другие интересные примеры этой переходной стадии между трупом или мумией и простым идиолом. Мексиканцы, которые были сторонниками кремации, обычно сжигали умершего сеньора и собирали пепел; “и, смешав его с человеческой кровью, они делали из него изображение умершего, которое хранили в память о нем”. Иногда, как на Юкатане, пепел помещали в глиняный сосуд в форме человека, а над ним возводили храмы или

молельни. “В других случаях, ” говорит м-р Спенсер, “ имеет место поклонение мощам, объединенное с репрезентативной фигурой, но не включением, а только близостью”. Так, Гомарарассказывает нам, что мексиканцы, сожгли тело своего умершего короля, собрали пепел, кости, драгоценности и золото в ткани и сделали фигуру, одетую как человек, перед которой, так же как и перед мощами, были положены подношения. Ясно, что кремация специально подходит для такой замены изображения реального мертвого тела. Напротив, среди похоронных рас именно отрубленный череп чаще всего сохраняется и ему поклоняются.

Переход от таких изображений к маленьким каменным саркофагам, подобным саркофагам этрусских гробниц, ни в коем случае нельзя назвать великим. Эти саркофаги содержали сожженный прах умерших, но были закрыты крышкой, которая обычно изображала покойного, полулежащего, словно на пиру, с мензуркой в руках. Гробницы, в которые были помещены саркофаги, были двух типов: одна - каменная пирамида или конус, который, по словам доктора Исаака Тейлора, “явно является пережитком кургана”; другая - вырубленная в скале камера, “которая является пережитком пещеры”. Эти величественные могилы - не просто унылые склепы; это обители мертвых, построенные по образцу домов живых. В них есть мебель и керамика, а их стены украшены дорогими настенными росписями. В них также обычно имеется прихожая, где семья может собраться на ежегодный праздник, чтобы отдать дань уважения духам ушедших предков, которые разделили трапезу со своими скульптурными крышками саркофагов.

На следующем этапе удаления от примитивной мумии-идола мы натываемся на изображение в чистом виде. Мексиканцы, например, как мы видели, были сторонниками кремации; и когда люди, убитые в бою, пропадали без вести, они делали из них деревянные фигурки, которым отдавали дань уважения, а затем сжигали их вместо тел. Примерно в том же духе египтяне обычно помещали рядом с самой мумией изображение умершего, чтобы оно служило убежищем или вместилищем для души “на случай случайного разрушения настоящего тела”. Таким образом, мексиканцы снова, если кто-то из их торговцев умирал в путешествии, имели обыкновение делать статую из дерева в форме умершего, которой они воздавали все почести, которые они оказали бы его настоящему трупу, прежде чем сжечь его. В Африке, в то время как короля Конго бальзамируют, во дворце устанавливают статую, представляющую его, и ежедневно снабжают едой и питьем. Мистер Спенсер собрал несколько похожих примеров идолов, заменяющих тела умерших. По *представлениям*, римляне носили восковые маски, которые подобным же образом сохраняли черты предков. Возможно, наиболее любопытный современный пережиток этого обычая двойного изображения можно найти в изображениях наших королей и королев, все еще хранящихся в Вестминстерском аббатстве.

Однако есть два других источника идолопоклонства, которым, как мне кажется, мистер Спенсер едва ли уделил достаточное внимание. Эти два - кол, который отмечает могилу, и стоячий камень или надгробная плита. Я рискну предположить, что гораздо большее число идолов произошли от того или иного из этих двух оригиналов, оба из которых я рассмотрю позже гораздо подробнее. Я полагаю, что в монументальном труде мистера Спенсера действительно нет большего пробела, чем тот, который вызван недостаточным рассмотрением этих двух плодотворных источников объектов поклонения. Поэтому я посвящу их рассмотрению значительное место в последующих главах; пока же достаточно отметить, что деревянный столб, по-видимому, часто служит отправной точкой для резного деревянного изображения, а также для таких более грубых предметов почитания, как конусы и деревянные столбы, столь

широко почитаемые среди семитских племен; в то время как грубый валун, стоячий камень или надгробная плита, по-видимому, служат исходной точкой для каменной или мраморной статуи, самого распространенного типа идола во всем мире во всех развитых и культурных сообществах. Сначала такие камни были просто грубыми глыбами или неотесанными массами, потомками тех, которые в первобытные времена перекатывали над могилой, чтобы удержать тело умершего человека и не дать ему вернуться и потревожить живых. Но со временем они превратились в грубо обработанные плиты или квадраты и, наконец, были украшены грубым изображением человеческой головы и плеч. С этого этапа они легко перешли к греческому Гермю. Теперь мы знаем, что таков был ранний облик большинства эллинских богов и богинь; и мы можем проследить их эволюцию дальше, от этого момента до полностью антропоморфной Афродиты или Зевса. Хорошо известная фигура эфесской Артемиды - это промежуточный случай, который сразу же придет в голову каждому читателю классической литературы. Отталкиваясь от такого бесформенного начала, мы, наконец, переходим к художественным и великолепным бронзовым и мраморным статуям Эллады, Этрурии и Рима, к многоруким божествам современной Индии и к скульптурным мадоннам и пьетам Италии эпохи Возрождения.

Естественно, по мере того, как боги становятся все красивее и совершеннее в мастерстве исполнения, популярное представление об их могуществе и достоинстве должно возрастать *pari passu*. В Египте это увеличение произошло главным образом за счет колоссальных размеров и тонкой обработки твердых гранитных материалов. Так называемые Мемнон и Сфинкс являются известными примерами первого; сиенитные пашты, черные базальтовые боги, столь хорошо известные в Лувре и Британском музее, являются примерами второго. В Греции эффекта добивались скорее идеальной красотой, как у Афродиты и Аполлона, или дороговизной материала, как у хриселефантинского Зевса и Афины Парфенона. Но мы всегда должны помнить, что в самой Элладе эти славные боги были созданы за сравнительно короткий промежуток времени из бесформенных глыб или стоячих камней более грубой религии; более того, у нас все еще есть много любопытных промежуточных форм между чрезвычайно гротескными и почти нечеловеческими микенскими типами и изысканным воображением Мирона или Фидия. Самые ранние эллинские идолы, выгравированные господами Дж. Перро и Чипиес в своем великом труде *об искусстве первобытной Греции* ни в каком отношении не поднимаются выше полинезийского уровня; в то время как так называемые Аполлоны более поздней архаической работы, жестко выпрямленные, с руками по швам, во многих отношениях напоминают прямые вверх-вниз очертания стоячего камня, из которого они сделаны.

Я должен добавить, что в огромном количестве случаев грубое каменное изображение или идол, а на еще более низкой ступени - необработанный священный камень, стоит в качестве центрального объекта под навесом, который постепенно превращается в величественный храм. Прогресс в обоих направлениях, как правило, более или менее параллелен; хотя иногда, как в исторической Греции, храм благороднейшей архитектуры заключает в себе в качестве центрального и главного объекта почитания грубый необработанный камень раннего варварского культа. Так что даже в христианском мире великие церкви и соборы часто хранят в качестве своего самого ценного достояния какие-нибудь грубые и античные изображения, такие как священный Бамбино Санта-Мария-ин-Ара-Коли в Риме или "Черные мадонны", которых люди почитают во многих известных местах паломничества в Италии.

Я также не хочу сказать, что каждый идол сам по себе обязательно является погребальной реликвией. Когда идея божественности будет полностью развита, и когда люди привыкнут рассматривать изображение или идола как представителя или место обитания своего бога, легко будет бесконечно множить такие изображения. Могут существовать сотни изображений одного и того же Аполлона, или Афродиты, или Мадонны, или Святого Себастьяна. В то же время совершенно ясно, что для большинства верующих божественное существо более или менее на самом деле путается с образом; конкретная Артемида или конкретный Собор Парижской Богоматери считаются более могущественными или более дружелюбными, чем другие. Я знал женщин в Южной Европе, которые ходили молиться к алтарю далекой мадонны, “потому что она величественнее нашей собственной Мадонны”. Более того, вполне вероятно, что во многих случаях изображения или священные камни, некогда имевшие погребальное происхождение и представлявшие определенных богов или призраков, в конце концов были поглощены другими, более могущественными божествами, так что в конце концов они утратили свою первобытную отчетливость. Таким образом, было много Ваалов и много Аштеротов; вероятно, было много Аполлонов, много Артемид, много Афродит. Почти наверняка было много разных Герм. Прогресс исследований, как правило, заставляет нас осознать, что бесчисленные божества, когда-то считавшиеся уникальными и индивидуальными, могут быть сведены к целому сонму местных богов, впоследствии отождествляемых с каким-либо могущественным божеством по малейшему внешнему сходству образа, имени или атрибута. По крайней мере, в Египте этот процесс идентификации и централизации был обычным явлением. Более того, мы знаем, что каждая новая религия имеет тенденцию поглощать и ассимилировать в себе все возможные элементы старых культов; точно так же, как еврейский яхвизм пытался перенять священные камни раннего семитского язычества, связывая их с эпизодами из истории патриархов; и точно так же христианство освятило такие камни на своей территории, иногда используя их в качестве основания креста, или освящая их в других местах именем какого-нибудь святого или мученика.

Но даже в большей степени, чем эволюция Храма и Идола, эволюция Жречества придала богам достоинство, важность и могущество. Ибо жрецы - это класс, прямой интерес которого состоит в том, чтобы максимально использовать величие божеств, за которыми они ухаживают или которым поклоняются.

Жречество, опять же, имеет, вероятно, по крайней мере, два различных происхождения. Первое - квазикоролевское; другое - квазислужбное.

Я начну с первого. Мы видели, что вождь африканской деревни, как сын и представитель главных духов, которые являются племенными богами, имеет единственное право напрямую обращаться к ним с подношениями. Низший сельский житель, желающий попросить что-либо у богов, просит через вождя, который является родственником и другом божественных духов и поэтому естественным образом понимает их идеи и привычки. Таким образом, такие вожди также по своей природе являются священниками. Они священны в семье; они и их дети находятся в особом отношении к богам племени, совершенно отличном от отношения, в котором находятся простые люди; в их жилах течет кровь божеств. Такой тип отношений распространен во многих странах; начальниками в таких случаях являются “цари и священники по чину Мелхиседека”.

Короче говоря, в самой ранней или домашней форме религии богами каждой маленькой группы или семьи являются их собственные умершие предки, и особенно (пока историческая память

еще слаба) их непосредственные предшественники. На этой стадии глава семьи, естественно, выполняет функции жреца; именно он обращается к семейным призракам или богам от имени своих жен, сыновей, иждивенцев. Действительно, отец каждой семьи до последнего сохраняет эту священническую функцию в отношении более ограниченных семейных обрядов; он является жрецом культа *ларов* и *пенатов*; он приносит семейные жертвы семейным богам; он читает семейные молитвы в христианском доме. Но по мере того, как возникает племя или нация и возрастает власть вождя, именно призраки или предки вождя или царственной семьи больше всего превращаются в богов; а живой вождь и его родственники являются их естественными представителями. Таким образом, в большинстве случаев священническая должность ассоциируется с должностью царя или вождя. Действительно, позже, в следующей главе, мы увидим, что многие цари, будучи потомками богов, сами являются богами; и что этот союз царственного и божественного характеров имеет большое отношение к росту достоинства божества. Здесь, однако, я пока отказываюсь от этого пункта; нам будет достаточно отметить на данном этапе наших рассуждений, что в большом количестве случаев священство и царствование были неотъемлемыми и передавались по наследству в одних и тех же семьях.

“Соединение королевского титула со священническими обязанностями, - говорит мистер Фрейзер в *”Золотой ветви“*, - было распространено в древней Италии и Греции. В Риме и в других итальянских городах был священник, которого называли Жертвенным королем или Королем священных обрядов (*Rex Sacrorum* или *Rex Sacrorum*), а его жена носила титул Королевы Священных обрядов. В республиканских Афинах второй магистрат государства назывался царем, а его жена - царицей; функции обоих были религиозными. Во многих других греческих демократиях были титульные короли, чьи обязанности, насколько они известны, по-видимому, были священническими. В Риме существовала традиция, согласно которой Царь-Жертвенник был назначен после изгнания царей, чтобы приносить жертвы, которые ранее приносились царями. В Греции, по-видимому, преобладала аналогичная точка зрения относительно происхождения царей-жрецов. Сама по себе эта точка зрения не является невероятной, и ее подтверждает пример Спарты, единственного чисто греческого государства, сохранившего царскую форму правления в исторические времена. Ибо в Спарте все государственные жертвоприношения приносились царями как потомками бога. Это сочетание жреческих функций с королевской властью знакомо каждому. Малая Азия, например, была центром различных великих религиозных столиц, населенных тысячами “Священных храбов” и управляемых понтификами, которые обладали одновременно светской и духовной властью, подобно папам средневекового Рима. Такими городами, где правили священники, были Зела и Пешинус. Опять же, в старые языческие времена тевтонские короли, по-видимому, занимали положение первосвященников и пользовались их властью. Императоры Китая совершают публичные жертвоприношения, детали которых регламентированы ритуальными книгами. Однако нет необходимости множить примеры того, что в ранней истории правления было скорее правилом, чем исключением”.

Позже мы вернемся в другой связи к этому древнему отношению царствования к священству, которое естественным образом вытекает из еще более древнего отношения царя к богу.

Там, где священство возникает таким особым образом, между светской и церковной властью, вероятно, не будет большой разницы. Но есть второе и гораздо более могущественное происхождение священства, менее выдающееся в своем начале, но в конечном итоге более реальное, чреватое великими результатами. Ибо там, где царь является жрецом и потомком

богов, как в Перу и Египте, его непосредственная человеческая власть, кажется, затмевает и как бы принижает могущество его божественных предков. Ни одна статуя Осириса, например, и в половину не так велика по размерам, как колоссальная фигура Рамзеса II. который лежит, разбитый на огромные куски, возле погребального храма царя, в память о котором он установлен, среди руин Фив. Но там, где отдельное духовенство полностью берет управление священными обрядами в свои руки, мы обнаруживаем, что авторитет богов часто становится выше авторитета королей, которые являются всего лишь их наместниками: пока, наконец, мы не получаем пап, диктующих императорам, и могущественных монархов, совершающих смиренную епитимию перед дорогостоящими святынями убитых архиепископов.

Происхождение независимого или квази-рабского священства следует искать в институте “храмовых рабов” — служителей, которым, как мы уже видели, было приказано выполнять обязанности у могилы вождя или погибшего воина. Египет снова дает нам, с внутренней стороны, замечательный пример происхождения такого духовенства. Над перемычкой каждой из пещероподобных гробниц в Бени-Хассане и Саккаре обычно помещается надпись с указанием имени и титулов предполагаемого обитателя (поскольку каждая была построена при жизни ее владельца), с призывом молиться о благоприятном проведении погребальных обрядов и хорошем месте для захоронения после долгой и счастливой жизни. Затем следует благочестивая надежда на то, что дух сможет всю вечность наслаждаться надлежащей выплатой погребальных пожертвований, список которых обычно прилагается вместе с указанием различных годовщин, к которым они причитались. Но здесь нас особенно интересует вот что: были назначены священники или слуги, которые следили за тем, чтобы эти подношения были совершены должным образом; и гробница была наделена имуществом как для поддержания соответствующих подношений, так и для обеспечения стипендии или прожиточного минимума священника. Как мы увидим ниже, такие должности священнослужителей обычно передавались по наследству, чтобы обеспечить их сохранение на протяжении всех времен: и они были настолько успешными, что во многих случаях богослужение у гробницы продолжалось в течение нескольких сотен лет; так что человек, умерший при Ранней империи, все еще получал похоронные взносы при королях Восемнадцатой и Девятнадцатой династий.

Я привожу этот интересный исторический пример довольно подробно, потому что он один из самых известных, а также один из самых стойких. Но везде, по всему миру, подобные эволюции происходили в более коротких масштабах. Служители храма, наделенные полномочиями совершать священные обряды для призрака или бога, превратились в священников, которые знали привычки невидимых обитателей святилища. Постепенно возникали предписания, развивались обычаи и ритуалы, и священники стали хранителями божественных традиций. Только они знают, как приблизиться к богу; только они могут прочесть скрытые знаки его удовольствия или неудовольствия. Как посредники между верующим и божеством, они сами наполовину священны. Без них ни один верующий не сможет по праву приблизиться к святилищу своего покровителя. Таким образом, в конце концов они приобретают значение, намного превышающее их происхождение; возникает жречество; и, возвеличивая своего бога, члены иерархии в то же время возвеличивают свой собственный пост и функцию.

Следует кратко отметить еще одну способствующую этому причину. Письменность с рисунками и иероглифы получили свое развитие, особенно в связи с гробницами и храмами. В частности, священники, как правило, владеют ключом к этому знанию. В Древнем Египте, возьмем хорошо

известный пример, они были образованным классом; в средневековой Европе они снова стали образованным классом при других обстоятельствах. Повсюду мы сталкиваемся со священными тайнами, которые известны только жрецам; и там, где существуют иероглифы, эти тайны, записанные письменно, становятся особым достоянием жрецов в более особом смысле. Там, где письменность еще больше дифференцируется на иератическую и демотическую, пропасть между мирянами и священством становится еще шире; священники обладают особым ключом к знанию, недоступным простым людям. Признание Священных Книг часто приводит к тому же результату; хранителями и выразителями их, естественно, являются священники. Едва ли мне нужно добавлять, что наряду с увеличением архитектурного величия храма и увеличением художественной красоты и дороговизны идолов, статуй и изображений богов, возрастает величие жреческих одежд, жреческого окружения, жреческого ритуала. Наконец, мы получаем церемонии самого величественного характера, украшенные всеми атрибутами живописи и скульптуры, свечами и цветами, благовониями и музыкой, богатыми митрами и украшенными драгоценными камнями покрывалами, — церемонии, совершаемые в полумраке высоких храмов, или мечетей, или церквей, в честь бога или богов бесконечной мощи, могущества и величия, которые все же в конечном итоге должны быть прослежены до какого-нибудь исторического или доисторического Умершего Человека или, по крайней мере, до какого-нибудь священного камня, столба или изображения, его реликвии и представителя.

Таким образом, благодаря слиянию всех этих потоков примитивная мумия, или призрак, или дух постепенно превращается в божество безграничной славы, величия и святости. Бестелесная душа, освобожденная от необходимых ограничений пространства и времени, рассматриваемая как бог, изображается как всегда все более и более сверхчеловеческая, пока все воспоминания о ее происхождении полностью не будут забыты. Но напоследок обратите внимание на один любопытный момент: все новые боги, святые или божественные личности, каждый из которых появляется первым, явно человеческого происхождения. Всякий раз, когда мы находим нового бога, добавленного из известных источников к знакомому пантеону, мы без исключения обнаруживаем, что он оказывается человеком. Всякий раз, когда мы возвращаемся к очень примитивным религиям, мы обнаруживаем, что боги всех людей - это трупы или призраки их предков. Только когда мы берем относительно развитые расы с неизвестной ранней историей, мы обнаруживаем, что они поклоняются определенному числу богов, которые не могут быть легко и немедленно преобразованы в умерших людей или духов. К сожалению, изучающие религию часто обращали самое пристальное внимание на те исторические религии, которые наиболее далеки от первобытного типа и в которых при их первом появлении перед нами мы сталкиваемся со сложной идеей бога, уже полностью развитой. Следовательно, они слишком склонны, подобно профессору Робертсону Смиту и даже иногда мистеру Фрейзеру (чье имя, однако, я не могу упомянуть мимоходом без глубочайшего уважения), рассматривать идею божественности как изначальную, а не производную; и пренебрегать очевидным выводом божественности в целом из культа и почитания обожествленного предка. И все же, как только мы переходим от этих развитых и слишком перегруженных историческими понятиями религий к ранним представлениям простых дикарей, мы сразу видим, что для них не существует никаких богов, кроме трупов или призраков предков; что религия означает совершение определенных обрядов и подношений этим трупам или призракам; и что божества высших стихий или отделов совершенно отсутствуют. Даже в самих великих исторических религиях, чем дальше мы уходим в прошлое и чем ниже проникаем, тем ближе мы подходим к основному слою призраков или богов-предков. И там, где, как в Египте, свидетельства самые древние и наиболее полные, мы

тем больше замечаем, как мистические природные боги позднейших жреческих концепций уступают, по мере того как мы возвращаемся эпоха за эпохой назад во времени, более простым и чисто человеческим богам-предкам из самых ранних документов.

В последующих главах этой работы нашей задачей будет сделать даже больше — показать, что кажущийся неразрешимым элемент в более поздних религиях, включая самого еврейского бога Яхве, может быть подобным же образом связан, без сомнения, с примитивной концепцией призрака или предка.

ГЛАВА V. СВЯЩЕННЫЕ КАМНИ.

Я упомянул в предыдущей главе о двух истоках идолов, которым, как я полагал, мистер Герберт Спенсер уделил недостаточно внимания. Это были Священный Камень и Деревянный Кол, отмечающие могилу. К этим двум я теперь добавлю третий распространенный объект поклонения, который на самом деле не входит в генезис идолов, но который имеет очень большое значение в ранней религии, — священное дерево с его коллективной формой, священная роща. Все перечисленные таким образом объекты требуют от нас дальнейшего внимания как из-за их общего значения в истории религии, так и из-за их особого интереса в связи с эволюцией Бога Израиля, который со временем стал Богом христианства и ислама, а также Богом современного идеализированного и возвышенного теизма.

Я начну с рассмотрения Священного Камня не только потому, что он, безусловно, самый важный из трех, но и потому, что, как мы вскоре увидим, он происходит по прямой линии происхождения от Бога Израиля.

Во всем мире и во все периоды истории мы находим среди наиболее распространенных объектов человеческого поклонения определенные каменные блоки, либо грубо обработанные вручную, либо, что еще чаще, одиноко стоящие на земле во всей своей исконной и естественной шероховатости. Холмы Англии повсюду усеяны кромлехами, дольменами и другими древними мегалитическими сооружениями (наиболее известными примерами которых являются гигантские трилиты Стоунхенджа и Эйвбери), долгое время описываемыми антикварами как “останки друидов”, и, безусловно, рассматриваемыми древними жителями Британии с огромным уважением. Во Франции у нас есть бесконечные проспекты Карнак и

Локмариакер; на Сардинии - любопытные конические шахты, известные местным крестьянам как *sepolture dei giganti*- гробницы великанов. В Сирии майор Кондер описал аналогичные памятники в Хете и Моаве, в Гильбоа и Хешбоне. В Индии в углу поля установлены пять камней, выращенных в красный цвет, которым местные жители поклоняются как Пяти Пандавам. Теофраст говорит нам, что одной из характерных черт суеверного человека является то, что он помазывает маслом священные камни на углах улиц; и из древней традиции, укоренившейся в еврейских священных писаниях, мы узнаем, как патриарх Иаков установил камень в Вефиле “в качестве столба” и “полил его верхушку маслом” в качестве аналогичного акта поклонения. Даже в наши дни существует некая английская стоянка, где старый двор поместья под открытым небом торжественно открывается церемонией разбивания бутылки вина о стоячий камень, венчающий курган; а монархов Соединенного Королевства до сих пор коронуют в кресле, под сиденьем которого находится священный камень предков их языческих шотландских и ирландских предшественников.

Итак, какова доля таких священных камней в возникновении и развитии религиозных обычаев?

Я полагаю, вряд ли есть необходимость приводить формальные доказательства известного факта, что вертикальная плита является одним из самых распространенных способов обозначения места, где похоронен человек. Начиная с древнего столба, который доисторические дикари установили над курганом своего умершего вождя, и заканчивая надгробием, отмечающим карликовый и низкорослый курган на наших собственных английских кладбищах, практика человечества была единой и непрерывной. Иногда камнем является грубый валун с полей; представитель большой глыбы, которую дикари кладут на могилу, чтобы труп не мог подняться; иногда это продолговатая плита из сланца или мрамора; иногда, и особенно у более развитых рас, это изящный крест или скульптурный памятник. Но всякий раз, когда практикуется погребение на земле, те или иные камни, одиночные или грудями, почти неизменно отмечают место захоронения.

Опять же, поскольку на могилах духам умерших приносятся подарки и жертвоприношения, чаще всего они преподносятся именно к камню, на котором указано место последнего упокоения умершего. На самом деле мы знаем, что во всем мире на могилах вождей или родственников постоянно совершаются подношения в виде вина, масла, риса, гхи, кукурузы и мяса. Жертвы, как человеческие, так и иные, приносятся в жертву на могиле, и их кровь постоянно размазывается по надгробию или валуну, отмечающему это место. Действительно, через некоторое время могила и камень сливаются воедино, и само место приобретает некую сакральность, происходящую от призрака, который преследует его и населяет.

По крайней мере, на восточном континенте известны четыре четко выраженные разновидности ранних надгробий, и их распространение и природа описаны майором Кондером следующим образом: “Грубые каменные памятники, имеющие сильное семейное сходство по способу постройки и размерам, были обнаружены во всех частях Европы и Западной Азии, а также встречаются в Индии. В некоторых случаях их приписывают ранним арийским племенам; в других они, по-видимому, имеют семитское происхождение. К ним относятся *менгиры*, или стоячие камни, которые были возведены как мемориалы и которым поклонялись как божествам с возлияниями крови, молока, меда или воды, выливаемых на камни: *дольмены*, или каменные столы, отдельно стоящие, то есть не покрытые каким—либо курганом или надстройкой, которые, без сомнения, можно считать использовавшимися в качестве алтарей, на которых

приносились жертвы (часто человеческие): *пирамиды из камней*, также мемориальные, а иногда и окружающие менгиры; они были сделаны благодаря вкладам многочисленных посетителей или паломники, каждый добавляющие камень как свидетельство своего присутствия: наконец, *кромлехи*, или каменные круги, использовавшиеся как священные ограждения или ранние гипотральные храмы, часто с центральным менгиром или дольменом в качестве статуи или алтаря”.

Не может быть никаких сомнений в том, что каждый из этих памятников, по сути, носит погребальный характер. Менгир, или стоячий камень, - это обычное надгробие, которое до сих пор используется среди нас: дольмен - это камерная гробница, когда-то покрытая курганом, но теперь голая и открытая; пирамида из камней - это груда камней, наваленная над мертвым телом; каменный круг, по-видимому, является более поздним храмом, построенным вокруг гробницы, положение которой отмечено менгиром, или алтарным камнем, в центре. И каждый из них был родителем многочисленного потомства. Менгир дает начало обелиску, каменному кресту и статуе или идолу; дольмен - саркофагу, алтарю-усыпальнице и главному алтарю; пирамида из камней - вершине, а также пирамиде; кромлех, или каменный круг, - храму или церквушке, по крайней мере, в одном из его многочисленных сооружений.

Каждый из этих классов памятников, отмечает майор Кондер, имеет свое отличительное название в семитских языках и часто упоминается в ранней еврейской литературе. *Менгир* - это “столп” нашей Авторизованной Версии Ветхого Завета; *дольмен* - это “алтарь”; *пирамида из камней* - это “куча”; а каменный круг фигурирует под названиями Гилгал и Хазор. Значение этих фактов проявится немного позже, когда я достигну более продвинутой стадии в эволюции поклонения камням.

На простейшей и примитивнейшей стадии религии, такой, как тот чистый культ предков, который все еще сохранился в неизменном виде среди жителей Новой Гвинеи или африканских племен, практику которых мистер Дафф Макдональд так превосходно описал для нас, именно труп или призрак, а не камень, отмечающий его жилище, является объектом всеобщего почитания и всех даров благоговейных выживших. Но мы должны помнить, что каждая существующая религия, какой бы примитивной она ни была по типу, в настоящее время очень древняя; и вполне естественно, что во многих случаях камень сам по себе начинает рассматриваться как призрак или бог, объект, которому поклоняются соплеменники. Фактически, точно по мере того, как призрак превращается в бога, надгробная плита начинает превращаться в фетиш или идола.

Однако поначалу идол в такой форме получает поклонение своих приверженцев просто как грубый бесформенный камень. Это стадия, которая была окрещена этим весьма вводящим в заблуждение названием фетишизм и ошибочно считается лежащей в самой основе любой религии. Вот несколько интересных образцов этой стадии поклонения камням, взятых из очень бережной самоанской коллекции мистера Тернера из Лондонского миссионерского общества:

“Фонге и Тоафа были названиями двух продолговатых гладких камней, которые стояли на возвышенной платформе из сыпучих камней в глубине одной из деревень. Предполагалось, что они были родителями Саато, бога, который управлял дождем. Когда вожди и народ были готовы отправиться на несколько недель в определенные места в буше для спортивной ловли голубей, на камни клали подношения из вареного таро и рыбы, сопровождая их молитвами о хорошей погоде и отсутствии дождя. На любого, кто отказывался от подношения камням, смотрели

неодобрительно, а в случае дождя обвиняли и наказывали за то, что он навлек на себя гнев бога хорошей погоды и испортил сезон спортивных состязаний”.

Здесь, даже если кто-то сомневается в том, что Саато был покойным метеорологом и что Фонге и Тоафа были его отцом и матерью (на чем я не собираюсь настаивать), по крайней мере ясно, что мы имеем дело по существу с двумя стоячими камнями точно такого же типа, как те, которые обычно отмечают захоронения.

О богах острова Гудзон мистер Тернер приводит такой очень интересный и наводящий на размышления рассказ:

“Фоеланги и Маумау были главными богами. У каждого из них был храм; и под алтарями, на которых рядами были разложены черепа умерших вождей и народа, были подвешены подношения в виде жемчужных раковин и других ценностей. У Фоеланги был каменный блок, изображавший его самого, — что-то вроде надгробия высотой в шесть футов.... Приношения с едой приносились в храмы, чтобы боги могли сначала принять участие, прежде чем кто-либо еще что-нибудь съест.... Очищенные кокосовые орехи были разложены по одному перед каждым черепом”.

И об острове Святого Августина он пишет: “У храма Маумау на берегу возвышалась плита из кораллового песчаника высотой девять футов.... Мясные приношения возлагались на алтари под аккомпанемент песен и танцев в честь бога”.

Точно так же об одном из членов Группы Гилберта мистер Тернер говорит:

У них были другие боги и богини, и, как это было принято в этой группе, тут и там между домами были установлены плиты или колонны из песчаника. Днем перед этими святилищами клали подношения в виде пищи, которые жрецы украдкой забирали ночью и заставляли легковерных верить, что это сделали боги, а не смертные. Если каменная плита изображала *богиню*, ее не устанавливали вертикально, а клали на землю. Поскольку она *леди*, они подумали, что было бы жестоко заставлять ее стоять так долго”.

В этих и многих других случаях мне кажется очевидным, что первоначальный надгробный камень или менгир сам по себе является объектом поклонения, рассматриваемым как резиденция призрака или бога, в честь которого он был воздвигнут. Ибо мы знаем, что на Самоа могила “была отмечена небольшой кучей камней высотой в фут или два”, а на острове Де Пейстера “в изголовье могилы был установлен камень, а на нем вырезана человеческая голова” — первый шаг, как мы уже видели, к эволюции одной формы идола.

Подобных примеров предостаточно повсюду. У индийских кхондов в каждой деревне есть свой местный бог, представленный вертикальным камнем под большим деревом на лужайке, если честно использовать английский эквивалент. (Вся важность этого распространенного сочетания священного камня и священного дерева станет ясна только на более позднем этапе нашего исследования.) В Перу поклонялись стоячим камням, которые, по словам доктора Тайлора, “представляли пенаты домашних хозяйства божеств-покровителей деревень” — другими словами, призраков предков и вождей племен. “Недалеко от Акоры, ” говорит маркиз де Надайяк, “ тела были помещены под мегалитические камни, напоминающие нам европейские дольмены и кромлехи. Одна обширная равнина покрыта стоячими камнями, некоторые из которых образуют круги, некоторые квадраты, и часто покрыты большими

плитами, которые полностью закрывали погребальную камеру”. На Фиджи боги и богини “имели свои жилища или святилища из черных камней, похожих на гладкие круглые веши, и там получали подношения в виде пищи”. Огромное количество подобных примеров было собрано доктором Тайлором и другими антропологами.

Но когда идея священности камней таким образом прочно закрепилась в сознании дикарей, было вполне естественно, что другие камни, похожие на те, которые уже были признаны богами, стали рассматриваться как божественные сами по себе или как содержащие обитающий в себе дух или божество. Самоа мистера Тернера на этом этапе снова дает нам несколько любопытных примеров.

“Гладкие камни, очевидно, поднятые со дна реки, считались представителями определенных богов, и где бы ни находился камень, там должен был находиться и бог. Тому, кто похож на рыбу, молились бы как богу рыбака. Другой, похожий на батат, был бы богом батата. Третий, круглый, как плод хлебного дерева, бог плодов хлебного дерева — и так далее.

Итак, слово “по-видимому”, употребленное этим очень осторожным наблюдателем в этом отрывке, ясно показывает, что, насколько ему известно, он никогда не видел, чтобы выбранному таким образом наугад камню поклонялись или обожествляли, и поэтому возможно, что во всех подобных случаях камень действительно мог быть могильного происхождения. Тем не менее, я согласен с мистером Спенсером в том, что, когда идея призрака или бога хорошо развита, представление о таком духе как одушевляющем любой примечательный или странно выглядящий объект является естественным переходом. *

* Весь предмет превосходно разработан в
Принципы социологии, § 159.

Следовательно, я склонен полагать, что мистер Тернер прав и что эти камни действительно могли быть выбраны и им поклонялись, просто из-за их необычности, но всегда, как он правильно заключает, из веры в их связь с каким-то богом или духом.

Вот еще один случай, также из Полинезии, где, по-видимому, определенно не подразумевается непосредственная связь с какой-либо конкретной могилой:

“Два нерасчлененных “гладких камня ручья” хранились в храме в одной из деревень и охранялись с особой тщательностью. Никому постороннему или чересчур любопытному не разрешалось приближаться к этому месту под страхом побоев со стороны хранителей этих богов. Они представляли добрых, а не злонамеренных богов, несущих смерть. Один готовил батат, плоды хлебного дерева и кокосовые орехи, а другой отправлял рыбу в сети.

“Другой камень был бережно сохранен в другой деревне как символ бога, вызывающего дождь. Когда шел сильный дождь, камень клали у костра и держали нагретым до тех пор, пока не установится хорошая погода”.

Другие случаи (если они достоверны) происходят в других местах. “Среди низших рас Америки,” говорит доктор Тайлор, подводя итог Скулкрафту, “жители Дакоты брали круглый валун, раскрашивали его, а затем, обращаясь к нему как к дедушке, приносили ему жертвы и молили избавить их от опасности”. Но здесь сам факт поклонения камню и обращения с ним как с

предком показывает, насколько производным является обожествление — насколько зависимым от предшествующей ассоциации таких камней с могилой предка и обитающим в ней духом. Точно так же мы знаем, что есть страны, где могилу чаще обозначают не камнем, а деревянным столбом; и в этих странах, как, например, у сибирских самоедов, палки, а не камни, являются наиболее распространенными объектами почитания. (Таким образом, опять же, поклонение палкам встречается “у дамара в Южной Африке, чьи предки представлены на жертвенных праздниках кольями, вырезанными из деревьев или кустов, посвященными им, на которые сначала предлагается мясо”). Но и здесь мы видим явную связь с поклонением предкам; и действительно, везде, где мы находим обычное поклонение “палкам и камням”, все аналогии приводят нас к мысли, что палки и камни либо действительно отмечают могилы предков, либо принимаются как их представители и воплощения.

Однако подавляющее большинство священных камней, история которых нам хорошо известна, несомненно, связаны с захоронениями, древними или современными. Все европейские священные камни - это кромлехи, дольмены, трилиты или менгиры, о которых мистер Ангус Смит, самый осторожный авторитет, категорически замечает: “Мы точно знаем, что памятники захоронений являются главным объектом первого и, по-видимому, единственным объектом почти из всех”. В дальнейшем будет приведено так много других примеров, что я не буду сейчас вдаваться в подробности. Однако среди наиболее примечательных примеров я не могу удержаться от упоминания больших священных камней Сардинии, которые так часто встречаются по соседству *с нураги*, или древними фортами. Они состоят из высоких конических монолитов, грубых и неотесанных в древнейших образцах, грубо вытесанных в более поздних и иногда имеющих отдаленное сходство с человеческим лицом — первый черновой набросок будущего идола. “За монолитом находится место захоронения, от десяти до четырнадцати ярдов в длину и один или два в ширину”. Эти захоронения были обследованы аббатством Спано.

“Он был удовлетворен тем, что несколько тел были похоронены вместе в одной могиле, и что, следовательно, это были семейные захоронения. Когда наступила смерть одного из членов племени, один из больших поперечных камней, перекрывавших длинную аллею, построенную за монолитом, был убран, а затем заменен до тех пор, пока не пришло время другому телу занять свое место в гробнице. Монолит, который сардинские крестьяне называют *пьетра дель алтаре*, или алтарный камень, потому что они верят, что он использовался для человеческих жертвоприношений, всегда обращен на юг или восток”.

Такая сохранившаяся традиция человеческих жертвоприношений на таком малоразвитом острове, как Сардиния, почти наверняка дошла до нас в неизменном виде с самого раннего возраста.

Я уже говорил, что идол, вероятно, во многих случаях является производным от надгробия или другого священного камня. Я полагаю, что в огромном количестве случаев это просто оригинальная колонна, более или менее грубо вырезанная в виде человеческой фигуры.

Как это происходит, мы можем легко понять, если вспомним, что при постепенной передаче чувства сам камень в конце концов отождествляется с ассоциируемым с ним духом. Вот, еще раз, переходный экземпляр из нашего полинезийского хранилища.

Великий бог острова Боудич “предполагалось, что он воплощен в камне, который был тщательно обернут прекрасными циновками и никогда не видел никто, кроме короля” (обратите внимание на этот характерный штрих королевского жречества), “и то только раз в год, когда истлевшие циновки снимали и выбрасывали. Во время болезни брали подношения в виде тонких циновок и раскатывали их вокруг священного камня, и таким образом он раздувался до огромных размеров; но поскольку идол находился на открытом воздухе днем и ночью, циновки вскоре сгнили. Никто не осмеливался присвоить то, что было предложено богу, и поэтому старые циновки, когда их снимали, складывали в кучу сами по себе и позволяли им гнить”.

Теперь разумность всего этого становится очевидной, если мы вспомним, что камням, стоящим на могилах, обычно поклоняются и их смазывают маслом, молоком и кровью. Это лишь небольшой шаг вперед к тому, чтобы рассматривать камень не только как пищу и питье, но и как нуждающийся в тепле и одежде. В качестве замечательного примера того же хода мыслей, приводящего к тому же результату в других местах, сравните этот любопытный отчет о каменном идоле в Иннискеа (скалистый островок у побережья Майо), приведенный графом Роденом еще в 1851 году в его *“Ходе реформации в Ирландии”*: “На южном острове, в доме человека по имени Мониган, каменный идол, называемый по-ирландски ‘Неевуги’, с незапамятных времен хранился с религиозным почтением. Этот бог по внешнему виду напоминает толстый рулон фланели домашнего прядения, который возник из обычая посвящать ему платье из этого материала всякий раз, когда обращаются за его помощью; его шьет пожилая женщина, его жрица, особой заботой которой оно является. О ранней истории этого идола достоверной информации получить невозможно, но считается, что его сила огромна; ему молятся во время болезни; к нему обращаются, когда хотят, чтобы шторм выбросил какой-нибудь несчастный корабль на их побережье; и, опять же, просят использовать его силу для успокоения разъяренных волн, разрешения порыбачить или посетить материк”.

И это не единственный случай в современной Европе. “В некоторых горных районах Норвегии, - говорит доктор Тайлор, - вплоть до конца прошлого столетия крестьяне хранили круглые камни, мыли их каждый четверг вечером ... смазывали маслом перед огнем, клали на почетное место на свежей соломе и в определенное время года замачивали их в эле, чтобы они приносили в дом удачу и уют”.

Первый переходный шаг к собственно идолу сделан в некой грубой попытке придать стоячему камню на могиле приблизительное сходство с человеческой фигурой. В более поздних примерах Сардинии два конических бугорка, изображающих груди, по-видимому, указывают на то, что фигура предназначена для женщины — либо потому, что там похоронена женщина, либо для того, чтобы поместить это место под защиту богини. От этого грубого начала мы получаем все переходные формы, такие как Гермес и архаичный Аполлон, пока не придем к совершенной свободе и красоте эллинской скульптуры. Гроте, говоря о греческом культе, говорит: “их примитивный памятник, воздвигнутый богу, даже не претендовал на роль изображения, но часто был не более чем колонной, доской, бесформенным камнем или столбом [обратите внимание на сходство с обычными могильными знаками], получавшим заботу и украшение от соседей, а также поклонение”. Доктор Тайлор, чьей обширной коллекции примеров я многим обязан признательности, говорит в комментарии к этому отрывку: “Таковыми были бревна, которые служили Артемиде на Эвбее; столб, изображавший Афину Палладу”. *sine effigie rudis palus, et informe lignum*; “необработанный камень в Гьетосе, который “на древний манер” изображал Геракла; тридцать таких камней, которым фараоны подобным образом поклонялись

как богам; и тот, который удостоивался такого почета на беотийских празднествах как представляющий театральный Эрос". Таким же был конический столб азиатского типа, который стоял вместо изображения Пафийской Афродиты, и конический камень, которому поклонялись в Аттике под именем Аполлона. Священный валун лежал перед храмом трозенийцев, в то время как другой в Аргосе носил знаменательное имя Зевса Каппотаса. "У всех греков," говорит Павсаний, - грубым камням поклонялись раньше, чем изображениям богов". Подобным же образом у семитов Мелькарт почитался в Тире в виде двух каменных столбов.

Промежуточные формы, в которых камень последовательно принимает лицо, голову, руки, ноги, стройное и хорошо вылепленное тело, знакомы всем нам по существующим останкам. Хорошо известные фигуры Приапа являются хорошим переходным примером. "В Табале, в Аравии, - говорит профессор Робертсон Смит, - на камне аль-Лат было изваяно нечто вроде короны, украшающей ее голову". Действительно, до последнего момента колонна или монолитный тип постоянно прослеживается в прямой позе и пропорциях статуи среди всех, за исключением самых высоких эллинских образцов. Я могу добавить, что даже в самом исламе, который так строго запрещает изображения любого рода, все еще можно найти некоторые следы таких антропоморфных надгробий. В мечети Мехмет Али в Каире я заметил, что надгробия вице-королевской семьи были украшены фресками с кисточками.

Стоит отметить, что обелиск, несомненно, также обязан своим происхождением монолиту или стоячему камню. Какую бы свежую сакральность он ни приобрел позже благодаря ассоциациям с солнцепоклонством, как солнечный луч, не может скрыть для любого широкого антропологического исследователя тот факт, что по происхождению это просто бесформенный надгробный камень, которому (как это часто бывает) в новой религии придается новое символическое значение. Два обелиска, которые так часто стоят перед египетскими храмами, явно являются аналогами двух колонн Мелькарта в Тире и священной пары в Пафосе, Гераполисе и храме Соломона. Точно так же индийская топа и пирамида являются потомками пирамиды из камней, поскольку большие каменные гробницы нумидийских царей в Алжире кажутся более совершенными эквивалентами кургана или круглого кургана. И позвольте мне расчистить почву для того, что последует дальше, добавив самым решительным образом, что генезис камнеопоклонничества, описанный здесь в общих чертах, исключает возможность того, что фаллический культ в каком-либо смысле был его примитивной формой. Стоячий камень, возможно, и, несомненно, часто отождествлялся на более поздних стадиях с фаллосом; но если отстаиваемая здесь теория верна, лингам, вместо того чтобы лежать в основе монолита, обязательно должен быть более поздней и производной от него формой. В то же время, поскольку камень считается прародителем семьи, нет ничего противоземного в том, что древние мужчины иногда придавали ему фаллическую форму. Сказав это, я больше ничего не скажу по этому вопросу, который на самом деле имеет крайне мало общего с основами каменного культа, за исключением того, что на многих древних надгробиях фаллос обозначал мужской пол человека, в то время как груди, символический треугольник или мандорла отмечали женскую могилу.

Иногда обе формы бога, самая примитивная и самая законченная, грубый камень и совершенная статуя, существуют бок о бок в одном сообществе.

"В легендарной книге "Происхождение Джаганнатхи", - говорит сэр Уильям Хантер, - мы находим, что аборигены поклоняются голубому камню в глубине леса. Но божеству в конце

концов надоедают примитивные подношения из джунглей, и он жаждет приготовленной пищи более цивилизованных арийцев, с появлением которых на сцене грубый синий камень уступает место резному изображению. В настоящее время в каждой деревне Орииссы сосуществует это двойное богослужение. У простых людей есть свой бесформенный камень или глыба, которым они поклоняются с помощью простых обрядов на открытом воздухе; в то время как бок о бок с ним стоит храм одного из арийских богов с его резным идиолом и сложными обрядами ”.

Там, где повсюду находится множество священных камней, отмечающих могилы умерших или населенных их духами, опять же неудивительно, что начинает возникать общее чувство почтения ко всем камням - что камню как таковому, особенно если он большой, необычный или бросающийся в глаза, следует приписывать в какой-то степени обитающую в нем божественность. Неудивительно также, что идея о том, что люди произошли от камней, широко распространена среди людей, которым, должно быть, часто в молодости показывали надгробия, монолиты, валуны или кромлехи и говорили, что сделанные на них подношения были подарками их предкам. Они приняли бы эту идею с такой же готовностью, как наши собственные дети принимают еврейский миф о сотворении Адама, нашего прародителя, из “праха земного” — гораздо менее перспективного материала, чем глыба мрамора или песчаника. Мне кажется, таким образом, мы можем легче всего понять многочисленные истории о том, как люди превращаются в камни, а камни - в людей, которые широко распространены в мифах диких народов.

Фернандес де Пьедрахита говорит, что лачи “поклонялись каждому камню как богу, поскольку, по их словам, все они были людьми”. Арриага говорит нам, что перуанцы воздавали почести “очень большим камням, говоря, что когда-то они были людьми”. В *Американском отчете Бюро этнологии за 1880 год* рассказывается несколько историй о превращении людей в камни из легенд ирокезов. Согласно Дорману, онейды и дакоты утверждают, что произошли от камней, которым они приписывают одушевление. Интересная промежуточная форма, демонстрирующая развитие этой идеи, дана в заявлении Арриаги о том, что Маркайок, или идол, которому поклоняются в Перу как покровителю деревни, “иногда является камнем, а иногда мумией”: другими словами, это зависело от обстоятельств, почитали ли они само тело или надгробный камень, который его прикрывал. Среди прибрежных негров, когда человек умирает, камень относят в определенный дом — деревню валгалла — чтобы изобразить его призрак; а среди булломов женщины “время от времени приносят жертвы и приношения риса камням, которые хранятся в память об умерших”. В Танне, на Новых Гебридах, миссионер мистер Грей нашел “участок священной земли, на котором были сложены камни, в которых, как они предполагали, обитали духи их усопших родственников”; а командер Хендерсон, комментируя аналогичный случай с острова Вати, говорит, что это “были единственные камни, в которых жили их умершие родственники”. туземцы обладали формой богов, и они предполагали, что в них могут вселяться души их ушедших друзей и родственников”. У некоторых из них “с одной стороны был отколот небольшой кусочек, с помощью которого, как предполагалось, обитающий в них призрак мог входить или выходить”. О третьем виде, грубо вылепленном вручную, капитан Гендерсон язвительно говорит: “Мне показалось, что это были зачатки высеченного изображения — обычного камня, священного как жилище призрака предков”. *

* Этой и несколькими другими ссылками я обязан м-ру Спенсеру

Приложение, как я делаю с некоторыми из моих ранее приведенных случаев для мистера

Ланга или доктора Тайлора.

Классическая и древнееврейская литература полна примеров таких камней, которые, как считается, когда-то были человеческими. Ниоба и жена Лота - примеры, которые сразу придут на ум каждому читателю. Павсаний рассказывает нам, что в Беотии люди верили, что Алкмена, мать Геракла, превратилась в камень. Персей и голова Горгоны - еще один пример, подтверждающий бретонскую идею о том, что их огромные каменные круги были людьми, которые в современной христианизированной версии истории были превращены в камень за воскресные танцы. (Об этой христианизации я скажу несколько слов позже; а пока обратите внимание на похожее название Танца гигантов, данное великому Стоунхенджу в Ирландии.) Точно так же в верховьях Миссури есть Стоячая Скала, которая перекликается с историей Ниобы — когда-то это была женщина, которая окаменела от горя, когда ее муж взял вторую жену. Некоторые самоанские боги (или духи предков) “превратились в камни, - говорит мистер Тернер, - и теперь стоят в скалистой части лагуны на северной стороне Уполу”.

С другой стороны, если люди становятся камнями, камни тоже становятся людьми или, по крайней мере, рожают мужчин. Хороший пример этого мы находим в легенде о Девкалионе. И снова на обочине дороги, недалеко от города Панопоу, лежат камни, из которых Прометей создал людей. Манке, первый человек на острове Митчелл, вышел из камня. Жители Новых Гебрид говорят, что “человеческая раса произошла из камней и земли”. На острове Фрэнсиса, говорит мистер Тернер, “рядом с храмом была воздвигнута прибрежная плита из песчаника длиной семь футов, перед которой люди, собравшиеся для молитвы, клали подношения”; и местные жители рассказали ему, что один из их богов превратил камни в людей. “В Меланезии, - говорит мистер Лэнг, - ситуация настолько неоднозначна, что нелегко решить, является ли камень для поклонения жилищем души умершего человека, или же он сам по себе обладает духовной ценностью, или же камень является внешней частью или органом духа”. И действительно, своего рода всеобщая путаница между камнем, призраком, предком и богом, наконец, проникает в сознание камнепоклонников повсюду. “Любопытная антропоморфная идея о том, что камни могут быть мужьями и женами и даже иметь детей”, как называет это доктор Тайлор, — идея, знакомая фиджийцам так же, как перуанцам и лопарям, — несомненно, сразу же объясняется существованием надгробий либо для мужчин, либо для женщин, а также путаницей между знаком и призраком, которого они увековечивают.

Интересный побочный момент в этом постепенном смешении призрака и камня, бога и изображения проявляется в постепенном изменении деталей способа совершения подношений у гробницы или святилища. Мисс Гордон-Камминг рассказывает нам, что на великом трилитоне в Тонге на горизонтальном камне стояла чаша с кавой. Здесь, должно быть, предполагалось, что сам призрак вышел (возможно, ночью), чтобы испить его, поскольку змей, олицетворявший дух Анхиса, выскользнул из гробницы, чтобы слизать подношения, принесенные Энеасом. Постепенно, однако, по мере того, как камень и призрак становятся более тесно связанными в идее, подношение совершается самому памятнику; хотя на более ранних стадиях удобство использования плоского алтарного камня (где бы он ни существовал) в качестве места жертвоприношения жертв, вероятно, маскирует переход даже к самим верующим. Доктор Вайз видел в Гималаях группу камней, “воздвигнутых в память о мелких раджах Колама”, где “около пятидесяти или шестидесяти несчастных женщин принесли себя в жертву”. Крови, в частности, предлагается до призрака; и “Кубок-дуплах, которые были найдены

в менгиров и дольменов”, - говорит капитан кондер, “показания из возлияниями, часто человеческой крови, как только вылили на этих камней языческих верующих.” “Чаши часто находят, - говорит хороший шотландский наблюдатель, - на камнях, связанных с памятниками умершим, таких как покрывающие камни кистваенса, особенно те, что короткой или редчайшей формы; на плоских камнях кромлехов; и на камнях камерных могил”. На вершине пирамиды из камней в Глен-Эркварте, на озере Лох-Несс, находится продолговатая глыба сланцевого камня, очевидно, могильного назначения, с очень многочисленными чашечками. Когда камни расположены вертикально, идея о подношении крови верхней части, которая представляет лицо или рот, становится очень естественной и образует особый этап в процессе очеловечивания надгробия в идола.

Мы видим две стадии этой эволюции бок о бок в двух божествах самоедского странствующего ковчега-саней, “одно с каменной головой, другое просто из черного камня, оба одеты в зеленые одежды с красными набедренными повязками, и оба обмазаны жертвенной кровью”. В индийских группах стоячих камней, представляющих Пятерых пандавов, “обычной практикой, - говорит доктор Тайлор, - является обмазывание каждого камня красной краской, образуя, так сказать, большое кровавое пятно на том месте, где было бы лицо, если бы оно имело форму идола”. Мистер Спенсер, я думаю, уловил ключевую ноту этой практики в поучительном отрывке. “Дакота,” говорит он, - прежде чем молиться камню о помощи, красит его каким-нибудь красным пигментом, например красной охрой. Теперь, когда мы читаем, что наряду с молоком, медом, фруктами, мукой и т.д. бодо и дхималы предлагают ‘свинцовое красное, или кошениль”, мы можем заподозрить, что эти три красящих вещества, имеющие общий красный цвет, являются заменителями крови. Предполагаемый местный призрак сначала умилялся путем помазания камня человеческой кровью; а затем, за неимением этого, использовался красный пигмент, поскольку первобытные люди считали, что призраков и богов легко обмануть обманом”. Возможно также, что в процессе идеализации и одухотворения можно было бы предположить, что замена была бы столь же приятна богам, или что краснота обычно была эквивалентом крови, точно так же, как китайцы сжигают бумажные деньги и посуду, чтобы освободить своих призраков для использования духами предков.

В любом случае, интересно отметить, что лица многих индуистских богов обычно выкрашены в красный цвет. И что это пережиток того же древнего обычая, который мы видим в случае с Шашти, защитницей детей, чьим надлежащим представителем является “необработанный камень размером с голову человека, вымазанный красной краской и установленный у подножия священного дерева вата”. Подобные обычаи сохранились в Греции вплоть до классического периода. “Лица древних позолоченных Дионисиев в Коринфе, “ говорит мистер Лэнг, цитируя Павсания, - были сплошь покрыты киноварью, как фетишистские камни в Индии или Африке”. В ранней Южной Италии лицо Приапа-Гермеса, охранявшего поля, также было “намазано суриком”. Возможно ли отделить эти факты от каннибальских пиршеств в честь ацтекских богов, когда в рот изображениям засовывали куски трепещущей человеческой плоти, и когда их лица были измазаны теплой кровью беспомощных жертв?

Однако только в одном случае мне удалось проследить, что обычай окрашиваться красным цветом восходит непосредственно к каннибализму, и это среди людоедов Новых Гебридских островов, где, когда человек умирал и его тело накрывали куском плотной местной ткани, “лицо оставалось открытым и раскрашивалось в красный цвет”. Я полагаю, что с этой практикой в

конечном счете должны быть соотнесены выкрашенные в красный цвет лица коринфских дионисиев.

Еще один момент, представляющий значительный интерес и важность в эволюции культа камней, связан с перемещением священных камней. Когда израильтяне покинули Египет, согласно повествованию в книге Исход, они взяли с собой кости Иосифа. Когда Рахиль покинула шатер своего отца, она украла семейного терафима, чтобы тот сопровождал ее в странствиях. Когда Эней бежал из горящей Трои, он увез на своих кораблях богов своей страны, своих Ларов и Пенатов. Все эти истории, без сомнения, в равной степени неисторичны, но они отражают то, что людям, создавшим легенды, казалось совершенно естественным и вероятным поведением. Точно так же, когда камнепоклонники мигрируют из одной страны в другую, они, скорее всего, берут с собой свои священные камни или, по крайней мере, самые портативные или святыне из их числа.

Вот очень хороший иллюстративный случай, еще раз из этого ценнейшего хранилища, Тернерс-Самоа. Фиджийские боги и богини, которых мы видели, по словам Тайлора, “имели свои жилища или святилища в черных камнях, похожих на гладкие круглые жернова, и там получали подношения в виде пищи”. Но на некоем острове Самоа, говорит мистер Тернер, “В районе, который, как говорят, был рано заселен поселенцами с Фиджи, в храме хранилось несколько причудливых фиджийских камней, которым поклонялись во время войны. Священник, посоветовавшись с ними, соорудил их в виде стены, а затем понаблюдал, как они упадут. Если они отступали на запад, это был знак того, что враг там должен быть отброшен; но если они отступали на восток, это было предупреждением о поражении, и соответственно был отдан приказ отложить атаку”.

Я не могу найти здесь места для многих подробных примеров подобных миграций; но в Британии есть два примера, настолько чрезвычайно интересных, что даже в столь поспешном обзоре я не могу пройти мимо них, не упомянув кратко. Известно, что внутренние или более мелкие камни в Стоунхендже имеют отдаленное происхождение и принадлежат породам, не найденным ближе Солсберийской равнины, чем Камберленд в одном направлении или Бельгия в другом. Они окружены группой гораздо более крупных камней, расположенных в виде трилитов, но вырезанных из обычных сарсеновых блоков, распространенных по соседней стране. Я пытался показать в другом месте, что эти более мелкие магматические породы, не тронутые инструментом, * были древними священными камнями племени иммигрантов, пришедшего в Британию с Континента, вероятно, через широкую полосу суши, которая тогда существовала там, где сейчас протекает Дуврский пролив; и что пришельцы по прибытии в Британию воздвигли этих богов своих предков на равнине Эймсбери и еще больше способствовали их значимости и внешнему виду, окружив их кругом самых больших и внушительных серых ветров, которые могла легко позволить себе новая страна, в которой они поселились.

* Итак, Моисей в легенде повелел детям Израиля построить “жертвенник из цельных камней, над которым никто не поднимал никакого железа”; и поэтому о валунах, составляющих алтарь на горе Гевал, было сказано: “Ты не должен поднимать на них никакого железного орудия”. Консерватизм религии поддерживал архаичную

моду для священных целей.

Другой случай - это косточка для лепешек. Эта священная глыба, согласно общепринятой легенде, первоначально была богом предков ирландских шотландцев, на чьем королевском кургане в Таре она когда-то стояла. Они привезли его в Аргиллшир во время своего первого вторжения и поместили в расщелину стены (говорят, современные версии) в замке Данстаффнедж. Когда шотландские короли перебрались в Скон, Кеннет II. перенес камень в свою новую резиденцию в Лоуленде. Оттуда Эдуард I. перевез его в Англию, где с тех пор он до сих пор остается в Вестминстерском аббатстве как часть кресла, в котором восседают монархи Британии во время своей коронации. Огромное значение этих фактов или историй станет более очевидным, когда мы обратимся к аналогиям с еврейским ковчегом. Между тем, это может помочь объяснить обычай коронации и легенду о том, что где бы ни был найден Камень Судьбы, “там должны править шотландцы”, если я добавлю пару аналогичных случаев из истории той же смешанной кельтской расы. Согласно доктору О'Доновану, инаугурационный камень О'Доннеллов стоял на кургане посреди большой равнины; и на этом священном камне, называемом Плитой королей, избранный вождь вставал, чтобы получить белый жезл или скипетр королевской власти. Цилиндрический обелиск, используемый для той же цели, по словам доктора Петри, стоит и по сей день в Рат-на-Риоге. Точно так же Макдональд был коронован королем Островов, стоя на священном камне с отпечатком на вершине, куда ступали его ноги. Он как бы опирался на богов своих предков. Профессор Рис рассказывает нам, что камень Тара даже громко заплакал, когда истинный король поставил на него свои ноги. Коронационный камень существует и в других странах; например, из древнееврейской истории или полуистории мы узнаем, что, когда Авимелех был царем Мадса, это происходило “на равнине столпа, который был в Сихеме”; а когда Иоас был помазан Иодаем, “царь стоял у столпа, как это было принято”. Перед церковью Сант-Амброджо в Милане стоит каменный столб, у которого ломбардские короли и германские императоры приносили коронационную присягу, под древними липами, которые осеняют площадь.

Совершенно верно, что мистер Скин, лучший специалист по кельтской Шотландии, отвергает эту историю о Камне Судьбы в большинстве ее частей как легендарную: он считает, что камень Сконе был всего лишь священным камнем для коронации пиктских королей в Сконе и вообще никогда не происходил из Ирландии. Профессор Рамзи считает, что это кусок краснопесчаника, отколовшийся от скалы в этом районе Шотландии. Даже профессор Рис (который дает чрезвычайно интересный отчет о Камне Тары), похоже, сомневается относительно миграции. Но, правда это или нет, история вполне послужит моей цели здесь; ибо я использую ее только для иллюстрации столь же сомнительных странствий еврейского священного камня, к которым мы доберемся в свое время; и одна легенда, несомненно, всегда является наилучшей возможной параллелью другой.

С течением веков, по мере развития религий, и особенно по мере того, как несколько великих богов затмевают второстепенных предков и духов, часто случается так, что священные камни более древней веры приобретают новое религиозное значение, приданное им в более поздней системе. Таким образом, мы видели, что аргивяне поклонялись своему древнему священному камню под именем Зевса Каппотаса; феспийцы отождествляли свой камень с более поздним эллинским Эросом; а мегарцы считали третьего представителем Феба. Оригинальный местный священный камень Делоса был найден на том месте, где он первоначально стоял, под ногами

статуи делосского Аполлона. И я рад видеть, что этого мнения придерживается и мистер Эндрю Лэнг; ибо он замечает о греческих необработанных камнях: “Это были блоки, на которых были выгравированы имена богов, Геры или Аполлона, имена, возможно, данные, как говорит Де Броссе, старым фетишистским объектам поклонения, *после* того, как антропоморфные боги проникли в Элладу [я бы сказал, были развиты в] Элладе”. Точно так же и в Индии местные священные камни отождествлялись с божествами индуистского пантеона; м-р Хислоп отмечает, что в каждой части Декана (где индуизм появился сравнительно поздно) на поле риота часто можно увидеть четыре или пять камней, расположенных в ряд и вымазанных красной краской, которые крестьяне называют Пятью Пандавами; но, говорит д-р Тайлор, “он обоснованно полагает, что эти индуистские названия вытеснили более древние наименования”. Ислам аналогичным образом перенял Каабу, большой черный камень Святого места в Мекке; а египетская религия придала новое значение колонне или монолиту, придав ему форму обелиска, символизирующего луч восходящего бога солнца.

Иногда святость древних камней закреплялась в более поздней вере путем связывания их с какой-либо легендой или эпизодом ортодоксальной религии. Таким образом, древний священный камень, хранящийся в Дельфах — без сомнения, первоначальный оракул этого великого святилища, поскольку грубая делийская глыба была предшественницей делийского Аполлона, — был объяснен со ссылкой на позднейшие эллинские верования мифом о том, что это был камень, который проглотил Кронос, приняв его за Зевса: объяснение, несомненно, связано с тем фактом, что этот валун, подобно ирландскому идолу Мониган и богу Самоа, хранился завернутым во фланель; и в мифе Рея обманула Кроноса, предложив ему вместо Зевса камень, завернутый в пеленки. - группы. Здесь действительно есть пища для долгих размышлений. Священный камень трозенийцев точно так же находился перед храмом; но он был эллинизирован, так сказать, историей о том, что на нем восседали трозенийские старейшины, когда они очищали Ореста от убийства его матери.

В современной Европе, как всем известно, подобная христианизация святых источников, святых камней и святых мест была осуществлена путем связывания их с легендами о святых или с помощью еще более простого способа нанесения на них креста. Крест имеет тройственную ценность: во-первых, он изгоняет из привычных мест обитания древних богов или духов, которые в раннехристианском и средневековом мышлении всегда считались дьяволами или демонами; во-вторых, он утверждает верховенство новой веры; и в-третьих, придавая новую святость старому святому месту или предмету, он побуждает людей поклоняться кресту из-за простой привычки обращаться к святыне, которой так долго поклонялись их предки. Хорошо известный совет Григория святому Августину по этому вопросу - лишь единственный пример того, что происходило во всем христианском мире. Во многих случаях кресты в Британии до сих пор находят прочно закрепленными в старых священных камнях, которые обычно можно узнать по их необработанному состоянию. Лучшим примером в Европе, вероятно, является гигантский монолит Пламена в Бретани, увенчанный незначительным маленьким крестом, к которому крестьяне (особенно бездетные) до сих пор прибегают как к великому месту поклонения. Доисторические памятники Нарвии на острове Мэн были обращены в христианство благодаря глубоко вырезанным на них крестам. Другие случаи, подобные Черным камням Ионы, которые придали неприкосновенность этому Священному острову задолго до времен Колумба, несомненно, сразу придутся на ум каждому читателю. Что касается многих шотландских скульптурных камней, то трудно решить, были ли они изначально возведены в виде крестов или являются доисторическими памятниками, внешне обращенными в христианство.

Таким образом, я попытался вкратце указать на окончательное происхождение всех священных камней от надгробных памятников и указать на очень большую роль, которую они играют в сущности религии — то есть богослужении — повсюду. Однако есть одно конкретное приложение, на которое я хотел бы обратить особое внимание из-за его особого интереса к происхождению монотеистического бога иудаизма и христианства. До сих пор в этой главе я намеренно делал очень мало ссылок на веру и священные камни евреев, потому что хотел сначала дать общее представление обо всех разветвлениях и модификациях камнеопклонничества, прежде чем перейти к конкретному случаю, который нас, современных европейцев, интересует больше всего. Однако сейчас я приведу краткое изложение того, что кажется мне наиболее наводящим на размышления и важным в раннесемитском каменном культе. Эти результаты, без сомнения, в общих чертах уже знакомы большинству образованных читателей, но, возможно, они могут предстать в несколько новом свете, если рассматривать их в связи с общей историей камнеопклонничества, изложенной здесь.

О том, что семиты, как и другие ранние народы, поклонялись камням, мы знаем из множества положительных примеров. Каменные столбы Ваала и деревянные конусы Ашеры были главными объектами поклонения в финикийской религии. Камень Вефиля, по-видимому, был менгиром: пирамида из камней в Мицфе, несомненно, была надгробным памятником. Как нам говорят, израильтяне под руководством Иисуса Навина построили Галгал из двенадцати стоячих камней; и другие примеры в ранних еврейских традициях будут рассмотрены позже на своем месте. Точно так же у арабов времен Мухаммеда двумя главными божествами были Мана и Лат, одно - скала, другое - священный камень или каменный идол: и саму Каабу, большой черный камень местного поклонения, даже Пророк был вынужден признать и исламизировать, включив его целиком в свою монотеистическую религию.

Култ камня у семитов в целом, хотя профессор Робертсон Смит и пренебрегает им, должно быть, сыграл большую роль в религии этой расы, особой ветвью которой были евреи. "В Аравии, - говорит профессор Смит, - где жертвоприношения на огне были почти неизвестны, мы не находим настоящего алтаря, но на его месте воздвигается грубый столб или груда камней, возле которых закалывают жертву, кровь проливается на камень или у его основания". Для великого востоковеда, это правда, священный камень или алтарь, подобно священному дереву и священному источнику, являются не более чем "обычными символами в святилищах"; он думает о них не как о богах, а просто как о произвольно выбранных представителях бога. Однако после приведенных мною доказательств, я думаю, станет ясно, что эта позиция совершенно несостоятельна; более того, сам доктор Смит использует в этой связи множество фраз, которые позволяют нам увидеть истинное положение дел гораздо яснее, чем он сам. "Священные камни [арабов], о которых уже упоминает Геродот, называются *ансаб*, то есть установленные камни, столбы. Мы также находим название *гхарий*, "обагренный кровью", со ссылкой на только что описанный ритуал [жертвоприношения у *носа* или священного столба]. Значение этого ритуала займет нас позже, а пока следует отметить, что алтарь - это всего лишь модификация *носа*, и что грубый арабский обычай является примитивным типом, из которого выросли все сложные алтарные церемонии более культурных семитов. Что бы еще ни делалось в связи с жертвоприношением, примитивный ритуал окропления алтаря кровью или позволения ей стекать на землю у его основания почти никогда не пропускаться; и эта практика не была характерна для семитов, но в равной степени была правилом у греков и римлян, да и у древних народов в целом".

“Несомненно, ” снова говорит профессор Смит, “ что первоначальный алтарь у северных семитов, так же как и у арабов, представлял собой большой камень или пирамиду из камней, у которой проливалась кровь жертвы”. Он заявляет, что нет никакой разницы между еврейским алтарем и арабским стоячим камнем. “Монолитные колонны или пирамиды из камней часто упоминаются в более древних частях Ветхого Завета как стоящие в Святилищах, обычно в связи со священной легендой о событии, по случаю которого они были установлены каким-нибудь знаменитым патриархом или героем. В библейской истории они обычно предстают как простые мемориальные сооружения без какого-либо определенного ритуального значения; но закон Пятикнижия рассматривает использование священных колонн как идолопоклонство. Это лучшее свидетельство того, что такие колонны занимали важное место среди принадлежностей ханаанских храмов; и поскольку Осия говорит о колонне как о непереносимом элементе святилищ Северного Израиля в его время, мы можем быть уверены, что в массе своей евреи рассматривали колонны Сихема, Вефиля, Галгала и другие святилища не просто как памятники исторических событий, но как необходимые части ритуального устройства места поклонения.... Из этих свидетельств, и особенно из того факта, что возлияния одного и того же вида применяются к обоим, кажется очевидным, что алтарь представляет собой дифференцированную форму примитивной грубой каменной колонны. Но священный камень - это больше, чем алтарь, поскольку в еврейских и ханаанских святилищах алтарь в его развитой форме стола или очага не заменяет колонну; они находятся бок о бок в одном святилище, алтарь как часть жертвенного устройства, а колонна как видимый символ или воплощение присутствия божества, которое со временем приобретает различные формы и резьбу, пока в конечном итоге не превращается в статую или антропоморфного идола из камня, точно так же, как священное дерево или столб в конечном итоге превратились в изображение из дерева. .”

Несмотря на очевидные блуждания в темноте в этом и других отрывках из *"Религии семитов"*, ясно, что ученый профессор признал по крайней мере один центральный факт — “священный камень в семитских святилищах с самого начала был объектом поклонения, своего рода грубым идолом, в котором, как предполагалось, каким-то образом присутствовало божество”. И снова он отмечает, что “Столп Иакова - это больше, чем просто ориентир, ибо он помазан, точно так же, как в древности были помазаны идолы, и сам столб, а не место, на котором он стоял, называется ‘домом Божиим’, как если бы божество действительно обитало в камне или являло себя в нем своим поклонникам. И это концепция, которая, по-видимому, повсюду ассоциировалась со священными камнями. Когда араб мазал кровью *нош*, его целью было привести подношение в непосредственный контакт с божеством; и подобным же образом практика поглаживания священного камня рукой идентична практике прикосновения к одежде или бороде человека в актах мольбы перед ним ”. В другом месте он говорит: “Насколько свидетельствуют традиции и ритуалы, мы можем думать о священном камне только как о освященном фактическим присутствием божества, так что все, к чему он прикасался, вступало в непосредственный контакт с божеством”. И он цитирует строку арабского поэта, в которой арабские боги прямо описаны как “боги из камня”.

Таким образом, ясно, что священные камни были обычными объектами поклонения у семитов в целом, а также у еврейского народа в частности. Но после того, как исключительное поклонение Яхве, местному еврейскому богу, стало обязательным среди евреев, политикой священников-“иеговистов” стало иеговизирование и освящение священных камней Палестины путем приведения их в связь с иеговистской легендой и рассказами о Патриархах. Так, профессор Чейн следующим образом комментирует отрывок из книги Исайи, где пророк

высмеивает сторонника старого политеистического вероучения как камнепоклонника: “Среди гладких камней долины — твоя доля: Они, они - твой жребий: Даже им ты возливал возлияния: Ты приносил мясное приношение”: “Большие гладкие камни, упомянутые выше, были фетишами примитивных семитских рас и были помазаны маслом, согласно широко распространенному обычаю. Это был такой камень, который Иаков взял в качестве подушки, а затем освятил, вылив на него масло. Ранние семиты и реакционные идолопоклоннические израильтяне называли такие камни Вефилями.... то есть домами Эль (раннесемитское слово, обозначающее Бога) *.... Несмотря на усилия "иеговистов", которые хотели превратить эти древние фетиши в памятники патриархальной истории, старое языческое использование их, по-видимому, продолжалось, особенно в уединенных местах”.

* Скажи лучше: “для бога”.

Помимо случая с камнем в Вефиле, есть более поздний случай (в нашем повествовании), когда Иаков и Лаван заключили завет: “и взял Иаков камень и поставил его столбом. И сказал Иаков братьям своим: соберите камни; и они взяли камни и насыпали кучу; и они ели там на куче”. Итак, еще раз в Шалеме он воздвигает жертвенник, называемый Эль-Элохэ-Исраэль; он устанавливает столб на могиле Рахили и другой на том месте в Луз, где ему явился Бог. Не менее важна история о двенадцати камнях, которые двенадцать человек выносили из Иордана в память о переходе племен. Все это явные попытки иеговизировать эти ранние священные камни или местных богов, связывая их с эпизодами из иеговистской версии древних еврейских легенд.

Однако то, что таким камням поклонялись как божествам в ранние времена, до того, как культ Яхве стал исключительным среди его приверженцев, очевидно из самого иеговистского повествования, которому не удалось полностью стереть все следы более ранней религии. Самуил судил Израиль каждый год в Вефиле, на месте священного столпа Иакова; в Галгале, на месте, где были установлены двенадцать камней Иисуса Навина; и в Массифе, где стояла пирамида из камней, увенчанная столпом завета Лавана. Другими словами, это были святилища главных древних богов Израиля. Сам Самуил “взял камень и установил его между Массифой и Шемом, и само его название, Эбен-эзер, “камень помощи”, показывает, что первоначально ему поклонялись, прежде чем отправиться в военные походы, хотя иеговистский лоск, гласящий: “До сих пор Господь помогал нам”, конечно, делает все возможное, чтобы затемнить истинное значение. Итак, в Перане, в Новой Гвинее, мистер Чалмерс увидел “большой камень необычной формы” по имени Раваи, считающийся очень священным. Ему приносят жертвы, и к нему особенно обращаются во время сражений. “Перед отправлением в путь преподносятся подношения в виде пищи”, и к камню обращаются с мольбами о том, чтобы он предшествовал воинам в битве. Где бы ни было название камня, оно почти наверняка имеет погребальное происхождение. Именно к каменному кругу Галгала Самуил снова направил Саула, сказав: “Я сойду к тебе, чтобы принести всесожжения и мирные жертвы”. Именно у пирамиды Массифы Саул был избран царем; и после победы над аммонитянами Саул еще раз отправился к большому Стоунхенджу в Галгале, чтобы “обновить царство”, и “там они сделали Саула царем перед Яхве в Галгале; и там они принесли мирные жертвы перед Яхве”. Этот отрывок очень поучителен и важен, потому что здесь мы видим, что, по мнению автора, по крайней мере Яхве тогда обитал в Галгале, среди других священных камней этого святого круга.

Заметьте, однако, что, когда Саулу было приказано отправиться на поиски ослов своего отца, его послали сначала к столпу Рахили в Телзе, а затем на равнину Фавор, где он должен был встретить “трех человек, идущих к Богу [не к Яхве] в Вефиль”, очевидно, для принесения жертвы, “один нес троих детей, другой - три буханки хлеба, а третий - бутылку вина”. Эти и многие другие подобные памятники каменного культа густо разбросаны по ранним книгам еврейских Писаний, иногда открыто признаваемые, а иногда скрытые тонкой завесой иеговизма.

С другой стороны, в настоящее время исследование Палестины показало, что в самой Палестине не существует грубых каменных памятников, хотя к востоку от Иордана они распространены во всех частях страны. Как же тогда нам объяснить их исчезновение? Майор Кондер считает, что, когда чистый иеговизм, наконец, восторжествовал при Езекии и Иосии, иеговисты уничтожили все эти “идолопоклоннические” камни по всем еврейским владениям в соответствии с предписаниями Книги Второзакония уничтожить религиозные эмблемы хананеев. Яхве, бог евреев, был ревнивым Богом, и он не потерпел бы никаких чужих священных камней в пределах своей юрисдикции.

И кем или чем был сам Яхве, этот местный и этнический бог израильтян, который не потерпел бы, чтобы рядом с ним жил никакой другой бог или священный монолит?

Я не буду подчеркивать тот факт, что, согласно легенде, когда Иисус Навин умирал, он “взял большой камень” и установил его у дуба, который был у святилища Яхве, сказав, что он слышал все слова Яхве. Этот документ слишком сомнителен с точки зрения формулировок, чтобы наделять нас большим авторитетом. Но я просто укажу, что в то время, когда мы, кажется, впервые улавливаем ясные исторические проблески истинного поклонения Яхве, мы обнаруживаем, что Яхве, кем бы или чем бы ни был этот мистический объект, находится со своим ковчегом у Двенадцати камней в Галгале. Совершенно ясно, что в “лагере в Галгале”, как полагали более поздние составители, Яхве, бог Израиля, который вывел свой народ из Египта, оставался до завершения завоевания этой земли. Но после окончания завоевания шатер, в котором он жил, был перенесен в Силом; и то, что Яхве отправился с ним, ясно из того факта, что Иисус Навин бросил жребий о земле там “перед Яхве, нашим Богом”. Он все еще был там, когда Анна и ее муж отправились в Силом, чтобы принести жертву Яхве; и когда Самуил служил Яхве перед священником Илием. Таким образом, то, что Яхве надолго задержался в Силоме, является, по—видимому, истинной древней традицией - традицией эпохи, предшествовавшей историческому началу еврейских летописей.

Но Яхве был переносным объектом, поскольку, опуская на данный момент описания в Пятикнижии, которые, вероятно, относятся к позднему времени и не слишком заслуживают доверия из—за их усердного иеговистского редактирования, его перенесли из Силома в его ковчег на фронт во время великой битвы с филистимлянами при Эбenezере; и филистимляне испугались, ибо сказали: “Бог пришел в лагерь”. Но когда филистимляне захватили ковчег, бог—соперник, Дагон, упал и разбился на куски - так гласила древнееврейская легенда - перед лицом Яхве. После того, как филистимляне восстановили священный предмет, он некоторое время находился в Кириаф-иариме, пока Давид после взятия Иерусалима у иевусеев не отправился туда, чтобы перенести оттуда ковчег бога; и пока он ехал на новой повозке, они “играли перед Яхве на всевозможных инструментах”, а сам Давид “танцевал перед Яхве”. Затем Яхве поместили в шатер или скинию, которую приготовил для него Давид, пока Соломон не построил первый храм, “дом бога”. о Яхве“, и ковчег Яхве был установлен в нем ”в оракуле дома,

самом святом месте, даже под крыльями херувимов“. Точно так же мистер Чалмерс рассказывает нам, что, когда он был в Перане, в Новой Гвинее, священный камень особой формы, Раваи, и два деревянных идола, Эпе и Кивава, ”сделанные давным-давно и считающиеся очень священными“, на данный момент ”находились в старом доме, пока не будут сделаны все приготовления, необходимые для их переноса в великолепный новый дубу, подготовленный для них“. завершено“. Точно так же и на противоположном конце шкалы цивилизации, как выразился мистер Лэнг, “камнями-фетишами Греции были те, что занимали святая святых древнейших храмов, таинственные святилища в темных кедровых или кипарисовых рощах, куда людей почти не допускали”.

То, что сам Яхве, согласно древнейшим традициям расы, был точно так же сокрыт в своем сундуке или ковчеге в святая святых, очевидно, я думаю, любому внимательному читателю. Это правда, более поздние иеговистские пояснения к книге Исход и Второзаконию, составленные после того, как иеговистское богослужение стало очищенным и одухотворенным, делают все возможное, чтобы затемнить понимание этого вопроса, заставляя присутствие Яхве всегда казаться бестелесным; и даже в более ранних традициях фраза “ковчег завета Яхве” часто заменяется более простой и древней фразой “ковчег Яхве”. Но несмотря на все искажения, которыми жреческие переписчики эпохи Иосии и священнослужители эпохи возвращения из плена обложили примитивную историю, мы все еще можем ясно видеть во многих местах, что сам Яхве сначала лично присутствовал в ковчеге, который прикрывал его. И хотя книжники (очевидно, стыдящиеся раннего культа, который они пережили) не раз яростно протестовали: “В ковчеге не было ничего, кроме двух каменных скрижалей, которые Моисей положил туда на Хориве, когда Яхве заключил завет с детьми Израиля, когда они вышли из земли Египетской”, — но, по крайней мере, даже они признают, что предмет или предметы, скрытые в ковчеге, состояли из скульптурного камня или камней; и что танцевать или петь перед этим камнем или этими камнями было равносильно танцу или пению перед лицом бога. Яхве.

Вопрос о том, было ли таинственное тело, спрятанное в ковчеге, лингамом или другим фаллическим предметом, я намеренно опускаю здесь, поскольку он не имеет отношения к нашему настоящему исследованию. Достаточно настаивать на том, что, судя по имеющимся у нас свидетельствам, во-первых, это был сам Яхве, а во-вторых, это был предмет, сделанный из камня. Было бы любопытно узнать больше, и я, например, не желаю совать нос в тайны.

Таким образом, чтобы не заходить слишком далеко в аргументации, мы можем сказать, что в этом можно быть совершенно уверенными. Дети Израиля в древние времена повсюду носили с собой племенного бога Яхве, чье присутствие среди них было тесно связано с определенным ковчегом или сундуком, содержащим каменный предмет или предметы. Этот сундук был легко переносимым, и его можно было взять с собой на фронт в случае войны. Они не знали наверняка происхождения предмета в ковчеге, но они решительно считали его “Яхве, их богом, который вывел их из земли Египетской”. Даже после того, как его истинная природа была одухотворена в великое национальное божество, самое безграничное и бестелесное, которое когда-либо знал мир (каким мы видим его в лучших и чистейших произведениях пророков), образы более поздних времен постоянно возвращаются к старой идее каменного столба или менгира. В приукрашенном рассказе об исходе из Египта Яхве предстает перед израильянами в виде облачного столпа или монолита днем и огненного столпа ночью. Согласно закону Левитов, его алтарь должен быть построен из необработанного камня, “ибо, подняв на него свой инструмент, ты осквернил его”. Пророки часто образно описывают Яхве как Скалу,

используя полузабытый язык более ранних дней, чтобы облечь свои собственные более тонкие и очищенные представления. Именно к Скале Израиля — священному камню племени - они обращаются за помощью. Более того, даже когда Иосия принял подделанный свиток закона и пообещал соблюдать его, “царь встал у столпа (менгира) и заключил завет перед Яхве”. Даже до последнего мы смутно видим истинную изначальную природу поклонения этому ревнивому богу, который заставил Дагона разбиться на куски перед ним и не позволил никаким другим священным камням оставаться нетронутыми в пределах границ своего племени.

Поэтому я не вижу, как мы можем легко избежать очевидного вывода о том, что Яхве, бог евреев, который позже был возвышен и эфиризирован в Богахристианства, по своему происхождению был не чем иным, как священным камнем предков народа Израиля, какой бы скульптурной формы он ни был, и, возможно, в самом крайнем случае, нетесаной монументальной колонной какого-нибудь раннего семитского шейха или вождя.

ГЛАВА VI. СВЯЩЕННЫЕ КОЛЯ.

МИЛЬТОН говорит в знаменитом сонете о том времени, “когда все наши отцы поклонялись деревьям и камням”. Эта знакомая и кратко презрительная фраза пуританского поэта действительно охватывает подавляющее большинство объектов поклонения человеческой расы во все времена и во всех местах. Мы исследовали камни; теперь запасам следует уделить изрядную долю внимания. Им, однако, нет необходимости задерживать нас так долго, как их сестринским божествам, как потому, что они в целом менее важны сами по себе, так и потому, что их превращение из надгробных знаков в богов и идолов почти абсолютно параллельно тому, что мы уже подробно проследили в случае со стоячим камнем или мегалитическим памятником.

Коля или деревянные столбы часто используются во всем мире в качестве знаков погребения. Как и другие надгробные знаки, они также естественным образом разделяют почести, воздаваемые призраку или зарождающемуся богу. Но как элементы роста религии они менее важны, чем стоячие камни, по двум разным причинам. Во-первых, кол или столб чаще всего знаменует погребение человека, мало значимого в обществе; вождям и великим людям обычно воздвигают в их честь каменные памятники; простым людям приходится довольствоваться деревянными отметинами, что и по сей день можно наблюдать на Пер-Лашез или любом другом крупном христианском кладбище. Во-вторых, каменный памятник гораздо более долговечен, чем деревянный. Каждый из этих моментов что-то значит. Ибо именновожди и великие люди, чьи призраки чаще всего превращаются в богов; и именно древнейшие призраки, древнейшие

боги, древнейшие памятники всегда являются самыми священными. Таким образом, по обоим этим причинам кол играет менее важную роль в истории религии, чем камень.

Тем не менее, это имеет свое особое значение. Как священный камень в конечном счете происходит от большого валуна, наваленного над могилой, чтобы удерживать труп внизу, так и кол, я полагаю, происходит от заостренной палки, вбиваемой в тело, чтобы пригвоздить его, как мы видели в третьей главе, и до сих пор используется в христианской Англии, чтобы помешать самоубийцам ходить. Такому столбу обычно разрешается торчать из земли, чтобы предупреждать живых людей о близости духа.

Однако, как мне кажется, очень давно столб стал просто надгробным знаком; и хотя из-за своей сравнительной неприметности на него обращают относительно мало внимания, сейчас и всегда это был, безусловно, самый распространенный способ сохранения памяти о месте, где похоронен человек. Хороший пример, который прольет свет на многие последующие модификации, приведен мистером Уайаттом Джиллом из Порт-Морсби в Новой Гвинее. "Тело, " говорит он, " было похоронено. Сбоку был установлен кол, к которому были привязаны копье, дубинка, лук и стрелы покойного, но сломанные, чтобы предотвратить кражу. Чуть дальше была могила женщины: ее кухонные принадлежности, травяные нижние юбки и так далее были подвешены к столбу". Подобные обычаи, добавляет он, почти повсеместны в Полинезии.

Хотя поклонение кольям или деревянным столбам распространено во всем мире, я могу привести лишь несколько совершенно однозначных примеров такого поклонения столбу, который, как известно, действительно возвышается над несомненной могилой. Едва ли не лучшее прямое доказательство, которое я могу получить, - это случай с могильным столбом в Буру, уже цитированный мистером Х. О. Форбсом. Но следующий отчет о самоедском месте жертвоприношения, взятый из книги барона Норденшельда *"Путешествие на "Бере"*, безусловно, наводит на размышления. На холме на острове Вайгац шведский исследователь нашел несколько черепов северных оленей, расположенных так, что они образовывали плотную заросль рогов. Вокруг лежали другие кости, как медведей, так и северных оленей; и посреди всего этого лежали кости могущественных существ, которым было предложено все это великолепие. Они состояли 'из сотен маленьких деревянных палочек, верхние части которых были очень неуклюже вырезаны в форме человеческого лица, большинство из них от пятнадцати до двадцати, но некоторые достигали трехсот семидесяти сантиметров в длину. Все они были воткнуты в землю в юго-восточной части возвышенности. Рядом с местом жертвоприношения были видны куски плавника и остатки очага, на котором готовилась жертвенная трапеза. Наш проводник рассказал нам, что во время этих трапез рты идолов были испачканы кровью и смочены бренди; и первое утверждение подтверждалось большими пятнами крови, которые были обнаружены на большинстве больших идолов ниже отверстий, предназначенных для изображения рта ". Гораздо раньше Стивен Берроу в 1556 году пишет примерно то же самое в своем интересном повествовании, напечатанном в "Хаклуите": "Там я встретил агайна с Лошаком и сошел с ним на берег, и он привел меня к куче самоедских идолов, которых было около 300, худших и наиболее нехудожественных из всех, что я когда-либо видел: глаза и рты у каждого из них были кровавыми, они имели форму мужчин, женщин и детей, очень грубой работы, и то, что они делали для других людей, было сделано для других людей". части тела тоже были забрызганы кровью. Некоторые из их идолов представляли собой старую палку с двумя или тремя зарубками, сделанными ножом. Одни из их саней были сломаны и лежали у груды идолов, и там я увидел оленью шкуру, которую осквернили нечисти; и перед некоторыми

из их идолов были сделаны колодки высотой до их ртов; будучи весь окровавленным, я подумал, что это стол, на котором они приносили свои жертвы”.

Ни в одном из этих рассказов, правда, отчетливо не упоминается, что местом жертвоприношения было кладбище самоедов: но я полагаю, что это так, отчасти по аналогии, а отчасти потому, что Норденшельд упоминает в другом месте, что перевернутые сани - частый признак самоедской могилы. Сравните также следующий рассказ о кладбище среди номинально христианских сибиряков-остяков, также от Норденшельда: “Трупы помещали в большие гробы над землей, на которых почти всегда устанавливался крест”. [Прилагаемая гравюра на дереве показывает, что эти кресты представляли собой грубые деревянные колья с одной или двумя перекладинами.] “В один из крестов было вставлено священное изображение, которое следует рассматривать как еще одно доказательство того, что в гробу покоился христианин. Несмотря на это, мы нашли кое-какую одежду, принадлежавшую усопшему, висевшую на кусте рядом с могилой, вместе со свертком с едой, в основном сушеной рыбой. Говорят, что на могилы более богатых туземцев выжившие даже кладут вместе с едой несколько рублевых банкнот, чтобы усопший не остался совсем без наличных при вступлении в мир иной”.

Чтобы завершить параллель, я должен добавить, что деньги также были положены на место жертвоприношения на острове Вайгац. О другом подобном жертвенном месте на Ялмале Норденшельд говорит, описав груды костей, черепов северных оленей и челюстей моржа: “В середине кучи костей стояли четыре торчащих куска дерева. Два состояли из палочек метровой длины с вырезанными на них зазубринами.... Два других, которые, очевидно, были настоящими идолами этого места жертвоприношения, состояли из корней плавника, на которых были сделаны некоторые резные изображения, чтобы различать глаза, рот и нос. Куски дерева, которые должны были изображать глаза и рот, недавно были залиты кровью, а на куче костей все еще лежали внутренности только что убитого северного оленя”.

Действительно, я узнаю из другого источника, что “самоеды кормят деревянные изображения мертвых”; в то время как пример из Эрмана помогает еще больше подтвердить тот же вывод. По словам этого проникательного писателя, среди остяков Восточной Сибири существует интереснейший обычай, в котором, по словам доктора Тайлора, “мы видим переход от образа мертвеца к настоящему идолу”. Когда умирает мужчина, в юрте устанавливают его грубое деревянное изображение, которому во время каждой трапезы приносят подношения и воздают почести, в то время как вдова постоянно обнимает и ласкает его. Как правило, эти изображения хоронят по истечении трех лет или около того, но иногда “изображение шамана (местного колдуна), “ говорит Тайлор, - устанавливается постоянно и навсегда остается как святое”. Вместо слова “святой” я должен был бы сказать “бог”; и мы сразу видим, что преображение завершено. Действительно, Эрман язвительно добавляет о великих богах остяков: “То, что эти последние также имеют историческое происхождение, что первоначально они были памятниками выдающихся людей, которым предписания и интерес шаманов постепенно придавали произвольное значение, мне кажется, не подлежит сомнению”.

Что касается крови, которой обмазывают таких сибирских деревянных идолов, следует помнить, что чаши с кровью являются обычными подношениями мертвым; и сам доктор Робертсон Смит, не являющийся дружелюбным свидетелем в этом вопросе, сравнил кровавые подношения призракам с подношениями божествам. Например, в одиннадцатой книге “Одиссеи” призраки жадно пьют жертвенную кровь; возлияния запекшейся кровью составляют особую особенность

греческих жертвоприношений героям. Эта кровь приносилась в жертву священным камням, которые мы уже видели; и мы заметили, что там, как и здесь, она была специально намазана на части, представляющие рот. Приношения крови богам или пролитие крови на алтари слишком обычны, чтобы требовать особого внимания; и мы также вернемся к этой части предмета, когда приступим к рассмотрению важных вопросов жертвоприношения и таинства. Я только добавлю здесь, что, согласно Маймониду, сабияне смотрели на кровь как на пищу богов; в то время как еврейский Яхве с негодованием спрашивает в пятидесятом псалме: “Буду ли я есть мясо быков или пить кровь козлов?”

Переходя к более однозначным случаям поклонения столбу, когда мы вряд ли можем сомневаться в том, что кол символизирует мертвеца, капитан Кук заметил, что на островах Общества “резные деревянные изображения на местах захоронений считались не просто памятниками, а обителями, в которые уединялись души усопших”. Итак, Эллис замечает, что у полинезийцев в целом священными предметами могут быть либо простые доски и камни, либо резные деревянные изображения длиной от шести до восьми футов и до стольких же дюймов. Некоторые из них должны были представлять “ту”, божественные гривы или духов умерших; в то время как другие должны были представлять “ту”, или божеств более высокого ранга и могущества. На мой взгляд, это почти абсолютное различие; первое - призраки недавно умерших предков, второе - призраки более отдаленных прародителей. Древние арауканцы снова установили над могилой вертикальное бревно, “грубо вырезанное, чтобы представлять человеческое тело”. Послесмерти новозеландских вождей в качестве памятников были установлены деревянные изображения высотой от 20 до 40 футов. Я мог бы легко умножить примеры, но воздерживаюсь, чтобы список не стал утомительным.

Доктор Кодрингтон отмечает, что большие рты и высунутые языки многих новозеландских и полинезийских богов объясняются привычкой мазать рот кровью и другими подношениями.

Там, где люди хранят тела своих умерших, изображения не так часто вырастают; но там, где страх перед мертвыми привел к практике погребения или сожжения, разумно, что чувство привязанности, которое на первой стадии мышления побудило преподносить подарки и ласковые слова мумии, должно искать какой-то подобный материальный выход в изменившихся обстоятельствах. Среди нас фотография, портрет, игрушки умершего ребенка сохраняются и лелеются. Среди дикарей становятся необходимыми более грубые изображения. Они хоронят настоящий труп подальше от посторонних глаз, но делают какую-нибудь грубую деревянную имитацию, чтобы изобразить его. Таким образом, нас не удивляет, что, в то время как жители островов Марианна хранят высушенные тела своих умерших предков в своих хижинах в качестве домашних божеств и ожидают, что они будут даровать оракулов из своих черепов, новозеландцы, с другой стороны, “устанавливают мемориальные идола умерших людей рядом с местом захоронения, нежно разговаривая с ними, как с еще живыми, и бросают им одежду, когда они проходят мимо”, в то время как они также “хранят в своих домах маленькие резные деревянные изображения, каждое из которых посвящено духу предка”. Негры с побережья “кладут на могилы несколько глиняных изображений”. Некоторые папуасы, “после того как могила засыпана, собираются вокруг идола и предлагают ему провизию”. Яванцы наряжают изображение в одежду умершего. Точно так же и о карибах Вест—Индии мы узнаем, что они “вырезали маленькие изображения в форме, в которой, по их мнению, им являлись духи; и некоторые человеческие фигурки носили имена предков в память о них”. От таких маленьких изображений, очевидно заменявших мертвое тело, которое когда-то хранили и за которым с

любовью ухаживали, произошли, я полагаю, большинство домашних богов мира - ларесы и Пенаты римлян, уаки перуанцев, терафимы семитов.

Насколько абсолютное отождествление образа и предка мы можем видеть у жителей островов Тенимбер, у которых “*супругами* являются духи их предков, которым поклоняются как духам-хранителям или домашним богам. Предполагается, что они входят в дом через отверстие в крыше и временно поселяются в черепахах или в изображениях из дерева или слоновой кости, чтобы принять участие в подношениях”.

Еще несколько фактов в том же направлении могут помочь еще более рельефно выявить это близкое сходство трупа и изображения. Новогвинейская мать хранит мумифицированное тело своего ребенка и повсюду носит его с собой; в то время как западноафриканская мать, живущая в племени, где страх перед мертвыми вызвал практику погребения, делает маленькое изображение своего потерянного любимца из тыквы или калабаса, заворачивает его в шкуры и кормит или укладывает спать, как живого младенца. Бастиан видел, как индейские женщины в Перу, потерявшие младенца, носили на спине деревянную куклу, изображавшую его. На несколько более высоком уровне “духовные существа алгонкинов”, - говорит доктор Тайлор, которому я обязан многими из этих примеров, - “были представлены резными деревянными головами” (обратите внимание на этот момент) или “более совершенными изображениями, которым приносились поклонение и жертвы, и в языке полностью отождествлялись с ними”. Я думаю, что во всех этих примерах мы ясно видим ход зарождения домашних божеств. В Сиаме из праха умерших аналогичным образом лепят буддийские изображения, которым впоследствии поклоняются как домашним богам.

Мистер Герберт Спенсер собрал несколько интересных примеров, некоторые из которых я позаимствую, чтобы показать, как сильно рост идола или изображения зависит от такой абстракции реального тела для погребения или его эквивалента. Пока умершего короля Конго бальзамируют, во дворце устанавливают фигуру, представляющую его, и ежедневно снабжают мясом и напитками. Когда хоронили короля Франции Карла VI, “над гробом было изображение покойного короля в богатой короне из золота и бриллиантов и с двумя щитами в руках.... Это изображение было обтянуто золотой тканью.... В таком виде его торжественно перенесли в церковь Нотр-Дам”. Мадам де Мотвиль говорит об отце великого Конде: “За изображением этого принца ухаживали в течение трех дней, как это было принято” — сорок дней были первоначальным сроком, в течение которого таким изображениям подавали пищу в обычные часы. Монстрелет описывает похожую фигуру, использованную при погребении короля Англии Генриха V. и уже замеченные изображения Вестминстерского аббатства принадлежат к той же категории.

Как и в случае со священными камнями, еще раз, я вполне готов признать, что, когда однажды святость определенных кольев или деревянных шестов стала общепризнанной, было бы простым переносом чувств предположить, что любой столб, установленный произвольно, может стать святилищем или домом обитающего в нем духа. Так, нам говорят, что бразильские племена “вбивают в землю колья и совершают перед ними жертвоприношения, чтобы умиловить своих божеств или демонов”. Точно так же нас уверяют, что среди динка Белого Нила “миссионеры видели старую женщину в ее хижине, которая предлагала первую порцию еды перед коротким толстым посохом, воткнутым в землю”. Но ни в одном из этих случаев нет ничего, что обязательно указывало бы на то, что место, где был установлен посох, не было

местом захоронения; в то время как во втором случае это даже вероятно, поскольку захоронения в хижинах чрезвычайно распространены в Африке. Я процитирую только один другой пример, для его иллюстративной ценности в последующей связи. На островах Общества грубые бревна обтягивают местной тканью (как идола Мониган) и смазывают маслом, получая поклонение и жертвоприношения как место обитания божества. Этот обычай параллелен обычаю карибов, которые брали из могилы кость умершего друга, заворачивали ее в вату и спрашивали у нее оракулов.

Мистер Сэвидж Лэндор в своей интересной работе "*Волосатые айны*" приводит цифры и описывает некоторые любопытные надгробия этих японских аборигенов. Колья на мужских могилах снабжены фаллическим выступом; на женских - такой же фаллической перфорацией. Этот факт помогает проиллюстрировать фаллицизм священных камней в Сирии и других местах.

У семитских народов, которые всегда представляли для нас особый интерес из-за их генетической связи с иудаизмом и христианством, поклонение кольям обычно принимало форму поклонения любопытному бревну, называемому *ашера*. Что это был за *ашера*, мы узнаем из предписания Второзакония: "Не сажай *ашеру* ни из какого дерева рядом с алтарем Яхве". Этот запрет явно параллелен запрету на любой тесаный камень или "истукан". Но семиты в целом поклонялись, как правило, грубому каменному алтарю, рядом с которым под зеленым деревом стояла *ашера*, — таким образом, все три величайших священных объекта человечества присутствовали вместе. Подобное сочетание не редкость в Индии, где священные каменные и деревянные изображения часто стоят в тени одного и того же священного дерева пипул. "*Ашера*, - говорит профессор Робертсон Смит, - это священный символ, местопребывание божества, и, возможно, само название, как предположил Г. Гофман, означает не что иное, как 'знак' божественного присутствия". Однако те, кто следил за мной до сих пор в настоящей работе, с большей вероятностью придут к выводу, что первоначально это означало обозначение места, где был похоронен предок. "Каждый алтарь, - снова говорит профессор Смит, - имел свою *ашеру*, даже такие алтари, которые в популярных допрофетических формах еврейской религии были посвящены Иегове".

С семитским священным шестом обращались во многом так же, как с другими могильными столбами и идолами, которые мы до сих пор рассматривали; ассирийский памятник из Хорсабада, изображенный Роулинсоном, представляет собой декоративный шест, установленный рядом с алтарем; священники стоят перед ним, совершая акт поклонения, и прикасаются к шесту руками, "или, возможно, - говорит профессор Смит, - помазывают его каким-то жидким веществом". О том, что *ашера* также была задрапирована, подобно бревнам Общества островитян или ирландскому идолу Мониган, мы узнаем из знаменитого отрывка во "Вторых царствах" (xxiii. 7), где говорится, что женщины "ткали *завесы для ашеры*". Доктор Робертсон Смит иллюстрирует этот отрывок параллелью со священной *эрикой* в Библиусе, которая была "просто мертвым пнем, ибо он был срублен Исидой и преподнесен библианцам завернутым в льняную ткань и помазанным миррой, как труп". Следовательно, он представлял мертвого бога" (Осириса, или, скорее, по своему происхождению Адониса). "Но как простой обрубок он также напоминает еврейское *ашера*". Человек может так близко подойти к постижению истины, и все же так сильно упустить ее действительный смысл.

Я не буду больше останавливаться на этих более или менее отдаленных производных от могильного столба. Я лишь вкратце скажу, что, по моему мнению, все деревянные идола или

изображения прямо или косвенно произошли от деревянного изголовья или еще более примитивного могильного столба. Конечно, я не предполагаю, что каждое деревянное изваяние обязательно когда-то само было погребальным памятником. Магдалина Донателло в Сан-Джованни во Флоренции, облаченная в голубое и усыпанная звездами мадонна придорожного святилища, безусловно, не имеет такого непосредственного происхождения. Но я действительно верю, что привычка изготавливать деревянные статуи и поклоняться им возникла тем способом, на который я указал; и тем, кто обвинит меня в “грубом эвгемеризме”, я хотел бы еще раз заметить, что даже в этих высших христианских инстанциях сами объекты почитания в конечном итоге признаются, что когда-то ими были галилейские женщины. Более того, разве даже сама придорожная святыня в большинстве католических стран чаще всего не является часовней морга, воздвигнутой там, где какой-нибудь путник умер насильственной смертью от убийства, удара молнии, несчастного случая или схода лавины?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ—СВЯЩЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ.

The Священное дерево менее очевидно стоит в прямой линии происхождения богов и самого Бога, чем священный камень и священный кол, которые мы только что рассмотрели. Поэтому я бы охотно пропустил это в этом долгом предварительном исследовании, если бы мог это сделать безопасно, чтобы сразу перейти к конкретному рассмотрению Бога Израиля и возникновения монотеизма. Но дерево, тем не менее, настолько тесно связано с двумя другими главными объектами человеческого поклонения, что я с трудом вижу, как я могу избежать рассмотрения его здесь в той же связи: тем более, что в конечном итоге оно имеет важные последствия в отношении древа креста, а также Истинной Виноградной Лозы и многих других элементов христианской веры и христианского символизма. Поэтому я посвящу этому короткую главу по ходу дела, исходя из того, что я уже более подробно рассматривал этот предмет в моем “экскурсе о происхождении поклонения дереву”, приложенном к моему стихотворному переводу “*Аммуса*” Катулла.

Поклонение священным деревьям почти так же широко распространено по всему миру, как поклонение мертвым телам, мумиям, реликвиям, могилам, священным камням, священным кольям и каменным или деревянным идолам. Крупнейшими авторитетами в области поклонения дереву являются “*Баумкульт*” Маннхардта и “*Золотая ветвь*” Дж. Дж. Фрейзера. Однако ни один из этих ученых и проницательных писателей до конца не разглядел истинного происхождения богослужения из похоронных обрядов: и поэтому здесь становится

необходимым еще раз кратко рассмотреть ту же тему с точки зрения, которую дают нам теория трупной и теория призраков как основы религии. Я надеюсь кое-что добавить к их ценным результатам, а также попутно показать, что все основные объекты поклонения вместе взятые единодушно возвращают нас к культу Мертвых как их общей отправной точке.

Давайте начнем в данном случае (вопреки нашей предыдущей практике) с изучения и попытки понять несколько случаев поведения духов деревьев в различных мифологиях. Вергилий рассказывает нам в третьей "Энеиде", как по определенному случаю Эней приносил жертву на кургане, увенчанном кустами кизила и мирта. Он попытался вырвать некоторые из них с корнем, чтобы покрыть алтарь, как это было принято, покрытыми листьями ветвями. Когда он это сделал, первый куст, который он вырвал, поразил его тем, что из него потекли капли жидкой крови, которые потекли и упали на почву под ним. Он попробовал еще раз, и снова из дерева потекла человеческая кровь. Во время третьего испытания из кургана донесся стон, и чей-то голос заверил Энея, что курган, на котором он стоял, скрывает останки его друга Полидора.

Итак, в этом типичном и в высшей степени иллюстративном мифе — без сомнения, древней и хорошо известной истории, включенной Вергилием в его великую поэму, — мы видим, что дерево, растущее на кургане, само по себе считается представителем и воплощением души умершего человека, точно так же, как в других местах змея, выползающая из могилы Анхиза, считается воплощенным духом героя, и точно так же совы и летучие мыши, обитающие в могильных пещерах, часто отождествляются во всех частях света с душами усопших.

Подобные истории о кровоточащих или говорящих деревьях или кустарниках в изобилии встречаются и в других местах. "Когда срубают дуб, — говорит Обри в своей книге *"Остатки джентилизма"*, — он издает что-то вроде визга и стонов, которые можно услышать за милую, как будто это оплакивает гений дуба. Э. Уайлд, эсквайр, слышал это несколько раз". Некоторые индейцы, говорит Бастиан, не осмеливаются срезать определенное растение, потому что из него выделяется красный сок, который они принимают за кровь. Я сам помню, как мальчишкой в Канаде слышал, что там, где в лесу росла *сангвинария канаденсис*, распространенная американская кровохлебка, когда-то был похоронен индеец, и что красные капли сока, выступившие из стебля, когда кто-то срывал цветы, были кровью мертвеца. На Самоа, говорит мистер Тернер, особой резиденцией Туифити, короля Фиджи, была роща больших и долговечных деревьев афзелия. "Никто не осмеливался рубить эту древесину. Рассказывают историю о группе из Уполу, которая однажды попыталась это сделать, и в результате из дерева потекла кровь, все кощунственные незнакомцы заболели и умерли". До 1855 года, говорит Маннхардт, в Наудерсе в Тироле росла священная лиственница, которая, как считалось, кровоточила всякий раз, когда ее срезали. В некоторых из этих случаев, это правда, мы на самом деле не знаем, росли ли деревья на курганах, но этот момент особо отмечен в отношении кизила Полидора и, вероятно, подразумевается в случае с Самоаном, как я понял из титула, данного духу как королю Фиджи.

Однако в других случаях такого сомнения не существует. Нам прямо сказано, что именно души умерших, как считается, оживляют говорящие или кровоточащие деревья. "Племя дайери из Южной Австралии, — говорит м-р Фрейзер, — считает очень священными определенные деревья, которые, как предполагается, были преобразованы их отцами; поэтому они не будут рубить деревья и протестовать против того, чтобы поселенцы делали это". Некоторые жители Филиппинских островов верят, что души их предков обитают в определенных деревьях, которые

они поэтому щадят. Если им приходится срубить один из этих священных сундуков, они оправдывают себя тем, что это жрецы заставили их срубить его.

Итак, как возникла эта связь между деревом и призраком или предком? Во многом таким же образом, я полагаю, как связь между священным камнем или священным столбом и мертвым вождем, который похоронен под ним. Что бы ни росло или стояло на могиле, оно обязательно разделит почести, воздаваемые духу, обитающему в ней. Таким образом, змея или другое животное, выскользнувшее из могилы, мгновенно воспринимается дикарями и даже полуцивилизованными людьми как гений или представитель умершего обитателя. Но растут ли деревья из могил? Несомненно, да. Во-первых, они могут вырасти просто случайно, как могли бы вырасти и в любом другом месте; тем более что почва в таком случае была вспахана и обработана. Но помимо этого, во-вторых, во всем мире принято сажать деревья или кустарники над могилами родственников или соплеменников. Хотя прямых доказательств на этот счет получить сложно, их немного. Я наблюдал, как в Алжире арабские женщины ходили по пятницам сажать цветы и кустарники на могилах своих непосредственных умерших. Я узнал от мистера Р. Л. Стивенсона, что аналогичные посадки проводятся на Самоа и Фиджи. Таитяне кладут на могилы молодых казуарин. В римско-католических странах посадка кустарников на кладбищах обычно происходит *вдень умерших*, обычай, который доказывает его огромную древность; ибо, хотя для католиков является делом чести объяснять этот *праздник* сравнительно недавним происхождением, определенно введенным конкретным святым в определенный период, его аналогия с аналогичными празднованиями в других местах показывает нам, что это действительно сохранившийся пережиток очень древней формы поклонения человеку.

Несомненно, что в греко-римской древности деревья часто сажали вокруг могил умерших; и что покрытые листвою ветви были частью установленного церемониала похорон. Я не могу придумать ничего лучше, чем процитировать в этой связи еще раз случай Полидора: =

Ergo instauramus Polydoro funus, et ingens

Aggeritur tumulo tellus; stant Manibus aræ,

Cæruleis mostæ vittis atraque cupresso. =

Светоний снова рассказывает нам, как был тщательно заложен курган божественного Августа; и то, как он отмечает этот факт, как мне кажется, свидетельствует о том, что церемонии придавалось какое-то особое значение. Акация - одно из самых священных деревьев Египта; и египетские памятники с присущей им откровенностью показывают нам саркофаг, из которого вырастает акация с наивным девизом “Осирис восходит”.,

Инцидент, произошедший во время недавней японо-китайской войны, показывает, как легко поспешные авторы могут упустить из виду подобные моменты в формальных описаниях. Одна из лондонских иллюстрированных газет напечатала отчет о захоронении японцев, погибших в Порт-Артуре, и после упоминания простого надгробия, установленного на каждой могиле, добровольно добавила, что ничто другое не указывало на место погребения. Но сопровождавшая его гравюра, сделанная с фотографии, напротив, показывала, что на каждом крошечном холмике было посажено маленькое деревце.

Я узнал от мистера Уильяма Симпсона, что Гробницы королей близ Пекина издалика бросаются в глаза высокими сосновыми рощами.

Вечнозеленые растения, я полагаю, специально сажают на могилах или курганах, потому что они сохраняют свою зелень на протяжении всей зимы и, таким образом, как бы постоянно свидетельствуют о жизненной силе и активности обитающего в них духа. Мистер Фрейзер показал в *"Золотой ветви"*, что омела также обязана своей особой святостью тому факту, что она явно хранит в себе душу дерева, в то время как все окружающие ветви стоят голыми и безжизненными. Соответственно, курганы очень часто увенчаны вечнозелеными растениями. Например, почти все круглые курганы в южной Англии увенчаны очень древними шотландскими елями; и поскольку шотландская ель не является местным деревом к югу от Твида, практически несомненно, что эти старые сосны являются потомками предков, заложенных руками человека, когда курганы были впервые возведены над кремированными и захороненными телами доисторических вождей. Короче говоря, шотландская ель является в Англии священным деревом берроузов. Однако, как правило, в Северной Европе тис специально высаживают на кладбищах, и считается, что несколько таких тисов в различных частях Англии и Германии обладают особой святостью. Огромная роща очень древних тисов в парке Норбери близ Доркинга, известная как Роща друидов, долгое время считалась священным лесом глубокой древности. В южной Европе кипарис заменяет тис как вечнозеленое растение, наиболее тесно связанное с гробницами и кладбищами. Однако в Провансе и Италии вечнозеленый каменный дуб почти в равной степени является обычным обитателем мест погребения. М. Ладжар в своем талантливом эссе *"О культуре Кипарисов"* собрал множество свидетельств этого поклонения вечнозеленым растениям у греков, этрусков, римлян, финикийцев, арабов, персов, индусов, китайцев и американцев.

Со священными деревьями, особенно стоящими отдельно, обращаются во многих отношениях с тем же церемониалом, что и с мертвыми телами, мумиями, могилами, священными камнями, священными кольями и резными идолами или статуями. Другими словами, подношения духу или богу могут быть сделаны дереву, растущему на могиле, точно так же, как и любому другому признанному воплощению пребывающего в нем духа. Дарвин в *"Путешествии Бигля"* описывает, как индейцы Южной Америки громкими криками приветствовали какое-нибудь священное дерево, одиноко стоявшее на возвышенности в Пампасах; в отверстие у его основания выливались возлияния бренди и мате, чтобы ублажить душу божества, обитавшего там. Одного из этих древесных богов звали Валличу. Народ Конго, опять же, ставит тыквенные бутылки с пальмовым вином у подножия "деревьев, к которым относятся как к идолам". В других случаях дерево мажут кровью или предлагают ему масло. Жители Центральной Африки из магазина мистера Даффа Макдональда убивают цыплят у подножия "молитвенного дерева" и позволяют его крови стекать к корням. Олдфилд видел в Аддакуде домашнюю птицу и множество других съестных припасов, подвешенных в качестве подношений к гигантскому дереву. Сэр Уильям Хантер упоминает, что раз в год в Бирбхуме санталы "делают простые подношения призраку, который обитает на дереве Бела". На Тонге туземцы кладут подношения с едой к подножию определенных деревьев, в которых, по их мнению, обитают духи. Мне нет нужды множить примеры; их можно найти сотнями в докторе Тайлоре и других крупных антропологических коллекциях.

Более того, священное дерево находится в самой тесной возможной связи с другими памятниками, несомненно принадлежащими предкам, - священным камнем и идолом. "У бенгальской деревни," говорит сэр Уильям Хантер, "обычно есть свой местный бог, которому она поклоняется либо в виде грубого необработанного камня, либо в виде пня, либо в виде дерева, помеченного красным свинцом"; последнее, вероятно, заменяло кровь жертвенных

людей или животных, которой ее когда-то поливали. “Иногда кусок глины, положенный под дерево, выполняет обязанности божества; и сопровождающий его жрец, если таковой имеется, обычно принадлежит к одной из полуиндуизированных низших каст. Грубый камень олицетворяет неарийский фетиш; а дерево, по-видимому, обязано своей святостью неарийской вере в то, что оно является обителью духов или богов деревни”. Иными словами, мы имеем здесь культ предков в его неприкрытом раннем естественном развитии.

Здесь я могу вкратце упомянуть, что, как мы увидим позже, это тройное сочетание камня, бревна и дерева образует почти нормальную или неизменную композицию первобытного святилища во всем мире.

Связь священного дерева с настоящими идолами или изображениями умерших предков хорошо видна в следующем отрывке, который я цитирую из доктора Тайлора: “Группа лиственниц в сибирской степи, роща в глубине леса - святилище туранского племени. Яркие разукрашенные идолы в теплых меховых шубах, каждый из которых установлен под своим большим деревом, обтянутым тканью или жестью, бесконечные олени шкуры, свисающие с деревьев вокруг, чайники, ложки, рожки для нюхательного табака и домашние ценности, разбросанные в качестве подношений богам, - таково описание сибирской священной рощи на стадии, когда контакт с иностранной цивилизацией начался с украшения грубого старого церемониала, который в конце концов должен быть отменен. Раса, этнологически родственная этим племенам, хотя и достигла более высокой культуры, сохранила замечательные реликвии поклонения деревьям в Северной Европе. В районах Эстонии в течение нынешнего столетия путешественник часто мог видеть священное дерево, обычно старую липу, дуб или ясень, стоящее нетронутым в укромном месте рядом с жилым домом; и передаются старые воспоминания о том времени, когда первая кровь забитого животного была окроплена на его корни, чтобы скот мог процветать, или когда под священной липой клали подношение на камень, где молящийся преклонял голые колени, двигаясь с востока на запад и обратно, и этот камень он целовал, говоря: - Прими пищу как подношение.” После уже приведенных доказательств, я не думаю, что при таком сочетании дерева и камня могут возникнуть обоснованные сомнения в том, что мы имеем здесь жертвоприношение духу предков.

Точно так же во дворе дома Бодо посажен священный молочай Бато, национального бога, которому священник возносит молитву и закалывает свинью. На острове Тюмба, в Ост-Индии, после сбора урожая проводится фестиваль, и сосуды наполняются рисом в качестве благодарственного подношения богам. Затем священный камень у подножия пальмы окропляют кровью принесенного в жертву животного, а на камень кладут рис для богов. Когда кхонды основывают новую деревню, с торжественными обрядами должно быть посажено священное хлопковое дерево, а под ним помещен жертвенный камень, олицетворяющий деревенское божество. У семитов, говорит профессор Робертсон Смит, “ни одно ханаанское святилище не было полным без священного дерева, стоящего рядом с алтарем”. Однако мы полностью поймем важность этих фактов только тогда, когда позже перейдем к рассмотрению вопроса о преднамеренном изготовлении богов и природе кровавого церемониала, который всегда сопровождает его.

В некоторых из приведенных выше примеров случайно упоминается, что стволы священных деревьев иногда покрываются драпировкой, как мы видели, это также относится к священным камням, священным кольям, идолам и реликвиям. Другой пример такой практики приводится в

рассказе о священном дубе Ромоу, почитаемом древними пруссаками, который был завешен драпировкой, подобной *ашере*, и украшен маленькими висячими изображениями богов. Священные деревья Ирландии до сих пор покрыты тряпичными подношениями. Другие случаи будут рассмотрены в других разделах ниже.

Еще раз, подобно тому, как камни начинают рассматриваться как предки, подобным образом начинают рассматриваться и священные деревья. Так, Гальтон говорит в Южной Африке: “Мы проходили мимо великолепного дерева. Он был прародителем всех дамара.... Дикари танцевали вокруг него в великом восторге”. Несколько индейских племен считают себя сыновьями деревьев. Многие другие случаи отмечены мистером Гербертом Спенсером и доктором Тайлором. Я не думаю, что для нашей аргументации необходимо повторять их здесь. Иногда, однако, особенно в более поздние рационалистические времена, просто говорят, что священное дерево было посажено богом или героем, в честь которого оно создано. Таким образом, считалось, что кипарисы Геракла в Дафне были установлены на этом месте этим божеством, в то время как предполагалось, что тамариск в Вирсавии был установлен там Авраамом.

Я надеюсь, из этого краткого резюме становится ясно, что все факты о поклонении священным деревьям в точности совпадают с фактами о поклонении могилам, мумиям, идолам, священным камням, священным кольям и другим знакам умерших духов. Действительно, иногда у нас есть прямые доказательства такой принадлежности. Так, м-р Тернер говорит о священном дереве в определенном месте на острове Саваи, которое пользовалось правами святилища, подобного городам убежища или средневековому собору: “Говорят, что король одного из подразделений Уполу, называемого Атуа, когда-то жил на этом месте. После его смерти дом пришел в упадок; но дерево было установлено как символ ушедшего короля, и из уважения к его памяти оно заменило живого королевского защитника”. В свете этого замечания мы, несомненно, можем истолковать в аналогичном смысле и другие утверждения мистера Тернера, например, что благоухающее дерево в другом месте “считалось местом обитания домашнего бога, и все ароматное, что попадалось семье, приносили ему в качестве подношения”; или опять же, “предполагалось, что семейный бог живет” на другом дереве; “и поэтому никто не осмеливался сорвать лист или сломать ветку”. Ибо семейные боги, как мы видели в предыдущей главе, на самом деле являются семейными призраками, возведенными в ранг божеств.

В современных описаниях священных деревьев большое внимание обычно уделяется тому факту, что они большие и хорошо разросшиеся, часто очень заметные и занимают высоту, на которой служат ориентирами. Поэтому часто считалось само собой разумеющимся, что они были выбраны для поклонения из-за их размера и командующего положения. Однако я думаю, что это тот случай, когда телега ставится впереди лошади, как если бы кто-то сказал, что собор Святого Петра и Вестминстерское аббатство, храм в Карнаке или мечеть Омара были обязаны своей святостью своим внушительным размерам. Есть все причины, по которым священное дерево должно расти исключительно большим и бросаться в глаза. Курганы обычно строятся на более или менее господствующих высотах, где они могут привлекать всеобщее внимание. Земля обрабатывается, возделывается, освобождается от сорняков и обогащается кровью и другими подношениями. За деревом, поскольку оно священное, ухаживают. Его никогда не вырубают, и поэтому естественным образом в среднем за несколько экземпляров вырастает крупный и хорошо развитый экземпляр. Поэтому я считаю, что дерево обычно большое, потому что оно священное, а не священное, потому что оно большое. С другой стороны, там, где для

места захоронения выбирается уже полностью выросшее дерево, без сомнения, было бы естественно выбрать большое и бросающееся в глаза. Так, я прочел о дереве, под которым его слуга-туземец похоронил сердце доктора Ливингстона: “Оно самое большое в округе”.

Рассматривая вопрос в широком смысле, дело обстоит следующим образом. Мы знаем, что во многих случаях дикари хоронили своих мертвецов в тени больших деревьев. Мы знаем, что впоследствии такие деревья считаются священными, и им поклоняются с помощью крови, одежды, драпировок, подношений. Мы знаем, что молодые кустарники или деревья часто сажают на могилах во всех странах. Мы знаем, что все, что появляется на могиле или из нее, считается представителем обитающего в ней призрака. Следовательно, предполагается, что какое-либо конкретное священное дерево имеет погребальное происхождение; и бремя доказательства обратного лежит на человеке, который выдвигает какое-либо более оккультное и менее очевидное объяснение.

В то же время я вполне готов допустить, что здесь, как и в предыдущих примерах, когда идея о священности определенных деревьев станет общепринятой среди людей, многие деревья могут благодаря чистой ассоциации обрести собственную святость. Несомненно, так обстоит дело в Индии с пипулом и в различных других странах с различными другими деревьями. Точно то же самое произошло с камнями. Итак, опять же, хотя я считаю, что храм возник из гробницы или ее покрытия, я не отрицаю, что церкви сейчас строятся отдельно от гробниц, хотя всегда посвящаются поклонению Богу, который явно является особым обожествленным персонажем.

Еще один момент, которого я должен кратко коснуться, - это священная роща или группа деревьев. Я полагаю, они часто представляют собой деревья, посаженные в *теменосе*, или священном запретном пространстве, которое окружает первобытную гробницу или храм. *Куббы* или маленькие куполообразные гробницы магометанских святых, столь распространенные в Северной Африке, все окружены такой оградой, внутри которой обычно посажены декоративные или другие деревья. Во многих случаях это пальмы — знакомое священное дерево Месопотамии, о котором подробнее будет сказано ниже, в одной из последующих глав. Хорошо известный *священный лес* в Блиде представляет собой обширную рощу, посреди которой растет *кубба*. Подобный *теменос* часто окружал египетские и греческие храмы. Я не утверждаю, что это всегда были обязательно настоящие гробницы; но, во всяком случае, это были кенотафы. Когда люди однажды привыкнут к мысли, что определенные деревья посвящены памяти их предков или их богов, посадить такие деревья вокруг пустующего храма будет всего лишь легким шагом. Когда Ксенофонт, например, построил святилище Артемиды и посадил вокруг него рощу из множества видов фруктовых деревьев, а также установил в нем алтарь и изображение богини, никто ни на мгновение не предположил бы, что он воздвиг его над телом действительно умершей Артемиды. Но люди вообще никогда бы не начали строить храмы и освящать рощи, если бы сначала не построили дома для умершего бога-вождя и не посадили кустарники и деревья на его почитаемом кургане. Более того, даже наивная надпись на святилище Ксенофонта — “Тот, кто живет здесь и наслаждается плодами земли, должен каждый год приносить десятую часть плодов богине, а из остатков содержать храм в порядке” — разве это не возвращает нас косвенно к истокам жречества и стремлению к постоянству в надлежащем содержании религиозных служб?

Я ничего не буду здесь говорить об эволюции великих цивилизованных богов-деревьев, таких как Аттис и Адонис, столь распространенных в регионе восточного Средиземноморья, отчасти

потому, что я уже довольно подробно рассматривал их в эссе о поклонении деревьям, на которое я ссылался выше, иотчасти потому, что они увели бы нас слишком далеко от нашей нынешней темы. Но мимоходом необходимо сказать несколько слов о распространенности поклонения дереву среди семитских народов, тесно связанного с возникновением определенных важных элементов христианского культа.

“Во всех частях семитского ареала, - говорит профессор Робертсон Смит, - деревьям поклонялись как божественным”. Среди почитаемых таким образом видов он особо выделяет сосны и кедры Ливана, вечнозеленые дубы палестинских холмов, тамариски сирийских джунглей и акации аравийских вади. Следует отметить, что большинство из них - вечнозеленые растения. В Аравии самый поразительный случай из известных - это случай со священной финиковой пальмой в Неджране. Его обожали на ежегодном празднике, когда он был “весь увешан прекрасными одеждами и женскими украшениями”. Подобное дерево существовало в Мекке, к которому люди прибегали ежегодно, и вешали на него оружие, одежду, страусиные яйца и другие подношения. Предполагалось, что в священной акации в Накле живет богиня. Современные арабы до сих пор вешают куски мяса на эти священные деревья, почитают их жертвоприношениями и дарят им лоскутки ситца и цветные бусы.

Что касается финикийцев и хананеев, Филон Библий говорит, что растения в древние времена почитались как боги и удостоивались возлияний и жертвоприношений. Доктор Робертсон Смит приводит несколько примеров. Христианство не уничтожило почитания священных деревьев в Сирии, где им до сих пор молятся во время болезни и завешивают лохмотья. Мусульмане Палестины также почитают священные деревья незапамятной древности.

В еврейских священных писаниях поклонение дереву встречается постоянно, и на нем откровенно останавливается профессор Робертсон Смит, который не отказывается связать с этим набором верований легенду о Яхве в горящем кусте. Местные алтари раннего еврейского культа обычно устанавливались “под зелеными деревьями”. По этому вопросу я бы отсылал читателя к собственному интересному исследованию доктора Смита на стр. 193 "Религии семитов".

Что касается общей священности растительности, и особенно пищевых растений, таких как кукуруза, виноградная лоза и финиковая пальма, я пока отложу эту важную тему, пока мы не перейдем к рассмотрению богов земледелия и любопытного набора идей, которые постепенно привели к сакраментальному богоедению. В такой обширной и запутанной теме, как человеческая религия, становится необходимым рассматривать по одному пункту за раз и рассматривать различные части в аналитической изоляции.

Теперь мы вкратце рассмотрели почти все основные священные объекты мира в соответствии с классами — труп, мумию, идола, священный камень, священный столб, священное дерево или рощу; остается только еще одна группа священных предметов, очень общепризнанных, которые я не собираюсь рассматривать отдельно, но которым все же можно посвятить несколько слов в конце главы. Я имею в виду священные источники. На первый взгляд может показаться, что они никак не связаны со смертью или погребением; но это ожидание, как ни странно, обманчиво. По-видимому, есть какая-то причина для того, чтобы включить колодцы в расширяющуюся категорию погребальных объектов. Бычий колодец в Акко, например, посещали христианские, еврейские и мусульманские паломники; следовательно, он был объектом великой древней святости; но обратите внимание на этот момент: рядом с ним находится *мешхед* или священная

гробница, “возможно, современный представитель древнего Мемнониума”. У каждого египетского храма подобным образом было свое священное озеро. В современной Сирии “цистерны всегда находятся рядом с могилами святых, и считается, что в них обитает что-то вроде феи. Тоскующий ребенок считается сказочным подменным, и его нужно опустить в водоем”. Сходство верований о святых колодцах в Англии и Ирландии и их частая ассоциация с именем святого, по-видимому, наводят на мысль об их сходном происхождении. Священные реки обычно берут начало из священных источников, рядом с которыми стоит храм. Река Адонис брала свое начало в святилище Афаки, и могила Адониса, о котором еще многое предстоит сказать, находилась недалеко от устья священного ручья, обогатившего его кровью. У священной реки Бел также была своя своеобразная гробница Мемнония, или Адониса. Но я должен добавить, что священные реки также ежегодно приносили жертвы богам, о которых у нас будет много чего сказать на более поздней стадии нашего исследования и от которых они, вероятно, частично унаследовали свою святость. Тем не менее, то, что их святость также частично и первоначально была обусловлена гробницами у их истоков, я думаю, не допускает никаких разумных сомнений.

Эквивалентность святого колодца и святого камня подтверждается тем фактом, что в то время как женщина, чье целомудрие вызывало подозрения, должна была выпить воду из священного источника, чтобы доказать свою невиновность, в Мекке она должна была принести семьдесят клятв у Каабы.

Опять же, священным колодцам и фонтанам поклонялись и поклоняются с точно такими же жертвоприношениями, как призракам и изображениям. В Афаке паломники бросали в священный бассейн золотые и серебряные украшения, льняную паутину и другие драгоценные ткани. Святая роща была дополнением к святому источнику: в Греции, по словам Боттичера, они редко разделялись. На ежегодной ярмарке у Священного Теребинфа, или дерева и колодца Авраама в Мамре, посетители-язычники приносили жертвы рядом с деревом и бросали в колодец возлияния вина, лепешек, монет, мирры и благовоний: все это мы можем сравнить с остякскими подношениями могильным столбам предков. У святых вод Карвы рядом с источником клали хлеб, фрукты и другие яства. В Мекке и у Стигийских вод в Сирийской пустыне подобные дары бросали в святой источник. По крайней мере, в одном из этих случаев мы знаем, что священный колодец был связан с настоящим захоронением; ибо в Афаке, самой священной святыне Сирии, гробница местного Ваала, или бога, была показана рядом со священным источником. “Погребенный бог, - оригинально комментирует этот факт доктор Робертсон Смит, - это бог, обитающий под землей”. Было бы гораздо вернее и философичнее сказать, что бог, обитающий под землей, - это похороненный человек.

Мне нет нужды напоминать о подношениях корнуолльским и ирландским спиртным напиткам, которые сейчас по большей части превратились в булавки и иголки.

В целом, хотя невозможно понять весь генезис священных источников и рек без предварительного рассмотрения преднамеренного боготворения, тему которого я оставляю для более поздней части нашего изложения, я не думаю, что мы сильно ошибемся, предположив, что священный колодец чаще всего встречается вместе со священным деревом, священным камнем или алтарем и священной могилой; и что своей святостью он обязан, в конечном счете, по крайней мере, первоначально, захоронению рядом с ним; хотя я не сомневаюсь, что эта святость во многих случаях поддерживалась ежегодным жертвоприношением. о новой жертве-

боге, о типе, происхождение которого в дальнейшем задержит нас. Действительно, доктор Робертсон Смит говорит о семитском культе в целом: “Обычными естественными символами являются фонтан или дерево, в то время как обычным искусственным символом является колонна или груда камней: но очень часто все три встречаются вместе, и это было правилом в более развитых святилищах”. Я не могу согласиться с ним по поводу “символизма”, но словосочетание объектов, по крайней мере, имеет значение.

Таким образом, при окончательном анализе мы видим, что все священные объекты мира - это либо сами мертвецы в виде трупа, мумии, призрака или бога; либо могила, где похоронены такие люди; либо храм, святилище или хижина, прикрывающая могилу; либо надгробный камень, алтарь, изображение или статуя, стоящая над ним и представляющая призрак; либо столб, идол или домашний бог, который является их заместителем; или дерево, растущее над курганом; или колодец, резервуар или родник, естественный или искусственный, рядом с которым покоился покойник. В той или иной форме, от начала до конца, мы находим только, по образному выражению мистера Уильяма Симпсона, “Поклонение Смерти” как основу и корень всей человеческой религии.

ГЛАВА VIII. БОГИ ЕГИПТА.

Мы завершили наш предварительный обзор природы и происхождения богов в целом. Мы видели, как люди впервые пришли к вере в объективное существование этих могущественных и невидимых существ, как они научились наделять их величественными атрибутами и как они выросли, чтобы поклоняться им в различных формах мумий или валунов, каменных или деревянных идолов, деревьев или пней, колодцев, рек и фонтанов. Короче говоря, мы вкратце подошли к истокам политеизма. Теперь мы должны перейти ко второму вопросу — как от веры во многих богов люди продвинулись к вере в единого Бога, творца и вседержителя всего сущего? Теперь наша задача состоит в том, чтобы реконструировать происхождение монотеизма.

Но монотеизм полностью основывается на великом Боге евреев. Поэтому к нему мы должны обратиться в следующий раз. Не слишком ли он решителен, как я намекал ранее, превратившись в Священный Камень, памятник и представителя какого-нибудь

доисторического вождя? Можем ли мы проследить происхождение Божества христианского мира, пока не найдем его, наконец, в забытом семитском призраке древнейшего периода?

Главный еврейский бог Яхве, когда мы впервые мельком сталкиваемся с примитивным поклонением ему его собственного народа, был всего лишь одним из множества конкурирующих божеств, в основном, как представляется, воплощенных их приверженцами в видимой форме каменных или деревянных колонн, и ему поклонялась небольшая группа слабо связанных племен в горном регионе на юго-западе Сирии. Союзники, среди которых он жил, знали себя как Сынов Израиля; они считали Яхве своим главным богом, во многом так же, как греки считали Зевса, а ранние германцы - своего национального героя Водена. Но всеобщая традиция среди них свидетельствовала о том факте, что когда-то они жили в рабстве в Египте, в доме рабства, и что их бог Яхве сыграл важную роль в том, чтобы привести их оттуда в суровую землю, которую они населяли на протяжении всего исторического периода, между долиной Иордана и побережьем Средиземного моря. Это традиционное верование было настолько последовательным и определенным, что мы вряд ли можем рассматривать его иначе, чем как содержащее зерно истины; и не только Куэнен и другие современные семитологи признают его подлинным, но и египтологи, по-видимому, в целом допускают его существенную точность и полное соответствие иероглифической литературе. Это пребывание в Египте не могло не повлиять в некоторой степени на пришельцев-семитов: поэтому я начну свои поиски еврейского бога среди египетских памятников. Признавая, что он был, по сути, во всех отношениях божеством истинно семитского образца, я думаю, нам будет полезно заранее узнать немного о народе, среди которого так долго жили его приверженцы, тем более что история египетских культов дает нам, возможно, лучший исторический пример роста и развития великой национальной религии.

Действительно, особый интерес в истории человеческого разума представляет эволюция египетских богов. Нигде больше в мире мы не можем так хорошо проследить такое непрерывное развитие от самых простых зачатков религиозных идей до самых высоких уровней мистицизма и философской теологии. Правда, существуют культы дикарей, которые более ясно показывают нам самые ранние стадии процесса, при котором простой дух предков незаметно переходит в более могущественную форму сверхъестественного божества; существуют возвышенные цивилизованные верования, которые более величественно демонстрируют нам в своей развитой форме окончательную концепцию единого верховного Правителя Космоса. Но нам не известна никакая другая религиозная система, в которой мы могли бы с такой готовностью, без единого перерыва, следовать всему эволюционному движению, посредством которого более ранние идеи постепенно расширяются и эфиризируются в более поздние. Происхождение других великих исторических религий теряется от наших глаз в тумане легенд: только в Египте из всех цивилизованных стран наши сведения восходят к отдаленному периоду, когда религиозная концепция все еще находилась на обычном уровне дикости, и непрерывно следуют за ней до продвинутой точки, где она в своем синкретическом движении почти достигла конечной цели чистого монотеизма.

Я хотел бы, однако, начать свой обзор этой уникальной истории с того, что скажу раз и навсегда, что, хотя я и не претендую на специальные египтологические знания, я должен, тем не менее, на общих антропологических основаниях не согласиться с позицией, занятой г-ном Ле Пажем Ренуфом в его *Лекциях о религии Древнего Египта*. Работа этого ученого писателя действительно, с научной точки зрения, на полвека отстала от своего времени. Она написана

так, как будто доктрина эволюции никогда не была обнародована; и каждая страница содержит вопиющие противоречия самым элементарным принципам человеческого развития. Г-н Ренуф все еще придерживается дискредитированных идей о том, что политеизм вырос из предшествующего монотеизма; что поклонение животным и другие низкие формы поклонения имеют “символическое” происхождение; и что “более мелкие части египетской религии не являются сравнительно поздним результатом процесса развития или исключения из более грубых”. Такие теории сами по себе были бы крайне неправдоподобны, даже при самых полных и достоверных доказательствах; но доказательства, которые г-н Ренуф приводит в их поддержку, имеют самое неубедительное описание. Простой обзор египетских памятников в долине Нила и известных фактов о египетской религии приведет любой непредвзятый ум, свободный от искажающего влияния предвзятых мнений и привыкший к широким антропологическим исследованиям, к прямо противоположным и более вероятным выводам. Ибо следует тщательно помнить, что в этих вопросах специалист - последний человек, с мнением которого следует безоговорочно соглашаться. Религию Египта, подобно религии Иудеи или религии Гавайев, следует оценивать не изолированно, а по аналогии с другими религиями в других местах; попытка объяснить ее как несвязанное явление, которое уже было признано столь катастрофическим в случае семитского и арийского культов, должна быть раз и навсегда отброшена сравнительной психологией как безнадежная ошибка. Ключ к происхождению египетской веры следует искать не в поздних философских пояснениях, цитируемых Месье де Руже и его английским учеником, а в простых, неизменных верованиях предков нынешних африканских дикарей.

Если смотреть с этой точки зрения — эволюционной точки зрения, — то ничто не может быть яснее того факта, что раннеегипетская религия полностью основывается на двух основных принципах: поклонении предкам и тотемизме.

Я начну с первого из них, который любая аналогия учит нас считать безусловно самым ранним и бесконечно важным. И я могу добавить, что это также, если судить только по египетским свидетельствам, элемент, лежащий в основе всех религиозных концепций долины Нила, а также элемент, который непосредственно связан, как мы увидим ниже, со всеми наиболее важными богами национального пантеона, включая Осириса, Птаха, Хема и Амона, а также, возможно, со многими соответствующими им богинями. Фактически, на земле нет ни одной великой этнической религии, за исключением, возможно, китайской, в которой основополагающее значение Мертвеца было бы столь очевидным, как в древнем культе фараонов Египта.

Египетская религия основана на гробнице. Невозможно ни на мгновение усомниться в этом факте, когда стоишь в скудной тени финиковых пальм пустыни среди огромных, выжженных солнцем куч пыли, которые представляют собой улицы Фив и Мемфиса. Самым распространенным объектом поклонения на всех памятниках Нила, несомненно, является мумия: иногда личная мумия предка или родственника, иногда более обожествленные мумии незапамятной древности, смешанные в более позднем синкретическом мистицизме с богом солнца и другими аллегорическими божествами, но представленные до самого последнего времени в искусстве всех эпох — на разрушенном Рамзеуме в Фивах или на птолемеевых колоннах все еще непоколебимой Дендеры — как всегда безошибочные и очевидные мумии. Если когда-либо существовала страна, где Поклонение Мертвым было доведено до крайности, то этой страной был определенно Египет.

“Самые старые скульптуры не демонстрируют нам никаких актов поклонения или жертвоприношения, “ говорит мистер Лофти, - за исключением поклонения в святилище умершего предка или родственника”. Это полностью соответствует тому, что мы знаем о зарождении религии в других странах, и тому огромному значению, которое всегда придавалось сохранению мумии в целости на протяжении всего долгого периода египетской истории. Египтянин, несмотря на свою высокую цивилизацию, всегда оставался на первой, или трупосберегающей, стадии обычая в отношении мертвых. Поэтому для него жизнь после смерти была гораздо серьезнее, чем жизнь на земле: он осознал это настолько полно, что бесконечно готовился к этому в течение своих дней наверху и построил себе гробницу в качестве вечного жилища. Могила была местом обитания, где мумии предстояло провести большую часть своего существования; и даже у частных лиц (например, у того знаменитого Тиха, расписную гробницу которого в Саккара обязательно посещает каждый турист в Каире) она была роскошно украшена картинами и скульптурами. В покоях морга или часовнях, пристроенных к гробницам, родственники умерших и кладбищенские священники совершали в определенные установленные даты различные церемонии в честь умерших и приносили мумии, находящейся внутри, соответствующие подарки. “Столы для подношений, которые, без сомнения, были частью убранства покоев, изображены на стенах, уставленные дарами в виде мяса, фруктов, хлеба и вина, которые должны были быть преподнесены натурой”. Эти *паренталии*, несомненно, составляли главную черту практической религии раннего Египта, что представлено нам на всех памятниках, за исключением поздних гробниц-пещер царственных особ, посвященных поклонению столь же мумифицированным великим богам.

Египетская гробница обычно представляла собой искусственно имитированную пещеру. Внешняя камера, в которой происходили церемонии принесения в жертву, была единственной частью, доступной для ног выживших после завершения погребения. Сама мумия, скрытая в саркофаге, лежала на дне глубокой ямы за ним, в конце коридора, часто со статуями или идолами умерших. Эти идолы, говорит М. Масперо, были бесконечно размножены на случай, если сама мумия будет случайно уничтожена, чтобы *Ка* (призрак или двойник) мог найти безопасное пристанище. Сравните многочисленные маленькие изображения, размещенные на могиле неграми с Побережья. Однако именно во внешней камере находилась *стела* или колонна с эпитафией, а также алтарь или стол для подношений, дым от которого поступал к статуям в коридоре через небольшое отверстие в перегородке. Внизу, в запердельном колодце, мумия собственной персоной покоилась в своем вечном жилище, свободная от всяких посягательств или надругательств. “Величайшее значение, ” говорит г-н Ренуф, “ придавалось постоянству могилы, продолжению религиозных церемоний и молитвам прохожих”. И снова: “существует очень распространенная формула, утверждающая, что человек, поднявший табличку, ”сделал ее в память о своих отцах, которые находятся в загробном мире, восстановил то, что, по его мнению, было несовершенным, и обновил то, что, как оказалось, вышло из строя“. В надписи на одной из великих гробниц в Бени-Хассане основатель говорит: “Я прославил имя моего отца, и я построил часовни для его *ка* [или призрака]. Я приказал перенести статуи в святое жилище и раздал им их подношения в виде чистых даров. Я учредил исполняющего обязанности священника, которому я раздавал пожертвования в виде земли и подарков. Я заказал погребальные подношения для всех праздников нижнего мира [которые затем перечисляются довольно подробно]. Если случится так, что священник или кто-либо другой перестанет это делать, пусть он не существует, и пусть его сын не сядет на свое место”. Все это в высшей степени поучительно с точки зрения происхождения священства.

Как долго продолжали уважать эти ранние религиозные дары, показано самим мистером Ренуфом в одном поучительном отрывке. Цари, строившие пирамиды на Заре Империи, наделяли жреческую должность с целью совершения периодических обрядов подношения своим призракам или мумиям. Так вот, табличка в Лувре показывает, что некий человек, живший при Двадцать шестой династии, был жрецом Хуфу, строителя Великой пирамиды, который занял эту должность за две тысячи лет до своего времени. На самом деле у нас есть могилы некоторых его предшественников, которые занимали тот же пост сразу после смерти Хуфу. Так что, по крайней мере, в этом случае поклонение умершему монарху продолжалось без перерыва в течение пары тысяч лет. “Если в случае частных погребений,” говорит М. Масперо, “мы не находим доказательств столь стойкого почитания, то это потому, что в обычных гробницах церемонии совершались не специальными священниками, а детьми или потомками умершего человека. Часто по прошествии нескольких поколений, либо из-за небрежности, переезда, разорения, либо вымирания семьи, культ приостанавливался, и память о мертвых угасала полностью”.

По этой причине, как и везде среди почитателей предков, египтяне придавали огромное значение рождению сына, который должен был выполнять надлежащие семейные обряды или следить за тем, чтобы их выполняли другие после него. Обязанность совершать эти обряды тщательно подчеркивается во всех принципах или моральных текстах; в то время как, с другой стороны, пожелание, чтобы у мужчины не было сына, который совершал бы их за него, является самым ужасным из всех древнеегипетских проклятий. “Спустя много столетий после постройки гробницы египетские путешественники оставили на ее стенах записи о великолепии священной обители, об изобилии материалов, которые они нашли для совершения обрядов по усопшим, и о том, что они сами повторяли похоронную формулу”. Фактически, вся практическая религия простых египтян, как ее видит сегодня простой наблюдатель в огромной массе существующих памятников, состоит почти исключительно в поклонении *генам, гривам или ларам* усопших.

Если бы даже простые люди были так тщательно забальзамированы — если бы даже мелкие придворные или храмовые чиновники покоились в дорогих гробницах, изящно раскрашенных и искусно изваянных, — можно было бы легко поверить, что великие цари могущественных династий завоевателей сами воздвигли бы для своих мумий вечные жилища особого великолепия, приличествующие величию. Так они и сделали. В Нижнем Египте их гробницы представляют собой курганы или пирамиды; в Верхнем Египте это искусственные пещеры. Унылый пустынный район к западу от Нила и к югу от Каира на многие мили, практически непрерывно, состоит из кладбища Мемфиса — обширного и разрушающегося города мертвых, главными памятниками которого являются чудесный ряд пирамид, оскверненных гробниц, сложенных для царей Третьей, Четвертой, Пятой и Шестой династий. Там, под каменными насыпями огромных размеров — курганами или пирамидами из камней, более тщательно сооруженными, — фараоны Старой империи покоились в мире в гробницах, не отмеченных никакими эмблемами мистических богов или священных зверей более позднего воображения. Но еще более значительными и бесконечно более красивыми являются высеченные в скале Гробницы царей в Фивах, принадлежащие великим монархам Восемнадцатой, Девятнадцатой и Двадцатой династий, когда религия достигла своего полного мистического развития. Эти великолепные подземные залы образуют в самом прямом смысле настоящий некрополь, город мумий, где каждый царь должен был обитать в вечном дворце царственного великолепия, украшенном обилием полихромного искусства и заполненном множеством особняков для государственных чиновников, которым все еще суждено

прислуживать своему государю в загробном мире. Некоторые фрески, по-видимому, даже предполагают, что рабы или пленники приносились в жертву у гробницы, чтобы служить своему господину в его вечном доме, как его придворные служили ему во временных дворцах Мединет-Хабу или коридорах Луксора.

М. Мариетт далее показал, что огромные фиванские храмы, которые длинной линией огибают край пустыни возле Долины гробниц, на самом деле были кенотафами, где хранилась память о царях, похороненных рядом, которым поклонялись. Таким образом, Рамзеум был *мастабой* или часовней-погребением для могилы и призрака Рамзеса II.; храм Мединет-Хабу выполнял ту же цель для Рамзеса III.; храм Курне для Рамзеса I. и так далее на протяжении всего длинного ряда этих гигантских руин с соответствующей группой подземных раскопок.

Во всяком случае, ни один беспристрастный человек не может исследовать существующие памятники, окаймляющие серые пустынные холмы Нила, не убедившись лично, что мумия повсюду является центральным объектом поклонения — что вся практическая религия людей была основана на этом всепроникающем чувстве непрерывности загробной жизни и на необходимости оказывать должное почтение и совершать погребальные подношения *гивам* предков. Все в Египте указывает на этот единственный вывод. Даже великий священный ритуал - это Книга мертвых, и само слово, которым чаще всего описывают усопших, само по себе означает “живые”, исходя из твердой веры людей в то, что они действительно наслаждались вечной жизнью. *Жизнеописание януа* - это краткое изложение египетских религиозных представлений. Смерть была великим началом, к которому все они готовились, и мертвые были настоящими объектами их самого усердного поклонения.

Более того, в самих гробницах мы можем проследить постепенное развитие религиозного чувства от трупопоклонства к богопоклонству. Таким образом, в гробницах Саккара, принадлежащих Старой империи (Пятая династия), почти полностью отсутствуют все те символические представления о загробной жизни, которые пришли с более поздним мистицизмом. Цитаты из “Книги мертвых” (или их предвосхищения) немногочисленны и коротки. Великие боги упоминаются редко. Опять же, в гротах Бени-Хассана (Двенадцатой династии) картины в основном представляют сцены из жизни умерших, а мистические знаки и божества по-прежнему отсутствуют. Доктрина о вознаграждениях и наказаниях пока еще находится в относительном упадке. Только в Гробницах царей в Фивах (Восемнадцатой династии) подробно переписаны целые главы “Книги мертвых”, а стены покрыты “целой армией гротескных и фантастических божеств”.

“Но у египтян, ” возразят, - были также великие боги, отличные от их предков, — национальные, или местные, или общие боги, — чьи имена и фигуры дошли до нас начертанными на всех памятниках”. Совершенно верно: то есть есть боги, которых нельзя сразу или наверняка превратить в обожествленных предков, — боги, чья власть и могущество в конце концов широко распространились и которые постепенно преобразились до неузнаваемости в последние века. Но даже в этом случае ни в коей мере нельзя быть уверенным в том, что мы не можем в конечном итоге проследить происхождение самих этих великих богов от обожествленных предков различных правящих семей или доминирующих городов; и в одном или двух наиболее важных случаях предположения о таком происхождении далеко не скудны.

Для начала я приведу один типичный пример. В египетском пантеоне нет ни одного бога, более важного или распространенного по всему миру, чем Осирис. В более поздних формах

национальной религии он возведен в ранг судьи усопших и царя нижнего мира: быть “оправданным Осирисом”, или, как говорят более поздние толкователи, “оправданным Осирисом”, - это молитва каждого покойника, как указано в его надгробной надписи; и отождествление себя с Осирисом рассматривается как награда всех счастливых и верующих умерших. Теперь Осирис, в каждом из своих представлений и модусов, просто —напросто Мумия. Конечно, его миф, наконец, приобрел огромные масштабы; и его отношения с Исидой и Гором составляют центр бесконечной серии непримиримых историй, снова и снова повторяющихся в искусстве и литературе. Если бы мы руководствовались мифологией, а не памятниками архитектуры, у нас возникло бы искушение приписать ему совсем другие истоки. Его часто отождествляют с другими богами, особенно с Амоном; и распутать его личность в памятниках новой империи, когда Ра, бог солнца, был неразрывно связан со столькими другими божествами, особенно трудно. Но если мы пренебрежем этими позднейшими осложнениями очень древнего культа и вернемся к простейшим истокам египетской истории и религии, мы, я думаю, увидим, что этот мистический бог, столь часто отождествляемый элементарной символикой с солнцем или домом мертвых, изначально был не более и не менее тем, кем его изображают на всех его картинах и статуях — почитаемой мумией, очень древним вождем или королем города или небольшого района Абидоса.

Я не отрицаю, что в более поздние века Осирис стал чем-то большим. Я также не отрицаю, что его имя было принято как символ всех счастливых и благочестивых умерших. Более того, позже мы обнаружим, что в конце концов его отождествили с ежегодно убиваемым Богом Кукурузы. Я даже допускаю, что первоначальных Осирисов могло быть больше одного - что это слово могло даже поначалу быть общим, а не специфическим. Но я по-прежнему утверждаю, что свидетельства показывают нам великого и главного Осириса в качестве Мертвого Вождя Абидоса.

Мы должны помнить, что только в Египте история восходит к глубокой древности и, тем не менее, показывает нам уже в самом начале развитую цивилизацию и развитую изобразительную письменность. Следовательно, самое древнее из известных государств Египтани неизбежно предполагает обширную предшествующую эпоху медленного роста концентрации и культуры. До того, как Верхний или Нижний Египет объединился под единой короной, на берегу Нила, должно быть, существовало бесконечное количество глинобитных деревень и маленьких, затененных пальмами княжеств, в каждом из которых был свой местный вождь или царь, и каждое поклонялось своим местным умершим властителям. Шейх деревни, как мы должны называть его сейчас, был тогда их безымянным фараоном, а мумии его предков были их богами и богинями. У каждого племени был также свой особый тотем, о котором я скажу немного больше позже; и этим тотемам местные жители поклонялись почти как богам, и они, по всей вероятности, дали начало более позднему египетскому зоолатрии и божествам со звериными головами. До самого последнего момента египетская религия носила заметные следы этой первоначальной племенной формы; огромное разнообразие египетских богов, по-видимому, объясняется принятием столь многих из них после объединения страны в национальный пантеон. Местным богам и тотемам, однако, продолжали особо поклоняться на их первоначальных местах. Так, итифаллическому Аменхему особо поклонялись в Фивах, где его фигура встречается с неприятной частотой в каждом храме; Апис был особо почитаем в Мемфисе; Пашт в Бубастисе; Анубис в Сехеме; Нейт в Саисе; Ра в Гелиополисе; а сам Осирис в Абидосе, своей древней обители.

Даже египетская традиция, кажется, хранит какие-то смутные воспоминания о таком положении вещей, поскольку утверждает, что до времен Менеса, первого царя Первой династии, считавшегося самым ранним монархом объединенного Египта, в стране правили династии богов. Другими словами, было признано, что боги изначально были царями местных линий, которые правили в различных провинциях долины Нила до объединения.

В случае с Осирисом указания, которые ведут нас в этом направлении, почти неотразимы. Почти наверняка Осирис изначально был местным богом Этого или Тиниса, деревни недалеко от Абидоса, где огромная насыпь мусора до сих пор отмечает место упокоения великого божества. Последний город описан в папирусе Харриса как Абуд, рука Осириса; и на памятниках, которые все еще сохранились на этом месте, Осирис повсюду изображен главным божеством, которому цари и жрецы приносят соответствующие подношения. Но важным фактом является то, что Менес, основатель объединенной монархии, родился в том же месте; и это наводит на мысль о вероятности того, что Осирис, возможно, был самым священным и почитаемым из предков Менеса. Это предположение приобретает дополнительный вес из-за того факта, что Осирис неизменно изображается в виде мумии и что он носит своеобразный головной убор или служебную шапочку, такую же, какая использовалась в исторические времена в качестве короны Верхнего Египта. Он также держит в своих руках посох и плеть, которые являются признаками королевской власти — посох, чтобы вести свой народ подобно пастуху, бич, чтобы наказывать злодеев и отгонять врагов. Следовательно, его образ - не что иное, как образ мумифицированного короля. Иногда он также носит вдобавок царственные страусовые перья. Конечно, ничто, кроме слепого увлечения мифологов, не могло заставить их упустить из виду простой вывод о том, что Осирис был мумифицированным вождем Абидоса во времена, предшествовавшие объединению Египта под единым правлением, и что ему поклонялись его преемники в маленьком княжестве точно так же, как мы знаем, что другим царственным мумиям поклонялись их семьи в других местах — точно так же, например, как на знаменитой Табличке Предков, найденной в самом Абидосе, Сети I. и Рамсеса II. видно, как они выражают почтение семидесяти шести историческим царям, своим предшественникам на троне Объединенного Египта.

Однако Осирис представлен не только как царь и мумия, но и Плутарх (или, по крайней мере, автор трактата "*Осириде*", носящего его имя) прямо сообщает нам, что гробница Осириса существовала в Абидосе и что самые богатые и могущественные египтяне желали быть похороненными на соседнем кладбище, чтобы они могли лежать, так сказать, в одной могиле с великим богом своей страны. Все это совершенно понятно и естественно, если мы предположим, что династия тинитов сначала завоевала весь Египет; что она распространила поклонение своему собственному местному богу-предку на всю страну; и что со временем, когда это поклонение приобрело национальное значение, местный бог стал главной фигурой в общем пантеоне.

Я пришел к этому мнению самостоятельно еще до того, как узнал, что мистер Лофти предвосхитил меня в нем. Но в своем редком и интересном эссе о *скарабеях* я обнаружил, что он пришел к тем же выводам.

“Божественность фараона, ” говорит м-р Лофти, - была первым пунктом вероучения периода пирамид, самым ранним, о котором нам что-либо известно. Время шло, хотя царя по-прежнему называли божественным, мы видим, что он был занят поклонением другим богам. Наконец, он

сам предстает как священник; и когда Геродот и более поздние греческие историки посетили Египет, от этой части старой религии осталось так мало, что они даже не упоминают о ней как о чем-то важном”. Это вполне естественно, замечу я в скобках, ибо по мере того, как возрастали древность и величие великих богов, пропасть между ними и простыми людьми, даже если эти люди были царями, их отпрысками, всегда должна была становиться все шире и шире. “Я сам нисколько не сомневаюсь, ” продолжает мистер Лофти, “ что имена Осириса и Гора принадлежат древним правителям. Я думаю, что задолго до начала подлинной истории Асар и его жена Асет царствовали в Египте, вероятно, в той широкой долине Верхнего Нила, где сейчас находятся Гиргех и Бербе” (именно там, где я помещаю княжество Осириса). “Их сыном был Хор, или Гор, первый царь Верхнего и Нижнего Египта; и ‘Хор сешу’. Преемники Гора не случайно упоминаются более поздними хронистами. Я знаю, что эту точку зрения разделяют не все изучающие предмет, и было потрачено много знаний и изобретательности, чтобы доказать, что Асар, и Асет, и Хор, и Птах и Анеп являются представителями сил природы; что они указывают не на древних правителей, а на древние принципы; и что Гор и его преемники - боги и никогда не были людьми. Но в древнейших надписях мы не находим ничего от того мистицизма, который проявляется в скульптурах со времен восемнадцатой династии вплоть до Птолемеев и римских императоров”. Короче говоря, мистер Лофти продолжает излагать теорию происхождения великих богов, по существу аналогичную той, которую я здесь защищаю.

Хотя это немного неуместно, я не могу не отметить здесь любопытный подтверждающий факт, что несколько мумий ибиса были найдены в Абвдосе в непосредственной близости от кургана, где мсье Мариетт уверенно ожидал обнаружить в скале настоящую гробницу самого Осириса. Отсюда мы можем заключить, что ибис, по всей вероятности, был тотемом Абидоса или Этого, подобно тому как бык был тотемом Мемфиса, крокодил - Фаюма, кошка - Бубастиса и павиан - Фив. Итак, бог-ибис Абидоса - это Тот; и примечательно, что Тот, как летописец, в более поздней легенде всегда сопровождает Осириса в качестве судьи мертвых: другими словами, местный бог-мумия имеет своим оценщиком местного бога-тотема; и обоих обычно можно увидеть на памятниках Абидоса в компании с Гором, Анубисом, Исидой и другими (вероятно) местными божествами.

Довольно легко понять, что при таком происхождении Осирис со временем почти неизбежно превратился бы в Царя Мертвых и верховного судью нижних областей. Ибо, как самый священный из предков королевского рода, он, естественно, был бы тем, кого короли, в свою очередь, больше всего стремились бы умиловить и к кому они с нетерпением ожидали бы присоединиться в своем вечном доме. По мере распространения мифа и появления мистических интерпретаций, отождествления богов с солнцем или другими природными энергиями первоначальный смысл поклонения Осирису постепенно затуманивался. Но до последнего момента сам Осирис, несмотря на все искажения, представлен в виде мумии: и даже когда его отождествляют с Амоном, более поздним навязчивым богом, он все еще носит повязки, похожие на мумию, и все еще носит посох, бич и скипетр своего первобытного царствования.

Однако можно возразить, что существовало множество форм Осириса и множество местных богов, носивших одно и то же имя. Он был похоронен в Абидосе, но в равной степени был похоронен и в Мемфисе, и в Филе. Симпатичный маленький “Храм на крыше” в Дендере - это изысканно оформленная часовня местного Осириса этого города, с комнатами, посвященными различным другим богам-осирисам из сорока двух номов древнего Египта. Что ж, этот факт в

точности соответствует местным мадоннам и местным Аполлосам других религий: и никто не высказывал сомнений относительно человеческой реальности Пресвятой Девы Марии, потому что так много разных Марий существует в разных священных местах или в разных соборах. Богоматерь Лореттская - это то же самое, что и Богоматерь Лурдская. Иисус из Назарета, тем не менее, родился в Вифлееме: он был сыном Иосифа, но он был также сыном Давида и сыном Божиим. Возможно, Осирис был именем нарицательным: возможно, в различных городах позднего Египта поклонялись несколько иному Осирису; возможно, местный бог-мумия, предок какой-то вымершей местной линии, часто ошибочно узурпировал имя и прерогативы великого бога-мумии Абидоса, особенно под влиянием позднего жреческого мистицизма. Более того, когда мы перейдем к рассмотрению вопроса о создании богов, мы увидим, что тело ежегодного воплощения Осириса, возможно, было разделено и распределено между всеми номами Египта. Для моей нынешней цели будет достаточно, если я вкратце укажу, что поклонение предкам вполне объясняет возникновение и распространенность культа Осириса, царственной мумии, и связанных с ним культов Гора, Исиды, Тота и других божеств осирийского цикла.

Я могу добавить, что постепенный рост культа Осириса четко отмечен на самих памятниках. Более простыестелы и мемориалы древнейшей эпохи редко содержат имена каких-либо богов, но изображают приверженцев, совершающих подношения в святилище предков. Аналогичным образом, сцены, изображенные на стенах древних гробниц, не имеют отношения к великим богам более поздних эпох, а носят просто домашний и сельскохозяйственный характер, как это можно наблюдать в Саккара и даже в некоторой степени в Бени-Хассане. При Шестой династии в памятниках все чаще и чаще упоминается Осирис, которого теперь начинают считать Судьей Мертвых и Владыкой Нижнего мира; и на табличке того времени в музее Булак впервые встречается выражение, впоследствии столь распространенное: “оправданный Осирисом”. При Двенадцатой династии легенда становится более заметной; солнечный и лунный характер, по-видимому, рефлексивно придается Осирису и Исиде, а имя Ра, солнца, добавляется ко многим ранее отдельным и независимым божествам. Хем, итифаллический бог Фиваиды, теперь также приобретает большее значение, что вполне естественно при линии фиванских князей: и Хем, местный бог-мумия, всегда изображается в своем облачении, а впоследствии его путают, несомненно, с Амоном и, вероятно, также с богом-мумией Абидоса. Но Осирис с этого времени отчетливо возвышается в первых рядах как божество. “Ему, а не мертвым, друзья и семья приносят свои жертвы. Для него сформирован двор. Тот, записывающий [тотемный бог Абидоса], Анупис-наблюдатель, Ра, олицетворяющий истину, и другие помогают вершить суд над душой”. Имя умершего отныне постоянно сопровождается формулой “оправданный Осирисом”. Примерно в то же время появилась “Книга мертвых” в ее полной форме, с ее развитой концепцией нижнего мира и сложным расположением уровней прохождения чистилища.

При Восемнадцатой династии легенда усложняется; отождествления богов становятся все более и более запутанными; Амона и Ра ищут и находят под бесчисленными формами других божеств; и закладывается фундамент для эзотерического монотеизма или пантеистического поклонения природе более позднего философствующего духовенства. Именно при Девятнадцатой династии культ местных Триад, или Триединств, приобрел наиболее полную форму, и мистическая интерпретация религии Египта вышла далеко на передний план. Великий осирийский миф затем разрабатывался все более детально и мистически; и даже бык Апис, тотемный бог Мемфиса, был признан особым воплощением Осириса, который, таким образом, становится, вместе с Аминь, таинственным завершением почти всего национального пантеона.

Наконец, мы обнаруживаем, что миф переходит в чистую мистику, когда Осирис является одновременно отцом, братом, мужем и сыном Исиды, а также сыном своего собственного ребенка Гора. Предложения с почти афанасиевской смесью расплывчатости и определенности сообщают нам, как “сын исходит от отца, а отец исходит от своего сына”; как “Ра - душа Осириса, а Осирис - душа Ра, и как Гор, его дитя, пробужденное магическими ритуалами из своего мертвого тела, одерживает победу над Сетом, князем тьмы, и восседает как Осирис на троне отца, которого он оживил и отомстил”. Здесь, как и везде, миф, вместо того чтобы быть объяснением бога, не делает ничего большего, чем затемняет совет ”.

* “Истории, подобные мифу об Осирисе, - говорит мистер Лэнг, - проистекают не из чисто религиозного источника, а воплощают заблуждения и фантастические мечты самого низкого и наименее развитого человеческого воображения и человеческих спекуляций”. Это предложение подкрепляет в точности ту же идею, которую я ранее высказывал в главе ii. что касается реальных отношений религии и мифологии. Миф нигде не объясняет культ; он не бросает никакого пролить свет на его происхождение или историю; напротив, это только затемняет и затмевает лежащее в основе подлинного факта.

Аналогичным образом, я полагаю, Птах изначально был местным богом-мумией в Мемфисе, а Хем - в Апе, впоследствии известный как Хеммис.

Однако это постепенное превращение мертвого и мумифицированного деревенского вождя в пантеистического бога, каким бы странным это ни казалось, никоим образом не более примечательно, чем постепенное превращение галилейского крестьянина во второе лицо вечного и всемогущего Божества. Точно так же миф о смерти и воскресении Осириса (который будет рассмотрен ниже, в более поздней главе) не противоречит реальности его человеческого существования, как история смерти и воскресения Иисуса Христа не противоречит человеческому существованию Иисуса из Назарета. “Грубый эвфемизм”, может быть, и плох, но воздушный и фантастический Макс-мюллеризм кажется мне таким же нефилософским.

Сложность эволюции, на самом деле, совсем не велика, если мы примем во внимание тот дальнейший факт, что даже после того, как концепция божественности была полностью развита, царь все еще оставался схожим по природе с богами, их сыном и потомком, самым божественным персонажем, отличаясь от них только тем, что еще не получил вечной жизни, символ которой они часто изображаются на скульптурах в виде милостивых выражений лица своему любимому отпрыску. “Правящий монарх Египта, ” говорит г-н Ле Паж Ренуф, - был живым образом бога солнца и его наместником. Он был наделен атрибутами божественности, причем в самые ранние времена, о которых мы располагаем монументальными свидетельствами ”. И это вполне естественно, поскольку в древние времена в Египте правили боги, преемником которых был царь, а цари до Менеса были знаменательно известны как “преемники Гора”. Мы видели, что еще во времена Птолемея существовали жрецы Менеса и других фараонов самых древних династий. Короли пирамид приняли титул Золотого Гора, впоследствии скопированный их потомками; и начиная с Хафры правящий монарх был известен как Сын Ра и Великий Бог. Аменофис ИЛЬ при своей жизни был “богом, подобным Ра, священным семенем Амона, сыном,

которого он породил”. И на всех памятниках царь изображен такого же сверхчеловеческого роста, как и сами боги: он беседует с ними на равных; они ведут его за руку в свои сокровенные святилища или преподносят ему символы царской власти и вечной жизни, как друзья семьи.

The Бывший гердон присваивает ему то же звание, которое они сами занимали на земле; последний предлагает ему разделить с ними славу другого существования. В храме Курне Рамсес I (к тому времени умерший) принимает подношения и совершает литургии своего царственного внука. Неподалеку Рамсес II делает подношения Амен-ра, Хонсо и Рамсесу I., без различия божественности. На боковой стене Сети I. получает аналогичные божественные почести из королевских рук: в то время как в центральном зале сам Сети совершает богослужение перед статуей своего отца, установленной в святилище. Таким образом, Царь - это всего лишь Живой Бог; таким образом, Бог - это всего лишь Мертвый Царь.

Следовательно, я прихожу к выводу, что большая часть великих египетских богов — национальных или местных богов, в отличие от тех, которым поклонялась каждая семья в своем собственном некрополе, — были ранними царями, чьи мифы позже были расширены до легенд, рационализированы в поклонение природе и украшены жреческой заботой бесконечными символическими или эзотерическими фантазиями. Но вплоть до самой последней эпохи независимости надписи бога Эвергета и богини Береники или изображения, подобные изображению в Филе бога Филадельфа, вскормленного Исидой, показывают, что для египетского сознания пропасть между человечностью и божественностью была очень узкой, и что изначальная мужественность всех божеств была идеей, хорошо знакомой жрецам и народу.

Существовал, однако, другой класс богов, в отношении которых мы можем быть несколько менее уверены; это боги-животные и боги со звериными головами, которые развились из тотемов различных деревень. Подобные звериные типы, замечает профессор Сэйс, “возвращают нас в далекую доисторическую эпоху, когда религиозным кредо Египта, - точнее, обычаем Египта, - все еще был тотемизм”. Но в том, в каком точном отношении находился тотемизм к главной линии эволюции богов, я сам не уверен так, как мистер Герберт Спенсер. Мне кажется возможным, что тотем по своему происхождению мог быть просто счастливым животным или символом определенного племени (например, полковойкозы или оленя); и что из-за того, что его сначала ласкали, приручали и до некоторой степени уважали по этой причине, он, возможно, вырос в конце концов, из-за путаницы идей, чтобы разделять те же божественные почести, которые воздавались призракам предков и из которых произошли боги. Но м-р Фрейзер предположил более точное происхождение тотемизма из доктрины об Отделимой Душе, которая на сегодняшний день является лучшим объяснением этого неясного предмета. Как бы то ни было, если бы тотемы лишь постепенно возводились в ранг божеств, мы могли бы легко понять замечание м-ра Ренуфа о том, что длинный ряд гробниц быков Аписа в Саккара показывает, “насколько неизмеримо большим было почитание священных животных в более поздние времена, чем в прежние”.

Могу ли я добавить, что *поклонение* тотемам, в отличие от простой *заботы*, подразумеваемой предложением мистера Фрейзера, весьма вероятно, возникло из обычая вырезания тотемного животного умершего на могильном столбе или надгробной доске? Этот обычай до сих пор распространен среди индейских племен Северо-Западной Америки.

Тем не менее, каким бы ни было истинное происхождение богов-тотемов, я не думаю, что тотемизм каким-либо образом противоречит общему принципу эволюции идеи бога от

призрака, Умершего Человека или обожествленного предка. Ибо только после того, как концепция бога сформировалась из культа предков, и только после того, как поклонение развилось из обычных подношений мумии или духу у гробницы, любой другой объект мог быть каким-либо образом возведен в ранг божества. С другой стороны, как я уже отмечал ранее, я также не склонен полностью соглашаться с м-ром Спенсером в том, что каждый отдельный бог обязательно когда-то был определенным Умершим Человеком. Мне кажется несомненным, что после того, как идея божества полностью закрепилась в человеческом сознании, по крайней мере, начали признаваться некоторые боги, которые были непосредственно созданы либо из абстрактных концепций, либо из природных объектов, либо из чистых проявлений мифопоэтической способности. Поэтому я не думаю, что существование определенного (относительно неважного) класса тотемных богов в Египте или где-либо еще обязательно каким-либо образом противоречит нашей основной теории происхождения божества.

Как бы то ни было, во всяком случае ясно, что тотемизм сам по себе был очень древним и широко распространенным институтом в раннем Египте. Тотемы определяются м-ром Фрейзером как “класс материальных объектов, к которым дикарь относится с суеверным уважением, полагая, что между ним и каждым представителем этого класса существует интимная и совершенно особая связь”. “Наблюдение за существующими тотемными племенами в Африке, Австралии и других местах, - говорит сэр Мартин Конвей, - показывает нам, что племя часто кормит одного или нескольких представителей тотема или даже поддерживает их жизнь в неволе”. М-р Фрейзер говорит нам, что “среди нарринери в Южной Австралии мужчины змеиноного клана иногда ловят змей, вырывают им зубы или зашивают рты и держат их в качестве домашних животных”. В голубином клане Самоа голубя тщательно содержали и кормили. Среди калонгов на Яве, чьим тотемом является рыжая собака, каждая семья, как правило, держит одно из этих животных, которое они ни в коем случае не допустят, чтобы кто-либо бил их или плохо обращался с ними”. Несомненно, точно так же некоторые египетские кланы держали священных быков, кошек, крокодилов, ястребов, шакалов, кобр, ящериц, ибисов, аспидов и жуков. Мумии большинства этих священных животных и маленькие изображения других распространены по соседству с определенными местами, где им особо поклонялись.

Представляют ли боги со звериными головами более позднюю стадию того же тотемного культа или же они просто обозначают реальных богов-предков, принадлежащих к определенному тотемному клану и, следовательно, представленных его тотемом, - вопрос нелегкий. Но в любом случае ясно, что многие боги являются эквивалентами таких тотемных животных, как в случае с Хорусом с головой ястреба, Анубисом с головой шакала, Атором с головой коровы, Кнумом с головой барана, Паштом с головой кошки, Сехетом со львиной головой, Тотом с головой ибиса и Хонсом с головой пустельги. Эти боги появляются на более ранних памятниках только как звери, а не как человеческие формы со звериными головами. До Двенадцатой династии, когда упоминается тотемный бог (что случается нечасто), “он представлен, - говорит м-р Флиндерс Петри, - своим животным”. Анубис, например, на данном этапе - просто шакал; и, как выразился М. Масперо, “Что бы ни было объектом поклонения у Тота-Ибиса, это была птица, а не иероглиф, которому поклонялись самые ранние поклонники ибиса”. Однако были и другие тотемы, которые были менее плодотворны в качестве божеств, но которые в значительной степени вошли в художественных формах в более поздний религиозный символизм. Особенно такими были аспид и священный скарабей, которые почти соперничают с солнечным диском по той большой роли, которую они играют в развитом религиозном художественном языке великих

династий, строивших храмы. Я могу добавить, что среди других символов этого любопытного изобразительного письма есть Тау, или *cruх ansata*, по происхождению, очевидно, представляющий собой комбинацию *линга* и *йони*; лотос, скипетр, лук-порей и полумесяц.

Однако в новейшем египетском пантеоне существует еще третий класс божественных или квазибожественных существ, которым мистер Эндрю Лэнг в своем умелом введении к "Эвтерпе" Геродота все еще допускает возможность придания большого значения. Это стихийные или кажущиеся стихийными божества, Боги Природы, которые играют столь большую роль во всех рационалистических или мистических мифологиях. Таковы, без сомнения, Нут и Себ, персональные небо и земля, названные еще в надписи на гробе Менкауры Четвертой династии в Британском музее; таковы, возможно (хотя и гораздо менее определенно), Хонс, отождествляемый с восходящим солнцем, и Тум, считающийся олицетворением его ночного заката. Но ни один из совершенно очевидных элементарных богов, за исключением Ра, не играет сколько-нибудь значительной роли в реальном и практическом поклонении людей: если придерживаться широкого различия, которое я осмелился провести во второй главе, это боги, о которых нужно говорить, а не боги, которым нужно поклоняться, — скорее мифологические концепции, чем религиозные существа. Их имена часто встречаются в священных текстах, но их изображения редки, а храмы неизвестны. Это не Нут и не Себ, чьи фигуры мы видим в изобилии рельефными на колоннах из серого песчаника в Карнаке и Луксоре, бесконечными рядами нарисованными на покрытых гипсом стенах царских гробниц или представленными десятками в огромной коллекции маленьких бронзовых идолов, которые заполняют так много шкафов в музее Булак. Действительные объекты высочайшего поклонения далеки от этих абстрактных элементарных концепций: это Осирис, Исида, Гор, Анубис, Хем, Пашт и Атор. Причудливые или гротескные резные фигурки из ореха, представленные в виде женской фигуры с руками и ногами, раскинутыми подобно живому балдахину над землей, как в Дендере, принадлежат, я полагаю, почти, если не совсем исключительно, периоду Птолемеев, когда зодиакальные и астрологические концепции были свободно заимствованы египтянами из Греции и Азии. Короче говоря, Нут и Себ как боги, а не мифы - это совсем недавние представления в Египте. Даже сам солнечный диск Ра, каким бы важным он ни стал в более позднем вероучении, по своему происхождению вряд ли является отдельным богом, скорее дополнением или символом божественности, синкретически объединенной с различными другими божествами. Называть короля солнцем - обычный прием придворной лести. Солнцу больше всего поклоняются именно как Амен-Ра или Осирису. Его имя соединено как с именами богов, так и с именами королей: он почти такой же символ, как Тау или Аспид; в своей простой форме он вызывает мало поклонения, если вообще вызывает, но много, когда соединяется в сложной концепции с каким-нибудь более практичным божеством строго человеческого происхождения. Даже в великом "Храме Солнца" в Гелиополисе светилу поклонялись как Людям-быкам, или Мневис, и этот культ, согласно Манефону, восходит к тотемистическим временам Второй династии.

Короче говоря, я считаю, что элемент поклонения природе является поздним лоском или дополнительным фактором в египетской религии; что он всегда носит скорее мифологический или объясняющий характер, чем религиозный в строгом смысле; и что это ни в малейшей степени не мешает нашему общему выводу о том, что настоящие египетские боги в целом имели либо наследственное, либо тотемистическое происхождение.

Исходя из имеющихся у нас свидетельств, рассмотренных в целом, мы можем справедливо заключить, что самый ранний культ Египта состоял из чистого поклонения предкам, осложненного сомнительно религиозным элементом тотемизма, который впоследствии тем или иным способом тесно переплелся со всем культом духов в стране. Более поздние боги, вероятно, были обожествленными предками ранних племенных царей, которым иногда непосредственно поклонялись в виде мумий, а иногда, возможно, представлялись их тотемными животными или еще позже человеческими фигурами с головами животных. Почти каждый из этих великих богов локализован в определенном месте — “Владыка Абидоса”, “Владычица Сенема”, “Президент Фив”, “Обитатель Гермополиса”, как это было бы естественно, если бы они были местными обожествленными принцами, принятыми наконец в национальный пантеон. В самый ранний период, о котором до нас дошли какие-либо памятники, поклонение предкам было чище, проще и свободнее от символизма или культа великих богов, чем в любое более позднее время. Однако по мере постепенной эволюции символа веры и пантеона количество легенд и мифов увеличивалось, синкретическая тенденция проявлялась повсюду, множились отождествления, распространялся мистицизм, а эзотерическая вера с уклоном в туманный пантеистический монотеизм пыталась рационализировать и объяснить наиболее грубые и глупые части первоначальной веры. Именно уточнения и глоссы этой заключительной философской стадии по большей части передаются в систематических трудах как истинные доктрины египетской религии, и многие современные исследователи ошибочно трактуют их как эквивалент самого раннего продукта местной мысли. Идеи о единстве Бога и солнца - мифы о Горе, Исиде и Осирисе - явно являются поздним развитием или наростами на первоначальном символе веры и во всем выдают эзотерический дух жреческой интерпретации. До самого последнего момента поклонение Мертвым и основанный на нем грубый политеизм были истинной религией древних египтян, как мы видим, это выражено во всех памятниках.

Таков был религиозный мир, в который, если мы можем верить древнейшим семитским традициям, Сыны Израиля принесли своего Бога Яхве и других божеств из-за Евфрата в очень отдаленный период своей национальной истории. И такой, в своей более полной и мистической форме, была религия, практикуемая и преподаваемая в Египте времен Птолемея и Римлян, в тот момент, когда христианская вера только начинала развиваться вокруг исторического ядра человека Иисуса Христа, и его распятого.

ГЛАВА IX. БОГИ ИЗРАИЛЯ.

THE Единственными людьми, которые когда-либо изобрели или развили чистый монотеизм из первых рук, были евреи. Отдельные мыслители в других местах приближались к этой идеальной цели или стремились к ней, как египетские жрецы и греческие философы; целые расы в других местах заимствовали монотеизм у евреев, как арабы при Мухаммеде, или, в меньшей степени, римляне и современные европейские нации, когда они приняли христианство в его тринитарной форме; но ни одной другой расе никогда не удавалось в целом достичь своими собственными усилиями чистой монотеистической платформы, как бы близки некоторые люди среди них ни были к такому достижению в эзотерическом или мистическом философствовании. Особая слава Израиля заключается в том, что он *развил Бога*. И эволюция Бога от рассеянных богов более ранней семитской религии является огромным вкладом Израиля в мировую мысль.

Священные книги евреев, какими мы располагаем сегодня в искаженном виде, относят эту своеобразную веру к самым ранним эпохам их расы: они предполагают, что Авраам, мифический общий отец всех семитских племен, уже был монотеистом; и они даже рассматривают монотеизм в еще более отдаленные времена как универсальную религию всего мира, от которой все политеистические культы были лишь искажением и отпадением. Такая вера в наши дни, конечно, совершенно несостоятельна. Так же как и грубое представление о том, что монотеизм был уничтожен одним ударом гения одного отдельного человека, Моисея, в момент исхода евреев из Египта. Сама мысль о том, что один конкретный мыслитель, только что вырвавшийся из среды ярых политеистов, чья религия охватывала бесконечный пантеон и низменную форму поклонения животным, мог изобрести чистый монотеистический культ, полностью противоречит всем известным психологическим законам человеческой природы. Реальные этапы, по которым монотеизм развился из предшествующего политеизма в единственной небольшой группе семитских племен, уже были хорошо исследованы голландскими и немецкими учеными: все, что я предлагаю сделать в настоящей книге, - это пересмотреть предмет с нашей более широкой антропологической точки зрения и показать, как в самом великом еврейском боге мы все еще можем различать, как в темном зеркале, смутные, но постоянные черты древнего божества-призрака.

Вплоть до сравнительно позднего периода еврейской истории, как мы теперь знаем, Яхве был всего лишь одним и самым высоким среди значительной группы израильских божеств; первым среди себе подобных, подобно Зевсу среди богов Эллады, Осирису или Амону среди богов Египта и Водену или Тунору среди богов старого тевтонского пантеона. Даже в век Езекии религией огромной массы израильтян и евреев все еще был широкий, хотя и расплывчатый политеизм. Боги, по-видимому, были столь же многочисленны и локализованы, как и в Египте: “По числу городов твоих боги твои, о Иуда”, - говорит пророк Иеремия в шестом веке. Только в результате медленного процесса синкретизма, поглощения поклонением Яхве всех других конфликтующих вероучений Израиль, наконец, достиг своего полного идеала чистого монотеизма. Этот идеал так и не был окончательно достигнут народом в целом до возвращения из плена: к нему стремились лишь несколько пылких и исключительных приверженцев Яхве в последние опасные и сомнительные годы национальной независимости, которые непосредственно предшествовали вавилонскому изгнанию.

Чтобы понять внутреннюю природу этой любопытной постепенной революции, мы должны кратко взглянуть, во-первых, на общий характер древнееврейского политеизма; и, во-вторых, на первоначальный культ самого великого этнического бога Яхве.

Несмотря на их долгое пребывание в Египте, национальная религия евреев, когда мы впервые начинаем смутно различать ее черты сквозь завесу более поздних толкований, рассматривается почти всеми современными исследователями как истинно семитская и местного происхождения. Обычно его описывают как охватывающий три основные формы культа: поклонение *терафимам* или семейным богам; поклонение священным камням; и поклонение некоторым великим богам, частично местным, частично, возможно, заимствованным; некоторым из них поклоняются в виде животных, а некоторым, по-видимому, элементарным или солнечным, в их приобретенных атрибутах. Хотя для нас эти три понятия едины, я рассмотрю их здесь в таком обычном порядке.

Культ *терафимов*, я думаю, мы не можем рассматривать с широкой антропологической точки зрения иначе, как эквивалент всех других известных нам семейных культов; то есть, другими словами, как чистое, неподдельное домашнее поклонение предкам. “Этим именем,” говорит Куэнен, “обозначались большие или меньшие изображения, которым поклонялись как домашним богам и от которых, как предполагалось, зависело счастье семьи”. В легенде о бегстве Иакова от Лавана нам рассказывается, как Рахиль украла терафима своего отца: и когда разгневанный вождь настигает беглецов, он спрашивает их, почему они лишили его домашних богов. О Михее мы узнаем, что он создал изображения своих терафимов и посвятил одного из своих собственных сыновей в качестве семейного священника: такое домашнее и частное священство является именно тем, что мы привыкли находить в поклонении *гривам* предков повсюду. Даже сквозь туман позднего иеговистского переосмысления мы мимоходом улавливаем частые упоминания о раннем поклонении этим семейным богам, один из которых описывается как принадлежащий Мелхолье, дочери Саула и жене Давида; в то время как Осия называет их запасами дров, а Захария - идолами, которые лгут людям. Ясно, что терафимы хранились в каждом доме с благоговейной заботой, что семья приносила им жертвы через определенные промежутки времени и что домашний священник, одетый в эфод, консультировался с ними во всех случаях сомнений или трудностей. Я думаю, что если мы сопоставим эти указания с указаниями семейных культов в других местах, мы можем заключить, что еврейская религия, как и все другие, была основана на конечном фундаменте всеобщего поклонения предкам.

Действительно, отрицалось, что поклонение предкам в чистом виде когда-либо существовало среди семитских рас. Явное противоречие этому отрицанию приводит М. Ленорман, который следующим образом комментирует надгробные памятники из Йемена: “Итак, здесь мы дважды повторили целый ряд человеческих личностей, несомненно умерших предков или родственников авторов посвящений. Их имена сопровождаются титулами, которые они носили при жизни. Их потомки призывают их так же, как богов. Они, бесспорно, обожествленные личности, объекты семейного поклонения и боги или гении в представлении людей своей расы”. После этого нам не нужно сомневаться в том, что терафимы были изображениями таких семейных богов или духов предков.

Однако неудивительно, что эти домашние боги играют лишь небольшую роль в истории народа в том виде, в каком она дошла до нас в поздней иеговистской версии еврейских традиций.

Нигде в литературе, даже при самых благоприятных обстоятельствах, мы не слышим много *огривах* и *ларах*, сравниваемых с великими богами национального культа. Такие второстепенные божества вряд ли могли вызвать гнев даже того “ревнивого бога”, который позже узурпировал все поклонение Израиля, так что осуждения их приверженцев сравнительно редки в рапсодиях пророков. “Их использование,” говорит Куэнэн, говоря о терафимах, “было очень распространенным и ни в коем случае не считалось несовместимым с поклонением Яхве”. На них смотрели просто как на семейные дела, как на жалких врагов великого и устрашающего племенного бога, у которого не было соперника у своего трона и который не потерпел бы притязаний Молоха или ваалимов. Используя современную аналогию, их культ был так же мало несовместим с поклонением Яхве, как вера в фей, банши или семейных призраков раньше была несовместима с верой в христианство.

Этот вывод, несомненно, сразу же поразит читателя как прямо противоположный часто повторяемому утверждению о том, что ранние евреи имели мало или вообще не имели представления о загробной жизни и доктрине будущих наград и наказаний. Боюсь, нельзя отрицать, что это так. Как ни трудно противоречить столь многочисленным мнениям специалистов, я едва ли понимаю, как какой-либо исследователь антропологии широкого профиля может отрицать, что семиты десятого и двенадцатого веков до Рождества Христова исповедовали почти (или совершенно) универсальную человеческую веру, общую для самых низких дикарей и высших цивилизаций, и особенно хорошо развитую в том египетском обществе, с которым так долго общались предки евреев. Однако эта тема слишком масштабна для полноценного обсуждения здесь. Я должен ограничиться указанием на то, что, помимо *априорной* невероятности такого вывода, сами еврейские документы содержат многочисленные намеки, даже в их самых ранних традиционных фрагментах, на веру в призраков и в мир теней, а также на вероятность будущего воскрешения. Обычай погребения в пещерах и в вырытых гротах; значение, придаваемое истории о покупке Махпелы; расхожая фраза о том, что такой-то патриарх “был взят к своему народу” или “почил со своими отцами”; бальзамирование Иосифа и перенос его костей из Египта в Палестину; эпизод с Саулом и призраком Самуила; и, действительно, вся концепция Шеола, места усопших, — все это в равной степени показывает, что еврейская вера в этом отношении в основном не отличалась по существу от общей веры окружающих народов. Сама частота упоминаний о колдовстве и некромантии указывает в том же направлении; в то время как распространенная привычка надевать жреческую или жертвенную одежду, *эфод*, а затем обращаться к семейным терафимам в качестве домашнего оракула, строго соответствует всему, что мы знаем о малом поклонении предкам, как это происходит в других местах.

С терафимами тесно связано особое богослужение у могил. “Вся северосемитская территория,” говорит профессор Робертсон Смит, “была усеяна священными гробницами, курганами Мемнонии, Семирамиды и тому подобным; и в каждом таком месте бог или полубог имел свое подземное жилище”. Это, конечно, чистое поклонение предкам. Следы еще более древних пещерных захоронений также часто встречаются в еврейских Писаниях. “В наши дни,” говорит профессор Смит, “почти каждое священное место в Палестине имеет свой грот, и то, что это не ново, ясно из многочисленных символов поклонения Астарте, найденных на стенах пещер в Финикии. Не может быть никаких сомнений в том, что древнейшие финикийские храмы представляли собой естественные или искусственные гроты”.

Таким образом, я полагаю, мы имеем полное право заключить, что домашний культ *гивы* или *лареса*, умершего члена семьи, составлял общий субстрат ранней еврейской религии, хотя, как и во всех других случаях, из-за своего чисто личного характера этот универсальный культ занимает лишь незначительное место в литературе расы по сравнению с поклонением более великим национальным богам и богиням.

На втором месте в списке предметов поклонения в древнем Израиле стоят священные камни, о которых я уже много говорил в главе, посвященной этому интересному предмету, но об особой природе которых в семитской среде уместно добавить еще несколько слов.

В настоящее время широко признано, что поклонение камням играло чрезвычайно большую и важную роль в примитивной семитской религии. Насколько важна эта часть, мы можем легко понять из многих свидетельств, но не более того факта, что даже сам Мухаммед не смог исключить из ислама, самой монотеистической из всеизвестных религиозных систем, священный черный камень Каабы в Мекке. В Аравии, говорит профессор Робертсон Смит, алтарь или тесаный камень неизвестен, и на его месте мы находим грубую колонну или пирамиду из камней, возле которой закалывают жертвоприношение, кровь изливается на камень или у его основания. Но в Израиле фигурный камень кажется более обычным знаком призрака или бога. Такой священный камень, как мы уже видели, был известен древним евреям как Бет-эль, то есть “обитель божества”, исходя из распространенного верования, что в нем обитал бог, привидение или духиня. Однако на большую распространенность культа камней среди семитов дополнительно указывает то любопытное обстоятельство, что это слово было заимствовано греками и римлянами (в слегка измененной форме) для обозначения камней, в которых, как предполагается, обитали божества. Упоминания о таких богах изобилуют во всех еврейских книгах, хотя иногда они осуждаются как идолопоклоннические изображения, а иногда прикрываются тонким налетом иеговизма, поскольку связаны с национальными героями и с более поздним поклонением Яхве.

В легенде о сне Иакова мы сталкиваемся со случаем, когда священный камень помазывается и ему обещается десятая часть имущества говорящего в качестве подношения. И снова, позже, мы узнаем, что Иаков “установил каменный столб, и он возлил на него возлияние, и он возлил на него масло”; точно так же, как в великом фаллическом культе линга в Индии (обычно называемом *линга пуджа*) цилиндрическому столбу, закругленному наверху и повсеместно считающемуся фаллосом по своей природе, поклоняются, выливая на него одну из пяти священных жидкостей для помазания: воду, молоко, гхи, масло и вино. Подобные обряды совершаются во многих других местах с другими священными камнями; и во многих случаях приписываемая им фаллическая ценность ясно демонстрируется тем фактом, что бесплодные женщины обычно молятся им о благословении детей, как индуистские жены молятся Махадео, и как многие еврейские женщины (о них будет сказано ниже) упоминаются в наших текстах как молящиеся Яхве.

Краткий перечень главных каменных божеств, упоминаемых в еврейской литературе, может помочь подчеркнуть важность темы: и можно мимоходом отметить, что камни часто упоминаются в связи со священными деревьями — ассоциация, с которой мы уже знакомы. В окрестностях Сихема был дуб — “дуб пророков” или “дуб прорицателей”, — возле которого лежал камень, святость которого по-разному объясняется описанием его как: в одном месте - жертвенник Авраама, в другом - жертвенник Иакова, а в третьем - памятник Иисусу Навину. Но

факт показывает, что к нему прибегали для жертвоприношения, и что его приверженцы искали у него оракулов или ответов. Иными словами, это был могильный памятник. Недалеко от Хеврона стоял “дуб Мамре”, а под ним священный камень, считавшийся алтарем Авраама, которому во времена Давида приносились жертвы. Недалеко от Вирсавии мы находим еще третье дерево, тамариск, как говорят, посаженный Авраамом, и алтарь или каменную колонну, приписываемую Исааку. В лагере в Галгале находились “двенадцать камней”, о которых иногда, по-видимому, говорят как о “высеченных изображениях”, но иногда объясняют это как памятники помощи Яхве при переходе Иордана. Другими примерами являются Эбenezер, “полезный камень”, и Товелет, “змеиный камень”, а также “большой камень”, которому приносились жертвы в Вифсамисе, и другой большой камень в Гаваоне, который также, без сомнения, был древнееврейским божеством.

Действительно, имя Авраама так часто связывают с этими камнями, что, как предположили некоторые немецкие ученые, самого Авраама, возможно, можно рассматривать как священный валун, скалу, из которой первоначально возник Израиль.

В любом случае, вряд ли мне нужно говорить, что мы должны рассматривать такие священные камни как еще одно свидетельство поклонения предкам в Палестине по аналогии со всеми подобными камнями в других местах. Мы можем заключить, что, как и в ранее отмеченных случаях, они были установлены на могилах умерших вождей.

И теперь мы подходим к третьему и самому сложному разделу ранней еврейской религии - культу великих богов, которых в конце концов вытеснил сам ревнивый Яхве. Личность этих богов очень неясна, отчасти из-за природы наших материалов, которые, будучи полностью почерпнутыми из иеговистских источников, сделали все возможное, чтобы затмить “ложных богов”; но отчасти также, я полагаю, потому, что в процессе развития монотеизма синкретическое движение объединило почти все их объединенные атрибуты в самого Яхве, который, таким образом, становится, наконец, всепоглощающим синтезом целого пантеона. Тем не менее, мы можем указать на одно или два смутных упоминания о таких великих богах, либо только по имени, либо по форме, в которой им обычно поклонялись.

Ученые старшего поколения, без сомнения, первыми перечислили бы среди этих богов знакомые имена Ваала и Молоха. В настоящее время такое перечисление едва ли возможно. Мы больше не можем видеть в Ваале из существующих еврейских писаний единого великого бога. Мы должны рассматривать это слово скорее как общее субстантивированное — “господь” или “повелитель”, - описывающее отношение каждого отдельного бога к месту, где он обитал. Другими словами, баалимы, по-видимому, были местными божествами или обожествленными вождями семитского региона; несомненно, умершие цари или основатели семей, в противоположность младшим богам каждого конкретного семейства. Поэтому не исключено, что они действительно отождествлялись со священными камнями, которые мы только что рассматривали, и с деревянной *ашерой*. О Ваале обычно говорят бесконечно, без имени собственного, подобно тому, как на Делосе люди говорили о “Боге”, в Афинах о “Богине”, а теперь в Падуе о “иль Санто”, что означает соответственно Аполлона, Афину, Святого Антония. Таким образом, Мелькарт - это Ваал из Тира, Астарт - Баалат из Библоса; был Ваал из Ливана, с горы Хермон, с горы Пеор и так далее. Имена нескольких конкретных ваалим сохранились для нас в номенклатуре городов; таковы Баал-фамар, повелитель пальм; а также Баал-гад, Баал-Берит, Баал-меон и Баал-цефон. Но в еврейских писаниях, как правило, прилагались все

усилия, чтобы стереть саму память об этих “ложных богах” и представить Яхве как единственного истинного князя и правителя Израиля с самого раннего периода.

Что касается Молоха, то этот титул означает просто “царь”; и, возможно, он применялся более чем к одному отдельному божеству. Доктор Робертсон Смит, не колеблясь, утверждает, что конкретным Молахом, которому евреи приносили в жертву детей перед пленением, был сам Яхве; он верит, что эти огненные обряды совершались в Тофете, или погребальном костре, в ущелье прямо под храмом.

Таким образом, мы сведены к самым туманным деталям об этих великих богах евреев, кроме Яхве, в период, предшествовавший вавилонскому плену. Все, что несомненно, по-видимому, это то, что значительному числу местных богов поклонялись здесь и там в специальных святилищах, каждое из которых, по-видимому, состояло из алтаря или каменного изображения, стоявшего под священным деревом или священной рощей и объединенного *сашерой*. В то время как имена Хамоша, бога Моава, и Дагона, бога филистимлян, дошли до нас с совершенной откровенностью и ясностью, ни один местный еврейский бог, кроме Яхве, не оставил имени, которое сейчас можно было бы распознать с какой-либо долей уверенности. Следует добавить, что поклонение многим богам окружающих семитских племен, несомненно, с древнейших времен распространилось и на Израиль.

Я также должен предположить, что поклонение ваалим внутри Израиля и за его пределами было специально направлено на вертикальные камни конической формы, самые священные предметы во всех святилищах; и что обычно признается, что эти камни имели для своих почитателей фаллическое значение.

Некоторые авторы далее пытались показать, что несколько богов-животных входили в раннее поклонение евреев. Я не уверен, что их аргументы убедительны, но для полноты картины я включаю два наиболее вероятных случая в этот краткий обзор смутных и неуловимых божеств раннего Израиля.

Одним из таких богов является молодой бычок, которому особо поклонялись в Дане и Вефиле, подобно тому, как быку Апису поклонялись в Мемфисе, а быку Мневису в Оне, или Гелиополисе. Этот культ быка отодвигается в более поздних традициях к периоду исхода, когда израильтяне сделали себе “золотого тельца” в пустыне. Куэнэн, действительно, подчеркивает тот факт, что это семитское поклонение быку существенно отличалось от культа Аписа тем фактом, что оно было направлено на изображение или идола, а не на живое животное. Это правда, и я, конечно, не хочу настаивать на какой-либо особой связи между Египтом и золотыми быками Иероваама в городах Ефрема: хотя я думаю, что, возможно, слишком много можно придавать значения поверхностным различиям и слишком мало глубинному сходству в этих вопросах, учитывая, что поклонение быку является обычным сопровождением фаллического культа на всей обширной территории между Египтом и Индией. Действительно, это склонность схоластического ума к чрезмерной проработке мелочей и к чрезмерному умножению мельчайших различий. Но в любом случае, мы находимся на сравнительно безопасном основании, утверждая, что бог-бык был объектом поклонения в Израиле вплоть до очень позднего периода; что его культ зародился с раннего периода существования нации; и что главными местами расположения его изображений были Дан и Вефиль в Ефреме и Вирсавия в Иудее.

Было ли это божество в форме быка самим Яхве или одной из полиморфных форм Яхве? Таково мнение Куэнена, который прямо говорит: “Яхве поклонялись в образе молодого бычка. Не подлежит сомнению, что культ бычка на самом деле был культом Яхве лично”. И, конечно, в пророческих писаниях восьмого века мы можем ясно увидеть, что поклоняющиеся быку считали себя поклоняющимися богу Яхве, который вывел свой народ из земли Египетской. Тем не менее, каким бы опасным ни казалось стороннему наблюдателю расхождение в этом вопросе с великими учеными-сеμίтами, я осмеливаюсь думать, что впоследствии у нас могут появиться основания заключить, что изначально этого не было: что бог, которому поклонялись в виде бычка, был каким-то другим божеством, вроде Молоха, которого, как мы знаем, изображали с головой быка; и что только в результате более позднего синкретического процесса этот бог-бык в конце концов отождествился с Яхве, божеством (что кажется вероятным) совершенно иного происхождения, так же как и бог, которому поклонялись в виде быка. Мневис стала рассматриваться в Гелиополисе как воплощение Ра, а Апис стал рассматриваться в Мемфисе как аватара Птаха, а еще позже Осириса. С другой стороны, мы должны помнить, что, как показал мистер Фрейзер, священное животное часто считается представителем и воплощением того самого бога, которому его обычно приносят в жертву. Здесь мы снова вторгаемся в почву, которая может быть удовлетворительно занята только на более поздней стадии нашего полиморфного рассуждения.

Вторым животным богом, по-видимому, также почитавшимся в виде металлического изображения, был аспид, или змея, известная в нашей версии как “медный змей”, и иеговистские редакторы более ранних традиций связывают ее с Моисеем в пустыне. Имя этого божества дано нам в Книге Царств как Нехуштан, “медный бог”; но было ли это действительно его правильным обозначением или просто презрительным описательным титулом, мы вряд ли можем быть уверены. Говорят, что поклонение змее продолжалось непрерывно до дней Езекии, когда под влиянием исключительно набравшей тогда популярность преданности Яхве изображение было разбито на куски как предмет идолопоклонства. Вряд ли нужно мимоходом указывать, что аспид был одним из самых священных животных в Египте: но, как и в случае с быком, змея также была широко распространенным объектом поклонения во всех окружающих странах; и поэтому вполне вероятно, что древнееврейское поклонение змеям могло быть параллельным египетскому официозу, а не производным от него.

Итак, таковы, видимые сквозь тусклую завесу иеговизма, туманные черты того неопределенного пантеона, в котором, по крайней мере примерно в восьмом веке, Яхве считал себя самым важным божеством. Я говорю о самом важном, потому что из наших записей ясно, что на протяжении многих веков поклонение Яхве и баалам шло бок о бок без сознательного соперничества.

И каким богом был сам святой Яхве, которого евреи с самого раннего времени считали решительно и превыше всех других “Богом Израиля”?

Если когда-либо его представляли в виде золотого быка, если когда-либо его считали богом света, огня или солнца, то эти представления, я полагаю, должны были быть результатом позднего переноса атрибутов и смешения личностей, подобного тому, что мы можем видеть столь распространенным в более поздней мистической религии Египта. Каким по своей природе должен был быть Яхве в первые дни своего зарождения, я полагаю, мы можем лучше

всего судить, собрав воедино некоторые отрывки из старых традиционных легенд, которые наиболее ясно отражают его характер и функции.

В легендарном повествовании о самых ранних взаимоотношениях Яхве с еврейской расой нам говорится, что этнический бог явился Аврааму в Харране и пообещал создать из него “великий народ”. Позже Авраам жалуется на отсутствие наследника, говоря Яхве: “Ты не дал мне семени”. Затем Яхве “вывел его за пределы страны и сказал: взгляни теперь на небо и скажи звездам: таким будет твое семя”. Снова и снова мы слышим подобные обещания плодородия, данные Аврааму: “Я чрезвычайно умножу тебя”; “ты будешь отцом многих народов”; “Я сделаю тебя чрезвычайно плодовитым”; “от тебя произойдут цари”; “ибо отцом многих народов Я сделал тебя”. То же самое и о Сарре: “она будет матерью народов; от нее будут цари народов”. И об Измаиле: “Я благословил его и сделаю его плодовитым, и чрезвычайно умножу его: двенадцать князей родит он, и Я произведу от него великий народ”. Раз за разом эти благословения повторяются для Авраама, Исаака и всей его семьи: “Я умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на морском берегу, и семя твое овладеет вратами врагов своих”.

В каждом из этих отрывков и во многих других, которые нет необходимости цитировать, но которые легко придут на ум каждому читателю, Яхве представлен прежде всего как бог роста, зарождения, многочисленности, плодородия. Как таковому, мы также находим, что ему часто и явно поклоняются по особым случаям. Он был богом, которому молились бесплодные женщины и от которого они ожидали особого благословения в виде рождения сына, чтобы поддерживать культ предков семьи. Эта черта сохранилась даже в поэзии новейшего периода. “Он заставляет бесплодную женщину вести хозяйство,” говорит псалмопевец о Яхве, “и быть радостной матерью детей”. И от начала до конца еврейской легенды мы находим сходную характеристику этнического бога, полностью подтвержденную. Когда Сарра состарилась и сильно преклонилась в годах, Яхве навещает ее, и она зачинает Исаака. Затем Исаак, в свою очередь, “зачал Яхве для своей жены, потому что она была бесплодна; и Яхве был зачат от него, и Ревекка, жена его, зачала”. И снова: “когда Яхве увидел, что Лиу ненавидят, он отверз ее чрево; но Рахиль была бесплодна”. И снова о рождении Самсона нам говорится, что жена Маноя “была бесплодна и не носила”: но “ангел Яхве явился женщине и сказал ей: вот, теперь ты бесплодна и не можешь родить; но ты зачнешь и родишь сына”. А о Ханне нам говорят, что это еще более важно, что Яхве “затворил ее чрево”. Поэтому в святилище Яхве в Силоме она молилась Яхве, чтобы этот позор был снят с нее и чтобы у нее родился ребенок. Если бы она родила “ребенка мужского пола”, она бы принесла его в жертву Яхве на всю его жизнь в качестве отшельника, назорея Господня, аскета и фанатика. “Яхве вспомнил о ней”, и она родила Самуила. И после этого снова: “Яхве посетил Анну, так что она зачала и родила трех сыновей и двух дочерей”. Во многих других отрывках мы встречаем ту же черту: Яхве считается превыше всего как бог приумножения и податель потомства. “Дети - это наследие Яхве”, - говорит гораздо более поздний автор известной оды: “плод чрева - это награда от него”.

Ясно также, что это стремление к детям, к могущественному клану, к приумножению народа было доминирующим повсюду в Ефреме и Иудее. “Жена твоя будет подобна плодоносящей виноградной лозе, - говорит Яхве своему почитателю устами поэта. - Дети твои будут подобны маслинам вокруг твоего стола”. “Счастлив человек, у которого их колчан полон, - говорит другой псалмопевец. - Они будут говорить с врагами у ворот”. Снова и снова повторяется обещание, что семя Авраама, или Иосифа, или Измаила будет многочисленно, как звезды небесные или пески морские: очевидно, что главной прерогативой Яхве является дар приумножения, часто

распространяющийся на крупный рогатый скот и ослов, но всегда включающий, по крайней мере, сыновей и дочерей. Если Израиль повинется Яхве, говорит Второзаконие, “Яхве насытит тебя во благо плодом чрева твоего, и плодом скота твоего, и плодом земли твоей”; но если иначе, то “проклят будет плод тела твоего и плод земли твоей, прирост коров твоих и стада овец твоих”.

Теперь, в других местах по всему миру мы находим подобным образом определенный класс фаллических богов, которые специально задумываются как дарители плодородия, и которым бесплодные женщины, желающие иметь детей, приносят молитвы и подношения. И следует отметить, что эти боги обычно (возможно, можно даже сказать, всегда) воплощаются в каменных колоннах или вертикальных монолитах. Практическим великим богом Индии — богом, которому люди действительно поклоняются, — является Махадео; а Махадео, как мы знаем, представляет собой каменный цилиндр, перед которым совершается *линга пуджа*, и которому бесплодные женщины молятся о потомстве. В Западной Европе есть священные камни, ныне увенчанные крестом, у которых бесплодные женщины до сих пор молятся Богу и Мадонне или какому-нибудь местному святому о благословении детей. Допускается, что, хотя обелиск с одной точки зрения (в более поздней теории) является лучом солнца, с другой точки зрения (в более раннем происхождении) он является “символом воспроизводящей силы природы”, что является лишь другим способом сказать, что это древний камень фаллической добродетели. Короче говоря, не придавая слишком большого значения этой связи, мы можем в целом заключить, что вертикальный столб рано стал рассматриваться не просто как напоминание об умерших и обитель духа или пребывающего в них бога, но также каким-то таинственным и эзотерическим образом как представитель мужского и воспроизводящего принципа.

Если мы вспомним, что каменный столб часто отождествлялся с предком или отцом, причину этой идеи, возможно, будет не так уж трудно понять. “От этих камней мы все произошли”, — думает первобытный поклоняющийся: “Это наши отцы; следовательно, они — дарители детей, производители и зачинатели всех наших поколений, принцип плодородия, настоящие боги, которым следует молиться о потомстве”. Добавим, что многие из них, будучи изображены как люди или, по крайней мере, в верхней части тела, становятся итифаллическими, подобно Приапу, благодаря простому гротескному варварству, но отчасти также как признак пола умершего: и мы можем видеть естественность этого легкого перехода. От Герм греков до грубых фаллических божеств столь многих существующих диких рас, мы повсюду встречаем признаки этой постоянной связи между священным камнем и идеей отцовства. Там, где камень символизирует могилу женщины, божество, конечно, воспринимается как богиня, но тем же подтекстом. Геродот видел в Сирии стелу с выгравированными женскими половыми органами. Таким образом, прямоходящий каменный бог везде и всегда может рассматриваться как бог плодородия.

Но распространялась ли эта идея о каменном столбе на Палестину и семитские народы? Есть свидетельства, помимо Геродотовых. Майор Кондер, чье мнение по всем вопросам чистой археологии (в противоположность филологии) заслуживает высочайшего уважения, говорит о ханаанских временах: “Менгир, или конический камень, был эмблемой богов, управляющих плодородием, по всей Сирии, а углубления в чашах, которые были образованы в менгирах и дольменах, являются признаками возлияний, часто человеческой крови, которые когда-то лили на эти камни первые верующие”. Он связывает эти памятники с культом лингама в Индии и добавляет, что доктор Чаплин обнаружил, что такой культ все еще сохранился недалеко от

Галилейского моря. Лукиан говорит о двух больших колоннах в храме Иераполиса как *офаллосах*. О финикийцах майор Кондер пишет: “Главной эмблемой, которой поклонялись в храмах, был столб или конус, происходящий, без сомнения, от грубых менгиров, которым поклонялись ранние дикие племена, такие как дравиды, арабы, кельты и готтентоты”. О том, что первоначально они носили погребальный характер, мы можем заключить из того факта, что “они часто стояли под трилитами или дольменами или помещались перед алтарем, сделанным из камня, положенного плашмя на вертикальное основание”. “Изображения на ранних вавилонских цилиндрах столов, на которых можно было разжечь небольшой огонь или положить в качестве подношения какой-нибудь небольшой предмет, по-видимому, указывают на происхождение от аналогичных сооружений. Первоначальный храм, в котором были помещены конус и его святилище, или алтарь, был всего лишь кромлехом или оградой, квадратной или круглой, сделанной путем установки камней”. Остатки таких ограждений с дольменами с одной стороны найдены в различных местах Моавы и Финикии. Ничто не могло быть более явно погребальным по своему характеру, чем эти грубые святилища, или Гилгаллы, со столбом или надгробием, из которых, как предполагает майор Кондер, в конечном итоге построены гипоталамические храмы Библоса и Баальбека.

Я думаю, что доказательства того, что сам Яхве в своей ранней форме был таким каменным богом, хотя, возможно, и не совсем убедительны, мягко говоря, чрезвычайно наводят на размышления. Я уже обращал на это внимание в предыдущей главе, и здесь нет необходимости повторять это полностью; но несколько случайных дополнений могут оказаться небесполезными. Помимо общей вероятности того, что среди расы, чьи боги почти повсеместно были представлены священными камнями, так что любой конкретный бог, если не доказано обратное, был представлен именно так, есть свидетельства всего более позднего языка и стихотворений, написанных после смерти самого каменного бога, что Яхве все еще считался, по крайней мере в метафорическом смысле, камнем. “Он - Скала”, - говорит специалист по Второзаконию в песне, вложенной в уста Моисея. “Я обнародую имя Яхве; припишу величие нашему богу”. “Жив Яхве, и да будет благословенна скала моя”, - говорится в гимне, который более поздний автор сочинил для Давида во Второй книге Царств: “превознесен бог скалы моего спасения”. И в псалмах образ повторяется снова и снова: “Яхве - моя скала и моя крепость”; “Кто бог, кроме Яхве, и кто скала, кроме нашего бога?”; “Он поставил мои стопы на скалу и утвердил мои хождения”; “Веди меня к скале, которая больше меня”; “Яхве - моя защита, и мой бог - скала моего убежища”; “О, приди, воспоем Яхве; устроим радостный шум у скалы нашего спасения”. И что форма этого камня, вероятно, была формой округлого столба со скошенной вершиной, мы видим из того факта, что более поздние эпохи представляли себе своего преображенного Яхве ведущим Сынов Израиля по пустыне в виде огненного столпа ночью и облачного столпа днем.

Однако более ранние израильтяне не питали подобных поэтических иллюзий. Для них их бог Яхве был просто предметом — каменной колонной или чем-то иным, - хранившимся в ковчеге или сундуке, который долгое время покоился в Силоме и который впоследствии был закреплен “между торцами здания” (как говорится в более позднем издании) в Иерусалимском храме. Все ранние предания, запечатленные в книгах Судей, Самуила и Царств, совершенно ясно показывают нам, что сам Яхве тогда считался обитателем ковчега и переносился с ним с места на место во всех его странствиях. История битвы с филистимлянами при Эбен-Езере, падение Дагона перед богом-соперником, судьба ковчега после его возвращения израильскому народу, перемещение Давида в Иерусалим, окончательное возведение на престол Соломона - все это

отчетливо показывает, что Яхве лично обитал внутри ковчега, между херувимами-хранителями. “Кто способен устоять перед лицом Яхве, этого самого святого бога?” - спрашивают жители Вифсамиса, когда они отваживаются заглянуть внутрь этого священного жилища и были сражены “ревнивым богом”, который любил жить во тьме сокровенного святилища. *

У мистера Уильяма Симпсона есть несколько превосходных замечаний по поводу аналогий египетских и древнееврейских ковчегов и святилищ в его брошюре о поклонении смерти.

В этой связи следует отметить два важных факта: именно такой ковчег использовался в Египте для хранения священных предметов или изображений богов. И далее, в период, когда Сыны Израиля были данниками Египта, страной правила фиванская династия, и поклонение великому фиванскому фаллическому божеству Хему было широко распространено во всех частях египетских владений.

Есть ли, однако, какие-либо свидетельства того, что линга или другой каменный столб когда-либо таким образом почитался и увековечивался как великий бог святилища? Очевидно, что майор Кондер уже поставил некоторые из них, и еще больше поступит из различных других источников. Конус, олицетворявший Афродиту на Кипре, точно так же считался главным предметом храма, как и стелы всех египетских мумий. “Трилитон, ” говорит майор Кондер, “ позже становится святилищем, в котором стоит конус или статуя”. Значение этой корреляции сразу станет очевидным, если читатель вспомнит, как в главе о Священных камнях я показал происхождение идола от примитивного менгира, или вертикального столба. “Кхонды и другие неарийские племена в Индии, “ снова говорит Кондер, — строят такие храмы из грубых камней, вымазанных красным, - пережиток старой практики помазания менгиров и священного конуса или колонны кровью жертв, иногда, по-видимому, человеческой. У индийцев столб - это лингам, и, по-видимому, таково было его значение у финикийцев”. А в греческих городах, как мы знаем от Павсания, неотесанный камень точно так же хранился в самом великолепном приделе из самых благородных эллинских храмов. На самом деле, скорее правилом, чем чем-либо иным, было то, что камень был главным объектом поклонения в самых благородных верованиях.

Следует отметить еще одну любопытную черту в поклонении Яхве. Он не только радовался человеческим жертвоприношениям, но и особенно требовал жертвоприношения первенцев, и он требовал исключительного и значительного выкупа от каждого ребенка мужского пола, которому он позволял жить среди своих особых приверженцев. Вряд ли мне нужно настаивать на факте человеческих жертвоприношений: они были неотъемлемой частью всех семитских культов, и их присутствие в культе Яхве повсеместно допускалось всеми непредвзятыми учеными. Случай с Агагом, которого Самуил разрубил на куски перед лицом Яхве, и с дочерью Иеффая, которую ее отец принес в жертву в знак благодарности за свою победу, хотя, конечно, и не являются строго историческими с критической точки зрения, являются вполне достаточными доказательствами, чтобы показать характер и привычки описавших их почитателей Яхве. Так и с легендой о принесении в жертву Исаака, которого просто спасли в последний момент для того, чтобы бог поколения сделал его отцом многих тысяч детей. И снова Давид пытается усмирить гнев Яхве, принося в жертву семерых сыновей Саула. И пророк Михей спрашивает: “Должен ли я отдать моего первенца за мой проступок, плод моего тела за грех моей души?” - отрывок, который, несомненно, подразумевает, что во времена Михея такое

жертвоприношение старшего ребенка было обычным явлением в современном поклонении Яхве.

Переход от человеческих жертвоприношений к обрезанию менее насильственный, чем может показаться на первый взгляд. Промежуточный тип обнаруживается в посвящении первенца, где Яхве, по-видимому, требует для себя, не как жертва, а как раб и преданный, первых плодов того приумножения, обеспечивать которое является его особой функцией. В различных законах Яхве предъявляет права на первенца человека и животного — иногда на всех, иногда только на первенца мужского пола. Животные были принесены в жертву; сыновья, по крайней мере в более поздние эпохи, были либо превращены в назореев, либо выкуплены жертвоприношением или денежным выкупом. Но мы не можем сомневаться в том, что в древнейшие времена первенец был заклан перед Яхве. В любопытной легенде о Моисее и Сепфоре мы встречаем странную народную сказку, косвенно связывающую этот обычай с практикой обрезания. Яхве пытается убить Моисея, очевидно, за то, что он не принес в жертву своего ребенка; но Сепфора, его жена, берет каменный нож, делает обрезание своему сыну и бросает окровавленное приношение к ногам Яхве, который после этого отпускает своего мужа. Это, а не более поздний рассказ о его введении Авраамом, кажется истинной древней объяснительной легендой о происхождении обрезания — легендой, аналогичной тем, которые мы находим в римской и других ранних исторических источниках как воплощающие или объясняющие определенные древние обычаи или юридические формулы. Обрезание, по сути, представляется кровавым жертвоприношением Яхве как богу зарождения: жертвоприношение, по сути, имеющее характер выкупа и, следовательно, сравнимое со всеми теми другими телесными увечьями, происхождение которых мистер Герберт Спенсер так хорошо показал в *Церемониальных институтах*.

В то же время характер приношения помогает пролить свет на характер Яхве как бога приумножения; точно так же, как “изумруды”, которыми были поражены филистимляне за поимку Яхве и его ковчега, показывают природу мести, которую, естественно, можно было ожидать от божества поколения.

Наконец, как получилось, что более поздние еврейские авторы верили, что предмет, спрятанный в ковчеге, был не фаллическим камнем, а копией “Десяти слов”, которые, по легенде, Яхве передал Моисею? На это было бы трудно решиться, но вот, по крайней мере, апертура на эту тему, которую я отбрасываю, чего бы это ни стоило. Более поздние евреи, когда их представления о Яхве расширились и стали неземными, явно стыдились своего древнего каменного культа, если они действительно были достаточно археологами после пленения, чтобы знать, что он когда-либо действительно существовал. Что же тогда более естественно для них, чем предположить, что камень, о котором они слышали как о вложенном в ковчег, был копией “Десяти слов” - завета Яхве? Отсюда, возможно, более поздняя замена термина “Ковчег Завета” более старой и правильной фразой “Ковчег Яхве”. Еще одно предположение, еще более чисто гипотетическое. Конусы с пирамидальными головками, на которых были надписи, посвященные умершим, использовались финикийцами для погребения. Вполне возможно, что первоначальный Яхве был такой древней колонной, покрытой письменами какого-то более раннего характера, которые позже были истолкованы как эквиваленты или символы “Десяти слов”.

Таким образом, собрав все свидетельства воедино, насколько мы теперь можем их восстановить, и интерпретируя их в широких антропологических рамках по аналогии из других источников, я должен сказать, что следующие утверждения кажутся довольно вероятными:

Первоначальная религия Израиля представляла собой смешанный политеизм, содержащий множество различных типов богов, и основывалась, как и все другие религии, на домашнем и племенном поклонении предкам. Некоторые из богов имели форму животных, другие были более или менее антропоморфны. Но большинству поклонялись в виде священных камней, деревьев или деревянных шишек. Большая часть этих богов была семитского типа и была общей для Сынов Израиля с их соседями и родственниками. Характер еврейского богослужения, однако, по-видимому, претерпел некоторые незначительные изменения в Египте; или, во всяком случае, египетское влияние привело к предпочтению одних богов другим в период Исхода. Один бог, в частности, Яхве по имени, по-видимому, был почти присущ Сынам Израиля - их этническому божеству и, следовательно, по всей вероятности, раннему племенному предку или каменному представителю такого предка. Легенды, вероятно, правы в своем предположении, что этому богу уже поклонялись (не только, конечно) Сыны Израиля до их пребывания в Египте; они почти наверняка правы, приписывая большой рост и распространение его культа периоду Исхода. Сыны Израиля, по крайней мере, со дня Исхода, носили этого бога или его грубое изображение с собой в ковчеге или ящике во всех своих странствиях. Предметом, который несли таким образом, вероятно, был конический каменный столб, который, как мы можем предположить, был могильным камнем какого-то обожествленного предка: и для этого предка “Яхве”, возможно, было либо собственным именем, либо описательным эпитетом. Даже если, как предполагает Коленсо, само имя было ханаанским и уже принадлежало местному богу, его применение к священному камню ковчега было бы просто еще одним примером распространенной тенденции отождествлять богов одной расы или страны с богами другой. Сам камень всегда был окутан египетской тайной, и ни одному частному лицу не разрешалось лицезреть его. Ему приносились жертвы, как человеческие, так и иные, как и другим богам, его братьям, а затем и ненавистным соперникам. Этот камень, как и другие священные камни в форме столба, считался символом созидательной силы. Обрезание было знаком преданности Яхве, поначалу, без сомнения, либо добровольным, либо совершалось в качестве выкупа, но с ростом и эксклюзивностью поклонения Яхве оно стало отличительным обрядом избранного народа Яхве. (Но другие семиты также делали себе обрезание в качестве приношения крови своим собственным более или менее фаллическим божествам.)

Еще короче, среди многих еврейских богов Яхве изначально был единственным, богом-предком племени, которому поклонялись в форме цилиндрического камня, возможно, сначала могильного камня, и который считался, по сути, богом приумножения, особым объектом почитания бездетных женщин.

Из этого грубого этнического божества, простого священного столпа варварского племени, постепенно развился Господь Бог позднего иудаизма и христианства — сила, вечная, всеведущая, всемогущая, святая; самое неземное, самое возвышенное, самое сверхчеловеческое божество, которое когда-либо создавал человеческий мозг. Исследовать и описать, в результате какого медленного эволюционного процесса синкретизма и элиминации, духовного мистицизма и национального энтузиазма, этических усилий и импульса воображения

этот могущественный Бог в конце концов был спроецирован из столь неперспективного оригинала, будет задачей наших последующих глав.

ГЛАВА X. РАСЦВЕТ МОНОТЕИЗМА.

Мы видели, что евреи изначально были политеистами и что их этническому богу Яхве, по-видимому, они поклонялись в древние времена в материальной форме цилиндрической каменной колонны. Или, скорее, говоря более естественно, объект, которому они так поклонялись, они считали богом и называли Яхве. Далее перед нами встает вопрос, каким образом с этого скромного начала Израиль достиг чистого монотеизма своей более поздней эпохи? Что было такого в положении или условиях еврейской расы, что заставило позднейших евреев отвергнуть всех своих других богов и изготовить из своего древнего национального Священного Камня самое возвышенное, суровое и всемогущее божество, которое когда-либо знало человечество?

Я полагаю, что ответ на этот важный вопрос частично следует искать в определенной общей тенденции семитского сознания; частично в особом политическом и социальном состоянии израильских племен в течение девятого, восьмого, седьмого, шестого и пятого веков до христианской эры. Или, если изложить предлагаемое заранее решение проблемы в еще более простой форме, еврейский монотеизм был в некоторой степени результатом синкретического отношения ко всем богам, в ходе которого атрибуты и характеры каждого слились в другом, только имена (если вообще что-либо) оставались различимыми; и в некоторой степени результатом сильного национального патриотизма, результатом, выражением и самой заветной надеждой которого был этнический бог Яхве. Вера в то, что Яхве сражался за Израиль, и что только благодаря доверию к Яхве Израиль мог выстоять против Египта и Ассирии, какой бы дикой фанатичной она ни казалась нам сегодня и полностью опровергаемая всеми фактами дела, как это в конечном итоге было, тем не менее, сформировала центральную идею еврейских патриотов и постепенно привела к прочному установлению сначала исключительного, а затем и по-настоящему монотеистического культа Яхве.

Один из блестящих парадоксов Эрнеста Ренана заключается в том, что семитский ум по природе монотеистичен. На самом деле, семитский разум продемонстрировал эту врожденную тенденцию на своих первых этапах, повсеместно развивая практически тот же

политеистический пантеон, что и любая другая группа человеческих существ повсюду. Тем не менее, возможно, в парадоксальном утверждении Ренана есть зерно истины: семиты с большей готовностью, чем большинство других народов, сочетают черты своих божеств друг с другом. На самом деле это ни в коем случае не является исключительной семитской чертой. Мы уже видели, когда рассматривали египетскую религию, как все формы и функции богов в конце концов слились в неразрывную смесь, олицетворение божественности, из которой практически невозможно было с уверенностью выделить первоначальные личности Ра и Терна, Амона и Осириса, Нейт и Исиды, Птаха и Аписа. Даже в относительно постоянном и индивидуализированном пантеоне Эллады достаточно часто случается так, что путаница как в личности, так и в прерогативах затемняет различие различных богов. Афродита и Геракл полиморфны в своих воплощениях. Но в семитских религиях, по крайней мере на той более поздней стадии, когда мы впервые сталкиваемся с ними, черты различных божеств настолько размыты и неопределенны, что вряд ли можно с уверенностью распознать что-либо, кроме простых имен. Никакие другие боги не были такими призрачными и расплывчатыми. Прообразом этого пантеона является неясная фигура Эль-Шаддая, раннего и ужасного объекта еврейского поклонения, о чьих атрибутах и природе мы положительно ничего не знаем, но который стоит на заднем плане всей еврейской мысли как воплощение безымянного и трепещущего ужаса, порожденного в душе человека непреодолимыми и безжалостными силами природы.

Эта расплывчатость и призрачность семитских религиозных концепций, по-видимому, в некоторой степени зависит от нехудожественной природы семитской культуры. Семиты редко вырезали изображение своего бога. Римские наблюдатели с удивлением отметили, что в святилище Кармила не было идола. Но это также зависело от глубоко укоренившихся особенностей семитской расы. Меланхолический, созерцательный, гордый, сдержанный, но странно причудливый, современный араб, возможно, дает нам ключ к неопределенной природе раннесемитского религиозного мышления. Никогда не было эфирного мира, более призрачного, чем Шеол; никогда не было богов, более смутно ужасных, чем Элохимы, которые всплывают в ранних историях еврейского мистического цикла. Сами их имена нам едва известны: они доходят до нас сквозь завесу более позднего иеговистского редактирования с такими чисто описательными названиями, как "Бог Авраама", "Ужас Исаака", "Могучая сила", "Всевышнее Божество". Действительно, истинный еврей, как и многие другие варвары, по-видимому, уклонялся либо от созерцания действительной формы самого своего бога, либо от произнесения вслух его настоящего имени. Его божество было окутано тьмой ковчега или глубоким мраком внутреннего шатра или святилища; слог, обозначающий объект его поклонения, никогда не произносились полностью, за исключением самых торжественных случаев, но были опущены или смазаны каким-нибудь описательным эпитетом. Даже произносимый титул Яхве сам по себе, как явствует из наших документов, был более поздним именем, дарованным во время Исхода древнему богу: в то время как соперничающие титулы Ваала и Молеха означают не что иное, как Господь и Царь соответственно. Чрезмерное почитание запрещало семиту что-либо знать о личном облике своего бога или истинном имени, и поэтому черты почти всех богов оставались одинаково неопределенными и одинаково бесформенными.

Но помимо трудности точного различения форм и функций различных семитских божеств, которую даже их приверженцы, должно быть, ощущали с самого начала, существовала дополнительная трудность в разработанном вероучении из-за наложения стихийного

мистицизма и поклонения природе на примитивный культ духов предков как богов и богинь. Точно так же, как Ра, солнце, отождествлялось в последние века почти с каждым египетским богом, так и солярные идеи и солярные мифы в конце концов повлияли на отчетливую личность почти каждого семитского божества. Следствием этого является то, что все боги в конце концов становятся практически неразличимыми: один настолько похож на другого, что разные интерпретаторы делают самые разные отождествления, и, по-видимому, это оправдано (с мифологической точки зрения) сильным солнечным или элементарным семейным сходством, которое пронизывает весь пантеон на его более поздних стадиях. Ученые старой школы даже сомневались в том, что Яхве сам не является формой своего великого соперника Ваала: не были ли оба в сущности идентичны — просто расходящиеся формы одного многоименного бога солнца. Для нас, которые признают в каждом Ваале отдельного бога-призрака отдельной гробницы, такое отождествление явно невозможно.

Однако перед поклоняющимися баалим или самому Яхве эти отвлеченные мифологические проблемы никогда не возникали. Различия в названии и святом месте было для них вполне достаточно, несмотря на существенное совпадение атрибутов или природы. Они скорее убьют друг друга ради описательного эпитета или рискнут самой смертью, чем принесут жертвы на враждебный алтарь.

Тем не менее, различные влияния вступили в сговор, здесь, как и везде, чтобы вызвать постепенное движение синкретизма, то есть поглощение многих различных богов одним; окончательное отождествление нескольких божеств, изначально разделенных. Каковы были эти влияния, мы должны теперь кратко рассмотреть.

Прежде всего, мы должны помнить, что в то время как в Египте с его сухим и особенно благоприятным климатом мумии, идолы, гробницы и храмы могли сохраняться неизменными на протяжении веков, почти во всех других странах дождь, ветер и время сильно разрушают человеческое мастерство. Таким образом, в то время как в Египте культ Умершего Предка сохраняется как таковой вполне сознательно и открыто на протяжении многих веков, в большинстве других стран наблюдается тенденция к тому, что реальные личные объекты поклонения все больше и больше забываются; смутные боги и духи постепенно узурпируют место исторического человека; в конце концов, ритуалы привязываются скорее к местам, чем к конкретным личностям. Могила может исчезнуть, и все же к священному камню по-прежнему будут относиться с привычным почтением. Священный камень может исчезнуть; и все же священное дерево можно ежегодно поливать кровью жертв. Само дерево может погибнуть, и все же пень может продолжать украшаться в свою годовщину праздничными одеяниями. Сам пень может сгнить; и все же дары в виде пищи или подношения в виде тряпья могут быть, как в старину, брошены в священный источник, который когда-то бил рядом с ним. Таким образом, местность становится святой сама по себе и дает нам ясный и очевидный источник более позднего поклонения природе.

По прошествии веков естественно думать, что боги или духи, обитающие в таких святилищах, очень похожи друг на друга. Божественность - это все, что может надолго остаться от их индивидуальных атрибутов. Сами их имена часто неизвестны; их помнят просто как господа Ливана, Ваала с горы Пеор. Неудивительно, что со временем они начинают практически отождествляться друг с другом, в то время как сходные мифы часто связываются потомками со многими из них вместе. Действительно, мы знаем, что новые имена и даже навязчивые

иностранные названия часто заменяют первоначальные титулы, в то время как самому богу все еще продолжают поклоняться как тому же бесформенному камню, с теми же предписанными обрядами, в тех же убогих или великолепных храмах. Так, Мелькарту, Ваалу из Тира, поклонялись в более поздние времена под греческим именем Геракл; и, таким образом, в Баблосе два местных божества, сначала отождествленные с сирийскими божествами, Адонисом и Астартой, позже были отождествлены с египетскими божествами, Осирисом и Исидой. Однако мифы этого места показывают нам, что все это время истинное поклонение воздавалось мертвому пню священного дерева, которое, как говорили, выросло из могилы бога — другими словами, из кургана древнего вождя. Независимо от того, насколько сильно меняются мифологии, эти местные культы остаются неизменными; священные камни здесь описываются как населенные джиннами, а там как памятники христианским мученикам; священные колодцы посвящены здесь нимфе или герою, и там принимают подношения святым или феям. Таким образом, священные дубы, которым с незапамятных времен поклонялись в Англии, стали “дубами Тора” при саксонском язычестве и “дубами Евангелия” при средневековом христианстве.

Наконец, на последних стадиях богослужения всегда предпринимаются попытки использовать небесные тела и великие энергии природы в качестве мифологической основы или теории религии. Каждый царь является потомком солнца, и поэтому каждый великий бог обязательно является солнцем собственной персоной. Бесконечные мифы возникают из этих фраз, которые мифологи ошибочно принимают за центральные факты и источники религии. Но они не имеют ничего подобного. Мистицизм и символизм никогда не могут быть примитивными; это благонамеренные попытки культурных мыслителей более позднего времени прочесть глубоко укоренившийся смысл в грубых идеях и еще более грубых практиках традиционной религии. Я могу добавить, что ученые и умелые работы доктора Робертсона Смита постоянно портятся таким образом из-за его упрямой решимости рассматривать поклонение природе как примитивное, там, где оно действительно производное, как самую раннюю отправную точку, где оно действительно является высшим и новейшим развитием.

Очевидно, что когда все боги становятся более или менее солнечными по своим внешним и приобретенным чертам, процесс идентификации и интернационализации становится пропорционально легким.

Синкретизм, возникший таким образом в еврейской религии в результате наложения поклонения природе на первобытный культ, должно быть, проложил путь к более позднему признанию монотеизма, точно так же, как, как мы знаем, это произошло в эзотерическом вероучении Египта, сделав всех богов настолько похожими, что верующим оставалось только изменить имя своего божества, а не атрибуты основной концепции. Давайте сначала посмотрим, насколько этот синкретизм повлиял на более позднюю идею Яхве, фаллического каменного бога, хранящегося в ковчеге; а затем давайте выясним, каким образом патриотическая реакция против ассирийской агрессии положила последний камень в основу растущего монотеистического поклонения Яхве.

Часто утверждается, что Яхве поклонялись во многих местах Израиля в виде золотого тельца. Иными словами, евреи, установившие изображения металлического быка, тем не менее считали, что они поклоняются Яхве. Даже пророки восьмого века рассматривали культ быка как форму поклонения Яхве, хотя и не ту форму, которую они могли бы лично одобрить. Но бык,

вероятно, по своему происхождению является богом, отличным от камня в ковчеге; и если его поклонение отождествлялось со Скалой Израиля, то это могло быть связано только с поздним проявлением синкретического мистицизма. Возможно, связующим звеном здесь, как и в случае с Аписом, было жреческое признание быка как символа воспроизводящей силы природы; идея, которая была бы особенно уместна для бога, великой функцией которого было поощрять плодородие. Но в любом случае, мы не можем не видеть в этом более позднем поклонении тельцу дополнительный элемент, полностью отличный от более древнего культа священного камня, точно так же, как поклонение Ра по своему происхождению полностью отличалось от тотемного культа Мневис, или как поклонение Амону полностью отличалось от поклонения Хему и Осирису. Бог-камень и бог-бык наконец сливаются в одно целое, подобно тому, как гораздо позже человек Иисус сливается с еврейским богом и получает большее почитание в современных религиях, чем древнее божество, которое он практически заменяет.

Даже в самом Иерусалимском храме, по-видимому, допускались символы поклонения быку. Жертвенник, на котором сжигалась ежедневная жертва, имел четыре рога; а умывальник во дворе, “медное море”, поддерживался фигурами двенадцати быков. Когда мы вспоминаем, что у Молоха была голова быка, мы вряд ли можем не увидеть в этих символах признак того постепенного синкретизма, который неизменно присутствует во всех развитых пантеонах во всех цивилизованных странах.

Гораздо важнее предполагаемые признаки более позднего отождествления Яхве с солнцем и его появления как измененного и преображенного бога солнца. Поначалу может показаться странным, что такой характер мог когда-либо приобрести священный камень, если бы мы не вспомнили точно подобную историю египетского обелиска, который подобным образом представляет, прежде всего, вертикальную колонну или монолит, то есть примитивный надгробный камень, но, во—вторых, производно, одновременно порождающий принцип и луч солнца. Благодаря этой яркой аналогии, которая поможет нам в наших поисках, у нас не возникнет трудностей с распознаванием того, каким образом солярный характер мог быть придан более поздним атрибутам и описаниям Яхве.

Сам я не придаю чрезмерного значения этим солнечным характеристикам полностью развитого Яхве; но определенная школа современных мыслителей придала им такое значение, что я не должен обходить их полным молчанием.

Таким образом, как мы видели, для своих первых почитателей Яхве был всего лишь камнем в ковчеге. Он обитал там явно, и куда направлялся ковчег, туда же направлялся и Яхве вместе с ним. Но более поздние евреи — скажем, в восьмом веке — приобрели совершенно иное представление о месте обитания Яхве. Астрологические и солярные идеи (несомненно, аккадского происхождения) глубоко изменили их грубые примитивные представления. Для Амоса и истинного Исаии Яхве обитает в открытом небе и является “Яхве воинств”, лидером сияющей армии небес, царем звездного мира. “Над этими небесными телами и небесными обитателями правит Яхве”; они окружают его и выполняют его приказы: воинство небесное — это его посланники - на более привычном языке нашей современной религии “ангелы Господни”, слуги Яхве. Для Михея небеса - это “храм святости Яхве”: “Бог на небесах” - это описательная фраза, которой пророк намекает на него. Во всем этом мы пришли к совершенно иной концепции, чем у ранних и простодушных израильтян, которые возили своего бога с собой на повозке, запряженной волами, от станции к станции.

Более того, эти более поздние мыслители постоянно рассматривают свет и огонь как проявления Яхве; и даже при редактировании более ранних легенд они вводят такие новые идеи, заставляя "славу Яхве" освещать ковчег, или появляться в горящем кусте, или объединяя оба взгляда, старший и младший, в огненном столпе, который предшествовал кочевой орде Израиля в пустыне. Говорят, что Яхве "посылает" или "извергает огонь" с небес, и в этих выражениях мы еще раз видим развитую концепцию стихийного бога, чей голос - гром, а оружие - молния. Все это знакомые наработки главного бога в пантеоне. Захария говорит в своем стихотворении: "Просите у Яхве дождя во время последних ливней: Яхве сотворит молнии". Исайя говорит: "Свет Израиля будет подобен огню, А святое Его - пламени"; "Вот, имя Яхве приближается издалека, гнев Его пылает, и яростный дым поднимается ввысь; уста Его полны негодования, И язык его подобен пожирающему огню". В этих и сотнях других отрывков, которые можно было бы процитировать, мы, кажется, видим Яхве, в значительной степени представленного как бог солнца и облаченного почти во все атрибуты огненного Молоха.

Иногда эти черты Молоха действительно очень близки к чертам более общепризнанных богов огня. "Итак, мы читаем, - говорит Куэнен, - что "слава Яхве была подобна всепожирающему огню на вершине горы Синай"; и что "его ангел явился в пламени огня из середины куста: куст горел огнем, но не сгорел". Поэтому самого Яхве называют "всепожирающим огнем, ревнивым богом": и поэт так описывает его внешность: "Дым выходит из его ноздрей, И огонь из его рта пожирает; огненные угли разжигаются огнем". очевидно, что это очень производные и заимствованные prerogatives для украшения примитивного каменного столба, который вывел народ Израиля из Египта. И все же мы знаем, что точно аналогичной эволюции подверглись другие каменные боги в других местах.

Еще раз, хотя это следует немного предварить, более позднее поклонение Яхве, по-видимому, впитало в себя определенные астрологические элементы, которые изначально были ему совершенно чужды, принадлежа к культу других богов. Таков, например, институт субботы, несчастливое дня злобного бога Кевана или Сатурна, в который было нежелательно выполнять какую-либо работу и в который, соответственно, суеверный семит полностью отдыхал от своих еженедельных трудов. Разделение лунного месяца (священного периода Астарты, царицы небес) на четыре недели по семь дней в каждой, посвященные по очереди богам семи планет, очевидно, относится к тому же позднему культу элементарных и астрологических богов, или, скорее, богов, с которыми эти небесные тела были в конце концов отождествлены под влиянием аккадии. Более ранние пророки исключительного поклонения Яхве осуждали как идолопоклонство такое соблюдение субботы и астрологических праздников — "Ваши субботы и ваши новолуния отвратительны для меня"; и, согласно Амосу, сам Кеван был главным объектом идолопоклоннического поклонения своих соотечественников в пустыне. Однако позже иеговистская партия обнаружила, что бессильна переломить течение суеверий по вопросу о субботе, и поэтому был необходим новый *modus vivendi*. Они пришли к разумному компромиссу. Суббота была органично включена в монотеистическое поклонение Яхве, и была дана мифическая причина для ее установления и священного характера, которая номинально связывала ее с культом этнического бога. В тот день, по словам жрецов-космогонистов, Яхве отдыхал от своего труда творения. Точно так же многие другие фрагменты внешних культов были слабо связаны с поклонением Яхве посредством словесной связи с какой-либо частью переработанной иеговистской легенды или же были приписаны национальным иеговистским или иеговизированным героям.

Таким образом, кратко обрисовав постепенные изменения, которым подверглась концепция самого Яхве на протяжении веков, когда его верховенство медленно устанавливалось в конфедерации Израиля, давайте теперь вернемся еще раз назад и приступим к последней проблеме: почему конкретный культ Яхве стал, наконец, исключительным и монотеистическим?

Для начала мы должны помнить, что с самого начала существования нации Яхве явно считался во всех отношениях *этническим* богом, особым богом Израиля. Отношение таких этнических богов к своему народу было превосходно разработано доктором Робертсоном Смитом в *"Религии семитов"*. Однако, несмотря на то, что мы не можем принять как исторический взгляд на исход, данный нам в Пятикнижии, или признать, что Яхве сыграл столь значительную роль в великом национальном переселении, как там указано, все же очевидно, что с того момента, как Израиль вообще почувствовал себя нацией, Яхве был признан его главным божеством. Он был "богом Израиля", точно так же, как Милком был богом аммонитян, Хамош - богом Моава, а Аштарот - богиней Сидона. Точно так же, как каждый афинянин, поклоняясь Зевсу, Гере и Аполлону, считал Афины особой покровительницей Афин, так и каждый израильтянин, поклоняясь ваалам, Молеху и местным божествам в целом, считал Яхве особым покровителем Израиля.

Более того, с самого начала есть основания предполагать, что израильтяне считали Яхве своим верховным богом. Большинство пантеонов в конце концов выстраиваются в общепризнанную иерархию, в которой то одно, то другое божество постепенно занимает первое место. Так, в Эллады верховенство Зевса было несомненным; так же и в Риме было верховенство Юпитера. Иногда, конечно, как у наших предков-тевтонов, мы видим повод для сомнений между двумя соперничающими богами: было бы трудно установить точный приоритет любого из двух ведущих божеств: у англичан Водан скорее отдавал предпочтение Тунору; у скандинавов Тор скорее отдавал предпочтение Одину. В Израиле, по-видимому, аналогичным образом, было время, когда президентство Бессмертных зависело между Яхве и тем или иным местным ваалом. Но в конце концов, а возможно, даже с самого начала, народ проголосовал главным образом за священный камень ковчега. Он был Богом Израиля, а они были избранным народом Яхве.

Обычай обрезания, должно быть, был одновременно символом и отчасти причиной, отчасти следствием этой всеобщей преданности народа единому верховному богу. Сначала, без сомнения, только первенцы или другие лица, специально посвященные Яхве, проходили обряд, который так четко выделял их как приверженцев бога плодородия. Но с течением времени, задолго до триумфа исключительного поклонения Яхве, казалось бы, практика принесения в жертву национальному богу каждого ребенка мужского пола стала всеобщей. Еще во времена темного правления Давида филистимляне с упреком упоминаются в наших легендах как "необрезанные"; отсюда мы, возможно, можем заключить (хотя достоверность сомнительна), что уже тогда обрезание стало неотъемлемой частью израильского гражданства. Такое всеобщее посвящение всего мужского пола расы национальному богу, должно быть, во многом обеспечило его окончательный триумф.

Если мы посмотрим на положение израильтян в Палестине, мы легко увидим, как религиозное единство и сильный национальный патриотизм поддерживались самой природой их владения землей; а также почему божество, которое в основном рассматривалось как бог поколения, должно было стать самым важным членом их национального пантеона. Их

положение в течение первых нескольких столетий их жизни в Нижней Сирии можно сравнить с положением дорийцев на Пелопоннесе: они были всего лишь небольшим гарнизоном во враждебной стране, непрерывно сражавшимся с наполовину покоренными данниками и окруженными врагами; теперь их сильно теснили восстания их внутренних врагов; а теперь они снова оказались в подчинении у враждебных филистимлян на своей морской границе. Горстка грубых воинов, ворвавшихся на землю под предводительством таких кровожадных вождей, как мистический Иисус Навин, могла надеяться на успех только путем быстрого и постоянного увеличения своей численности и избегания, насколько это было возможно, тех внутренних раздоров, которые всегда были прелюдией к национальному позору. Быть “матерью в Израиле” - это высшая надежда каждой еврейской женщины. Следовательно, было естественно, что бог зарождения стал главным среди местных божеств, и что данное его жрецами обещание неограниченного размножения сделало его самым популярным и могущественным членом израильского пантеона. И хотя все каменные боги, вероятно, были фаллическими, все же Яхве, как этнический покровитель, по-видимому, больше всего считался дарующим приумножение Израилю.

Также кажется очевидным, что общее поклонение Яхве поначалу было единственной прочной связью между разрозненными и несогласованными племенами, которым впоследствии предстояло вырасти в израильский народ. Профессор Робертсон Смит справедливо настаивал на этой солидарности бога и племени как на общей черте всех семитских богослужений. Ковчег Яхве в его доме в Силоме, по-видимому, стал общим местом встречи еврейского патриотизма, подобно тому как святилище Олимпии позже стало средоточием зарождающегося чувства эллинского единства. Ковчег был вынесен, чтобы нести его перед еврейской армией, чтобы бог Израиля мог сражаться за своих почитателей. Таким образом, очевидно, что с самого раннего времени Яхве считался в буквальном смысле богом битв, силой, на которую Израиль мог особенно полагаться в защите от своих врагов. Когда, как повествуют нам легенды, национальное единство было достигнуто при Давиде; когда покоренные народы были окончательно объединены в однородное целое; когда последние остатки ханаанской национальности были уничтожены окончательным завоеванием иевусеев; и когда Иерусалим стал столицей объединенного Израиля, это чувство, должно быть, усилилось как по размаху, так и по интенсивности. Приведение Яхве в Иерусалим Давидом и строительство его храма Соломоном (если эти факты соответствуют истории), должно быть, помогли утвердить его как великого бога расы: и хотя Соломон также воздвиг храмы другим еврейским богам, которые просуществовали несколько столетий, мы можем быть уверены, что со дня открытия великого центрального святилища Яхве оставался главным божеством южного царства, по крайней мере, после отделения.

Однако у поклонения Яхве была одна характерная черта, которая особенно помогла сделать его, наконец, *исключительным* культом и, таким образом, проложила путь к его окончательному развитию в чистый монотеизм. Яхве был особенно известен как “ревнивый бог”: это черта его темперамента, на которой он часто настаивал. Мы не знаем, когда и где знаменитые “Десять слов” были впервые обнародованы, но у нас есть все основания полагать, что по крайней мере в сущности они относятся к очень древнему периоду. Итак, во главе этих незапамятных заповедей Яхве стоит запрет ставить каких-либо других богов перед его лицом. Первоначально, без сомнения, запрет означал именно то, что в нем говорится; что Яхве не потерпел бы, чтобы боги-компаньоны делили его храм; что, где бы он ни жил, он будет жить один, без тех, кого греки называли бы собратями по святилищу. Таким образом, мы знаем, что ни одна ашера не должна

была быть закопана в землю рядом с ковчегом Яхве; и что, когда Дагон оказался лицом к лицу со Скалой Израиля, он разлетелся на куски и не смог устоять перед ужасающим присутствием великого Еврейского Столпа. Поэтому поначалу “ревнивый бог” требовал только этого: он просил своих почитателей, чтобы они держали его отдельно от общества всех низших богов, не позволять второстепенным или соперничающим божествам входить в его пределы.

Однако постепенно, по мере того, как поклонение Яхве становилось все глубже, а представление о божестве - шире и возвышеннее, приверженцы Яхве начали более строго толковать древнее повеление ревнивого бога. Предполагалось, что каждый обрезанный человек, каждый мужчина, явно преданный Яхве, обязан только Яхве всем своим религиозным служением. На самом деле, тогда еще никто не сомневался в существовании других богов, но крайние иеговисты в последние дни национальной независимости считали догматом веры то, что ни один истинный израильтянин ни в коем случае не должен их чтить. Таким образом, возник внутренний религиозный конфликт между почитателями Яхве и баалим, в котором, как и следовало ожидать, преимущество досталось приверженцам национального бога. С тех пор исключительное поклонение Яхве стало идеалом крайних иеговистов: они начали рассматривать всех других богов как “идолов”, отождествляя себя с их изображениями; они начали смотреть только на Яхве как на живого бога, по крайней мере, в пределах израильской нации.

Этому результату, несомненно, в значительной степени способствовал другой древний запрет жрецов Яхве. Жречество считало незаконным создавать или размножать изображения Яхве. Только одному священному камню, заключенному в ковчеге, следовало поклоняться; и, сосредоточив таким образом на Силоме, а затем и на Иерусалиме, весь религиозный дух этнического культа, они, должно быть, в значительной степени преуспели в цементировании национального единства. Строгие иеговисты с неприязнью смотрели на поклонение изображениям быков в северном королевстве, хотя они тоже считались (по крайней мере, в более поздние времена) представителями Яхве. Они считали, что истинного бога Авраама можно найти только в ковчеге в Иерусалиме, и что придание Скале Израиля человеческого или звериного облика само по себе было тяжким преступлением против величия их божества. Отсюда возникла своеобразная еврейская неприязнь к “идолопоклонству”; неприязнь, которую никогда в равной степени не разделял никто, кроме семитских народов, и которая имеет глубокие корни, по-видимому, одновременно в нехудожественном гении народа и в глубоком метафизическом и мечтательном характере семитского мышления. Сравнительная пустота семитских святилищ, действительно, всегда была камнем преткновения для греков с их многочисленными и изысканными изображениями антропоморфных божеств.

Все, чего теперь хотели, чтобы превратить все более исключительное и нематериальное поклонение Яхве в чистый монотеизм для всего народа, было вспышкой великого национального энтузиазма в ответ на некую опасную внешнюю атаку на существование Израиля и бога Израиля. Этот последний штрих был нанесен агрессией Ассирии, а затем и Вавилона. В течение многих лет два крошечных израильских царства сохраняли шаткую независимость между могущественными империями Египта и Месопотамии. В восьмом веке стало ясно, что они больше не могут играть в свою привычную игру в умную дипломатию и вежливое подчинение. На карту было поставлено само существование Израиля; и фанатичные поклонники Яхве, доведенные теперь до крайнего неистовства отчаянным положением, в которое они были доведены, разразились тем памятным экстазом энтузиазма, который мы

можем справедливо назвать Эпохой Пророков и который создал самые ранние шедевры еврейской литературы в дикой попытке противопоставить оружию захватчиков пассивное сопротивление верховного Яхве. Пророки говорят, что в древние времена, когда Яхве руководил войсками Израиля, лошади и колесницы их врагов ничего не значили: если в этом кризисе Израиль перестанет думать о помощи из Египта или союзе с Ассирией — если Израиль избавится от всех своих других богов и будет доверять только Яхве, — тогда Яхве сокрушит силу Ассирии и сведет Вавилон на нет перед своим избранным народом.

Таков язык, который Исайя отважился использовать в самый критический момент серьезной национальной опасности.

Теперь, каким бы странным ни казалось нам, что какой-либо народ должен был впасть в такое общее состояние фанатичного безумия, тем не менее верно, что эти экстраординарные советы преобладали в обоих израильских царствах, и что тот самый момент, когда национальное существование оказалось под наиболее серьезной угрозой, был выбран иеговистской партией для решительной попытки религиозной реформации. Падение Ефрема только усилило фанатичную веру фанатиков в Иудее в то, что чистое поклонение Яхве было единственной возможной панацеей от трудностей Израиля. Воспользовавшись меньшинством и пластичным молодым королем, они преуспели в навязывании исключительного иеговизма наполовину неохотному народу. За своевременной подделкой Книги Второзакония — первого зародыша Пятикнижия — священниками Иерусалимского храма быстро последовал кратковременный триумф чистого поклонения Яхве. В этом памятном документе было ложно заявлено, что исключительный культ Яхве зародился в самые ранние периоды существования нации. Иосия, как нам говорят, встревоженный обвинениями в подделанном свитке закона, немедленно принялся за работу, чтобы насильственными средствами искоренить все формы "идолопоклонства". Он вынес из дома Яхве "сосуды, которые были сделаны для Ваала, и для Ашеры, и для всего Воинства Небесного, и сжег их за пределами Иерусалима на полях Кедрона". Он отменил все святилища и жречества других богов в городах Иудеи и низвел "воскуривавших благовония Ваалу, солнцу, и луне, и планетам, и всему Воинству Небесному". Он также вынес Ашеру из храма Яхве и сжег ее дотла; и "забрал коней, которых цари Иудеи отдали солнцу, и сжег колесницы солнца огнем". И разрушив храмы, которые, как говорят, были построены Соломоном для Хамоша, Милкома и Ашторет, он оставил исключительное и торжествующее поклонение Яхве единственной признанной религией Израиля.

Все, однако, было бесполезно. Религиозный фанатизм не смог спасти маленькое княжество от агрессивного оружия его могущественных соседей. В течение двадцати или тридцати лет после реформации Иосии вавилоняне перестали играть со своими мелкими данниками и трижды захватывали и разграбляли Иерусалим. Храм Яхве был сожжен, главные украшения сняты, а само пустынное место лежало пустым и безлюдным. Основные жители были переселены в Вавилонию, и Иудейское царство на время прекратило какое-либо независимое существование.

Но что в этой катастрофе стало с самим Яхве? Как поживал или упал Священный Камень в ковчеге, Скале Израиля, в этом всеобщем уничтожении всего его самого священного имущества? Как ни странно, еврейский летописец никогда не останавливается, чтобы рассказать нам об этом. В скорбном перечне злодеяний, совершенных вавилонянами в Иерусалиме, перечислен каждый горшок, лопата и сосуд, но "ковчег Божий" упоминается не

так часто, как однажды. Возможно, историк воздержался от рассказа об этом последнем позоре божества своей страны; возможно, чувство благоговения помешало ему описать это в хронике; возможно, он ничего не знал о том, что в конце концов было сделано с заветной и освященной временем каменной колонной его предков. Возможно также, что с его более поздними и более неземными представлениями о культе своего бога он перестал рассматривать сам ковчег как обитель Яхве и не знал, что его племенное божество было представлено в самом внутреннем святилище храма грубо отесанной колонной. Как бы то ни было, действительная судьба самого Яхве сейчас покрыта для нас непроницаемой мглой. Вероятно, захватчиков, которые забрали “сокровища дома Яхве и разрубили на куски все золотые сосуды, сделанные Соломоном, царем Израиля”, мало заботил бы грубый священный камень покоренного народа. Мы можем предположить, что они разбили Яхве на тысячу осколков и стерли его в порошок, как Иосия поступил с ваалимами и Ашерами, так что его последователи больше не могли узнавать сами его мощи и поклоняться им. Во всяком случае, с тех пор мы больше ничего не слышим ни о самом Яхве как материальном существе, ни о ковчеге, в котором он обитал. Только его дух выжил невидимым, чтобы охранять и защищать свой избранный народ.

И все же, как ни странно, это окончательное исчезновение самого Яхве, как видимого и осязаемого бога, со страницы истории, вместо того, чтобы послужить сигналом к полному падению его культа и его святости, стало самым превращением поклонения Яхве в духовную, монотеистическую и космополитическую религию. В тот самый момент, когда Яхве прекратил свое существование, религия Яхве начала достигать своего наивысшего и наиболее полного развития. Еще до пленения, как мы видели, пророки и их окружение начали формировать самое возвышенное и одухотворенное представление о величии Яхве, святости Яхве, неприступной природе Яхве, сверхчеловеческом величии и всемогуществе Яхве. Но теперь, когда сам материальный Яхве, который засорял и стеснял их представления, исчез навсегда, эта духовная концепция великого Невидимого Бога удивительно расширилась и углубилась. Запрещенные своей верой и недвусмысленным повелением самого Яхве создавать какие-либо изображения избранного ими божества, евреи в Вавилонии постепенно выработали для себя представление о Верховном Правителе, полностью свободном от материальных уз, которому можно поклоняться без изображения, представителя или символа; обитателе небес, невидимом для людей, слишком высоком и чистом, чтобы на него могли смотреть человеческие глаза. Конический камень в ковчеге почти сразу уступил место бестелесному, непостижимому и всемогущему Существо.

Именно во время плена чистый монотеизм также впервые стал верой Израиля. Убежденные в том, что дезертирство Яхве было причиной всех их предыдущих несчастий, евреи во время своего изгнания еще глубже, чем когда-либо, привязались к божеству, олицетворявшему их национальное единство и их национальное существование. Они вернулись в прошлое, в Иудею, после ухода из жизни двух поколений, с твердым убеждением, что все их счастье зависит от восстановления в идеальной чистоте культа, который никогда не был культом их отцов. Новая форма поклонения Яхве стала страстью среди тех, кто безутешно сидел у вод Вавилона. Мало кто из зелотов, вернувшихся наконец в Иерусалим, если вообще кто-либо из них когда-либо сам знал каменного бога, который лежал в ковчеге: это был эфирный Яхве, который правил на небесах среди звездного воинства, которому они в чужой стране возносили надежды на восстановление Израиля. В храме, который они построили на священном месте для нового вымысла своего воображения, Яхве больше не присутствовал лично: это был не столько его

“дом”, подобный старому, разрушенному вавилонскими захватчиками, сколько место, где приносились жертвы и поклонялись великому богу на небесах. Новая религия была чисто духовной; Яхве восторжествовал, но только утратив свои отличительные личностные характеристики и выйдя из кризиса, так сказать, в пустой форме или общей концепции чистого божества в целом.

Именно это придает монотеизму его особую силу и позволяет ему с такой легкостью прокладывать себе путь повсюду. Ибо монотеизм - это религия, сведенная к своему единственному центральному элементу; он не содержит ничего, кроме того, во что уже имплицитно верит каждый почитатель всех богов, при этом всякая ненужная сложность или индивидуальность сглажена и упрощена. Его простота рекомендует его всем разумным умам; его единообразие делает его самой простой и экономичной формой пантеона, которую человек может создать для себя.

Вскоре под влиянием этих новых идей все летописи Израиля были отредактированы и записаны в иеговистской форме; Пятикнижие и более старые исторические книги приняли тот вид, в котором мы их сейчас знаем. С момента возвращения из плена монотеистическая концепция также продолжала постоянно расширяться. Поначалу, без сомнения, даже у евреев VI века на Яхве обычно смотрели просто как на этнического бога Израиля. Но со временем более тонкая и широкая концепция некоторых ранних поэтических пророков начала получать всеобщее признание, и Яхве действительно считался единственным истинным Богом всего мира — отчасти таким Богом, которого признают сегодня ислам и христианство. И все же, несмотря на это, он все еще был самым тесным образом связан с еврейским народом, через которого только язычники, как ожидалось, в свое время познают его величие. Пять столетий спустя греко-еврейскому киликийцу предстояло воплотить в жизнь окончательный идеал чистого космополитического монотеизма и провозгласить за границей единство Бога для всех народов, а Католическая церковь стала его земным свидетелем перед глазами всего человечества. Павлу из Тарса мы обязаны прежде всего этой великой и в целом космополитизирующей концепцией.

ГЛАВА XI. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ БОГИ.

ТЕПЕРЬ МЫ в определенном смысле выполнили наше намерение проследить эволюцию богов и самого Бога. Мы показали, как возник политеизм и как от него определенная группа людей, ранние израильтяне, медленно, через естественные стадии, поднялись к монотеистической концепции. Таким образом, может показаться, что задача, которую мы поставили перед собой,

теперь полностью выполнена. Тем не менее, перед нами все еще стоит много непонятных и трудных вопросов. Наша проблема пока еще не решена наполовину. Я думаю, мы все еще должны спросить, как это чисто местное и национальное еврейское божество продвинулось к завоеванию цивилизованного мира? Как из темного уголка Нижней Сирии бог небольшого племени презиравших варваров-данников медленно уступал место великим божествам-завоевателям Вавилона и Сузов, Эллады и Италии? И опять же, нам следует еще раз спросить, почему большинство современных наций, номинально принявших монотеизм, все же представляют своего бога каким-то мистически непостижимым образом состоящим из Трех Лиц: Отца, Сына и Святого Духа? Короче говоря, я не удовлетворен прослеживанием идеи бога от примитивной мумии или вторичного призрака до единого верховного Бога древних евреев; я также желаю следовать этой развитой концепции, пока она, наконец, не сольется в триедином Боге современного христианского мира. Ибо, естественно, именно бог, в которого люди верят здесь и сейчас, больше всего заботит и интересует нас.

Я могу также добавить, что, попутно, к этому дополнительному исследованию мы наткнемся на несколько дополнительных черт в идее божества и на несколько важных источников более ранней божественности, рассмотрение которых нам пришлось отложить до более удобного времени. Мы обнаружим, что процесс прослеживания христианства до его скрытых истоков открывает нам многие аспекты примитивной религии, которыми мы были вынуждены пренебречь в нашем первом поспешном обобщении.

Читатель должен помнить, что, имея дело с таким сложным предметом, как человеческие верования и культы, невозможно свести все факты сразу в один конспект. Мы не можем охватить за один раз всю массу свидетельств. Пока мы следуем за одной уликой, мы должны пренебречь другой. Только исследуя каждый основной набор компонентов с аналитической отчетливостью, мы можем постепенно перейти к полной синтетической реконструкции всей обширной ткани. Поэтому в дальнейшем мы должны исправить и дополнить многое из того, что могло показаться расплывчатым, неточным или недостаточным в нашем предварительном обзоре.

Христианская религия, с которой нам предстоит иметь дело далее, в основе своей основывается на личности человека по имени Иисус, обычно называемого Христом, то есть "помазанником". Об этой самой священной и обожествленной личности утверждается современным христианством и утверждалось ортодоксальными христианами с самого раннего периода, что первоначально он не был простым человеком, впоследствии вознесенным в божество, но что он был рожден от первого сына Божьего, то есть от еврейского Яхве; что он существовал ранее всех времен; что он был чудесным образом зачат от матери-девственницы; что он был распят и погребен; что на третий день он воскрес из мертвых; и что теперь он живая и отдельная личность в божественном и мистически объединенном мире. Троица. В последующих главах я намереваюсь показать, насколько все эти концепции были уже знакомы во всем мире, в котором распространялось христианство, и в какой степени новая религия была обязана своим быстрым успехом тому факту, что она была всего лишь *резюме* или идеализированным воплощением всех основных концепций, уже общих для основных культов средиземноморской цивилизации. В тот момент, когда империя космополитизировала мир, христианство начало космополитизировать религию, вбирая в себя все центральное, общее и универсальное в богослужении народов, среди которых оно возникло.

Мы начнем с вопроса о воплощении, который лежит в самом корне христианской концепции.

Я уже говорил, что в Древнем Египте и в других местах “Бог был Мертвым Царем, Царь был Живым Богом”. Это правда, буквально и абсолютно. Поскольку древние короли были богами, нынешние короли, их потомки, естественно, также являются богами по происхождению; их кровь божественна; они отличаются как по характеру, так и по положению от простых смертных. Пока они живы, они боги на земле; когда они умирают, они переходят к сообществу богов, своих предков, и разделяют с ними счастливое и царственное бессмертие. Мы видели, что эта неотъемлемая божественность фараона является основным элементом религиозной веры египетских строителей пирамид. И хотя в более поздние времена, когда в Египте господствовала греческая династия, не принадлежащая к древней божественной крови, эта вера в божественность царя ослабла, все же до последнего Птолемеи и Клеопатры носили титул бога или богини и носили в своих руках священный *mau* или *crux ansata*, символ и знак сущностной божественности.

Сделанный в Египте вывод о том, что дети богов сами должны быть божественными, был сделан и в большинстве других стран, особенно в тех, где подобные великие деспотии утвердились на ранней ступени культуры. Таким образом, в Перу инки были богами. Они были детьми Солнца; и когда они умерли, говорили, что их отец, Солнце, послал за ними. Мексиканские короли также были богами, полностью контролировавшими течение природы; при восшествии на престол они поклялись, что заставят солнце светить, прольются дожди, потекут реки и земля принесет свои плоды в должное время. Как они могли обещать все это, поначалу кажется нам немного трудным для понимания; но это станет более понятным на более поздней стадии нашего исследования, когда мы перейдем к рассмотрению богов земледелия: даже сейчас, если мы вспомним, что короли - дети Солнца и что священные деревья, священные рощи и священные колодцы тесно связаны с гробницами их предков, мы можем догадаться о начале такой ментальной связи. Таким образом, китайский император является Сыном Неба; он несет ответственность перед своим народом за возникновение засухи или других серьезных нарушений природы. Парфянские цари из дома Аршакидов, говорит мистер Фрейзер, которому я в значительной степени обязан большинством последующих фактов, называли себя братьями солнца и луны, и им поклонялись как божествам. Мистер Фрейзер приводит бесчисленные другие случаи, которые были первыми, кто указал на всю важность этой широко распространенной веры в богов-людей. Я буду в основном следовать за ним в последующем обсуждении этого кардинального вопроса, хотя я часто буду давать фактам интерпретацию, несколько отличную от той, которую он счел бы правильной. Ибо для меня божество всегда проистекает из первобытного Мертвеца, в то время как для мистера Фрейзера оно имеет духовное или анимистическое происхождение.

Помимо этих человеческих богов, которые являются богами по происхождению от обожествленных предков, существует другой класс богов, которые являются богами по вдохновению или пребыванию в божественном духе, то есть от какого-либо призрака или бога, который временно или постоянно вселяется в тело живого человека. Зародышевую идею такого божественного обладания мы можем увидеть в фактах эпилепсии, каталепсии, сновидений и безумия. Во всех подобных случаях ненормального нервного расстройства первобытному человеку кажется, как это все еще казалось евреям эпохи Евангелий, что в страдальца вселяется или им овладевает какой-то дух, который телесно вселяется в него. Дух может повергнуть человека на землю или может говорить его устами на странных, неизвестных языках;

он может возвысить его настолько, что он сможет совершать странные подвиги удивительной силы, или может унижить его до положения пресмыкающегося ничтожества. Посредством поста и религиозного аскетизма мужчины и женщины могут даже искусственно достичь этого состояния, когда бог говорит через них, как он говорил устами Пифии в Дельфах. А пост всегда был одним из религиозных упражнений богоборцев, священников, монахов, отшельников и аскетов в целом. Там, где расы научились изготавливать опьяняющие напитки или выделять наркотические соки из растений, они также повсеместно приписывают действие таких растений личному действию вдохновляющего духа — идея, столь стойкая даже в цивилизованные века, что мы обычно называем алкогольные напитки крепкими напитками. Оба эти способа достижения присутствия внутреннего бога обычно практикуются среди дикарей и полудицизованных людей.

Когда мы вспомним, как мы уже видели, что духи предков могут время от времени нисходить в черепа, которые когда-то принадлежали им, или в глиняные или деревянные изображения, которые их представляют, и там давать предсказания, мы не удивимся, обнаружив, что таким образом они могут время от времени входить в человеческое тело и говорить его устами, о добре или зле. Действительно, в этой книге я лишь немного останавливался на этой способности к перемещению и вездесущности духов, потому что я хотел сосредоточить внимание главным образом на том первичном аспекте религии, который непосредственно связан с богослужением; но читатели, знакомые с такими работами, как работы доктора Тайлора и мистера Фрейзера, будут хорошо осведомлены об общей способности духов легко проецировать себя в любую часть природы. Способность обладания или предсказания - лишь один конкретный пример этого хорошо известного свойства. Мистерии и оракулы всех вероучений полны таких явлений.

Опять же, некоторые люди рождаются из утробы матери как воплощения бога или духа предков. “Воплощенные боги, - говорит мистер Фрейзер, “обычны в грубом обществе. Воплощение может быть временным или постоянным.... Когда божественный дух вселяется в человеческое тело, обычно ожидается, что богочеловек подтвердит свой характер, творя чудеса”. М-р Фрейзер приводит несколько превосходных примеров обоих этих классов. Я привожу некоторые из них почти дословно.

В некоторых людей время от времени вселяется дух или божество; пока одержимость длится, их собственная личность пребывает в бездействии, и присутствие духа проявляется конвульсивной дрожью тела. В этом ненормальном состоянии высказывания человека принимаются как голос бога или духа, обитающего в нем и говорящего через него. В Мангаии, например, жрецов, в которых поселялись боги, называли божьими ложами, или богами. Прежде чем произнести оракулы, они выпивали опьяняющий напиток, и слова, которые они произносили в своем исступлении, тогда считались божественными. В других случаях вдохновленный человек вызывает желаемое состояние опьянения, выпивая свежую кровь жертвы, человека или животного, которое, как мы увидим ниже, вероятно, само по себе является аватаром вдохновляющего бога. В храме Аполлона Диридиотского в Аргосе раз в месяц ночью приносили в жертву ягненка; женщина, которая должна была соблюдать правило целомудрия, пробовала его кровь, а затем давала предсказания. В Эгире в Ахее жрица Земли выпила свежую кровь быка, прежде чем спуститься в свою пещеру, чтобы пророчествовать. (Заметим попутно, что пещеры, места древних захоронений, также являются обычными местами для пророческого вдохновения.) В Южной Индии так называемый дьявольский танцор пьет

кровь козла, а затем его охватывает божественное возбуждение. Ему поклоняются как божеству, и прохожие задают ему вопросы, для ответа на которые требуются сверхчеловеческие знания. Мистер Фрейзер расширяет этот список оракульских практик многими другими поразительными примерами, за которыми я бы отсылал читателя к оригиналу книги.

Из постоянно живущих человеческих богов, вдохновленных постоянным пребыванием божества, м-р Фрейзер также приводит несколько подходящих примеров. На Маркизских островах существовал класс людей, которых обожествляли при жизни. Предполагалось, что они обладают сверхъестественной властью над стихиями. Они могли давать или не давать дождь и хороший урожай. Им приносились человеческие жертвы, чтобы унять их гнев. “Миссионер описал одного из этих человеческих богов по личному наблюдению. Бог был очень старым человеком, который жил в большом доме внутри ограды”. (Храм в его *теменосе*.) “В доме было что-то вроде алтаря, а на балках дома и на деревьях вокруг него были развешаны человеческие скелеты головой вниз. Никто не входил в ограду, кроме лиц, посвятивших себя служению богу; только в дни, когда приносились человеческие жертвы, обычные люди могли проникать на территорию ограды. Этому человеческому богу приносили больше жертв, чем всем другим богам; часто он сидел на чем-то вроде эшафота перед своим домом и призывал к двум или трем человеческим жертвам одновременно. Их всегда приносили, потому что ужас, который он внушал, был чрезвычайным. Его призывали по всему острову, и со всех сторон ему присылали подношения”. Действительно, на островах Южного моря на каждом острове обычно был человек, воплощавший его божество. Таких людей называли богами, и они считались божественной сущностью. Человекобог иногда был царем; чаще он был священником или подчиненным вождем. Боги Самоа иногда постоянно воплощались в людях, которые давали предсказания, получали подношения (иногда из человеческого мяса), исцеляли больных, отвечали на молитвы и вообще выполняли все божественные функции. О фиджийцах сказано: “По-видимому, не существует определенной демаркационной линии ни между умершими духами и богами, ни между богами и живущими людьми, поскольку многие жрецы и старые вожди считаются священными личностями, и немало из них также претендуют на право божественности. ‘Я бог’, - сказал бы Туйкилакила; и он тоже в это верил”. Говорят, в Ориссе есть секта, поклоняющаяся английской королеве как своему главному божеству; а другая секта в Пенджабе при жизни поклонялась великому генералу Николсону.

Иногда, я полагаю, цари божественны по рождению, как потомки богов; но иногда божественность даруется им вместе с царствованием, как это действительно имело место даже в типичном случае Египта. Танатоа, царь Раиатеи, был обожествлен в ходе определенной церемонии, совершаемой в главном храме. Он стал богом раньше богов своих предков, как кельтские вожди получали титул вождя, стоя на священном камне своих отцов. Таким образом, королю поклонялись как одному из божеств его подданных, к нему обращались как к оракулу и чтили жертвоприношениями. Король Таити при своей инаугурации получил священный пояс из красных и желтых перьев, который не только вознес его на высочайшее земное положение, но и отождествил его с небесными богами. Сравните способ, которым боги Египта делают царя одним из себя, как это изображено на барельефах, с представлением божественного *mau*. На островах Пелев бог может воплотиться в обычном человеке; после этого этот счастливчик возводится в ранг суверена и правит сообществом как бог и король. Не так уж непохож и способ избрания Великого ламы. На более поздних стадиях король перестает быть настоящим богом, но сохраняет помазание, освящение на святом камне и притязания на “божественное право”; он также демонстрирует некоторые последние следы божественности в своей божественной

силе исцелять болезни, которая в конце концов исчезает в практике "прикасаения ко злу короля". По всем этим вопросам, опять же, великая работа мистера Фрейзера представляет собой идеальный тезаурус подходящих примеров. Я воздержусь от цитирования всех его двух томов.

Но сохранились ли идеи такого рода в средиземноморском мире первого и второго веков, где зародилось христианство? Несомненно, сохранились. В Египте божественная линия Птолемеев только что вымерла. В самом Риме божественный Цезарь недавно подвергся официальному апофеозу; божественный Август правил империей как приемный сын новоиспеченного бога; а в провинциальных городах воздвигались алтари божественному духу царствовавших Траяна или Адриана. Действительно, обе формы божественности косвенно приписывались богу Юлию; он был божественным путем апофеоза, но он также был потомком богини Венеры. Таким образом, к центральному персонажу христианской веры предъявлялись двойные претензии: он был сыном Божиим, то есть Яхве; но он также имел царственное еврейское происхождение, потомок Давида, и в генеалогиях, сфабрикованных для него в Евангелиях, этому мнимому царскому происхождению придается чрезвычайное значение. Более того, насколько легко люди средиземноморской цивилизации могли тогда отождествлять живых людей с богами, мы видим в знакомом эпизоде с Павлом и Варнавой в Листре. Короче говоря, Инкарнация была совершенно обычной чертой религии и повседневной жизни в тогдашнем понимании. И, в частности, для восточных идей эта концепция, безусловно, не была новинкой. "Даже малолетнего царя, - гласят законы Ману, которые лежат в основе столь многих восточных представлений, - нельзя презирать из-за идеи, что он простой смертный, ибо он - великое божество в человеческом облике".

Однако большинству современных мыслителей на первый взгляд показалось бы серьезной трудностью на пути признания божественности обычного человека то, что он должен был погибнуть насильственной смертью от рук своих врагов. И все же этот факт, вместо того чтобы стоять на пути принятия божественности Христа, на самом деле является почти гарантией и доказательством этого. Ибо, как бы странно это ни звучало для нас, человеческие боги часто или почти обычно предавались смерти своими приверженцами. Секрет этого любопытного ритуала и стойкого обычая был гениально расшифрован для нас мистером Фрейзером, чья книга почти полностью посвящена этим двум основным вопросам: *"Почему люди убивают своих богов?"* и *"Почему они едят и пьют свою плоть и кровь в виде хлеба и вина?"* Здесь мы должны кратко изложить некоторые из тех же соображений с дополнительными выводами; и мы также должны привести любопытные факты мистера Фрейзера в соответствие с нашими общими принципами происхождения бога.

Между тем, возможно, было бы неплохо добавить сюда два похожих примера почти современных апофеозов. Диктатор Юлий был убит бандой реакционных заговорщиков, но все же был немедленно возведен в божественные почести. Немного позже Антиной, любимец императора Адриана, обрек себя на смерть, чтобы отвратить несчастье от своего господина; он сразу же был удостоен храмов и богослужений. Вера в то, что "один человек должен умереть за народ" и что человек, который таким образом умирает, является богом в человеческом обличье, является, как мы увидим, общим компонентом многих религий, и особенно религий восточного Средиземноморья. Действительно, чуть позже за каждым христианским мученичеством как само собой разумеющееся следует канонизация, то есть малый апофеоз. Мистер Фрейзер самым виртуозным образом проследил генезис этой группы родственных верований в убийстве

человека-бога. Они проистекают из большого количества сходящихся идей, некоторые из которых могут быть раскрыты полностью только в последующих главах, когда мы перейдем к другим разделам нашей темы.

Во всех частях света одной из самых распространенных прерогатив и функций бога-человека является забота о погоде. Как представитель небес, его дело следить за тем, чтобы дождь выпадал в нужном количестве и чтобы земля приумножала свои запасы в должное время года. Но, каким бы богом он ни был, его необходимо принудить, если он не отнесется к этому делу должным образом. Так, в Западной Африке, когда молитвы и подношения, подносимые королю, не приносят дождя, его подданные связывают его веревками и относят на могилу его обожествленных предков, чтобы он мог добиться от них необходимой перемены погоды. Здесь мы видим в наиболее полной форме природу отношений между мертвыми богами и живыми. Сын является естественным посредником между людьми и Отцом. У мадагаскарских антаймутов король ответственен за неурожай и все другие несчастья. Древние скифы, когда не хватало еды, заковывали своих королей в кандалы. Банджары в Западной Африке приписывают своему царю способность вызывать дождь или хорошую погоду. Пока климат удовлетворительный, они заваливают его подарками в виде зерна и скота. Но если длительная засуха или дождь наносят серьезный вред, они оскорбляют и бьют его до тех пор, пока погода не изменится. Бургунды свергли своего короля, если он не смог обеспечить рост их урожая к их удовлетворению.

Более того, некоторые племена даже убивали своих королей во времена дефицита. Во времена шведского короля Домальде разразился сильный голод, который длился несколько лет и не мог быть остановлен человеческими или животными жертвоприношениями. Итак, на большом народном собрании, состоявшемся в Упсале, вожди решили, что сам король Домальде был причиной дефицита и должен быть принесен в жертву ради хорошего сезона. Затем они убили его и обагрили его кровью алтари богов. Здесь мы должны вспомнить, что божественный царь сам является богом, потомком богов, и он приносится в жертву оскорбленным духам своих собственных предков. Позже мы увидим, как часто происходят подобные эпизоды — как бог приносится в жертву самому себе; как Сын приносится в жертву Отцу, поскольку оба являются богами; и как Отец приносит в жертву своего Сына, чтобы сделать из него бога. Возьмем другой скандинавский пример из коллекции мистера Фрейзера: в правление короля Олафа наступил большой дефицит, и люди думали, что в этом виноват король, потому что он был скуп на жертвы. Поэтому они собрали армию и выступили против него; затем они окружили его дворец и сожгли его вместе с ним внутри, “отдав его Одину в жертву за хороший урожай”. Здесь следует отметить многие моменты. Сам Олаф был божественного происхождения, потомком Одина. Его сжигают как приношение своему отцу, подобно тому, как карфагеняне сжигали своих сыновей или царь Моава своего первенца в жертву Мелькарту и Чемошу. Царственная и божественная личность здесь приносится в жертву своим собственным отцам, точно так же, как на кресте основателя христианского мира была надпись “Иисус из Назарета, царь Иудейский”, и точно так же, как в христианском богословии Бог приносит своего Сына в жертву своему собственному оскорбленному правосудию.

Другие примеры в других местах указывают на те же аналогии. В 1814 году среди северных оленей чукчей (сибирское племя) разразился мор; и шаманы объявили, что любимый вождь Коч должен быть принесен в жертву разгневанным богам (вероятно, его предкам); поэтому собственный сын вождя заколол его кинжалом. На коралловом острове Ниуэ в Южной части

Тихого океана когда-то правил род королей; но они также были “верховными жрецами” (то есть божественными представителями божественных предков); и предполагалось, что они должны были выращивать урожай по причине, которая будет раскрыта более полно в дальнейшем. Во времена дефицита люди “злились на них и убивали”, или, что более вероятно, как я бы интерпретировал факты, приносили их в жертву ради урожая своим собственным обожествленным предкам. Так что со временем королей не осталось, и монархия на острове полностью прекратилась.

Поскольку божественные цари, таким образом, ответственны за дождь и ветер, а также за рост сельскохозяйственных культур, тесную зависимость которых от них мы подробнее рассмотрим ниже, ясно, что они являются личностями величайшей важности и ценности для общества. Более того, в представлениях древних людей их дух почти сливался с духом внешней природы, над которой они проявляли такую экстраординарную власть. Кажется, что между королем и внешним миром существует тонкая симпатия. Священные деревья, олицетворяющие его предков; посевы, которые, как мы увидим ниже, в равной степени олицетворяют их; дождевые облака, в которых они обитают; небеса, на которых они обитают; — все это, так сказать, части божественного тела и, следовательно, косвенно часть тела бога-короля, который является всего лишь аватарой своих обожествленных отцов. Следовательно, все, что влияет на короля, влияет на небо, урожай, дождь, людей. Есть даже основания полагать, что богочеловек, представитель духа предков и племенного бога, следовательно, является представителем и воплощением самого племени — души нации.

Государство - это мое - это не просто личное хвастовство Луи Куаторце; это запоздалое возрождение старой и когда-то очень могущественной веры, которую в давние времена разделяли короли и народы. Все, что вредит королю, вредит народу и, следовательно, вредит внешней природе. Все, что оберегает короля от опасности, оберегает и спасает мир и нацию.

Мистер Фрейзер показал много странных результатов этих ранних верований, которые он, однако, относит к предполагаемому первобытному анимизму, а не (как это сделал я) к влиянию теории привидений. Однако какую бы интерпретацию мы ни приняли, его факты, по крайней мере, одинаково ценны. Он обращает внимание на ряд царственных табу, которые все предназначены для того, чтобы помешать богочеловеку подвергать опасности свою божественную жизнь или делать что-либо, что могло бы нанести вред природе и благополучию его народа. Человеко-бог охраняется строжайшими правилами и окружен мерами предосторожности высочайшей сложности. Он не может ступить своей священной ногой на землю, потому что он сын неба; он не может есть или пить своими священными устами определенную опасную, нечистую или нечестивую пищу; ему нельзя стричь свои священные волосы или свои священные ногти; он должен сохранять нетронутым свое божественное тело и каждую его часть — воплощение сообщества, — чтобы из-за его неосторожности или безрассудства не произошло зла.

Микадо, например, считался и до сих пор считается воплощением солнца, божества, которое правит всей вселенной, включая богов и людей. Поэтому необходимо проявлять величайшую осторожность как со *стороны* него, так и о нем. Вся его жизнь, вплоть до мельчайших деталей, должна быть так регламентирована, чтобы ни одно его действие не могло нарушить установленный природой порядок. Чтобы он не коснулся земли, его повсюду носили на плечах. Он не мог выставять свою священную персону на открытый воздух и есть только из

совершенно новой посуды. Во всех отношениях его святость и здоровье ревностно охранялись, и к нему относились как к человеку, безопасность которого важна для всего хода природы.

Мистер Фрейзер приводит несколько подобных примеров, из которых наиболее ярким является пример верховного понтифика сапотеков, древнего народа Южной Мексики. Этот духовный господин, истинный папа или лама, правил Йопаа, одним из главных городов королевства, с абсолютной властью. На него смотрели как на бога, “которого земля была недостойна обнимать, а солнце - освещать”. Он осквернял свою святость, если касался общей земли своей святой ногой. Офицеры, которые несли его паланкин на своих плечах, были выбраны из членов самых знатных семей; он едва ли удостоивал взглядом что-либо вокруг себя; те, кто встречал его, смиренно падали ниц на землю, опасаясь, что смерть настигнет их, если они хотя бы увидят его божественную тень. (Сравните явление Яхве Моисею.) Обычно на него налагалось правило воздержания, но в определенные дни в году, которые были главными праздниками, для него было обычным напиваться церемониально и сакраментально. Мы можем быть уверены, что в такие дни высшие боги особым образом входили в него с опьяняющим пульке, а духи предков укрепляли его божественность. Находясь в этом возвышенном состоянии (“исполненный бога”, как сказал бы грек или римлянин), божественного понтифика посетила одна из прекраснейших дев, посвященных служению богам. Если ребенок, которого она ему родила, был сыном, то в свое время он унаследовал трон сапотеков. Здесь мы снова сталкиваемся с поучительной смесью различных идей, из которых строится такое божественное царствование.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что люди, которые таким образом охраняют своего божественного царя, воплощение природы, должны также по привычке и церемониально убивать его. Тем не менее, очевидный парадокс, с точки зрения раннего поклонника, является естественным и разумным. Мы читаем о неграх Конго, что у них есть верховный понтифик, которого они считают богом на земле и всемогущим на небесах. Но “если бы он умер естественной смертью, они думали, что мир погиб бы, и земля, которую он один поддерживал своей силой и заслугами, была бы немедленно уничтожена”. Эта идея бога как творца и опоры всего сущего, без которого ничего бы не было, конечно, является знакомым составляющим элементом самой передовой теологии. Но многие народы, поклоняющиеся человеческим богам, самым строгим образом доводят эту идею до ее логического завершения. Поскольку бог - это человек, было бы, очевидно, совершенно неправильно позволять ему стареть и слабеть; поскольку таким образом весь ход природы мог бы быть надолго ослаблен; дожди бы только капали; урожай поредел бы; реки иссякли; и раса, которой он правил, превратилась бы в ничто. Следовательно, старость никогда не должна одолевать священного человека-бога; он должен быть убит в расцвете своих сил и здоровья (скажем, примерно на тридцатом году жизни), чтобы пребывающий в нем дух, еще молодой и свежий, мог переселиться неповрежденным в тело какого-нибудь более нового и способного представителя. Мистер Фрейзер был первым, я полагаю, кто указал на этот любопытный результат примитивного человеческого мышления и проиллюстрировал его многочисленными и убедительными примерами.

Я не могу полностью изложить здесь замечательную аргументацию мистера Фрейзера с примерами, подтверждающими ее; но я должен, по крайней мере, изложить ее вкратце настолько, насколько этого будет достаточно для понимания нашего последующего изложения.

“Никакая забота и предосторожность, ” говорит он, - не помешает человеку-богу состариться и ослабеть и, в конце концов, умереть. Его почитатели должны смириться с этой печальной необходимостью и выполнять ее как можно лучше. Опасность огромна; ибо если течение природы зависит от жизни человека-бога, каких только катастроф нельзя ожидать от постепенного ослабления его сил и их окончательного угасания в смерти? Есть только один способ предотвратить эти опасности. Человеко-бог должен быть убит, как только у него появятся симптомы того, что его силы начинают ослабевать, и его душа должна быть передана энергичному преемнику, прежде чем она серьезно пострадает от угрожающего распада. Преимущества такого умерщвления человека-бога вместо того, чтобы позволить ему умереть от старости и болезней, для дикаря достаточно очевидны. Ибо, если человеко-бог умирает тем, что мы называем естественной смертью, это означает, согласно дикарю, что его душа либо добровольно покинула тело и отказывается возвращаться, либо, что более часто, она была извлечена или, по крайней мере, задержана в своих странствиях демоном или колдуном. В любом из этих случаев душа человека-бога теряется для его почитателей, а вместе с этим исчезает и их процветание, и само их существование оказывается под угрозой. Даже если бы они могли поймать душу умирающего бога, когда она покидала его губы или ноздри, и таким образом передать ее преемнику, это не достигло бы их цели; ибо, умирая таким образом от болезни, его душа обязательно покинула бы его тело на последней стадии слабости и истощения, и как таковая продолжала бы влачить жалкое существование в теле, в которое она могла бы быть перенесена. Принимая во внимание, что, убив его, его последователи могли, во-первых, быть уверены в том, что поймают его душу, когда она сбежит, и передадут ее подходящему преемнику; и, во-вторых, убив его до того, как его природная сила иссякнет, они обеспечили бы, чтобы мир не пришел в упадок вместе с упадком человека-бога. Таким образом, каждая цель была достигнута, и все опасности предотвращены, убив таким образом человека-бога и передав его душу, пока она еще в расцвете сил, энергичному преемнику”.

По этой причине, когда понтифик Конго состарился и, казалось, вот-вот умрет, человек, которому было суждено стать его преемником на понтификате, вошел в его дом с веревкой или дубинкой и задушил или повалил его на землю. Эфиопским царям Мероэ поклонялись как богам; но когда жрецы считали нужным, они посылали гонца к царю, приказывая ему умереть и ссылаясь на оракула богов (или более ранних царей) в качестве причины своего приказа. Этому повелению цари всегда подчинялись вплоть до правления Эргамена, современника Птолемея II. Египта. Итак, когда король Уньеро в Центральной Африке заболевает или начинает проявлять признаки приближающегося возраста, одна из его собственных жен по обычаю вынуждена убить его. Короли Софалы считались их народом богами, которые могли даровать дождь или солнечный свет; но малейший телесный недостаток, такой как потеря зуба, считался достаточной причиной для казни одного из этих могущественных богов-людей; он должен быть целым и невредимым, иначе вся природа заплатит за это. Мистер Фрейзер перечисляет многих королей, человеческих богов, божественных жрецов или султанов, каждый из которых должен быть одинаково совершенен во всех частях тела. Такого же совершенного мужества все еще требуют от папы-христианина, который, однако, не предается смерти в случае преклонного возраста или немощи. Но есть основания полагать, что Великого ламу, божественного папу тибетских буддистов, время от времени убивают, чтобы сохранить его “вечно свежим и вечно молодым” и позволить присущему ему божеству уйти полнокровным в другое воплощение.

Во всех этих случаях божественный царь или жрец получает от своего народа разрешение сохранять должность или, скорее, обитать в божестве до тех пор, пока каким-либо внешним

дефектом или каким-либо видимым признаком возраста или болезни он не покажет им, что он больше не способен должным образом выполнять свои божественные функции. До появления таких симптомов его не предают смерти. Однако некоторые народы, как показывает м-р Фрейзер, не считали безопасным ждать даже малейшего признака упадка, прежде чем убивать бога или царя-человека; они уничтожили его во всей полноте его жизни и силы. В таких случаях народ устанавливает срок, после которого король не может править и по истечении которого он должен умереть, причем срок этот должен быть достаточно коротким, чтобы предотвратить вероятность вырождения. Например, в некоторых частях Южной Индии этот срок был установлен в двенадцать лет; по истечении этого срока царь должен был на виду разрезать себя на куски перед великим местным идолом, человеческим эквивалентом которого он, по всей вероятности, был. “Тот, кто желает царствовать еще двенадцать лет, - говорит один из ранних наблюдателей, - и принять это мученичество ради идола, должен присутствовать, наблюдая за этим; и с этого места они возвысят его как царя”.

Королю Каликута, расположенного на Малабарском побережье, также пришлось публично перерезать себе горло после двенадцатилетнего правления. Но к концу семнадцатого века правление было настолько смягчено, что королю было позволено сохранить трон и, вероятно, божественную власть, если он мог защитить себя от всех желающих. До тех пор, пока он был достаточно силен, чтобы охранять свое положение, считалось, что он был достаточно силен, чтобы сохранять божественную силу невредимой. Король Леса в Арисии сохранял свое священство и призрачное царствование на том же условии; пока он мог противостоять всем встречным, он мог оставаться священником; но любой беглый раб имел право напасть на короля; и если он мог убить его, он становился Королем Леса, пока кто-нибудь другой, в свою очередь, не убьет его. Этот любопытный пример был подробно и со знанием дела обсужден мистером Фрейзером и составляет центральную тему его замечательного трактата.

Однако еще чаще божественное жречество, царствование или божественность сохранялись только в течение одного года по причине, которую мы более полно поймем после того, как рассмотрим ежегодных богов земледелия. Наиболее интересным примером, наиболее близким к нашему нынешнему исследованию, является вавилонский обычай, упомянутый Беросом. В течение пяти дней праздника, называемого Сакея, приговоренного к смертной казни заключенного одевали в царские одежды, усаживали на царский трон, разрешали есть, пить и заказывать все, что он пожелает, и даже разрешали спать с царскими наложницами. Но по прошествии пяти дней он был лишен своих королевских знаков отличия, подвергнут бичеванию и распятию. Вряд ли мне нужно указывать на решающее значение этого исключительного случая, произошедшего в стране, входящей в семитский круг. М-р Фрейзер справедливо заключает, что осужденный должен был умереть вместо короля; фактически он сам был заместителем короля; и поэтому на данный момент был наделен полнейшими прерогативами королевской семьи. Несомненно, здесь мы имеем дело с модификацией более древнего и сурового правила, которое обязывало ежегодно убивать самого короля. “Когда приблизилось время казни короля,” говорит мистер Фрейзер, “он отрекся от престола на несколько дней, в течение которых правил временный король и страдал вместо него. Сначала временным королем мог быть невинный человек, возможно, член собственной королевской семьи; но с ростом цивилизации принесение в жертву невинного человека вызвало бы возмущение общественного мнения, и, соответственно, осужденный преступник был бы облечен кратковременной и фатальной властью.... Мы найдем и другие примеры того, как преступник представляет умирающего бога. Ибо мы не должны забывать, что царь был убит в своем качестве бога, его

смерть и воскресение, как единственное средство увековечения божественной жизни в неприкосновенности, считаются необходимыми для спасения его народа и мира”. Мне нет необходимости указывать на важность таких идей как помогающих в формировании основы для доктрин христианства.

Другие свидетельства на этот счет, более косвенного характера, были собраны м-ром Фрейзером; и еще больше их появится в последующих главах. Пока я только добавлю, что ежегодный характер некоторых таких жертвоприношений, по-видимому, вытекает из аналогии с ежегодно убиваемыми богами земледелия, происхождение и значение которых нам еще предстоит изучить. Эти боги, будучи тесно связаны с урожаем каждого года, особенно с посевами зерновых, бобовых и других однолетних злаков, естественно, предавались смерти в начале каждого сельскохозяйственного года и, как правило, примерно в период весеннего равноденствия, скажем, на Пасху. Исходя из этой аналогии, как я полагаю, многие расы сочли уместным, чтобы другая божественная личность, богочеловек-король, также подвергался смерти ежегодно, часто примерно в один и тот же период. И я даже рискну предположить возможность того, что институт ежегодных консулов, архонтов и т.д. Может иметь какое-то отношение к таким ежегодным жертвоприношениям. Несомненно, легенда о Кодре в Афинах и о Регифугиуме в Риме, по-видимому, указывают на древний обычай убийства царей.

Во всяком случае, теперь точно известно, что казнь общественного человека-бога была обычным явлением во многих религиях. И также ясно, что во многих случаях путешественники и другие наблюдатели совершали серьезные ошибки, не понимая внутренней природы таких богоубийственных практик. Например, теперь почти наверняка известно, что капитан Кук был убит жителями Таити *только потому, что он был богом*, возможно, для того, чтобы сохранить его дух среди них. Также ясно, что многие обряды, обычно интерпретируемые как человеческие жертвоприношения богу, на самом деле являются богоубийствами; часто кажется, что бог в одном из своих человеческих воплощений приносится в жертву самому себе, в своем более постоянном воплощении в виде идола или каменного изваяния. Эта идея принесения бога в жертву самому себе - одна из тех, с которыми мы будем часто встречаться в дальнейшем; и вряд ли мне нужно указывать, что как *“жертвоприношение мессы”* она даже закрепилась в центральном святилище христианской религии.

Христианство, по-видимому, зародилось среди группы нерегулярных северных израильтян, галилеян, отделенных от массы своих единоверцев, евреев, вмешательством еретического и сомнительно израильского клана, самаритян. Таким образом, первые верующие в Иисуса занимали промежуточное положение между евреями и сирийцами. Согласно их собственной традиции, впервые они были названы христианами в Антиохии; и, по многим признакам, они первыми привлекли к себе внимание в Сирии в целом, и в Дамаске в частности. Поэтому мы можем быть уверены, что их догматы с самого начала содержали многие элементы, более или менее отчетливо сирийские, и особенно такие элементы, как сформировавшиеся идеи, общие почти для всех окружающих народов. На самом деле. Христианство, как мы увидим ниже, можно исторически рассматривать как магму самых фундаментальных религиозных идей Средиземноморского бассейна, и особенно восточного Средиземноморья, привитых к еврейскому культу и еврейским священным писаниям и концентрирующихся вокруг личности человека-бога Иисуса. Поэтому интересно отметить, что в Сирии и северосемитском регионе основным культом был культ именно такого убитого человекобога, Адониса, — первоначально, как показывает м-р Фрейзер, ежегодно убиваемого человекобога, впоследствии предаваемого

смерти и оплакиваемого в виде изображения, в соответствии с манерой, о которой мы увидим немало примеров в дальнейшем, и о которой сама Месса является всего лишь эфирным пережитком. Точно так же во Фригии, где христианство рано произвело значительное впечатление, самым истоно почитаемым среди богов был Аттис, который, как предполагает профессор Рамзи, почти наверняка воплощался в древние времена в виде ежегодно убиваемого человека-бога, и культ которого всегда осуществлялся посредством божественного царя-жреца, носившего само имя Аттис. Хотя в более поздние времена священник фактически не приносил себя в жертву каждый год, все же в ежегодный праздник бога, в день весеннего равноденствия (соответствующий христианской Пасхе), он пускал кровь из собственных рук, без сомнения, заменяя более раннюю практику самоубоя. И я могу добавить в этой связи (чтобы еще раз предвидеть), что во всех подобных богоубийственных обрядах огромное значение всегда придавалось крови богочеловека; точно так же, как в христианстве *“кровь Христа”* остается до конца наиболее спасительной. И Адонис, и Аттис были зачаты как молодые люди в расцвете сил, подобно жертвам, выбранным для других богоубийственных обрядов.

В этой главе я лишь в очень кратком изложении затронул этот обширный и интересный вопрос о человеческих божествах. Мистер Фрейзер посвятил ему два больших и увлекательных тома. Его работа наполнена бесконечными фактами о самих таких богах-людях, способах их заместительной или искупительной резни от имени сообщества, более мягкой замене божественных королей осужденными преступниками в более цивилизованных странах, случайных смягчениях, при которых божественный король просто пускает себе кровь вместо того, чтобы покончить с собой, или когда вместо настоящей жертвы делается изображение и так далее до бесконечности. Все эти ценные предложения и идеи я не смог бы воспроизвести здесь, не переписав полностью многие страницы *“Золотой ветви”*, где мистер Фрейзер с удивительной эффективностью собрал все доказательства по этому вопросу. Поэтому я ограничусь тем, что просто отсылаю читателей к этой самой ученой, но в то же время интересной и забавной книге. Я только скажу в заключение, что больше всего нас здесь беспокоит обширное и убедительное доказательство м-ра Фрейзера о большой роли, которую играли такие убитые (и возрожденные) боги-люди в религии тех самых восточно-средиземноморских стран, где христианство впервые возникло как естественный продукт народного воображения. Смерть и воскресение бога, воплощенного в человеке, действительно составляют лейтмотив величайших и наиболее священных религий западной Азии и северо-восточной Африки.

ГЛАВА XII. СОЗДАНИЕ БОГОВ.

Обычно и первоначально, я полагаю, все боги возникают спонтанно. Они постепенно развиваются из мертвых и обожествленных предков или вождей. Домашние боги - это умершие члены семьи; высшие боги - это умершие главы государства, города или деревни. Но за этим более ранним и спонтанным появлением богов позже следует искусственный урожай, намеренно созданный. Важность этого более позднего искусственного класса настолько велика, особенно в связи с богами земледелия и с привычкой есть тело бога в виде зерна и пить его кровь в виде вина, что здесь нам становится необходимым рассмотреть их природу в должном порядке. Мы обнаружим, что некоторое знание о них необходимо для предварительного понимания христианской системы.

Мы видели, что в Западной Африке вера в потусторонний мир настолько обыденна и материальна, что вождь, желающий пообщаться со своим умершим отцом, убивает раба в качестве посланника, предварительно внушив ему характер послания, которое он должен будет передать. Если он что-нибудь забывает, говорит мистер Дафф Макдональд, он убивает второго и отправляет его "в качестве постскриптума". Кхонд желал отомстить врагу; поэтому он отрубил голову своей матери, которая радостно предложила такое домашнее соглашение, чтобы ее призрак мог преследовать и наводить ужас на обидчика. Подобная полнота веры в реальность и близость Потустороннего Мира заставляет служанок, жен и даже друзей умершего человека во многих странах добровольно покончить с собой на его похоронах, чтобы они могли сопровождать своего господина и наставника в нижние царства. Все эти примеры в совокупности показывают нам две вещи: во-первых, что другая жизнь очень реальна и близка людям, которые так себя ведут; и, во-вторых, что обычно не существует большого нежелания переходить из этой жизни в следующую, если этого требуют обстоятельства.

Исходя из таких идей, неудивительно, что многие расы должны были сознательно создавать себе богов, убивая человека, и особенно человека божественной или царственной крови, воплощение бога, чтобы его дух мог выполнять какую-то особую божественную функцию. Нет ничего примечательного и в том, что жертва, выбранная для такой цели, должна добровольно принять смерть, которой часто предшествуют жестокие пытки, чтобы в конце концов достичь положения, вызывающего доверие и важного в качестве божества-покровителя. Нам стоит только вспомнить легкость, с которой мусульманские фанатики встречают смерть, ожидая насладиться райскими радостями, или пылкость, с которой верующие христиане принимали мученический венец, чтобы убедиться в реальности и глубине такого чувства. Чем дальше мы уходим в прошлое во времени или культуре, тем сильнее становится рассматриваемое чувство; *только цивилизованный и скептически настроенный мыслитель не решается обменять прочные удобства этого мира на призрачные и неопределенные радости следующего.*

Существование таких искусственно созданных богов было более или менее признано в течение некоторого времени, и внимание к тому или иному классу из них привлекали м-р Бэринг Гулд и м-р Дж. Дж. Фрейзер; но я полагаю, что настоящая работа будет первой, в которой их глубокое значение и их место в генезисе высших религий были полностью указаны в систематических деталях.

Наиболее известными примерами такого преднамеренного боготворения являются те, которые относятся к основанию городов, городских стен и домов. В таких случаях часто приносят в

жертву человека, чтобы его кровь можно было использовать как цемент, а его душа была встроена в самые камни ткани. После этого он становится божеством-покровителем или “состоянием” дома или города. Во многих случаях жертва добровольно предлагает себя для этой цели; часто он имеет королевское или божественное происхождение. Как овца перед стригущими ее нема, так и он не открывает рта своего. В Полинезии, где мы обычно находимся ближе всего к самой сути религии, Эллис услышал, что центральная колонна храма в Меве была установлена на теле человеческой жертвы. У даяков Борнео девушка-рабыня была насмерть раздавлена первым столбом дома. В октябре 1881 года король Ашанти предал смерти пятьдесят девушек, чтобы их кровь можно было смешать с “мочалкой” или грязью, используемой при ремонте королевских зданий. Даже в Японии пару столетий назад, когда предполагалось построить великую стену, “какой-нибудь жалкий раб предложил бы себя в качестве фундамента”. Обратите внимание в данном случае на тот важный факт, что принесение в жертву было чисто добровольным. Мистер Тайлор, это правда, рассматривает большинство этих случаев так, как если бы жертва предназначалась для умиротворения земных демонов, что является естественной интерпретацией подобных церемоний для мыслителей старшей школы; но те, кто читал мистера Фрейзера и мистера Бэринга Гулда, будут знать, что приношение в действительности является частью преднамеренного боготворения. Многие из первоначальных свидетелей, действительно, правильно сообщают об этом намерении со стороны преступников; так, очевидец рассказал Мейсону, что при строительстве нового города Тавой в Теннасериме “преступник был посажен в каждое отверстие для столбов, чтобы стать демоном-покровителем” или, скорее, божеством. Так, в Сиаме, когда возводились новые городские ворота, говорит мистер Спет, полицейские схватили первых четырех или восемь человек, которые прошли мимо, и похоронили их под ними “как ангелов-хранителей”. А в Румынии *istahic* определяется как “призрак человека, который был замурован в стенах здания, чтобы сделать его более прочным”. Ирландская банши, несомненно, аналогичного происхождения.

Сообщается о других любопытных примерах из Африки. В Галамемальчика и девочку обычно хоронили заживо перед большими воротами города, чтобы сделать его неприступным; и я заключаю здесь, что жертвоприношение периодически возобновлялось, как мы увидим, это было во многих других случаях. В Великом Бассаме и Яррибе подобные жертвоприношения были обычным делом при закладке дома или деревни. Очевидно, что идея в этих случаях заключалась в том, чтобы наделить это место божеством-покровителем, богом, существование которого было связано с местом, таким образом посвященным ему. Отныне он и город были единым целым; он был его душой, а город - его телом. Говорят, что человеческие жертвы были похоронены “для наблюдателей за духами” под воротами Манделея. Точно так же, согласно легенде, здесь в бирманском водохранилище была утоплена королева, которая находилась в сносной безопасности, чтобы обезопасить дамбу; в то время как выбор королевской жертвы для такой цели ясно показывает желательность присутствия божественной крови в теле будущего божества. Когда раджа Сала Байн строил форт Сиалкот в Пенджабе, фундамент так часто проседал, что он обратился к прорицателю. Прорицатель посоветовал, чтобы кровь единственного сына была пролита на этом месте; и, соответственно, там был убит единственный сын вдовы. Я могу добавить, что кровь “*единородного сына*” всегда считалась обладающей особой эффективностью.

В самой Европе сохранилось немало следов такого основания - богов или духов городов, городских стен и домов. Говорят, что пиеты омывали камни своего фундамента человеческой кровью, особенно при строительстве своих фортов и замков. Сам святой Колумба, хотя

номинально и был христианином, не постеснялся таким образом обеспечить безопасность своего монастыря. Колумбилл сказал своему народу: “Для нас было бы хорошо, если бы наши корни уходили в землю здесь”. И он сказал им: “Вам позволено, чтобы кто-нибудь из вас спустился под землю, чтобы освятить ее”. “Святой Оран вызвался взять на себя эту задачу, и с тех пор его всегда почитали как святого покровителя монастыря. Здесь снова можно отметить, что пожертвование было добровольным. Говорят, что еще в 1463 году, когда нужно было чинить прорванную плотину на Ногате, крестьянам посоветовали бросить в воду живого человека, и они напоили нищего (в таком состоянии он, конечно, был бы “полон бога”) и использовали его для этой цели. В 1885 году при реставрации церкви Холс-уорти в Девоне был найден скелет с массой строительного раствора, намазанного поверх устья, вмурованный в угол здания. Чтобы сделать замок Либенштайн крепким и неприступным, ребенка купили за бешеные деньги его матери и замуровали в здании. Опять же, когда строилась церковь в Блексе в Ольденбурге, власти деревни переправились через Везер, “купили ребенка у бедной матери в Бремерлеке и живьем заложили его в фундамент”. Далее мы увидим, что “быть принесенным с определенной ценой” - это, так сказать, вариант добровольного приношения; при принесении жертвы часто делается большой упор на этот конкретный факт, который считается освобождающим виновных от преступления богоубийства. Итак, мы увидим в дальнейшем, что божественное животное-жертва, которое бог приносит в жертву самому себе, своему животному воплощению своему изображению или алтарю, всегда должно соглашаться на свое собственное жертвоприношение; если оно отказывается или проявляет малейшее нежелание, это плохая жертва. Легенда гласит, что ребенка в случае с жертвоприношением Либенштейна соблазнили пирогом, вероятно, для того, чтобы сделать его согласной стороной, и медленно замуровали на глазах у матери. Все эти подробности полны случайной поучительности и важности. Еще в 1865 году, по словам мистера Спета, несколько христианских рабочих, работавших в блокадном Дуге, недалеко от Скутари, обнаружили двух маленьких христианских детей в руках магометан арнаутов, которые пытались похоронить их заживо под блокадом.

Однако чаще всего мы читаем подобные легендарные истории именно о городских стенах. Таким образом, стена Копенгагена рухнула так же быстро, как была построена; поэтому они взяли невинную маленькую девочку и посадили ее за стол с игрушками и съестными припасами. Затем, пока она играла и ела, двенадцать мастеров-каменщиков закрыли над ней склеп. Под громкую музыку, чтобы заглушить крики ребенка, стена была поднята и с тех пор крепко стояла. В Италии снова раз за разом обрушивался мост в Арте, пока жену главного строителя не замуровали; последний момент является важной деталью, значение которой станет еще более ясным в дальнейшем. В Скутари в Сербии, опять же, крепость могла быть удовлетворительно построена только после того, как в нее была замурована человеческая жертва; поэтому три брата, которые работали над ней, решили принести в жертву первую из своих жен, которая пришла в это место, чтобы принести им еду. (Сравните случай с дочерью Иеффаи, где первое случайно встреченное живое существо должно быть принесено в жертву Яхве.) Точно так же, согласно валлийской легенде, Вортигерн не мог достроить свою башню, пока камень фундамента не был смочен *“кровью ребенка, рожденного матерью без отца”* - этот эпизод с младенцем, рожденным девственницей, является обычным элементом в зарождении человекобогов, как убедительно доказал нам мистер Сидни Хартленд.

В одном случае, приведенном выше, мы увидели смягчение первобытного обычая в том смысле, что преступник был заменен лицом королевской крови или божественного происхождения — форма замены, о которой м-р Фрейзер привел множество примеров в других областях. Еще

большее смягчение - это создание у человека, совершившего святотатство или нарушившего какой-либо религиозный обет целомудрия. В музее Алжира находится гипсовый слепок с тела некоего Джеронимо, мавританского христианина (и, следовательно, отрекшегося от ислама), который был встроен в бетонный блок в углу форта в шестнадцатом веке. Неверующих монахинь так замуровывали в Европе в средние века; и заявление мистера Райдера Хаггарда о том, что он видел в музее в Мехико тела, аналогичным образом замурованные инквизицией, вызвало столько католического гнева и отрицания, что вряд ли можно сомневаться в его достоверности. Но в других случаях подмена зашла еще дальше; вместо преступников, самоотводчиков или еретиков мы получаем жертву животного вместо человека. Мистер Сент-Джон видел курицу, принесенную в жертву рабыне в здании среди даяков на Борнео. В датской церкви под алтарем замуровали ягненка, чтобы он крепко стоял; или расчистили церковный двор, закопав сначала живую лошадь, что является очевидной параллелью со случаем в Сент-Оране. Когда несколько лет назад приходская церковь Чамли в Девоншире была снесена, в стене пятнадцатого века была найдена резная фигура Христа, распятого на виноградной лозе — форма замены, которой мы найдем несколько эквивалентов позже. В современной Греции, говорит доктор Тайлор, которому я обязан многими из этих примеров, сохранился пережиток идеи о том, что первый прохожий после закладки первого камня в фундамент умрет в течение года; поэтому масоны идут на компромисс, убивая петуха или черного ягненка на первом камне. Затем это животное становится духом здания.

По мере продолжения у нас появятся основания подозревать, что каждая закланная жертва в каждом обряде изначально была богочеловеческим существом; и что жертвы животных всегда являются заменителями, хотя предполагается, что они одинаково божественны, как и богочеловек, которого они олицетворяют. Я попрошу читателя обращать внимание на подобные случаи по мере нашего продвижения, а также обращать внимание, даже когда я не привлекаю к ним внимания, на назначение головы оракула и частое сопровождение “звнящей музыки”.

В других местах мы находим другие обычаи, которые помогают объяснить эти любопытные пережитки. Тень часто отождествляется с душой; и в Румынии, когда должно быть возведено новое здание, каменщики стараются поймать тень проходящего мимо незнакомца, а затем заложить на ней первый камень в фундамент. Или незнакомца тайком заманивают к камню, когда каменщик тайно измеряет его тело или его тень и закапывает снятую таким образом меру под фундамент. Здесь мы имеем дело с пережитком идеи о том, что жертва должна, по крайней мере, не быть невольной. Считается, что человек, измеренный таким образом, зачахнет и умрет в течение сорока дней; и мы можем быть уверены, что первоначально считалось, что его душа стала богом или духом-хранителем здания. Если болгары не могут заслониться человеческой тенью, они довольствуются тенью первого проходящего мимо животного. Здесь мы снова сталкиваемся с той формой божественной случайности в указании на жертву, которая наблюдается в случае с дочерью Иеффая. Еще более мягкие замены происходят в пустом гробу, замурованном в церкви в Германии, или в грубых изображениях младенцев в пеленках, точно так же замурованных в Голландии. Последний след этого обычая обнаруживается в Англии в современной практике подкладывания монет и газет под закладной камень. Здесь может показаться, что жертва рассматривалась как жертвоприношение Земле (поздняя и производная идея), а монеты были денежной выплатой вместо приношения человека или животного. Многими из приведенных здесь случаев я обязан тщательному исследованию моего друга мистера Клодда. Но с тех пор, как была написана эта глава, все другие трактаты по этому

предмету были заменены исчерпывающей научной брошюрой м-ра Спета “Обряды и церемонии строителей”, несколько примеров из которой я вставил в свои рассуждения.

Необходимо кратко остановиться на других последствиях. Лучшим призраком или богом для этой цели, по-видимому, является божественная или царственная личность; и на этапах, когда смысл практики все еще вполне ясен строителям, для получения чести божества-покровителя часто выбирается горячо любимый сын или жена короля. Позже это понятие переходит в принесение в жертву ребенка или жены мастера-каменщика; многие легенды или традиции содержат этот более поздний элемент. В случае Вортигерна, однако, ребенок явно является божественным существом, как мы увидим чуть позже на некоторых семитских примерах. В конце концов, связь детей с подобными жертвоприношениями наиболее очевидна; так, когда в 1813 году лед на Эльбе разрушил одну из плотин, старый крестьянин насмеялся над усилиями государственного инженера, говоря ему: “Вам никогда не удастся удержать дамбу, если вы сначала не утопите невинного ребенка под фундаментом”. Здесь сам по себе эпитет “невинный” раскрывает какой-то последний отзвук божественности. Точно так же в 1843 году, когда в Галле в Германии должны были строить новый мост, люди сказали архитекторам, что опора не устоит, если под фундамент не замуровать живого ребенка. Шрейдер говорит, что когда строился большой железнодорожный мост через Ганг, каждая мать в Бенгалии дрожала за своего младенца. Славянские вожди, основавшие Детинец, послали людей поймать первого попавшегося мальчика и похоронить его в фундаменте. Здесь мы снова имеем дело со священной случайной жертвой. Вкратце я бы сказал, что, по-видимому, во всех подобных случаях предпочтение отдается детям, и особенно девочкам; королевского происхождения, если возможно, но, по крайней мере, близким родственникам мастера-строителя.

Мистер Спет указывает, что лошадиные головы часто прикрепляли к церквям или другим зданиям, и предполагает, что они принадлежат жертвам фонда защиты животных. Такое использование черепа находится в строгом соответствии с его обычным оракульным предназначением.

Теперь можно рассмотреть некоторые известные исторические или мифические рассказы о городских и деревенских богах, намеренно сфабрикованные. Мы читаем в Первых Царствах, что, когда Ииил Вефилитянин построил Иерихон, “он заложил основание его в Авираме, своем первенце, и поставил ворота его в своем младшем Сегубе”. Здесь мы, очевидно, видим княжеского мастера-строителя, приносящего в жертву двух своих сыновей в качестве богов-хранителей своего нового города. Существует множество следов такого преднамеренного обогащения города. И также вероятно, что первоначальное жертвоприношение повторялось ежегодно, как бы для поддержания постоянного потока божественной жизни, в некотором роде по образцу человеческих богов, которых мы должны были рассмотреть в предыдущей главе. Дидона, по-видимому, была богиней Процветания или основания Карфагена; в легенде она представлена как царица-основательница и, как говорят, прыгнула в свой божественный погребальный костер со стен своего дворца. Но ежегодное человеческое жертвоприношение, по-видимому, совершалось в одном и том же месте; ибо “Едва ли можно сомневаться, - говорит профессор Робертсон Смит, - что место, на котором легенда приписывает самопожертвование Дидоны своему мужу Сихарбасу, было тем самым местом, где совершались более поздние карфагенские человеческие жертвоприношения”. В Лаодикии, опять же, ежегодно совершалось жертвоприношение оленя вместо девушки; и эта жертва, как нам ясно сказано, была принесена богине города. Легенда гласила, что богиней была девушка, которую подобным

же образом принесли в жертву, чтобы освятить основание города, и с тех пор ей поклонялись как его Богатству, подобно Дидоне в Карфагене; “следовательно, смерть самой богини, “ говорит профессор Робертсон Смит, ” ежегодно возобновлялась в святом обряде”. (Я не признаю справедливости эпитета “пикантный”). Опять же, Малала говорит нам, что 22 мая отмечался в Антиохии как годовщина девушки, принесенной в жертву при основании города, и впоследствии ей поклонялись как Тайче, или удаче, города. В Дурне в Аравии ежегодную жертву подобным же образом хоронили под камнем, из которого был сделан алтарь.

В большинстве легенд, дошедших до нас из цивилизованной и письменной древности, истинная природа этого кровавого обряда основания перекрыта и замаскирована более поздними рационализирующими догадками, и я могу упомянуть, что доктор Робертсон Смит, в частности, обычно рассматривает рационализирующие догадки как примитивные, а реальную древнюю традицию о зарезанной девственнице как миф, объясняющий “поздних сирийцев-эвгемеристов”. Но после примеров, которые мы уже видели с богами-основателями, я думаю, вряд ли можно сомневаться в том, что это делается для изменения истинного порядка; что девушка действительно была принесена в жертву божеству-покровителю при основании города, и что замена жертвы животным при ежегодном обновлении была более поздним усовершенствованием. М-р Спет приводит пример популярной традиции о том, что в замок Нидер-Мандершид была пристроена молодая девушка; и когда в 1844 году вскрыли стену, рабочие-эвгемеристы обнаружили полость, заключавшую человеческий скелет. Я бы снова предположил, что в оригинальной легенде об основании Рима Ромул был представлен как пристроивший своего брата Рема как Богатство или бога города, и что к этому отождествлению Рема с городом мы должны отнести такие фразы, как *turba Remi* для римского народа. Слово *форум* в его примитивном значении означает пустое пространство, оставленное перед гробницей — *ллан* или *теменос*. Следовательно, я бы предположил, что Римский форум и другие латинские *форумы* на самом деле были усыпальницами первоначальных жертв фундамента. * Точно так же английская деревенская лужайка и “игровое поле”, вероятно, являются пространством, посвященным племенному или деревенскому богу — убитому богу-человеку; и они обычно связаны со священным камнем и священным деревом. Я надеюсь, что этот момент станет яснее по мере того, как мы продолжим и разовьем всю теорию бога или богини основания, связанного священного камня и мемориала дерева или ствола.

* В случае Рима Форум представлял бы собой могилу более позднего бога-основания сложного латинского и сабинянского города.

Ибо, если я прав, весь первобытный ритуал основания деревни состоял в убийстве или погребении заживо или вмуровании в стену человеческой жертвы в качестве городского или деревенского бога, поднятии камня и посадке рядом дерева в память о нем. После этого у этих двух памятников совершались деревенские обряды. Таким образом, камень и дерево встречаются в их обычном сочетании; и то, и другое сосуществует в индийской деревне по сей день, как в сибирском лесу или славянском лесу. Таким образом, в Риме мы имеем не только легенду о смерти Рема, принца королевской крови Альба-Лонги, тесно связанную со строительством Римской квадратной стены, но у нас есть также священная смоковница Ромула на Форуме, которая считалась воплощением городской жизни объединенного Рима, так что, когда на ней появились признаки увядания, ужас охватил город; и совсем рядом мы имеем

священный камень, или Палладиум, охраняемый священными весталками, которые поддерживали огонь городского очага, и еще более пристально следили за ним. связанный с судьбой того второстепенного Рима, который имел свой дом на Форуме. Разве эти трое не являются тройственной формой бога-основания объединенного Капитолийского и Палатинского Рима? И не мог ли священный кизил на Палатине, опять же, быть подобным же образом священным деревом-основанием той древней римской Уадраты, которая более конкретно ассоциируется с именем Ромула? Об этом дереве Плутарх рассказывает нам, что, когда прохожему показалось, что оно поникло, он поднял шум и клич, на который вскоре откликнулись люди со всех сторон, подбежавшие с ведрами воды, чтобы вылить ее на него, как будто они спешили потушить пожар. Очевидно, что здесь мы снова имеем дело с воплощенной Удачей.

Нам не часто удается совместить все эти три Состояния — человеческую жертву, камень и дерево с ежегодным жертвоприношением, которое обновляет его святость. Но мы так часто находим следы того или иного из этой троицы, что, я думаю, у нас есть основания соединять их вместе как части единого целого, из которого здесь выживает один элемент, а там — другой. “Среди всех первобытных сообществ, — говорит мистер Гомм, — когда впервые основывалась деревня, устанавливался камень. Этому камню староста деревни раз в год делал подношение.” По сей день Лондон сохраняет свое основание-бога в форме Лондонского камня, который теперь заключен в перила или железную решетку прямо напротив станции Кэннон-стрит. Теперь Лондонский камень на протяжении веков считался представителем и воплощением всего сообщества. С его вершины объявлялись прокламации и другие важные государственные дела; а ответчик на судебных процессах в суде лорда-мэра был вызван из Лондонского камня, как будто сам камень обращался к правонарушителю единым голосом собравшихся граждан. Первым лорд-мэром действительно был Генри де Ландонстон, без сомнения, как предполагает мистер Лофти, наследственный хранитель этого городского фетиша, — короче говоря, представитель деревенского старосты. Я более подробно описал значение этой интересной реликвии в статье о лондонском камне в журнале *Longman's Magazine*, к которому я хотел бы отсылать читателя за дополнительной информацией. Я только добавлю сюда любопытный эпизод с Джеком Кейдом, который, пробравшись в город под вымышленным именем Мортимер в 1450 году, первым делом направился к этой священной реликвии, воплощению палладиума древнего Лондона, и, ударив по ней своим мечом, воскликнул: “Теперь Мортимер — лорд этого города”.

Похожий священный камень существует и по сей день в Бови-Трейси в Девоне, о котором Ормерод рассказывает нам, что мэр Бови обычно объезжал его верхом в первый день своего пребывания на этом посту и ударял по нему палкой, что еще больше объясняет действия Джека Кейда. Согласно “Тотнес Таймс” от 13 мая 1882 года, молодые люди города были вынуждены в тот же день поцеловать волшебный камень и поклясться в верности древним правам и привилегиям Бови. (Этими подробностями я обязан общине деревни мистера Лоуренса Гомма.) Я не думаю, что мы можем отделять от этих двух случаев другие священные камни Британии, такие как Королевский камень в Кингстоне в графстве Суррей, где были коронованы несколько западно-саксонских королей; ни Камень-лепешка в коронационном кресле в Вестминстерском аббатстве; ни Камень Клакманнан, и священные камни, уже упомянутые в предыдущей главе, на которых главы кланов или ирландских септов наследовали главенство в своих соответствующих семьях. Возможно, частично это были памятники предков и могильные сооружения, но вполне

вероятно, что они также частично обладали этой искусственной и надуманной святостью. Конечно, в некоторых случаях эта святость восстанавливалась жертвоприношением животных.

С этими довольно очевидными примерами я бы также связал некоторые другие утверждения, которые, как мне кажется, до сих пор интерпретировались неверно. Таким образом, Меша, царь Моавы, оказавшись в тесной осаде, сжигает своего сына как жертву холокоста на городской стене. Не является ли это подношением для защиты стены путем преднамеренного создания дополнительного божества? Поскольку осаждающие, похоже, сразу почувствовали, что они побеждены, и осада снята. Заметьте здесь еще раз, что в качестве жертвы выбран горячо любимый сын короля. Опять же, в Амутусе человеческие жертвы приносились Юпитеру Хоспесу “перед воротами”; и этот Юпитер Хоспес, как называет его Овидий, является амутусианским Гераклом или Маликой, чье имя, сохраненное для нас Исихием, сразу идентифицирует его как местное божество, подобное тирскому Мелькарту. Не было ли это, следовательно, снова Удачей города? В самом Тире была показана гробница Геракла Мелькарта, где, как говорили, он был кремирован. Ибо у народов, совершающих кремацию, было естественным сжигать, а не забивать ежегодную жертву богу. В Тарсе снова был ежегодный праздник, на котором был воздвигнут очень красивый погребальный костер, и на нем было сожжено чучело местного Геракла или Ваала. Я думаю, мы не можем сомневаться в том, что это было смягчением последствий более раннего человеческого холокоста. Действительно, доктор Робертсон Смит говорит об этом случае: “Это ежегодное празднование смерти бога в огне, должно быть, берет свое начало в более древнем обряде, в котором жертвой было непростое изображение, а теантропическое жертвоприношение, то есть реальный человек или священное животное, чья жизнь, согласно античной концепции, теперь знакомой нам, была воплощением богочеловеческой жизни”. Это очень близко к моему собственному взгляду на этот предмет.

От этих примеров мы можем перейти, я думаю, к более любопытному набору, смыслы которого, как мне кажется, были еще более прискорбно ошибочны более поздними интерпретаторами. Я имею в виду детей королей или правящих семей, приносимых в жертву во время войны или опасности в качестве дополнительных божеств. Так, Филон Библосский говорит: “В кризис великой опасности существовал древний обычай, согласно которому правитель города или нации отдавал своего любимого сына на смерть за весь народ в качестве выкупа, предлагаемого демонам-мстителям; и принесенные таким образом в жертву дети были умерщвлены с помощью мистических обрядов. Итак, Кронос, которого финикийцы называют Израилем, будучи царем этой земли и имея едиnorodного сына по имени Джоуд (ибо на финикийском языке Джоуд означает едиnorodный), облачил его в царские одежды и принес в жертву на алтаре во время войны, когда страна находилась в большой опасности со стороны врага”. Я не думаю, что Филон прав в своих рассуждениях или догадках о “демонах-мстителях”, но в остальном его история является интересным доказательством. Это помогает нам более или менее напрямую связать распространенные финикийские и еврейские жертвоприношения детей с этим преднамеренным созданием искусственных богов. Я не сомневаюсь, что дети частично приносились в жертву уже существовавшим и четко определенным великим богам; но я верю также, что этот обычай впервые возник как практика преднамеренного изготовления богов и до конца сохранил многие следы своего происхождения.

Мы знаем, что во времена национальных бедствий финикийцы приносили таким образом в жертву Ваалу самых дорогих им людей. Финикийская история, как мы знаем из Порфирия, полна таких жертвоприношений. Когда карфагеняне потерпели поражение и были осаждены

Агафоклом, они приписали свои бедствия гневу бога; ибо если в прежние времена они приносили ему в жертву своих собственных детей, то в последнее время у них вошло (как мы увидим позже, у кхондов) в привычку покупать детей и растить их как жертвы. Итак, для жертвоприношения были отобраны двести молодых людей из самых знатных семей, и их сопровождали еще не менее трехсот человек, добровольно вызвавшихся умереть за отечество. Их приносили в жертву, насаживая одного за другим на наклонные руки медного истукана, с которого они скатывались в огненную яму. Точно так же в Иерусалиме, в моменты большой опасности, детей приносили в жертву какому-нибудь Молоху, будь то Яхве или другому, помещая в огненные объятия истукана на Тофете. Я признаю, что в этих последних случаях мы очень близки к простому частичному человеческому жертвоприношению; но мы увидим, когда будем иметь дело с богами воспитания и доктриной искупления, что трудно провести грань между ними; в то время как тот факт, что жертвой является горячо любимый или единокровный сын, особенно сын царя божественной крови, напрямую связывает такие случаи с более очевидными примерами преднамеренного боготворчества. Какая-то из таких добровольных жертв, мне кажется, увековечена в прекрасных образах 53-й главы Книги Пророка Исаяи. Но там язык явно паяческий.

То, что ежегодные человеческие жертвоприношения были результатом преднамеренного боготворения такого рода, является выводом, к которому уже почти пришли более ортодоксальные мыслители. “Среди семитов, ” говорит доктор Робертсон Смит, - наиболее распространенным представлением о ежегодной пиакуле, по-видимому, было то, что она проводится в память о божественной трагедии — смерти какого-либо бога или богини. Происхождение таких мифов легко объясняется природой ритуала. Первоначально смерть бога была не чем иным, как смертью теантропической жертвы; но когда это перестали понимать, считалось, что жертвоприношение святых представляло собой историческую трагедию, в которой был убит бог ”. Но позже мы увидим, что идея искупления в жертвоприношении является довольно поздней и производной; представляется более вероятным, что жертвой сначала был бог-человек, которого позже заменили жертвой животного. В афинской Таргелии жертвы были людьми до самого конца, хотя, несомненно, считалось, что они несут на себе грехи народа. Мы столкнемся с подобными вторжениями идеи искупления в последующих главах; эта идея принадлежит к той стадии мышления, когда люди считали необходимым объяснить каким-либо этическим ориентиром кровавый элемент первобытного ритуала. Таким образом, в двух греческих городах, как мы узнаем от Павсания, — в Потнии и Патре, — существовало ежегодное жертвоприношение, которое когда-то представляло собой человеческую жертву; но позже это было объяснено как искупление древнего преступления, удовлетворение за которое должно было осуществляться из поколения в поколение. Действительно, как правило, в более поздние эпохи убийство бога рассматривалось как заведомое преступление, и поэтому убийство жертвы, заменившей бога, рассматривалось как искупление за его смерть, вместо того чтобы рассматривать это как преднамеренное высвобождение его божественного духа.

Я остановился здесь главным образом на той особой форме искусственного боготворчества, которая связана с фундаментом домов, деревень, городов, стен и крепостей, потому что это самый распространенный и поразительный случай за пределами сельского хозяйства, и потому что он особенно связан с общемировым институтом деревенского или городского бога. Но в изобилии встречаются и другие типы, и им сейчас следует посвятить несколько строк.

Когда корабль спускали на воду, обычной практикой было наделять его духом-хранителем или богом, заставляя его переворачиваться через тело человеческой жертвы. Норвежские викинги привыкли “красить свои ролики” человеческой кровью. Иными словами, когда военный корабль спускался на воду, человеческие жертвы привязывались к круглым бревнам, по которым галера спускалась в море, так что форштевень окроплялся их струящейся кровью. Таким образом, жертва была как бы встроена в доски судна. Капитан Кук обнаружил, что жители островов Южных морей подобным же образом крестили кровью свои боевые каноэ. В 1784 году, говорит г-н Уильям Симпсон, при спуске на воду одного из крейсеров Бея Триполи, “чернокожего раба вывели вперед и привязали на носу судна, чтобы вызвать радостный прием в океане”. И г-н Спет цитирует газетное сообщение о принесении в жертву овцы, когда в Босфоре был спущен на воду первый каик для “Константинополя в Олимпии”. Во многих других случаях отмечается, что жертва, человек или животное, забивается при спуске судна на воду. Наша собственная церемония разбивания бутылки вина о нос корабля - последний пережиток этого варварского обычая. Здесь, как и везде, красное вино заменяет кровь благодаря своему цвету. Я не сомневаюсь, что изображения богов на носу корабля изначально были идолами, в которых могли обитать освобожденные таким образом духи, и что именно им моряки молились о помощи в шторм или опасности. Бог был заключен в саму ткань сосуда. Современные фигурки-головы все еще представляют этих богов; фигурки-головы, по существу похожие на домашних идолов, встречаются на новозеландских и полинезийских боевых каноэ.

На каноэ жителей Соломоновых островов, например, “часто в качестве фигурной головки вырезано изображение верхней половины тела человека, который держит в руках человеческую голову”. Эта голова, известная как “бог каноэ” или “талисман”, “олицетворяет жизнь, отнятую при первом использовании каноэ”. Важное каноэ “требовало жизни для своего открытия”, - говорит доктор Кодрингтон.

Другой любопытный пример можно найти в обычаях и верованиях, касающихся речных богов. Я предположил, что реки часто являются божественными, потому что они берут начало рядом с могилой героя или связаны с ней. Но часто им намеренно придавалась божественность, и они ежегоднообновлялись богоугодной жертвой: точно так же, как на еврейскую Пасху ежегодно приносили в жертву животное, и его кровью размазывали по перемычкам в качестве возобновления жертвоприношения основания. Лучший пример этого любопытного обычая, который я нашел, приведен мистером Гоммом из "Майор Эллис". Вдоль берегов Праха в Западной Африке обитает множество божеств, все они носят общее имя Прах и считаются духами реки. В каждом городе или значительной деревне вдоль ручья примерно в середине октября проводится жертвоприношение. Обычным жертвоприношением были два взрослых человека, мужчина и женщина. Жители каждой деревни верят в отдельного духа Праха, который обитает в какой-то части реки недалеко от их собственной деревни. Повсюду вдоль реки жрецы этих богов совершают богослужения группами по три человека, два мужчины и одна женщина, что характерно для речных богов. Здесь, если я не ошибаюсь, мы имеем очевидный случай преднамеренного боготворения.

Этот дикий пример и другие подобные ему, которые я не могу подробно описать, позволяют сделать вывод, что многие речные боги искусственного происхождения. Воханда в Эстонии получали в жертву маленьких детей, которых мы можем справедливо сравнить с детьми, замурованными в зданиях или принесенными в жертву Молеху. Многие другие реки спонтанноежегодно уносят свою жертву; так, девонширский стишок гласит: =

Река Дротика, река Дротика,

Каждый год ты претендуешь на сердце.=

Спей также ежегодно уносит одну жизнь, как и несколько британских рек в других местах. Первоначально, без сомнения, жертва выбиралась намеренно и закалывалась ежегодно; но позже, в качестве смягчения обычая, сама река, по-видимому, выбрала своего собственного духа по божественной случайности, что мы уже не раз видели в действии в предыдущих случаях. Другими словами, если прохожий случайно тонул, его принимали вместо преднамеренной жертвы. Отсюда опасность спасения тонущего человека; вы вмешиваетесь в ход божественного отбора и сами заплатите за это, став следующей жертвой. “Когда на Соломоновых островах человек случайно падает в реку и на него нападает акула, ему не дают спастись. Если ему удастся ускользнуть от акулы, соплеменники бросят его обратно на произвол судьбы, полагая, что он предназначен для принесения в жертву богу реки.” Точно так же в самой Британии у ланкаширского Риббла есть водяной дух по имени Пег о'Нелл, представленный каменным изваянием, ныне без головы, которое стоит у источника, где река берет начало на территории Уоддона. (Сравните гробницу Адониса и рощу у источника в Афаке.) Эта Пег о'Нелл изначально, согласно преданию, была соседской девушкой; но ее заговорили до смерти, и теперь она каждые семь лет требует, чтобы ее жизнь утолялась в водах Риббла. Когда в конце семерки наступала “ночь Пег”, если только в реке не тонула птица, кошка или собака, она обязательно забирала свою человеческую жертву. Это название Пег, очевидно, является искажением какого-то старого местного кельтского или докельтского слова, обозначающего нимфу или водного духа; потому что в Тисах есть еще одна Пег, известная как Пег Паулер; и детей там предостерегали от игр на берегах ручья, опасаясь, что Пег утащит их в воду. Такие следы жертвоприношения ребенка чрезвычайно важны.

* Вот аналог жертвоприношений в основание дома. Во время работы над этой книгой в Hind Head

строился дом. А

рабочий упал с балки и разбился насмерть. Другие рабочие заявили, что это принесет удачу дому и обеспечит его стабильность.

Я могу лишь мимоходом предположить, что в этих историях и обычаях мы имеем дело с наиболее вероятным источником распространенного мифа, который объясняет существование речных богов или речных нимф каким-то эпизодом с утонувшим там юношей или девушкой. Аретуза - это пример, который приходит на ум каждому. Как бы грубо эвгемеристично это ни звучало, я все же верю, что подобные мифы о метаморфозах берут свое начало в преднамеренном создании водного божества путем принесения его в жертву в ручье; и что ежегодное возобновление такого жертвоприношения было связано отчасти с желанием сохранить память о богах — убедиться, что они были там, сделать их “свежими и непорочными”, если можно так выразиться, — а отчасти с аналогией с теми очень важными искусственными богами земледелия, происхождение и значение которых нам еще предстоит рассмотреть. Я бы добавил, что общность морских и речных коньков в мифологии мира, несомненно, обязана своим происхождением отчасти естественному представлению о “белых лошадях” на волнах,

но отчасти также и преднамеренному принесению лошадей в жертву морю или рекам, которое наводило на мысль об этом представлении и которое имело тенденцию усиливать его. Это похоже на то, как если бы верующий хотел поддерживать постоянный запас таких божественных и призрачных коней. На Родосе, например, четыре лошади ежегодно выбрасывались в море; и вряд ли мне нужно упоминать обычных лошадей Посейдона и Нептуна. Уродливый ожог в Росс-шире - обитель водяного коня; в остатках римского храма в Лидни бог Ноденс, олицетворяющий Северн, изображен на мозаичном тротуаре в виде запряженной четверкой лошадей колесницы; а в Былые времена недалеко от Миддлхэма все еще водится водяной конь, который ежегодно уносит по меньшей мере одну человеческую жертву. В других местах место лошади занимают другие животные. Остяки приносят в жертву реке Оби живого северного оленя, когда рыбы мало.

Я не отрицаю, что во многих из этих случаев две различные идеи — более ранняя идея жертвы как будущего бога и более поздняя идея жертвы как добычи или жертвоприношения — неразрывно перепутались; но я думаю, было сказано достаточно, чтобы предположить вероятность того, что многие речные боги созданы искусственно, и что это в значительной степени происхождение нимф и келпи. Легенда, действительно, почти всегда представляет их такими; только наши мифологи с их слепой ненавистью к эвгемеризму не в состоянии уловить очевидный подтекст. И то, что даже случайная жертва часто представлялась речным богом после его смерти, мы ясно видим из чешского обычая молиться на берегу реки, где утонул человек, и бросать в реку буханку свежего хлеба и пару восковых свечей - очевидные подношения его духу.

Мне кажется, что существуют многие другие классы выдуманных богов, о существовании которых я должен здесь почти умолчать. Таковы боги, созданные в начале войны путем человеческих или иных жертвоприношений; боги, призванные помочь воинам в их предстоящем предприятии, будучи освобожденными от плотских уз именно для этой цели. Так, согласно Филарху, человеческое жертвоприношение было когда-то обычным в Греции в начале военных действий; и мы знаем, что еще во времена Фемистокла таким образом были принесены в жертву трое пленников перед битвой при Саламине. Жертвоприношение Ифигении - хороший легендарный пример, потому что это жертвоприношение девственницы, принцессы, дочери вождя и, следовательно, типичное высвобождение божественного или царственного духа. Здесь, как обычно, более позднее философствование представляет этот поступок как искупление смертной вины; но мы можем быть уверены, что первоначальная история не содержала такого этического или святоотеческого элемента. У ранних евреев призыв к войне, по-видимому, также производился путем посылки круглых кусков человеческой жертвы; в более позднем употреблении иврита этот обряд сводится к жертвоприношению всесожжения; хотя мы получаем промежуточную стадию, когда Саул рассылает по кругу куски зарезанного быка, подобно тому, как левит в "Судьях" рассылал отрубленные конечности своей наложницы, чтобы поднять израильтян. В Африке война до сих пор начинается с торжественного жертвоприношения, человеческого или иного; и г-н Х. О. Форбс дает наглядный отчет о подобной церемонии, предшествующей экспедиции на остров Тимор.

В заключение я только скажу, что великое множество других неясных обрядов или сомнительных легенд кажутся мне объяснимыми подобными преднамеренными упражнениями в боготворчестве. Насколько распространенными были такие жертвы в сельскохозяйственных отношениях, мы увидим в дальнейшем; но я полагаю, что даже в других областях жизни

будущие исследования объяснят многие другие обычаи. Самосожжение Кодра, Сарданапола, П. Деция Муса, как и многих других царей, героев, богов или богинь; божественные существа, бросающиеся со скал в море; М. Курций, посвящающий себя в заливе на Форуме; могилы влюбленных, которых Семирамида похоронила заживо; все это, я полагаю, имеет более или менее схожий смысл. Даже такие истории, как история Т. Манлия Торквата и его сына, я думаю, должны быть приравнены к истории о царе Моава, убивающем своего сына на стене, или к истории о карфагенянах, приносящих своих детей в жертву оскорбленному божееству; только в более поздние времена эта история была неправильно истолкована и использована для обозначения предполагаемой морали суровой и негибкой старой римской дисциплины.

Частое повторение жертвоприношений представляется необходимым также для того, чтобы сохранить святость изображений и священных обрядов — вложить в них, так сказать, новую душу. Таким образом, реки каждый год нуждались в новом речном боге; и недавно в Ашанти было обнаружено, что фетиш больше не будет “работать”, если ради него не приносить обильных человеческих жертв.

Здесь также, возможно, уместно отметить, что точно так же, как великий бог Ваал был разделен современной наукой на множество местных баалим, и точно так же, как великий бог Адонис был сведен недавними исследованиями в каждом конкретном случае к какому-то конкретному Адону или владыке из многих, так и каждое такое отдельное божество, искусственно созданное, хотя и называемое общим именем Прах или Тибр, все же сохраняет до последнего некоторую отчетливую идентичность. На самом деле, великие боги кажутся скорее классами, чем отдельными людьми. То, что было много нимф и много фавнов, много Сильвани и много Мартов, известно давно; начинает становиться ясно, что было также много Сатурнов, много Юпитеров, много Юнон, много Вест. Даже в Греции более чем вероятно, что обобщенные имена великих богов были даны в более поздние эпохи различным древним священным камням и святым местам различного происхождения: реальным объектом поклонения в каждом случае был спонтанный или искусственный бог; имя было всего лишь общим титулом, применяемым совместно, возможно, в качестве прилагательного, к нескольким таким отдельным божествам. В римском пантеоне этот принцип в настоящее время достаточно прочно утвердился; в семитском он вероятен; в большинстве других современных исследований прогресс постепенно подводит к нему. Даже сами стихийные боги по своему первоначальному происхождению не кажутся действительно единичными; они вырастают, по-видимому, из обобщенных фраз, таких как наши “Небеса” и “Провидение”, примененных сначала к конкретному божееству, о котором в данный момент думает говорящий. Символ Зевса или Юпитера меняется в зависимости от местности. Таким образом, когда латинский претор в начале латинской войны бросил вызов римскому Юпитеру, мы можем быть уверены, что это был реальный бог, видимый перед ним, которому он бросил свой святотатственный вызов, а не идеальному божееству в небе над его головой. Действительно, теперь мы знаем, что в каждой деревне и на каждой ферме был свой Джовис, которого считали богом вина и которому особо поклонялись на винном празднике в апреле, когда открывали первую бочку. Эту индивидуальность богов важно иметь в виду, поскольку языковая тенденция всегда состоит в том, чтобы рассматривать многие сходные божества как практически идентичные, особенно в поздних эфирных формах религии. И мифологи максимально использовали эту синкретическую тенденцию.

Один конкретный пример поможет сделать этот общий принцип еще более ясным. Я полагаю, что границы изначально были переданы в ведение местных и искусственных божеств путем умерщвления человеческой жертвы на каждом поворотном пункте границ и возведения священного камня на том месте, где он умер, чтобы сохранить память о нем. Часто также, в соответствии с общепринятым правилом, кажется, что рядом со священным каменным памятником было посажено священное дерево. Каждая такая жертва немедленно становилась пограничным богом, охраняющим и наблюдающим духом, и с тех пор была известна как Гермес или Конечный Пункт. Но было много Герм и много Термини, не только в Греции и Италии, но и по всему миру. Лишь гораздо позже обобщенный бог, Гермес или Терминус, возник в результате объединения в единую абстрактную концепцию всех этих отдельных божеств. И снова пограничный бог каждый год обновлялся новой жертвой. Наша собственная практика “преодоления границ”, по-видимому, является последним угасающим пережитком таких ежегодных жертвоприношений. Границы пробиты, по-видимому, для того, чтобы изгнать всех чужих богов или враждебных духов; мальчики, играющие большую роль в церемонии, являются представителями человеческих жертв. Их бьют кнутом у каждого камня конечной остановки, отчасти для того, чтобы заставить их проливать слезы в качестве заклинания дождя (по способу, с которым познакомил нас мистер Фрейзер), но отчасти также потому, что всех искусственно созданных богов перед казнью подвергают бичеванию или пыткам по какой-то причине, которую, я думаю, мы еще не до конца понимаем. Рационализаторский лозунг о том, что мальчиков поруют “для того, чтобы они помнили о границах”, является одним из обычных поверхностных объяснений, столь бойко предлагаемых восемнадцатым веком. Тот факт, что церемония проходит у священных камней или “евангельских дубов”, в достаточной степени подтверждает ее первоначальное значение.

Идея, лежащая в основе христианского мученичества, когда мученик добровольно предает себя смерти, чтобы получить корону и пальму первенства на небесах, по сути, аналогична самосожжению искусственных богов и помогает объяснить природу такого самопожертвования. Ибо христианство лишь номинально является монотеистической религией, а святые и мученики составляют в нем практически второстепенный ранг божеств.

С другой стороны, точка зрения богоубийц не может быть выражена более наглядно, чем в истории, которую мистер Уильям Симпсон рассказывает о сэре Ричарде Бертоне. Бертон, по-видимому, исследовал отдаленный мусульманский регион на границе с Индией и, чтобы делать это с большей свободой и непринужденностью, замаскировался под исламского факира. Его познания в мусульманских обрядах были настолько велики, что люди вскоре прониклись к нему большим уважением как к самому святому человеку. Он поздравлял себя с успехом своей маскировки и предвкушал продолжительное пребывание в долине, когда однажды ночью к нему украдкой подошел один из старейшин деревни и попросил его, если он дорожит собственной безопасностью, уйти. Бертон спросил, не нравится ли он людям. Старейшина ответил: да; в этом корень проблемы. На самом деле у них сложилось самое высокое из возможных мнений о его исключительной святости, и они подумали, что для деревни было бы замечательно завладеть могилой такого святого человека. Так что сейчас они обдумывали, как им лучше всего убить его. Правдива эта конкретная история или нет, она, по крайней мере, в очень ярких красках демонстрирует душевное состояние обычного богоубийцы.

Доктор Тайлор, мистер Спет и другие авторы, посвященные жертвоприношениям фонда, рассматривают их как порождение примитивного анимизма. Мне кажется, что они, скорее,

подразумевают прямо противоположное. Ибо, если все уже имеет душу по своей природе, зачем убивать человека или преступника, чтобы наделить его ею?

ГЛАВА XIII. БОГИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ.

ВУ Безусловно, самыми интересными в любопытной группе искусственно созданных богов являются те, которым приносят жертвы в связи с сельским хозяйством. Эти божества привлекательны для нас с нескольких точек зрения. Во-первых, среди земледельческих рас в целом они являются наиболее важными и почитаемыми объектами поклонения. Во-вторых, во многом благодаря их влиянию или по аналогии с ними, как я полагаю, появилось так много других искусственных богов, которых ежегодно обновляли или приносили в жертву. В-третьих, именно богов земледелия чаще всего убивают сакраментально, их тела съедаются их приверженцами в виде лепешек или других продуктов питания, а кровь пьют в виде вина. *Непосредственная связь этих сакраментальных церемоний с жертвоприношением во время мессы и отождествление Христа с хлебом и вином придают этой области нашего исследования особую важность с точки зрения эволюции христианства.* Поэтому мы должны немного углубиться в генезис этих особых и ведомственных богов, которые стоят непосредственно на главной линии эволюции центральной божественной фигуры в христианской религии.

По всему миру, везде, где существует земледелие, встречается особый класс богов кукурузы или богов зерна, божеств основных продуктов питания, будь то кукуруза, финики, подорожник или рис, и общей чертой всех этих богов является то, что они представлены человеческими или околочеловеческими жертвами, которых ежегодно умерщвляют во время посева. Считается, что эти человеческие богини появляются в виде урожая, который вырастает из их священных тел; их смерть и воскресение отмечаются фестивалями; и их приверженцы едят и пьют их сакраментально в виде первых плодов, или пирожных, и вина, или какого-либо другого воплощения божественного существа. Поэтому мы должны исследовать происхождение этого любопытного суеверия, которое, как мне кажется, связано с самим происхождением самосовершенствования как человеческого обычая. И, соответственно, я должен выразить снисхождение моим читателям, если на некоторое время отступлю от того, что на первый взгляд может показаться чисто ботаническим отступлением.

Большинство людей, должно быть, были поражены парадоксом самосовершенствования. Скажем, конкретное растение в естественном состоянии растет и процветает только в воде или

в какой-либо чрезвычайно влажной среде. Однажды вы срываете это прибрежное растение лопаткой и без промедления переносите на сухую грядку в выжженном солнцем саду; и вот! влаголюбивое существо, вместо того чтобы увядать и умирать, как можно было бы от него естественно ожидать, начинает быстро расти и, судя по всему, процветать даже лучше и пышнее, чем в своей естественной среде обитания. Или вы переносите какой-нибудь иссушенный пустынный сорняк с его засушливых скал во влажный и дождливый климат; и вместо того, чтобы вырождаться, как, по вашему мнению, это должно было произойти в изменившихся условиях, он распространяется повсюду в глубокой плодородной почве кустарниковых зарослей и достигает роста, невозможного для его вида в его первоначальном окружении. Фактически, в наших садах соседствуют растения, которые в диком состоянии требуют самых разнообразных и непохожих местообитаний. Сибирские тюльпаны дружно цветут на одной грядке с итальянскими тюльпанами; альпийская камнеломка распускает свои пурпурные розетки в дружеском соперничестве с любящими болота бархатцами или сухим испанским ирисом. Поэтому рано или поздно перед пытливым умом возникает вопрос: как все они могут так хорошо уживаться вместе здесь, во владениях человека, когда во внешнем мире каждый требует и предписывает столь совершенно иную и специализированную ситуацию?

Конечно, только неопытный биолог мог бы надолго озадачиться этим очевидным парадоксом. Он должен скоро увидеть истинное решение загадки, если он прочитал и усвоил учение Дарвина. Дело в том, что в саду или за его пределами большинство этих растений могли бы очень хорошо уживаться в самых разных климатических условиях или ситуациях — если бы только они были защищены от внешней конкуренции. Вот тут-то мы и сталкиваемся с действительной сутью проблемы. Дело не в том, что влаголюбивые растения не могут жить в засушливых условиях, а в том, что сухолюбивые растения, специализированные и приспособленные к этому месту, могут конкурировать с ними там с огромным преимуществом и таким образом за очень короткое время полностью истребить их. Каждый вид в естественном состоянии постоянно подвергается непрекращающейся конкуренции друг с другом; и каждый на своей территории может победить своих конкурентов. Но в саду сама наша цель — это просто ограничить и предотвратить конкуренцию; дать каждому виду справедливый шанс на жизнь, даже в условиях, когда другие, более адаптированные виды обычно могут пережить ее. Фактически, это, по сути, все, что мы когда-либо подразумевали под садом — участок земли, очищенный от естественной растительности (обычно называемой в этой связи сорняками) и намеренно засаженный другими растениями, большинство или все из которых уничтожили бы сорняки, если бы им не препятствовали искусственно.

Мы видим истинность этой точки зрения в тот момент, когда сад, как мы говорим, заброшен — то есть снова предоставлен действию природы без посторонней помощи. Растения, которыми мы его снабдили, некоторое время держатся вяло и неуверенно, но в конечном счете их вытесняют более сильные и лучше адаптированные сорняки, составляющие естественную растительность данной местности. Щавель и крапива со временем вытесняют живокость и пион. Короче говоря, самое важное в саду — это очистка земли от сорняков, то есть, другими словами, от местной растительности. Можно добавить, а можно и не добавлять несколько второстепенных вещей, таких как внесение удобрений, переворачивание почвы, защита с помощью укрытия и так далее; но расчистка сама по себе является единственной необходимой вещью.

Каким бы незначительным ни казался этот пункт на первый взгляд, я полагаю, что он включает в себя всю тайну происхождения обработки почвы и, следовательно, косвенно, богов

земледелия. Ибо, если смотреть по существу, культивирование - это прополка, а прополка - это культивирование. Когда мы говорим, что определенная раса выращивает определенное растение-основной продукт питания, мы в конечном счете имеем в виду не больше, чем то, что она сеет или сажает его в почву, искусственно очищенную от конкурирующих видов. Сеять без расчистки абсолютно бесполезно. Итак, вопрос о происхождении земледелия, наконец, сводится к следующему: как определенные люди первыми узнали, что, очищая землю от сорняков и не допуская их появления, они могут способствовать выращиванию определенных продуктов питания, необходимых человеку?

Для начала, возможно, стоит исходить из того, что проблема происхождения культивирования гораздо более сложна, чем кажется на первый взгляд. Ибо мы должны не только спросить, как могло бы показаться исследователю, непривычному к подобным исследованиям: “Как первобытный дикарь впервые обнаружил, что семена будут лучше расти, если их посадить в открытую почву, уже свободную от сорняков или естественных конкурентов?” но также возникает другой, гораздо более сложный вопрос: “Как ранние дикари вообще узнали, что растения могут расти из семян?” В этом, я полагаю, и заключается настоящая загадка сложившейся ситуации, и именно она, насколько мне известно, до сих пор ускользала от всех исследователей истории и происхождения человеческого прогресса.

Чтобы полностью осознать глубокую природу этой трудности, мы должны мысленно вернуться в состояние и позицию первобытного человека. Мы сами так давно и так хорошо знаем тот факт, что растения вырастают из семян — что семя является важнейшей репродуктивной частью растительного организма, — что нам трудно отказаться от этого банального знания и осознать, что то, что для нас является почти самоочевидной истиной, для первобытного дикаря является долгим и трудным выводом. Наше собственное распространенное и определенное знакомство с этим фактом, действительно, полностью основано на практике ведения сельского хозяйства. Мы видели, как сеют семена, с самого раннего детства. Но до развития сельского хозяйства связь между семенем и рассадой не могла быть известна или даже подозреваться первобытным человеком, который ни в коем случае не был склонен проводить абстрактные исследования ботанической природы или физиологического назначения различных органов окружающих его растений. То, что семя является репродуктивной частью растения, само по себе было фактом столь же маловероятным, чтобы его поразило, как то, что тычинки были мужскими органами или что листья были ассимиляционными и пищеварительными поверхностями. Он мог выяснить, что растения вырастают из семян, только в результате экспериментального процесса их посева и выращивания. Вряд ли он когда-либо решился бы на такой эксперимент ради него самого. Должно быть, его привело к этому какое-то другое, случайное совпадение.

Итак, что мог знать и наблюдать первобытный человек об окружающих его растениях? В первую очередь только одно: что некоторые из них были съедобны, а некоторые - нет. Вот вам различие, представляющее непосредственный интерес для всего человечества. И какие части растений, скорее всего, были ему полезны в этом отношении в качестве продуктов питания? Те части, которые растение специально наполнило богатым материалом для своего собственного использования или использования своего потомства. Первые - это корни, подвои, луковицы, клубнелуковицы или клубнеплоды, которые он закладывает в качестве пищи для своего будущего роста; вторые - это семена, которые он производит и обогащает, чтобы продолжить свой род последующим поколениям.

Таким образом, первобытный человек знает плоды, семена и клубни точно так же, как белка, обезьяна и попугай знают их как полезную пищу, подходящую для его целей. Но зачем ему вообще мечтать о том, чтобы спасти или законсервировать некоторые из этих плодов или семян, когда он их нашел, и зарыть их в почву на тот простой случай, что, так сказать, по чистой магии они могут дать начало другим? Никакая идея не могла быть более чуждой природе и привычкам древнего человека. Во-первых, он далек от предусмотрительности; его способ - сразу же съесть то, что он убил или сорвал; и, во-вторых, как он вообще мог прийти к мысли, что семена, зарытые в землю, могут дать больше семян в будущем? Нет, даже если бы он знал это — что почти невозможно, - был бы он склонен, каким бы беспомощным созданием он ни был, сохранить или пощадить горсть семян сегодня, чтобы другие семена могли взойти из своего погребения через следующий год? Трудность настолько огромна, когда с ней честно сталкиваешься, что она просто поражает; мы начинаем задаваться вопросом, действительно ли, в конце концов, "можно было когда-либо сделать первые шаги в самосовершенствовании".

Дикарь, убивший оленя или охотничью птицу, не закапывает часть ее или яйцо в землю в ожидании, что впоследствии из них вырастут другие олени или птицы. Почему же тогда, сорвав щепотку фруктов или диких злаков, он должен закапывать некоторые из них в землю и ожидать урожая? Дикарь - простой и суеверный человек, но я не думаю, что он такой уж дурак, каким его можно было бы представить при таком исходе дела. Вряд ли он когда-либо замечал, что растения в диком состоянии вырастают из семян — по крайней мере, до зарождения сельского хозяйства, из которого, как я полагаю, он впервые и постепенно почерпнул эти полезные знания. И уж точно он вряд ли когда-либо проводил целенаправленные эксперименты над свойствами растений, как если бы был членом Королевского общества. Поскольку эти два пути, таким образом, фактически перекрыты для нас, мы должны задаться вопросом: "Был ли когда-либо какой-либо способ, которым первобытный человек мог с завязанными глазами прийти к познанию истины и случайно обнаружить для какой-либо другой функции своей жизни два существенных факта, что растения произрастают из семян и что рост и количество полезных пищевых растений можно искусственно увеличить, закапывая или высевая такие семена в землю, очищенную от сорняков, то есть от естественной конкурирующей растительности?"

Я полагаю, что есть один-единственный способ, с помощью которого первобытный человек мог ознакомиться с этими фактами. Я попытаюсь показать, что все операции первобытного земледелия очень убедительно указывают на это странное и почти магическое происхождение возделывания; что все дикарское земледелие до последнего сохраняет многие следы своего происхождения; и что сам по себе посев семян вряд ли считается столь важной и существенной частью сложного процесса, как определенные чисто суеверные и кровожадные обычаи, которые долгое время сопровождали его. Одним словом, чтобы не оставлять читателя в сомнениях, я склонен полагать, что возделывание и посев семян сельскохозяйственных культур зародились как дополнение к примитивной системе погребения.

До настоящего времени, насколько я знаю, было даже предположено только одно происхождение культивирования, и это трудное предположение. Было сказано, что первый намек на выращивание, возможно, возник из наблюдения, что семена, случайно выброшенные на кухонную помойку или на расчищенное пространство вокруг хижин, пещер или других мест обитания человека, прорастали и давали больше семян в последующие сезоны. Весьма вероятно, что многие дикари наблюдали тот факт, что пищевые растения часто произрастают на таких кучах отбросов. Но одно это наблюдение не намного приближает нас к истокам

культивирования. Ибо почему древний человек связывал такой факт с семенами в большей степени, чем с костями, раковинами или простой случайностью близости? Мы должны избавить свой разум от всех предвзятых представлений индуктивной и экспериментальной науки и мысленно вернуться в положение дикаря, для которого природа - это одно обширное поле несвязанных событий, без фиксированной последовательности или физической причинности. Более того, кухонная помойка - это не расчищенное пространство: напротив, это необычайно пышная заросль сорняков. Это нисколько не приближает нас к истокам расчистки.

Однако существует один набор функций, при выполнении которых первобытные люди действительно выполняют все основные действия в сельском хозяйстве, ни в малейшей степени не намереваясь этого; и это почти универсальный акт погребения мертвых. Погребение - это, насколько я могу судить, единственная цель, ради которой древние расы или, что то же самое, очень низкие дикари когда-либо копали землю. Мы уже видели, что первоначальная идея захоронения заключалась в том, чтобы ограничить призрак или тело умершего человека, засыпав его землей; и чтобы этого было недостаточно для предотвращения его неприятных повторных появлений, над его курганом часто перекачивали большой камень, который является источником всех наших памятников, ныне предназначенных для почитания усопшего. Но момент, на который я хотел бы прямо сейчас обратить внимание, заключается в следующем: в акте захоронения, и только в этом акте, мы получаем первое начало переворачивания почвы, обнажая свежую землю и таким образом попутно уничтожая сорняки. Короче говоря, здесь мы имеем первую необходимую прелюдию к эволюции сельского хозяйства.

Следующим шагом, конечно, должен быть посев семян. И здесь, я осмелюсь предположить, похоронные обычаи предоставляют нам единственный мыслимый способ, с помощью которого такой посев вообще мог начаться. Ибо древние люди, конечно, не стали бы тратить драгоценные семена, на сбор которых с окружающих их диких растений ушло столько времени и хлопот, на простые бесполезные научные эксперименты по развитию растений. Но мы видели, что у всех дикарей есть обычай предлагать на могилах своих предков еду и питье того же рода, что привыкли употреблять они сами. Теперь, когда люди находятся на стадии охоты, такие подношения, без сомнения, чаще всего состоят из мяса добытых зверей или дичи; но они также включают рыбу, фрукты, семена, клубни и ягоды, и в особенности такие богатые зерна, как местные бобовые и злаковые. Свидетельства того, что подобные вещи предлагались на могилах умерших, были собраны в таком изобилии доктором Тайлором, мистером Фрейзером и мистером Гербертом Спенсером, что мне нет необходимости приводить здесь какие-либо дополнительные примеры столь знакомой практики.

Каким должен быть очевидный результат? Здесь, и только здесь, дикарь совершенно бессознательно сеет семена на свежевспаханную землю, лишенную сорняков и дополнительно удобренную кровью и мясом частых жертвоприношений. Эти семена должны часто прорасти быстрыми темпами, с быстротой и пышностью, которые не могут не поразить воображение первобытного охотника. Особенно это будет касаться того класса растений, которые в конечном итоге развиваются в продовольственные культуры цивилизованного общества. Особенность этих растений в том, что они все без исключения — маис, кукуруза или рис, горох, фасоль или просо — однолетние растения быстрого роста и внушительного роста; растения, которые преуспели в борьбе за существование, накопив в своих семенах большие запасы полезного материала для использования в качестве рассады; и эта особенность позволяет им начинать

жизнь в каждом поколении исключительно хорошо обеспеченными и, таким образом, с преимуществом конкурировать со всеми своими собратьями. Семена такого сорта прекрасно проросли бы на свежевспаханной и хорошо удобренной почве могилы или кургана; и производство там большого количества богатого и съедобного зерна, несомненно, привлекло бы внимание этого практичного и наблюдательного человека, дикаря. Ибо, хотя он так нелюбопытен к несущественному, ваш дикарь - на редкость дальновидный человек во всем, что касается его собственной сиюминутной выгоды.

Какой вывод сразу же напал бы на него? Что семена, посаженные в свежевспаханную и богато удобренную почву, дают тройной и четырехкратный урожай? Ничего подобного. Он ничего не смыслит в семенах, навозе и почве; после своего вида он сразу же заключил бы, что страшный и могущественный призрак в кургане, довольный предложенными ему мясом и семенами, отплатил за эти дары натурой, сторицей возвращая зерно за зерном из своего собственного тела. Эта оригинальная связь идей, как мне кажется, полностью объясняет то любопытное отождествление призрака с кукурузой или другими пищевыми продуктами, которое мистер Фрейзер так чудесно и убедительно развил в "*Золотой ветви*".

Имеются даже некоторые незначительные свидетельства того, что растительность на могилах и курганах на самом деле *действительно* отличается исключительной пышностью.

Преподобный Александр Стюарт из Баллачулиша упоминает, что молочницы в Лохабере и других местах шотландского нагорья ежедневно выливали немного молока из ведра на "волшебные холмы", или доисторические курганы; и следствием этого было то, что "эти волшебные холмы были покрыты более красивой зеленью, чем любое другое место в стране". На Фиджи мистер Файсон отмечает, что растения батата пышно растут из куч батата, преподносимых духам предков в священной каменной ограде или *теменосе*; и два или три недавних корреспондента (с тех пор как эта глава была впервые напечатана в ежемесячном обзоре) любезно сообщили мне аналогичные факты из Мадагаскара, Центральной Африки и Малайского архипелага. Из их рассказов ясно, что на могилах действительно часто появляются посевы продуктов питания, случайно появляющиеся из положенной на них пищи.

Поначалу, при таких обстоятельствах, дикарь, без сомнения, удовлетворился бы тем, что просто срывал и ел семена, которые таким образом как бы случайно проросли на могилах или курганах его королей и сородичей. Но со временем почти наверняка произошло бы то, что площадь возделывания была бы несколько расширена. Первый шаг к такому расширению, как я полагаю, был бы сделан из наблюдения, что злаки и другие семена прорастают исключительно на недавно вырытых могилах, а не на могилах вообще. Ибо, как только естественная растительность восстановит себя, оживляющая сила призрака, по-видимому, иссякнет. Таким образом, может оказаться полезным постоянно использовать свежих призраков для сельскохозяйственных целей. Отсюда могла бы постепенно возникнуть привычка ежегодно выкапывать новую могилу в наиболее благоприятное время посева, что в конце концов стало бы очевидным благодаря полусознанному эксперименту и наблюдению. И эта новая могила, как я покажу немного позже, будет могилой не человека, который случайно умер прямо здесь и сейчас, а преднамеренной жертвы, умерщвленной для того, чтобы обеспечить дух растительности — искусственного бога - и заставить кукурузу расти с силой и роскошью. Я верю, что шаг за шагом, в конце концов, будет обнаружено, что если только копать достаточно широко, кукуруза будет хорошо расти *вокруг*, а также *на* самой могиле божественной жертвы. Таким образом, постепенно возникло бы возделанное поле, более широкая расчистка,

вскопанная или обработанная вручную, и, наконец, вспаханное поле, которое все еще остается могилой в теории и во всех существенных аспектах.

Я отважился привести эту длинную и, по-видимому, необязательную преамбулу, потому что хочу прояснить, что искусственный бог кукурузного поля или другого возделываемого участка на самом деле восходит к самому истоку земледелия. Без бога вообще не было бы кукурузного поля; а кукурузное поле, я полагаю, долгое время воспринималось просто как воплощение его растительного духа. Более того, вспаханное поле часто в наши дни и даже в нашей собственной стране теоретически является могилой.

В настоящее время стало обычным делом говорить, что у древних людей и дикарей каждый жизненный акт имел священное значение; и особенно сельское хозяйство везде и всегда было окружено особой святостью. Нам казалось бы естественным, что акт посева семян следует рассматривать как чисто практический и физиологический; что на семя следует смотреть просто как на часть растения, предназначенную для размножения, и что его прорастание следует принимать как естественный и нормальный процесс. Однако у дикарей и древних людей таких представлений не было. Для них все это - проявление естественной магии; вы сеете семена, или, если быть более точным, вы закапываете определенные пищевые крупинки в свежевспаханную почву с определенными магическими обрядами и церемониями; а затем, по прошествии определенного времени, на этой почве начинают расти растения, из которых вы в конечном итоге получаете урожай кукурузы, пшеницы или ячменя. Захоронение семян или зерен - это только одна часть магического цикла, не более важная для достижения желаемой цели, чем многие другие.

И какие другие магические действия необходимы для того, чтобы зернобобовые растения могли расти на почве, подготовленной для их приема? Мистер Фрейзер собрал множество свидетельств для ответа на этот вопрос, небольшую часть из которых я приведу здесь вкратце для тех, кто не читал его замечательную работу, отсылая студентов к самой "Золотой ветви" за более полными деталями и сопутствующими разработками. В то же время я хотел бы четко дать понять, что мистер Фрейзер лично никоим образом не несет ответственности за использование мною здесь его замечательных материалов.

Во всем мире дикари и полудивилизованные народы имеют обыкновение приносить в жертву людей, тела которых закапывают в поле вместе с семенами кукурузы или другими хлебными кормами. Достаточно часто кровь жертвы смешивают с зерном, чтобы оплодотворить его. Самый известный пример - история кхондов из Ориссы, которые выбирали особые жертвы, известные как Мериахи, и приносили их в жертву, чтобы обеспечить хороший урожай. Мерию часто хранили годами, прежде чем принести в жертву. Его считали посвященным существом, и к нему относились с чрезвычайной любовью, смешанной с почтением. Юноше из племени Мериа, достигнув зрелости, дали жену, которая сама была Мериа; все их потомство воспитывалось как жертвы. "Периодические жертвоприношения, - говорит м-р Фрейзер, - обычно устраивались племенами и подразделениями племен таким образом, что каждый глава семьи имел возможность по крайней мере раз в год добыть кусочек мяса для своих полей, обычно примерно в то время, когда убирался его главный урожай". В день жертвоприношения, которое было ужасным, не поддающимся описанию в деталях, тело разрезали на куски, и отрезанную от него плоть немедленно забирали домой люди, которых каждая деревня поручила доставить ее. По прибытии к месту назначения он был разделен священником на две части,

одну из которых он закопал в яму в земле, повернувшись к ней спиной и не глядя на нее. Затем каждый мужчина в деревне добавил немного земли, чтобы покрыть его, и священник полил водой мимический курган. Другую часть мяса священник разделил на столько частей, сколько присутствовало глав домов. Каждый глава дома закапывал свой клочок на своем собственном поле, не глядя зарывая его в землю за своей спиной. Другие останки человеческой жертвы — голову, кости и кишки — сжигали на могильной куче, а пепел развеивали по полям или смешивали с молодой кукурузой, чтобы уберечь ее от повреждений. Каждая из этих деталей должна быть тщательно отмечена.

Итак, в данном случае мне совершенно ясно, что каждое поле рассматривается как могила; в нем хоронят частички божественной жертвы; его пепел смешивают с семенами; и из обработанной таким образом земли он снова появляется в виде кукурузы, или риса, или куркумы. Эти обычаи, как справедливо отмечает м-р Фрейзер, “подразумевают, что телу Мериа приписывалась прямая или внутренняя способность заставлять урожай расти. Другими словами, считалось, что плоть и пепел жертвы наделены магической или физической силой удобрять землю.” Более того, мне кажется, что само семя не считается достаточным для получения урожая: это семя, похороненное в священной могиле вместе с божественной плотью, которая в конце концов прорастает в продукты питания на следующий год.

Следует отметить еще несколько моментов, касающихся этого существенного случая, который является одним из наиболее типичных примеров искусственного божества. Мериа был удовлетворителен только в том случае, если он был куплен — “куплен дорогой ценой”, подобно детям, которые были встроены в стены в качестве богов-фундаментов; или же был ребенком предыдущего Мериа — другими словами, имел божественное происхождение по происхождению и наследству. Кхонды, попавшие в беду, часто продавали своих детей как мериахов, “считая беатификацию” (я бы скорее сказал “апофеоз”) “их душ несомненными, *а их смерть на благо человечества наиболее почетной из возможных*”. Этот смысл жертвы как случая “смерти одного человека за народ” наиболее отмечен в наших рассказах и особенно интересен своей аналогией с христианскими рассуждениями. Было известно, что мужчина из племени пануа однажды упрекнул кхонда за то, что тот продал за Мериа свою дочь, на которой Пануа хотел жениться; кхонды вокруг сразу же утешили оскорбленного отца, воскликнув: “Твой ребенок умер, чтобы весь мир мог жить”. Здесь и в других местах у нас есть дополнительная идея о особой ценности, придаваемой жертве, о которой подробнее будет сказано в следующей главе. Предполагалось, что смерть Мериа обеспечит не только хороший урожай, но и “иммунитет от всех болезней и несчастных случаев”. Кхонды прокричали ему в ухо: “Мы купили тебя дорогой ценой; на нас не лежит никакого греха”. Также следует отметить, что жертва была помазана елеем, что напоминает само имя Христа. Опять же, жертва могла не быть связана и не оказывать никакого видимого сопротивления, но кости ее рук и ног часто были сломаны, что делало борьбу невозможной. Иногда, однако, он одурманивался опиумом, причем, как мы уже видели, одним из обычных элементов изготовления богов было такое предварительное одурманивание. Среди различных способов, которыми был убит Мериа, я бы особо выделил способ казни, заключавшийся в том, что его насмерть затолкали в расщелину дерева. Я упоминаю здесь эти моменты, хотя они несколько прерывают общий ход наших рассуждений, из-за их огромной важности как предпосылок христианской теории.

Фактически, я полагаю, что христианская легенда была в основном построена на деталях таких ранних богоугодных жертвоприношений; я считаю, что Христос, по сути, является одним из таких искусственных богов; и я надеюсь, что читатель сам внимательно

заметит, как много мелких деталей (таких как перелом костей) во многом напоминают события страстей господних и распятия.

Кхонды, однако, несколько упростили концепцию искусственного боготворения, позволив одной жертве работать на многих полях одновременно. Другие дикари более расточительны в отношении божественных земледельцев. Чтобы еще раз почерпнуть из сокровищницы мистера Фрейзера— индейцы Гуаякиля в Южной Америке приносили в жертву человеческую кровь и сердца людей, когда засеивали свои поля. Древние мексиканцы, рассматривая кукурузу как индивидуальное существо, прошедшее весь жизненный путь от посева до сбора урожая, приносили в жертву новорожденных младенцев, когда кукуруза была посеяна, детей постарше, когда она проросла, и так далее, пока она полностью не созревала, после чего приносили в жертву стариков. Не можем ли мы сопоставить с этим примером тот странный факт, что римляне имели своим главным сельскохозяйственным божеством Сатурна, бога посева, но также имели и несколько других вспомогательных божеств урожая, таких как Сейя, который имеет отношение к кукурузе, когда она прорастает, Сегетия, когда кукуруза взошла, и Тутилина, когда кукуруза хранится в зернохранилище? (На очевидное возражение, основанное на многочисленных богах детства и практических искусствах в Риме, будет дан ответ в следующей главе.) Пауни, опять же, ежегодно приносили в жертву человека весной, когда засеивали свои поля. Они думали, что за отказом от этого жертвоприношения последует полный неурожай кукурузы, бобов и тыкв. В отчете об одном таком жертвоприношении девушки в 1837 или 1838 году нам сообщается: “Пока ее плоть была еще теплой, ее отделили от костей маленькими кусочками, положили в маленькие корзиночки и отнесли на соседнее кукурузное поле. Тут главный вождь взял из корзины кусок мяса и выдавил каплю крови на только что высыпанные зерна кукурузы. Его примеру последовали остальные, пока все семя не было окроплено кровью; затем его засыпали землей”. Можно привести много других примеров из Америки.

В Западной Африке королева племени снова приносила в жертву мужчину и женщину в марте месяце. Они были убиты лопатами и мотыгами, а их тела похоронены посреди только что вспаханного поля. В Лагосе, в Гвинее, существовал обычай ежегодно заживо протыкать молодую девушку вскоре после весеннего равноденствия, чтобы получить хороший урожай. Подобное жертвоприношение до сих пор ежегодно совершается в Бенине. Маримо, племя бечуана, приносит в жертву человека ради урожая. В качестве жертвы обычно выбирают невысокого плотного мужчину. Его хватают насильно или в состоянии алкогольного опьянения (обратите внимание на эту деталь) и отводят в поля, где убивают среди пшеницы, “чтобы он послужил семенем”. После того как его кровь свернется на солнце, ее сжигают вместе с этой особенно священной частью - лобной костью, прикрепленной к ней плотью и мозгом; затем пепел разбрасывают по земле, чтобы удобрить ее. Такое рассеивание пепла происходит во многих случаях и еще встретится нам в случае с Осирисом.

В Индии гонды, как и кхонды, снова похищали мальчиков-брахманов и держали их в качестве жертв для принесения в жертву по различным поводам. Во время сева и жатвы, после триумфального шествия, один из парней был убит, пронзенный отравленной стрелой. Затем его кровью окропляли вспаханное поле или созревший урожай, и его плоть была сакраментально съедена. Последний пункт снова будет рассмотрен на более позднем этапе для дальнейшего изучения.

Я больше не буду подробно описывать подобные случаи (из тысяч существующих), чтобы не показаться утомительным. Но интерпретация, которую я привожу фактам, такова. Первоначально люди заметили, что на обработанной и хорошо удобренной почве могил в изобилии произрастали пищевые растения. Они заметили, что это богатство возникло в результате совпадения трех факторов — раскопок, священного мертвого тела и семян пищевых продуктов. Со временем они заметили, что если копать достаточно широко и разбрасывать семена достаточно далеко, то одним трупом можно удобрить значительную площадь. Могила превратилась в поле или сад. Но они все еще считали необходимым похоронить кого-нибудь в поле; и большинство свидетельств показывает, что они считали эту жертву божественным персонажем; что они считали его главным источником роста или плодородия; и что они пытались заслужить его благосклонность, хорошо обращаясь с ним на протяжении большей части его жизни. Ибо во многих рассказах прямо говорится, что с намеченной жертвой обращались как с богом или божественным царем и обеспечивали ее всевозможной роскошью вплоть до момента его принесения в жертву. С течением времени представление о поле как отличном от могилы стало более определенным, и большая роль семян в этой процедуре была более полно признана. Однако даже в этом случае никому и в голову не приходило сеять семя в одиночку, без тела жертвы. И зерно, и плоть или кровь стали одинаково рассматриваться как “семя”: иными словами, сочетание этих двух факторов считалось необходимым для получения желаемого эффекта прорастания и плодородия. До очень позднего периода либо само жертвоприношение, либо какие-то смутные его остатки оставались неотъемлемой частью культуры. Страницы мистера Фрейзера изобилуют такими пережитками современного народного обычая. Опираясь на его работу и другие источники, я приведу несколько примеров этих последних умирающих пережитков первобытного суеверия.

Мистер Гомм в своей книге *"Этнология в фольклоре"* рассказывает об одном необычном деревенском празднике на юге Индии. На этом празднике жрец, известный как Потрадж и специально вооруженный божественным кнутом, подобным бичу Осириса, приносит в жертву священного буйвола, которого выпускают на волю, когда он еще теленок, и пускают пастись и бродить по деревне. В этом случае мы имеем обычную замену человеческой жертвы животным, которая почти всегда сопровождает развитие цивилизации. На высоком празднике голова буйвола была отрублена одним ударом и помещена перед святилищем деревенской богини. Вокруг были расставлены сосуды с различными злаками, а сверху насыпана куча смешанных зерен с сеялкой-плугом в центре. Затем тушу разрезали на мелкие кусочки, и каждый земледелец получил порцию для захоронения на своем поле. В конце концов, куча зерна была разделена между всеми земледельцами, и каждый закопал ее на своем поле вместе с куском мяса. Наконец, голова, эта самая священная часть тела, была похоронена перед маленьким храмом, посвященным богине границ. Богиня представлена бесформенным камнем — без сомнения, Конечной станцией, или, скорее, надгробием искусственной богини, девушки, похороненной под древним пограничным знаком. Здесь мы, очевидно, имеем дело с последней стадией того же ритуала, который в случае с кхондами совершался с человеческой жертвой. Стоит отметить, что в рамках этой церемонии происходила борьба за части тела жертвы.

Капитан Харкнесс и другие упоминают о еще более смягченной форме той же церемонии, которая проводится среди бадага на холмах Нилгири. Я сокращаю их отчеты, убирая из каждого такие элементы, которые наиболее близки к нашей цели. Среди этих варваров первую борозду вспахивает Куррумбар из низшей касты, который дает свое благословение полю, без которого не было бы урожая. Здесь представитель аборигенной расы явно рассматривается как жрец или

родственник местных богов, за чье сотрудничество должны заручиться более поздние вторгшиеся расы. Но Куррумбар не просто благословляет поле; он также устанавливает камень посреди него; а затем, падая ниц перед камнем, он приносит в жертву козла, голову которого он хранит как свое сокровище. Эта особая ценность головы оракула, сохраняемая священником, также важна. Когда наступает время сбора урожая, того же Куррумбара вызывают еще раз, чтобы он мог собрать первую горсть зерна, - эпизод, вся важность которого будет очевидна только тем, кто читал анализ обычаев сбора урожая мистера Фрейзера. Но и в этом случае появление священного камня наполнено смыслом. Мы едва ли можем удержаться от вывода, что здесь мы имеем дело с заменой животного человеческим жертвоприношением в боготворящем порядке, при котором жертва была зарезана, установлен камень для обозначения места жертвоприношения и сохранена голова бога, чтобы давать предсказания, способом, с которым мы уже знакомы. Сравнивая этот случай с предыдущим, со священным буйволом, и еще более ранними случаями сохранения голов предков в качестве богов для целей предсказания, я думаю, что принадлежность слишком очевидна, чтобы ее игнорировать.

Свидетельства о подобных обычаях в других местах существуют в таком изобилии, что я могу привести сейчас лишь очень малую их часть, чтобы не отвести слишком много места второстепенному вопросу; я надеюсь подробно изложить все это позже, в следующем томе. Вот поразительный пример из книги м-ра Гомма *"Этнология в фольклоре"*, аналогия которого с предыдущими примерами сразу станет очевидной.

“В деревне Холн, расположенной на одном из отрогов Дартмура, есть поле площадью около двух акров, принадлежащее приходу и называемое Полем Плой. В центре этого поля возвышается гранитный столб (менгир) высотой шесть или семь футов. Майским утром, перед рассветом, молодые люди деревни обычно собирались там, а затем отправлялись на пустошь, где выбирали барана и, загнав его, с триумфом приводили на поле Плой, привязывали к столбу, перерезали ему горло, а затем жарили целиком, без кожи, шерсти и т.д. В полдень происходила борьба, с риском порезать руки, за кусок, предполагалось, что это принесет удачу в следующем году удачливому пожирателю. В качестве акта галантности молодые люди иногда пробивались сквозь толпу, чтобы получить кусочек для избранных среди молодых женщин, которые все в своих лучших платьях присутствовали на Празднике Барана, как это называлось. Танцы, борьба и другие игры, сопровождавшиеся обильными возлияниями сидра во второй половине дня, продлили праздник до полуночи”.

Здесь мы снова сталкиваемся с несколькими интересными особенностями первобытного ритуала, сохранившимися до наших дней. Связь с камнем, на котором изображено первоначальное деревенское божество, совершенно очевидна. Этот камень, без сомнения, представляет собой место, где в очень отдаленные века был убит местный бог-основатель; и поэтому это подходящее место для ежегодных жертвоприношений обновления. Выбор майского утра для проведения ритуала; бойня у каменного столба; запекание зверя целиком; борьба за куски мяса; и идея, что они принесут удачу, - все это свидетельствует о выживании примитивных чувств. Как и сидр, сакраментальное опьянение которого является неотъемлемой частью всех этих процедур. Каждая деталь, действительно, имеет свое значение для тех, кто присмотрится повнимательнее; ибо борьба в полдень сама по себе значима, как и продление пиршества до полуночи. Но мы упускаем из виду захоронение останков в полях; до сих пор примитивный объект обряда, похоже, был забыт или не замечался в Девоншире.

Еще более редкий пример выживания приводит мистер Гомм из другой английской деревни. "Троицынский обычай в приходе Кингс-Тейнтон, Девоншир, описывается следующим образом: в понедельник на Троицу по приходу везут ягненка в тележке, увитой гирляндами сирени, лабурнума и других цветов, когда людей просят пожертвовать что-нибудь на животное и сопутствующие расходы; во вторник его забивают и запекают целиком посреди деревни. Затем баранину продают ломтиками беднякам по низкой цене. Происхождение обычая забыто, но традиция, предположительно восходящая к языческим временам, гласит следующее: деревня страдала от нехватки воды, когда жрецы посоветовали жителям молиться богам о воде; после чего вода самопроизвольно появилась на лугу примерно в трети мили над рекой, в поместье, которое сейчас называется Райдон, ее вполне достаточно для удовлетворения местных потребностей, и в настоящее время ее достаточно, даже в засушливое лето, для работы трех мельниц. Говорят, что с тех пор ягненок всегда приносили в жертву в качестве благодарственного приношения на Троицу вышеупомянутым способом. Упомянутая вода выглядит как большой пруд, из которого в дождливую погоду можно увидеть струи, поднимающиеся на несколько дюймов над поверхностью во многих местах. У него всегда было название "Чистая вода".

Я упоминаю здесь этот любопытный пример, потому что он хорошо иллюстрирует неуловимый способ, которым такие божественные обычаи различного происхождения сливаются друг с другом; а также то, каким образом разные идеи в разных местах связываются с очень похожими церемониями. Ибо мистер Фрейзер показал, что понятие заклинания дождя также тесно связано с богами земледелия; кхонд Мериа должен плакать, иначе в этом году дождя не будет; его красная кровь должна течь, иначе куркума не приобретет должного красного цвета. (Сравните красную кровь, которая вытекла из кизила полидора, и кровь индейца, которая вытекает из канадского кровососа.) В этом последнем случае королевской церемонии Тейнтон именно заклинание дождя наиболее четко сохранилось до наших дней: и есть очевидные ссылки на человеческое жертвоприношение, приносимое богу реки в давно прошедшие времена, а теперь замененное жертвой животного. Однако гирлянды сирени, лабурнума и других цветов являются обычными украшениями искусственного бога земледелия; они использовались в дионисийских обрядах и на празднике Аттиса и до сих пор сохраняются во многих европейских обычаях.

С искусственными богами совершенствования очень тесно связаны конечные боги, с которыми я имел дело в предыдущей главе; настолько тесно, что иногда их невозможно разделить. Мы уже видели несколько примеров такой связи; шествие священной жертвы обычно заканчивается уточнением границ. Этой перлюстрации часто предшествует голова теантропической жертвы. Подобная церемония распространена по всей Индии; во Франции и других европейских странах она сохранилась в форме обряда, известного как Благословение полей, где священник играет ту же роль, что у жителей холмов Нилгири куррумбар из низшей касты. В этом обряде Носителя несут по всему приходу, как голову священного буйвола несут по кругу на индийском празднике. В некоторых случаях каждое поле посещается отдельно. Мальчиком в Нормандии мне рассказывали, что часть Воинства (украденная или спрятанная, я полагаю) иногда зарывалась в каждом поле, но об этой любопытной детали я сейчас не могу получить никаких подтверждающих свидетельств, и я не настаиваю на этом. *Однако мы должны помнить, что Воинство - это тело Христово, и что его присутствие в таких случаях является точным аналогом переноса частей Мерии.*

В Англии церемония сливается с уже описанной церемонией Выхода за пределы дозволенного; хотя я полагаю, что значение мальчиков-жертв и необходимость выпоротия их в качестве заклинания от дождя теперь будут более очевидны, чем когда мы встречались с этим в последний раз.

Во многих случаях по всему миру различные животные приходят на смену человеческой жертве-богу. Таким образом, мы узнаем от Феста, что римляне приносили в жертву рыжеволосых щенков весной, веря, что таким образом урожай вырастет зрелым и румяным; и не может быть никаких сомнений в том, что эти щенки, как и жертвоприношение ягненка в Хольне и Кингс-Тейнтоне, были заменой первоначальной человеческой жертвы. Тем не менее, египтяне, как мы увидим, приносили в жертву рыжеволосых мужчин как представителей Осириса, которого считали богом зерна. В некоторых случаях, действительно, у нас есть исторические свидетельства того, что человеческий бог был заменен в недавнее время божественным животным-жертвой; например, в Чинна-Кимеди, после того как британцы запретили человеческие жертвоприношения, место священного Мериаха занял козел.

Маннхардт собрал много свидетельств о любопытных обычаях, все еще (или в последнее время) существующих в современной Европе, которые выглядят как пережитки в очень смягченной форме того же суеверия. Они обычно известны под названием “Проведение смерти” или “Похоронный карнавал”. Они практикуются почти в каждой стране Европы, и их остатки сохранились даже в Англии. Суть этих церемоний заключается в замене человеческой жертвы изображением. С этим изображением обращаются так же, как с жертвой. Иногда его сжигают, иногда выбрасывают в реку, а иногда хоронят по частям. В австрийской Силезии, например, сжигают чучело, и пока оно горит, происходит всеобщая борьба за куски, которые вытаскивают из пламени голыми руками. (Сравните борьбу среди кхондов, а также на фестивале Потрадз и жертвоприношении Хольне.) Каждый человек, который хранит фрагмент фигурки, привязывает его к ветке самого большого дерева в своем саду или закапывает на своем поле, веря, что так урожай будет лучше расти. Иногда за жертву отвечает сноп кукурузы, и его части закапывают на каждом поле в качестве удобрения. В горах Гарц на подобных церемониях живого человека кладут на корыто для выпечки и с панихидными песнопениями уносят в могилу; но в последний момент ему подменяют бокал бренди. Здесь дух является эквивалентом бога. В других случаях человек на самом деле покрыт соломой и поэтому похоронен легко. В Италии и Испании аналогичный обычай носил название “Распиливание старухи”. В Палермо настоящую старую женщину протащили по улицам на телеге и заставили взойти на эшафот, где двоемнимых палачей распилили пузырек с кровью, прикрепленный к ее шее. Хлынула кровь, и пожилая женщина притворилась, что упала в обморок и умерла. Очевидно, это смягчение последствий человеческого жертвоприношения. Во Флоренции Старуху изображало чучело, набитое грецкими орехами и сушеным инжиром. В середине Великого поста эту фигурку распиливали посередине в Mercato Nuovo, и когда сухофрукты вываливались наружу, толпа хваталась за них, как дикари за фрагменты человеческой жертвы или ее животного представителя. По всей этой теме Маннхардтом и м-ром Фрейзером был собран огромный материал. Возможно, наиболее интересным случаем из всех является русский обряд похорон Ярило. В этом случае люди выбрали старика и подарили ему небольшой гроб с фигуркой Ярило. Это он вынес из города, сопровождаемый женщинами, распеваящими панихиды, поскольку сирийские женщины оплакивали Адониса, а египтянки - Осириса. В открытом поле была вырыта могила, и в нее под плач и причитания опустили тело покойного.

Мифы и фольклор также сохраняют много следов первобытной связи. Так, в подлинной американской легенде о Гайавате герой борется с Мон-дамином и побеждает его, и там, где он хоронит его, впервые прорастает кукуруза, или растение индийской кукурузы. Подобные эпизоды встречаются в финской "Калевале" и других варварских эпосах. По словам мистера Чалмерса, племя моту в Новой Гвинее говорит, что ямс впервые появился из костей убитого человека, которые были похоронены в могиле. Через некоторое время могилу вскрыли, и оказалось, что кости - это уже не кости, а большой и маленький батат разного цвета.

Чтобы завершить наш предварительный обзор этих искусственных богов земледелия, прежде чем мы перейдем к рассмотрению великих богов зерна и вина, может быть, стоит предположить, что, по крайней мере теоретически, первоначальной жертвой, по-видимому, был король или вождь, сам божественный, или, по крайней мере, сын или дочь короля, один из божественного происхождения, в жилах которого текла кровь более ранних божеств. Позже, по-видимому, временному королю часто разрешалось выполнять обязанности настоящего короля; и с этой целью его, по-видимому, часто облачали в королевские одежды и обращались с божественными и королевскими почестями. Примеры такого усложнения будут приведены в дальнейшем. В настоящее время я буду ссылаться только на интересный набор пережитков, собранный мистером Гоммом, где ежегодно избираются временные короли или мэры Англии, очевидно, только для того, чтобы быть принесенным в жертву. Во многих из этих случаев мы получаем лишь фрагментарные фрагменты первоначального обряда; но, собрав их все вместе, мы получаем в целом достаточно полную картину первоначального церемониального соблюдения. В Сент-Джермансе, что в Корнуолле, псевдомэра выбирали под большим ореховым деревом на майской ярмарке; ночью его напоили, чтобы он соответствовал должности, и в таком состоянии он скакал вокруг орехового дерева, примерно так же, как мэр Бови скакал вокруг камня Бови при своем вступлении в должность мэра. Мэр Санкт-Германса также продемонстрировал свой королевский характер, восседая на телеге старого тевтонского и кельтского владычества. В Лостуитизле мнимый мэр был одет в корону на голове, в руке держал скипетр, а перед собой держал меч. В Пенрине мэру предшествовали факелonosцы и городские сержанты, и хотя на самом деле он не был сожжен ни в игре, ни в виде чучела, были зажжены костры и выпущены фейерверки, которые связывают церемонию с такими жертвоприношениями сторонников кремации, как фестиваль тирианского Мелькарта и Ваала из Тарса. На болоте Хальгавер, недалеко от Бодмина, незнакомец был арестован, торжественно испытан в спорте, а затем тренировался в болоте или подвергался другому жестокому обращению. В Польперро мэром был избран "какой-то слабоумный или пьяница", в любом случае, согласно древним представлениям, божественный; его угостили элем, и, "завершив обход города", сопровождающие выкатили его в море. Там ему позволили снова выкарабкаться, как это делает мнимая жертва во многих европейских церемониях; но первоначально, я не сомневаюсь, его утопили как заклинание дождя.

Все эти церемонии, к тому времени, когда наши власти узнали о них, выродились до уровня простых детских забав; но, тем не менее, в них содержатся стойкие элементы самого трагического значения, и они указывают на отвратительные и кровавые боготворческие празднества. В большинстве из них мы видим все еще сохранившийся выбор добровольной или бессознательной жертвы; предпочтение незнакомца, дурака или идиотки; привычку опьянять выбранного человека; обращение с жертвой как с королем, мэром или губернатором; его бичевание или насмешки; его окончательную смерть; и его сожжение на костре или утопление в качестве талисмана дождя. Все эти моменты еще более отчетливо заметны в другой форме

выживания, где царь или божественная жертва представлены не мнимым или временным царем, а образом или чучелом. Таков обычный случай с королем Карнавала, которого в конце концов сжигают во всех его регалиях или бросают в реку. Наш собственный Гай Фокс, хотя и зацикленный на личности конкретного непопулярного исторического персонажа, кажется последним слабым английским представителем такой человеческой жертвы. Я не буду развивать этот момент дальше (соображения нехватки места запрещают), но отошлю читателя за дополнительными примерами к "*Деревенскому сообществу*" мистера Гомма и замечательной коллекции примеров мистера Фрейзера в "*Золотой ветви*".

Общий вывод, который я склонен сделать из всех этих примеров, вкратце таков. Культивирование, вероятно, началось с случайного посева зерновых на могильные холмы умерших. Постепенно было обнаружено, что если расширить перекопанный или вспаханный участок и засеять его по всей площади, то на нем вырастет урожай при условии, что в центре всегда будет похоронен труп. Со временем божественные тела ежегодно доставлялись для этой цели и с большой церемонией хоронились на каждом поле. Постепенно было признано достаточным принести в жертву одну-единственную жертву для целого племени или деревни и разделить его тело по частям на полях общины. Но урожай, который рос на таких полях, по-прежнему считался прямым даром умерших и обожествленных жертв, душа которых должна была оживлять и удобрять их. По мере распространения земледелия люди, наконец, познакомились с концепцией посева и вспашки как действительно важных элементов процесса; но они все еще продолжали придавать жертве религиозное значение и верить в необходимость его присутствия для удачи при сборе урожая. С постепенным смягчением дикости жертвоприношение животного часто заменялось человеческим; но фрагменты животного по-прежнему распределялись по полям с имитацией или символическим захоронением, точно так же, как раньше распределялись фрагменты богочеловека. Наконец, под влиянием христианства и других цивилизованных религий человеческую жертву заменили изображением, хотя рядом с ней часто сохранялось жертвоприношение животного, и в пантомиме игриво убивали реального человека.

Однако на ранних стадиях я замечаю, что поле или сад иногда сохраняют форму кургана. Так, мистер Тернер, миссионер с Самоа, пишет о жителях Таны на Новых Гебридах:

“Они отдают много труда на своих плантациях ямса и содержат их в прекрасном порядке. Вы выглядываете из-за тростниковой изгороди и видите десять или двадцать земляных насыпей, некоторые из них семи футов высотой и шестидесяти в окружности. Это кучи рыхлой земли без единого камня, все они подняты рукой. В центр они сажают один из самых крупных бататов целиком, а по бокам - несколько бататов поменьше”.

Это очень похоже на курган в его *теменосе*. Мне бы очень хотелось знать, похоронена ли в нем жертва.

Я могу добавить, что идея урожая как дара обожествленного предка или богочеловеческой жертвы поддерживается общепринятым обычаем предлагать первые плоды умершим, или богам, или живому вождю, их представителю и потомку. Об эквивалентности этих трех церемоний я привел некоторые доказательства в своем эссе о поклонении дереву, приложенном к моему переводу "*Аттиса*" Катюлла. Например, мистер Тернер говорит об этих же танийцах с Новых Гебридских островов:

Среди их богов были духи их ушедших предков. Вождей, достигших преклонного возраста, после смерти обожествляли, обращались по имени и молились им по разным поводам. Предполагалось, что они в первую очередь следят за выращиванием ямса и различных фруктовых деревьев. Им приносили первые плоды, и при этом они клали немного плодов на какой-нибудь камень или выступающую ветку дерева, или на какой-нибудь более временный алтарь ... в виде стола.... Когда все успокоились, вождь выступил в роли первосвященника и громко помолился так: "Сострадательный отец, вот тебе немного еды; съешь ее; будь добр к нам из-за этого". И вместо "Аминь" все разразились громким криком ".

Подобных свидетельств предостаточно в других местах. Я немного резюмирую их. Каждый год кохи Ассама, собирая свои первые плоды, предлагают их своим предкам, называя их даже по имени и хлопая в ладоши, чтобы призвать их. Жители Коби и Сарипути, двух деревень в Сераме, "предлагают своим предкам первые плоды риса в виде вареного риса в знак благодарности". Церемония называется "Кормление мертвых". На островах Тенимбер и Тиморлаут первые плоды риса предлагаются духам предков, которым поклоняются как богам-хранителям или домашним ларам. Жители Лусона поклоняются главным образом душам своих предков и предлагают им первые плоды урожая. На Фиджи самый ранний ямс преподносят духам предков в священной каменной ограде, и ни один человек не может попробовать новый урожай до окончания этого представления.

В других случаях приношение совершается скорее богам, чем призракам, хотя среди дикарей это различие по большей части неуловимо. Но нередко первые плоды предлагаются вовсе не духам или богам, а самому божественному царю, который является живым представителем и земным двойником своих обожествленных предков. Так, в Ашанти праздник урожая проводится в сентябре, когда созревает ямс. Во время праздника король ест молодой ямс, но никто из народа не может есть его до окончания праздника, который длится две недели. Мадагаскарские хова преподносят государю первые снопы нового зерна. Время от времени, по мере созревания зерна, снопы процессией несут во дворец. Так, в Бирме, когда созревали плоды пангати, некоторые из них обычно приносили во дворец короля, чтобы он мог их съесть; никто не мог вкушать их в присутствии короля. Короче говоря, то, что предлагается в одном месте живому вождю, в другом месте предлагается его умершему предшественнику, а в третьем - великому божеству, которое медленно вырастало из них. Бог - это мертвый царь; царь, как и в древнем Египте, - это живой бог и потомок богов, его обожествленных предков. Действительно, иногда кажется, что первые плоды приносятся в жертву самому человеку в его обожествленном качестве, а иногда Адонису, или Осирису, который является его кристаллизированным воплощением. Наш собственный праздник урожая, похоже, сохраняет приношение в христианизированной форме.

Наконец, я добавлю, что во многих случаях создается впечатление, что божественная сельскохозяйственная жертва рассматривалась как царь собственной персоной, воплощение деревенского или племенного бога, и приносилась в жертву самому себе у камня, который образует памятник и алтарь первобытного божества. Примеры этой идеи мы увидим, когда продолжим изучение великих богов зерна и вина Средиземноморского региона.

ГЛАВА XIV. БОГИЗЕРНА И ВИНА.

В развитых сообществах боги земледелия, с которыми мы имели дело в предыдущей главе, приобретают особые классовые названия, такие как Аттис и Адонис; специализируются как боги кукурузы, боги вина, боги финиковой пальмы или боги урожая; и приобретают большое значение в различных религиях.

Я предлагаю несколько подробнее рассмотреть наиболее важные из них в средиземноморских цивилизациях, где впервые зародилось христианство. И я начну с Диониса.

Одной из примечательных особенностей фестиваля Потрадж в южной Индии, который подробно описал для нас сэр Уолтер Эллиот и о котором я дал краткое описание в предыдущей главе, является его оргиастический характер. Как разновидность оргиастических боготворческих церемоний с их пятидневным фестивалем, это вполне заслуживает более полного описания. Праздник проходит возле храма деревенской богини, которой поклоняются в виде бесформенного камня, окрашенного в красный цвет киноварью, вероятного представителя первого человеческого основания-жертвы. Позади этого храма был воздвигнут алтарь богу, носящему имя Потрадж. Он является божеством совершенствования. Сам фестиваль находился в ведении париев, или аборигенов-изгоев; на нем присутствовали представители всех низших классов, включая танцовщиц храма, пастухов или другие “неарийские” касты. Во время фестиваля эти люди временно заняли первое место в деревне; они, по-видимому, составляли двор временного короля и представляли ранний местный культ, богов которого расы-завоеватели боялись оскорбить. Ибо, поскольку мертвые представители покоренной расы владеют землей, иммигранты-завоеватели повсюду испытывают суеверный страх навлечь на себя их неудовольствие. В первый день оргии представители низшей касты выбирали одного из себя в качестве священника или Потраджа.

На второй день праздника священный буйвол, уже описанный как имеющий характер богочеловеческой жертвы, был брошен на землю перед богиней; его голова была отрублена одним ударом и помещена перед святилищем с одной ногой во рту. Тушу, как мы уже видели, затем разделявали и доставляли земледельцам, чтобы они закопали ее на своих полях. Затем кровь и потроха были собраны в большую корзину, и исполняющий обязанности жреца, человек низшей касты, носивший (как и бог) имя Потрадж, взяв живого козленка, разрубил его на куски поверх месива. Затем корзину водрузили на голову обнаженному мужчине из класса кожевников, который пробежал с ней по периметру деревни, разбрасывая осколки направо и налево. Потрадж был вооружен священным кнутом, подобно Осирису; и этот кнут сам по себе был предметом глубокого почитания.

На третий и четвертый дни было зарезано множество буйволов и овец; а на четвертый день женщины пришли в храм обнаженными, одетые только в ветви деревьев; обычное религиозное действо, о котором у меня здесь достаточно места, чтобы предположить, что святая Елизавета Венгерская и процессия Годивы в Ковентри являются сохранившимися реликвиями. (Эти отношения были хорошо разъяснены г-ном Сидни Хартлендом.)

На пятый и последний день вся община прошла маршем с музыкой к деревенскому храму и принесла заключительную жертву на алтаре Потрадж. Неподалеку был спрятан ягненок. Потрадж, найдя его после притворного поиска, приводил его в бесчувственное состояние ударом своего кнута или месмерическими пассажами — пережиток идеи добровольной жертвы. Затем помощники связали Потраджу руки за спиной, и вся компания начала танцевать вокруг него с оргиастической радостью. Потрадж присоединился к всеобщему волнению и вскоре попал под настоящее влияние божества. Связанного его подвели к тому месту, где неподвижно лежал ягненок. Охваченный божественным неистовством, он бросился на него, схватил зубами, разорвал кожу и вгрызся ему в горло. Когда оно было совсем мертвым, его подняли; ему поднесли блюдо, полное мясного приношения; он опустил в него свое окровавленное лицо, а затем оно было похоронено вместе с останками агнца рядом с алтарем. После этого ему развязали руки, и он покинул это место. Я могу добавить, что, как правило, убийце бога повсюду приходится спасаться от мести своих почитателей, которые, приняв участие в нападении, притворяются возмущенными, как только жертвоприношение завершено.

Теперь остальная часть группы переместилась к передней части храма, где куча зерна, оставленная в первый день, была разделена между всеми земледельцами, чтобы каждый засеял поле своим куском мяса. После этого было произведено распределение сложенных голов буйволов и овец, забитых на третий и четвертый дни. Очевидно, они считались такими же священными, как божественные головы вообще во всех странах и эпохах. Около сорока овечьих голов были разделены между определенными привилегированными лицами; за остальных началась всеобщая драка, и вскоре мужчины всех каст вместе катались по земле в месиве из гниющей крови. За головы буйволов боролись только парии. Тот, кому посчастливилось заполучить голову того или иного вида, унес ее и закопал на своем поле. Мистер Гомм собрал множество подходящих примеров особой важности головы во всех подобных жертвоприношениях.

Разбирательство завершилось процессией вокруг границ; захоронением головы священного буйвола рядом со святилищем деревенской богини; и началом настоящей оргии, “правила неуправления”, во время которой главный музыкант безудержно оскорблял все власти, местные или британские.

Я так подробно рассказал об этом необычном празднике отчасти потому, что он проливает свет на многое из того, что происходило раньше, но отчасти также и потому, что он помогает объяснить многие элементы поклонения великим богам зерна и вина. Один момент кардинальной важности, на который следует обратить внимание здесь, заключается в том, что исполняющий обязанности священника, который когда-то был и богом, и жертвой, называется Потрадж, как и божество, которое он представляет. Точно так же во Фригии объединенная жертва Аттису и жрец Аттису носили имя Аттис; и точно так же в Египте ежегодное приношение Осирису носило имя Осириса, которого он представлял.

Следовательно, если я прав, то по аналогии с двумя праздниками Дионис по своему происхождению был богом зерна, а позже - богом виноградной лозы, которого ежегодно убивали и хоронили, чтобы его кровь могла удобрить поле или виноградник. В гомеровский период он все еще был всеобщим богом земледелия; только позже он отчетливо стал богом винограда и божеством вина. Первоначально, я полагаю, Дионис был в каждой деревне; и эта божественная жертва ежегодно приносилась самому себе в оргиастических обрядах, подобных обрядам Потраджа. Мистер Лоуренс Гомм уже частично указывал на это приравнение эллинского и индийского обычаев. Согласно этой гипотезе, самой ранней формой поклонения Дионису была бы та, которая сохранилась на Хиосе и Тенедосе, где живое человеческое существо было оргиастически разорвано на куски на празднике Диониса. В Орхомене человеческой жертвой по обычаю была женщина из семьи Олей (так что там были женщины-Дионисы): на ежегодном празднике жрец Диониса преследовал этих женщин с обнаженным мечом, и если он ловил одну из них, он имел право убить ее. (Это священная случайная жертва.) В других местах церемония была изменена в исторические времена; так, в Потнице, в Беотии, когда-то было принято закалывать ребенка как Диониса; но позже первоначальную человеческую жертву заменили козлом, который отождествлялся с богом. Эквивалентность жертвы животного человеческому богу подтверждается тем фактом, что на Тенедосе новорожденный теленок, приносимый в жертву Дионису — или как Дионис — был обут в кожаные сапоги, в то время как за коровой-матерью ухаживали, как за роженицей.

В других местах мы находим другие оргиастические обряды, еще более напоминающие индийский образец. У критян Дионису раз в два года приносили в жертву быка, и верующие яростно разрывали живое животное на куски своими зубами. Действительно, говорит мистер Фрейзер, разрывание на части и пожирание живых быков и телят, по-видимому, было обычной чертой дионисийских обрядов. В некоторых городах, опять же, животным, занявшим место жертвы-человека, был ребенок. Когда последователи Диониса разрывали на куски живого козла и пили его кровь, они верили, что пожирают настоящее тело и кровь бога. *Это вкушение бога является важным моментом*, который снова задержит нас на более позднем этапе нашего исследования.

Я не хочу слишком долго останавливаться на каком-либо одном божестве или, скорее, классе божеств; поэтому я кратко скажу здесь, что когда Дионис стал ежегодной или двухгодичной жертвой богу виноградной лозы, было неизбежно, что его поклонники должны были увидеть его воскресение и воплощение в виноградной лозе и должны были рассматривать вино, которое она давала, как кровь бога. В данном случае отождествление было особенно естественным, ибо разве не мог каждый верующий почувствовать бога в вине? и разве божественный дух, заключенный в вине, не вдохновлял и не опьянял его? “Наполненность богом” была естественным выражением возникающего возбуждения; таким образом, культ винного спирта является одним из тех, которые основаны на самой надежной и интимной личной основе.

Соответственно, смерть и воскресение Диониса являются физической реальностью. Бога ежегодно убивают во плоти, как человека, быка или козла; и он воскресает на виноградной лозе, чтобы еще раз отдать свою кровь на благо своих приверженцев. Более того, его можно использовать в качестве удобрения для многих других деревьев; и таким образом, мы обнаруживаем, что Дионис выполняет множество функций. Его по-разному почитают как Диониса дерева, и более конкретно плодоносящего инжира и яблока. Его изображение, как и у других уже встречавшихся древесных богов, часто представляло собой вертикальный столб без

рук, но задрапированный (как у *ашеры*) в мантию и с бородатой маской, изображающей голову, в то время как торчащие из нее зеленые ветви отмечали его растительный характер. Он был покровителем культурных деревьев; ему возносились молитвы о том, чтобы деревья росли; его почитали производители фруктов, которые устанавливали его изображение в виде естественного пня посреди своих садов. (Сравните эту последнюю пришедшую в упадок утилитарную реликвию, современное пугало.) За другими не менее интересными фактами я бы еще раз отсылал читателя к мистеру Фрейзеру, чей богатый запас я не должен переоценивать. Из его коллекции фактов мне кажется очевидным, что изначально повсюду существовал отдельный местный Дионис, ежегодная жертва богу-мужчине или богу-женщине (которую позже заменили животным), и что лишь постепенно поклонение отдельным Дионисиям перешло в общее поклонение одному великому идеализированному богу Дионису. Великие боги принадлежат к высшему классу, а не к отдельным личностям.

Г-н Гомм далее указал на три интересных момента сходства между дионисийскими обрядами и индийским праздником Потрадж. Во-первых, Дионис иногда представляется своим поклонникам только головой — без сомнения, сохранившейся головой оракула; и в любом случае это параллель с важностью головы в индийской церемонии. Во-вторых, принесший в жертву теленка в Тенедосе был изгнан и побит камнями после совершения обряда — аналог Потраджа, бежавшего с места после заклания ягненка. И, в—третьих, женщины, поклоняющиеся Дионису, присутствовали на обрядах обнаженными, увенчанными гирляндами и вымазанными грязью — аналог обнаженных поклонниц, окруженных ветвями деревьев на индийском празднике. Все эти три момента в изобилии повторяются в подобных церемониях в других местах.

Как правило, я строго игнорирую простые мифы как затемняющие советы, ограничивая свое внимание чисто религиозными и практическими элементами обычаев и богослужения. Но здесь стоит отметить для наглядности критский миф о Дионисе, сохраненный для нас Фирмиком Матернусом в латинизированной форме. Дионис представлен там как сын Зевса, критского царя; и эта легенда, бесцеремонно отвергнутая м-ром Фрейзером как “эвгемеристическая”, по крайней мере, включает в себя старую идею о том, что жертва Дионису изначально сама была божественным богом-царем, связанным кровными узами с верховным богом или основателем сообщества. Гера, жена Зевса, приревновала его к ребенку и заманила его в засаду, где на него напали ее спутники Титаны, которые разрубили его на части, сварили его тело с различными травами и съели. Другие версии мифа рассказывают нам, как его мать Деметра собрала воедино его искалеченные останки и снова сделала его молодым. Однако чаще всего Дионис является сыном Семелы, и приводятся различные другие версии способа его воскрешения. Для нашей цели достаточно того, что во всех них *бог вина, после того как был убит и разорван на части, снова восстает из мертвых и часто возносится к своему отцу Зевсу на небеса*. Видимое воскрешение во многих местах было частью обряда; хотя я не могу согласиться с очевидным и (для него) необычным предположением мистера Фрейзера о том, что обряд вырос из мифа; я придерживаюсь прямо противоположного порядка эволюции.

Таким образом, в целом, хотя я не отрицаю, что позднейшие греки рассматривали Диониса как единого верховного бога растительности и что в конечном итоге поклонение породило множество абстрактных идей — особенно тех, которые отождествляли смерть и воскресение бога с ежегодным зимним сном и весенним пробуждением, — я утверждаю, что по своему происхождению Дионис был не чем иным, как ежегодной жертвой кукурузе, впоследствии

превратившейся в жертву деревьям и виноградной лозе, из могилы которых вырос гранат, этот кроваво-красный плод, и жизненный сок которого проявился в виде богоданного вина. Сначала это была ежегодная человеческая жертва, впоследствии он был олицетворен козлом или быком; и поэтому в искусстве его изображали как быка или человека с бычьими рогами. Постепенно отождествляясь с растительностью в целом, он в конце концов стал рассматриваться как Цветочный Дионис, Фиговый Дионис или даже, подобно Аттису, бог сосны. Но все это, я полагаю, было позднейшими синкретическими дополнениями; и я считаю, что в таких примитивных формах, как оргиастический бог урожая на индийском празднике кукурузы, мы получаем первичный оригинал эллинского божества виноградной лозы.

Я перехожу к Осирису в его вторичном или приобретенном качестве бога зерна.

Я уже высказывал убеждение, в котором меня поддерживает мистер Лофти, что первоначальный Осирис был реальным историческим ранним царем Этого Абидоса. Но в более поздней египетской религии, после того как начали развиваться мистические идеи, его стали рассматривать как бога мертвых, и на каждую мумию или каждую оправданную душу смотрели как на Осириса. Более того, представляется вероятным, что в Египте имя Осириса также связывали с ежегодной закланной жертвой кукурузы или богом кукурузы. Таким образом, по всему Египту существовало множество дубликатов Осириса; особенно в Бусирисе, где это имя было присвоено древней гробнице, подобной той, что в Абидосе. Это отождествление новоиспеченного бога с историческим предком, умершим царем или племенным божеством вполне привычно; оно параллельно отождествлению совершающего богослужение Потраджа с богом Потраджем, жреца Аттиса с Аттисом, жертвы Диониса с сыном Зевса: и это встретится нам позже в виде жестоких параллелей. Давайте посмотрим на доказательства.

Как и в Индии, праздник Осириса длился пять дней. (Этот период стоит отметить.) Церемонии начинались с вспашки земли. Мы не знаем наверняка, приносилась ли в жертву человек; но многие побочные аналогии привели бы нас к такому выводу и предположили бы, что, как и везде, священная жертва была разорвана на куски в стремлении земледельцев и верующих заполучить фрагмент его оплодотворяющего тела. Ибо в мифе Тифон разрезает труп бога на четырнадцать частей, которые он разбрасывает повсюду (подобно тому, как обнаженный кожевник разбрасывает священного буйвола): и мы знаем, что в египетских церемониях главным элементом были поиски искалеченных частей тела Осириса, ликование по поводу их обнаружения и торжественное погребение. В один из дней праздника процессия жрецов обходила храмы - или обходила границы дозволенного: и праздник завершался возведением колонны или каменного памятника Осирису, в возведении которого на барельефе изображен сам царь, помогающий ему. Я думаю, что невозможно не заметить общего сходства этих обрядов с обрядами Потраджа.

Я должен добавить, хотя и не могу здесь подробно останавливаться на этом вопросе, что многочисленные намеки на бросание ларца с Осирисом в Нил являются четкими указаниями на заклинание дождя, получаемое при бросании человеческой жертвы в источник или реку. В этом случае, однако, местные жители, конечно, должны рассматривать поднятие уровня Нила в должное время года как чудо.

Характер более позднего Осириса или отождествляемого с ним бога-жертвы как бога кукурузы и овощей в полной мере подтверждается несколькими другими свидетельствами. Говорят, что Осирис был первым, кто научил людей использовать кукурузу. Он также представил

выращивание виноградной лозы. Мистер Фрейзер отмечает, что в одном из помещений, посвященных Осирису в великом храме Исида в Филе, мертвое тело Осириса изображено с прорастающими из него кукурузными стеблями, и священник поливает стебли из кувшина, который он держит в руке. О том, что человеческие жертвы кукурузы были, по крайней мере, небезызвестны в Египте, мы знаем из прямого источника Манефона, который рассказывает нам, что рыжеволосых мужчин сжигали, а их пепел развеивали веерами. (Ранее упоминались подобные случаи в других местах.) Точно так же легенда рассказывает нам, что Исида положила отрубленные конечности Осириса на кукурузное сито. Рыжеволосых быков также приносили в жертву в Египте, очевидно, для производства красной пшеницы. Это аналог быка, принесенного в жертву как Дионис.

Опять же, в "Легенде о Бусирисе" и пояснениях или комментариях к ней мы получаем важные свидетельства, ценность которых, я полагаю, не была полностью отмечена мистером Фрейзером. Эта история дошла до нас в греческой форме, но мы можем видеть по ней, что она представляет собой миф, рассказывающий о жертвоприношении Осириса. Название Бусирис означает город Осириса, который был назван так потому, что там находилась могила древнего Осириса (либо мумии, либо местного вождя, отождествляемого с великим богом Абидоса). Говорили, что на его могиле приносились человеческие жертвы; точно так же, как жертва Потрадж приносится в святилище деревенской богини, и точно так же, как ежегодная жертва в другом месте приносилась в жертву Конечному камню или священному камню основания- богу или богине. Жертвами были рыжеволосые мужчины и незнакомцы. Их прах был развеян за границей веерами. Они были убиты на поле жатвы, и жнецы (подобно Адонису и Аттису) оплакивали их в песне, которая из-за греческой ошибки известна нам как "Манерос". В то же время жнецы молились о том, чтобы Осирис возродился и вернулся с новой силой в следующем году. Самым интересным моментом в этом рассказе, собранном по кусочкам у Аполлодора, Диодора и Плутарха, является тот факт, что он показывает нам, как ежегодный Осирис отождествлялся с древним божественным царем, который лежал в своей могиле неподалеку; и таким образом ставит этот случай в соответствие с другими, которые мы уже рассматривали и которые еще предстоит рассмотреть. Что же касается охоты за кусками тела Осириса, то это точно так же, как охота Деметры за искалеченными кусками Диониса. Я интерпретирую и воскрешение Осириса, и историю о том, как фрагменты были собраны воедино и снова стали молодыми, рассказанную о Дионисе, как означающую, что разрозненные кусочки, погребенные подобно фрагментам Кхонд Мериа, снова вырастают в следующем году в живое зерно для сбора урожая.

Более того, по сей день в Египте существует очевидный пережиток древнего ритуала Осириса в ослабленной форме (как у псевдомэров в Англии), что отчетливо наводит на мысль обидентификации, которую я здесь пытаюсь провести. В Верхнем Египте, рассказывает нам Клуцингер, в первый день (египетского) солнечного года, когда Нил обычно достигает своей высшей точки, в каждом округе на три дня приостанавливается работа регулярного правительства, и каждый город выбирает своего временного правителя. Этот временный царь (местный Осирис, как я полагаю) носит коническую шапочку, длинную льняную бороду и закутан в странную мантию. Я говорю без колебаний: одеяние Осириса, на нем старая царская шапка Верхнего Египта. С жезлом власти в руках — наподобие посоха, который Осирис носит на монументах, — в сопровождении людей, переодетых писцами, палачами и так далее, он направляется к дому губернатора. Губернатор позволяет низложить себя; мнимый король, взойдя на трон, созывает трибунал, решениям которого должен подчиняться даже сам

губернатор. Короче говоря, как и другие временные короли, в данный момент он действительно пользуется королевской властью. Однако через три дня мнимый король приговаривается к смерти; оболочка, в которую он заключен, предается огню; и из ее пепла выползает Феллах, который выдавал себя за него. Я не сомневаюсь, что этот футляр представляет собой античный сундук или футляр для мумии Осириса.

Таким образом, в этом наглядном церемониале я вижу продолжение, с обычными смягчениями, ежегодного жертвоприношения Осирису, которое когда-то действительно совершалось над человеческой жертвой. Я не сомневаюсь, что в Египте, как и везде, некогда вместо настоящего царя избирался мнимый царь, олицетворявший потомка Осириса, самого Осириса; и что этот заменитель был предан смерти, разорван на куски или сожжен, в то время как его прах был развеян над землей. Возможно, также стоит поинтересоваться, не является ли бич, который держит Осирис на барельефах, эквивалентом божественного хлыста Потраджа и других хлыстов, которые мистер Гомм так изобретательно соотнес с этим весьма почитаемым и мистическим атрибутом.

Тогда я бы предположил, что Осирис в своем более позднем воплощении ежегодно обновлялся как жертва из зерна и виноградной лозы. Первоначально он был царем Верхнего Египта или его части, но в более поздних мифах он рассматривался как бог общей культуры. Исида, его сестра и жена, обнаружила, что пшеница и ячмень растут в диком виде; и Осирис распространил эти злаки среди своего народа, который после этого отказался от каннибализма и занялся выращиванием зерновых. Ежегодная жертва, чаще всего чужак, отождествляемый с расовым богом, разрывался на куски вместо него; а сам Осирис в конце концов сливался с абстрактным духом растительности и считался прародителем всех деревьев. Точно так же, как коринфяне, когда оракул приказал им поклоняться определенной сосне “наравне с богом”, срубили ее и сделали из нее два изображения Диониса с позолоченными телами и выкрашенными в красный цвет лицами; так и египтяне срубили сосну, вынули сердцевину, сделали изображение Осириса, а затем похоронили его в дупле дерева, с которого оно было взято. Сходные ритуалы, проводимые при поклонении Аттису, и все подобные им свидетельствуют о той поздней и абстрактной стадии мышления, когда примитивная жертва земледелия была сублимирована и возведена в абстрактного обобщенного бога растительности. Но то, что для мистера Фрейзера является отправной точкой, для меня является целью эволюции Осириса.

Давайте теперь очень кратко рассмотрим случай с Адонисом.

Адон, или Господь, широко известный как Таммуз, был одним из главных элементов сирийской религии. Он был тесно связан с одноименной рекой Адонис, которая брала начало у его могилы у священного источника Афака. Я полагаю, на самом деле мы не знаем ни одного человека, ставшего жертвой Адониса; но его смерть ежегодно оплакивалась горькими стенаниями, в основном женщинами. Его изображения одевали как трупы и выносили как бы для погребения, а затем бросали в море или в источники. Очевидно, это было заклинание дождя, которое особенно естественно в такой засушливой стране, как Сирия. И я добавлю попутно, что я приписываю подобным обстоятельствам также, по крайней мере, некоторую долю святости рек. В определенных местах воскрешение Адониса праздновалось на следующий день. В Библие он также вознесся на небеса на глазах у своих верующих — момент, заслуживающий внимания с точки зрения христианских аналогий. Кроваво-красный оттенок реки Адонис весной — на самом деле из-за обесцвечивания притоков красной землей с гор — объяснялся кровью бога

Адониса; алый анемон прорастал из его ран. Но схолиаст, посвященный Феокриту, ясно объясняет Адониса как “посеянное зерно”; и в том, что он был “семенем”, подобно обычным жертвам кукурузы в Индии и других местах, мы едва ли можем сомневаться из повторяющихся историй о его смерти и воскресении. Так называемые “сады Адониса”, которые представляли собой имитацию кургана, засаженного кукурузой, были наиболее заметной частью ритуала бога. Они состояли из корзин или горшков, наполненных землей, в которые женщины сеяли пшеницу, ячмень, цветы и так далее и за которыми ухаживали; по истечении восьми дней их выносили с изображениями умершего Адониса и бросали в море или висточники. Без сомнения, это был еще один случай применения заклинания дождя. Мистер Фрейзер собрал несколько интересных примеров подобных ритуалов по всему миру.

К нескольким другим воплощениям бога кукурузы можно относиться более поспешно.

Чем Адонис был для Сирии, тем Аттис был для Фригии. Первоначально, по словам профессора Рамзи, он, по-видимому, был представлен ежегодной жертвой священника, который убивал себя ради людей, чтобы обеспечить плодородие. Сам этот жрец-жертва носил имя Аттис и отождествлялся с богом, которому он поклонялся. Позже, вместо того чтобы покончить с собой, он просто пустил себе кровь; и есть основания думать, что свинья также была заменена в качестве дублирующей жертвы, и что эта свинья сама рассматривалась как Аттис. Существуют аналогии с пасхальным агнцем; в то время как членовредительство в культе Аттиса также имеет общие черты с еврейским обрезанием. Более того, церемонии были тесно связаны, по крайней мере в Пессине, с древним священным камнем, который носил имя Кибелы и который описывался как Мать Богов; эта связь в точности напоминает связь бога Потраджа в Индии с культом местной деревенской богини. Поскольку я верю, что деревенская богиня является постоянной формой человеческих жертвоприношений фонда, я также верю, что Кибела (каким бы грубым эвгемеризмом это ни казалось) является священным камнем изначальной девы, которая была принесена в жертву при первом основании Пессина.

Когда священный камень Кибелы и культ Аттиса были перенесены в Рим (при обстоятельствах, о которых я расскажу в одной из последующих глав), праздник состоял из пятидневного ритуала, подобного Потраджу. Это произошло в день весеннего равноденствия, как и наш собственный аналогичный праздник Пасхи. В первый день в лесу срубили сосну, и к ней привязали чучело молодого человека. Это изображение, без сомнения, изображало первобытное человеческое жертвоприношение, и его распятие в точности соответствует закланию священного буйвола в Индии. Второй день не дает ничего существенного; на третий день жрец Аттиса взял кровь из собственных рук и преподнес ее в качестве подношения; я бы предположил, что это было заменой самосожжения, и что первоначально самосожжение было совершено путем нанесения увечий гениталиям. Возможно, именно в эту ночь был объявлен траур по телу Аттиса, представленному статуей, которая впоследствии была торжественно похоронена. На четвертый день наступил Праздник Радости, на котором, как считает мистер Фрейзер, праздновалось воскресение бога. Пятый день завершился процессией к ручью Альмо, в котором священный камень богини и ее повозка, запряженная волами, были омыты в качестве талисмана дождя. По возвращении тележка была усыпана цветами. Я думаю, что близкая параллель с индийским обычаем здесь довольно очевидна. Действительно, из соображений краткости я умолчал о нескольких других наиболее любопытных сходствах.

Таким образом, Аттис был, по сути, богом зерна. Его смерть и воскресение ежегодно праздновались в Риме и в Пессине. Ежегодно умирал какой-нибудь Аттис. Аттис из Пессина был одновременно жрецом и царем; возможно, когда-то его долгом было умереть в конце своего ежегодного правления как бога зерна для своего народа. Одним из эпитетов Аттиса был “очень плодотворный”; к нему обращались как к “собранному желтому колосу кукурузы”; и когда изображение заменяло ежегодно убитого царя-жреца, само это изображение хранилось в течение года, а затем сжигалось, как это сделал бы сам царь-жрец в более ранний период. Мне кажется, невозможно устоять перед совокупным весом этих единичных свидетельств.

Что касается весьма любопытных обычаев и мифов, касающихся Деметры, Персефоны и других женщин-жертв кукурузы, я должен еще раз отсылать читателя к мистеру Фрейзеру. Это правда, исследователь найдет там предмет, рассматриваемый с противоположной точки зрения; он увидит, что богинь рассматривают сначала как духов зерна, затем животных, наконец, людей: но после приведенных мною здесь примеров моего собственного способа видения фактов, я думаю, читатель сам увидит, какие исправления следует внести в анимизм и личное уравнивание мистера Фрейзера. Я только скажу здесь, что во многих странах, от Перу до Африки, девушку или женщину, по-видимому, приносили в жертву как богиню кукурузы; что эта богиня кукурузы, по-видимому, была посеяна вместе с семенами и, как полагают, снова оживает вместе с кукурузой; и что некоторые европейские обычаи сбора урожая, по-видимому, являются смягчением старого церемониала с обычной заменой человеческой жертвы животным или изображением. Рассматриваемый в этом свете сборник фактов мистера Фрейзера о кукурузной крошке представляет собой прекрасную основу для исследования; но хотя я мог бы многое сказать по этому вопросу, я воздержусь от этого здесь, поскольку в настоящее время я хочу лишь дать такой обзор, который позволит читателю понять мои общие принципы. Половина часто бывает больше, чем целое; и я боюсь, что если я слишком расширю рамки, может быть трудно следовать основной линии моей аргументации.

Я не могу, однако, удержаться от упоминания о том, что церемонии “Проведения смерти” и “Погребения карнавала”, которые преобладают по всей Европе, сохраняют многие интересные черты фестивалей Потраджа, Диониса и Аттиса-Адониса. Фигуру Смерти — то есть, насколько я понимаю, изображение мертвого бога—человека — часто разрывают на куски, а затем фрагменты закапывают в полях, чтобы урожай хорошо рос. Но Смерть также топят или сжигают; в первом случае, как Адониса, во втором, как Осириса в современном египетском обычае. А аналогии этих фестивалей с фестивалями Индии и Западной Азии должны поразить каждого внимательного читателя шедевра мистера Фрейзера.

В качестве примеров должно быть достаточно двух или трех типичных примеров. В Богемии дети выносят соломенного человечка из деревни, называя его Смертью, а затем сжигают, распевая: =

Теперь мы уносим Смерть из деревни,

Новое лето в деревне;

Добро пожаловать, дорогое лето,

Маленькая зеленая кукуруза. =

Здесь сразу бросается в глаза связь церемонии с примитивным жертвоприношением зерна. Показательно также изготовление чучела из соломы. В Таборе в Богемии изображение Смерти

сбрасывают с высокой скалы в воду, очевидно, как талисман на дождь, с похожей песней, молящей о “хорошей пшенице и ржи”. (Сравните церемонию у Тарпейской скалы, где жертвой в конце концов становился осужденный преступник, а также мифы о жертвоприношении путем прыжка в море.) В Нижней Баварии пантомима была более реалистичной; *Пфингстль*, как называли жертву, был одет в листья и цветы и облит водой. Он зашел вброд в ручей по пояс, в то время как мальчик притворился, что отрубает ему голову. В Саксонии и Тюрингии Дикаря, олицетворяющего бога, убивают во время немого представления на Троицу. Его похитители делают вид, что стреляют в него, и он падает как мертвый, но впоследствии возрождается, как при воскрешении Адониса и Диониса. Подобные воскрешения являются обычным эпизодом популярной кукурузной драмы. Я нашел случай в Сассексе. В Semic в Богемии у нас есть еще один наглядный момент: жертва на самом деле описывается как царь, носит корону из коры и держит жезл в качестве скипетра, как мнимый Осирис. Другие короли часто встречаются в других местах. В округе Кенигграц короля судят, и, если его признают виновным, обезглавливают в пантомиме. Недалеко от Шомберга мнимая жертва была известна как Дурак, еще одно значимое имя, и в конце концов была похоронена под соломой и навозом, что, очевидно, имело сельскохозяйственное значение. В Ротвейле Дурака напоили и похоронили всоломе под причитания Адониса. В другом месте Дурака, либо лично, либо в виде соломенного чучела, бросают в воду. В Шлукенау реализм идет еще дальше: дикий Человек носит на шее пузырь, наполненный кровью; палач наносит ему удар, и кровь хлещет на землю. На следующий день соломенного человечка, сделанного настолько похожим на него, насколько это возможно, кладут на носилки и относят к бассейну, в который его бросают. Во всех этих древних церемониях невозможно не увидеть ныне игривое продолжение примитивного жертвоприношения кукурузы. Наш первоапрельский розыгрыш показывает последнюю стадию деградации таких общемировых обычаев. Первоначально его послали с дурацким поручением к месту жертвоприношения, чтобы он мог пойти добровольно, теперь его просто послали с бессмысленной насмешкой.

Я только добавлю здесь, что, хотя боги кукурузы и вина являются наиболее заметными представителями этой странной группы искусственных божеств, священная финиковая пальма также имеет свое значение в религиях Месопотамии; и в других местах боги кукурузы, подорожника и кокоса занимают особое или местное положение.’ То же самое делают Дух Риса, Жена Овса, Мать Ржи и Мать Ячменя (или Деметра). Все они кажутся модификациями примитивной жертвы, приносимой в жертву, чтобы придать дух урожаю или выступить в качестве “семени” для финика или подорожника.

ГЛАВА XV. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ И ТАИНСТВО.

Мы теперь подошли к тому моменту, когда можем более полно понять *те любопытные идеи о жертве и таинстве, которые лежат в основе столь многого существенного в еврейской, христианской и большинстве других религий.*

Мистер Гальтон рассказывает нам, что для дамара, когда он путешествовал среди них, все мясо было общим достоянием. Никто не убивал быка, кроме как в качестве жертвоприношения и по праздничному случаю; и когда бык был убит, вся община пировала им без разбора. Это всего лишь единичный пример чувства, почти повсеместного среди первобытных скотоводческих народов. Крупный рогатый скот и другие домашние животные, считающиеся священными, редко убиваются; а когда их убивают, их съедают на пиру в качестве социального и практически религиозного обряда — короче говоря, сакраментально. Мне нет необходимости приводить примеры столь хорошо известного принципа; я ограничусь цитатой того, что доктор Робертсон Смит говорит об одной конкретной расе: “У ранних семитов вообще не было законного массового убийства, за исключением жертвоприношений”.

Пастухи-варвары, действительно, с трудом могут представить себе людей, для которых мясо является ежедневным продуктом питания. Мистеру Гальтону эта идея показалась очень странной для его Дамарас. Примитивные скотоводческие расы держат своих домашних животных главным образом ради молока, или как вьючных животных, или ради шерсти; они редко убивают кого-либо, за исключением пира, участниками которого являются боги. Действительно, вполне вероятно, как будет показано в дальнейшем, что домашних животных первоначально держали в качестве тотемов или богов-предков, и что привычка употреблять в пищу мясо овец, коз и быков возникла главным образом из-за замены такой божественной жертвы животного божественной жертвой человека, которая использовалась ранее. Наши мясные лавки берут свое начало в смягченном жертвенном каннибализме.

Таким образом, жертвоприношение, рассматриваемое просто как подношение богам, имеет, я полагаю, два различных происхождения. Его самой ранней, простой и естественной формой является та, развитие которой мы уже проследили, — размещение небольших предметов питания и питья на могилах предков, королей или почитаемых соплеменников. То, что с самого раннего периода люди верили, что мертвые могут есть и пить, будь то труп, мумия, призрак похороненного друга или бесплотный дух кремированного вождя, мы уже видели достаточно часто. Я думаю, что в происхождении этих простейших и примитивнейших жертвоприношений не может быть особых сомнений. Дикари приносят в жертву на могилах своих умерших именно те обычные продукты питания, которые они потребляли при жизни, без какого-либо различия вида; и они продолжают предлагать их тем же наивным образом, когда призрак достигает статуса одного из великих богов сообщества.

Но есть и другой способ жертвоприношения, накладывающийся на этот и постепенно склоняющийся к более или менее отождествлению с ним, который, однако, если я прав, имел совершенно иное происхождение в искусственном создании богов, о котором я довольно подробно писал в последних трех главах. Жертва из человека или животного, приносимая таким образом в жертву для создания нового бога или духа-покровителя, со временем была мысленно ассимилирована с более старым типом простых почетных подношений умершим богам; и так возникли *те мистические идеи о боге, которого приносят в жертву, о самом себе,*

конечным и наиболее таинственным результатом которых является таинство Мессы. Таким образом, боги основания, первоначально убитые для создания духа-покровителя дома или племенного бога для города или деревни, в конце концов стали рассматриваться как жертвы, приносимые в жертву Богине Земли или Земным Демонам; и таким же образом, Мериахи и другие сельскохозяйственные жертвы, первоначально убитые для создания бога кукурузы или духа кукурузы, в конце концов стали рассматриваться как жертвы Земле или какому-то абстрактному Дионису, или Аттису, или Адонису. И поскольку в последнем случае, по крайней мере, бог и жертва все еще назывались одним именем и признавались как одно целое, во многих странах и в обоих полушариях, но особенно в бассейне Восточного Средиземноморья, возникла мистическая теория о принесении бога в жертву самого себе во искупление, которая составляет основу христианского плана Спасения. Я полагаю, что именно эта вторичная и производная форма жертвоприношения в основном рассматривается в подробном и чрезвычайно ценном анализе профессора Робертсона Смита.

Я уже говорил, что вторичная форма жертвоприношения, которую для краткости я впредь буду называть мистической, встречается в большинстве частей света и в обоих полушариях. Это, естественно, поднимает вопрос, имеет ли он единое общее происхождение и предшествует ли расселению человечества по полушариям; или же он был независимо развит несколько раз на многих землях многими расами. Что касается меня, то у меня нет однозначного ответа на этот сложный вопрос, и я не считаю его действительно важным. С одной стороны, есть много оснований предполагать, что определенные относительно высокие черты мышления или искусства были общим достоянием человечества до рассеяния из первобытного центра, если первобытный центр когда-либо существовал. С другой стороны, психологи хорошо знают, что человеческий разум действует с необычайным сходством в данных обстоятельствах по всему миру и что идентичные стадии эволюции, по-видимому, независимо прошли многие расы в Египте и Мексике, Китае и Перу; так что мы не можем найти ничего изначально невероятного в идее, что даже эти сложные концепции мистического жертвоприношения имеют разные истоки в отдаленных странах. Что несомненно, так это тот факт, что у ацтеков, как и у фригийцев, жрец, приносивший жертву, жертва, которую он убивал, и изображение великого бога, которому он ее убивал, все были отождествлены; убийца, убитый и существо, в честь которого было совершено убийство, были одним неделимым божеством. Даже такие детали, как то, что священник облачался в кожу жертвы, являются общими для многих стран; они вполне могут быть либо наследием далеких предков человечества, либо отдельным продуктом человеческого разума, работающего по сходным каналам в идентичных условиях. Одним словом, они, возможно, являются необходимыми и неизбежными следствиями из предшествующих концепций.

Я должен далее предположить, что ни одна религия в том виде, в каком мы ее сейчас знаем, ни в коем случае не является примитивной. Самые дикие верования, которые мы находим среди нас, все еще существуют сотни тысяч лет. Древнейшие религии, записи о которых дошли до нас, такие как религии Египта и Ассирии, все еще далеки на сотни тысяч лет от первоисточника. Само культивирование - очень древнее и незапамятное искусство. Немногие дикари, даже среди тех, кого обычно описывают как находящихся на стадии охоты, совершенно не осведомлены о некоторых простых способах посева семян и обработки почвы. Те немногие, кто сейчас ничего не смыслит в этих искусствах, демонстрируют некоторые явные признаки скорее вырождения, чем примитивности народов. Мое собственное убеждение или подозрение заключается в том, что идеи, почерпнутые из набора практик, связанных с сельским хозяйством, подробно описанных в последних двух главах, глубоко повлияли на жизнь и

мышление почти всей человеческой расы, включая даже те самые грубые племена, которые сейчас мало или вообще ничего не знают о сельском хозяйстве. Но я не придаю особого значения этому наполовину сформировавшемуся убеждению, оправдание которого завело бы меня слишком далеко. Я буду довольствоваться попыткой показать, насколько они повлияли на идеи большего числа существующих наций.

Ранние скотоводческие расы редко убивают зверя, за исключением особых случаев. Когда они убивают его, они пожирают его сообща, приглашая на праздник все племя. Но они также едят его в общении со своими богами; каждое великое застолье - это, по сути, Теоксенион, Лектистерний, пир, в котором божества участвуют вместе со смертными. Именно это ощущение общего пиршества богов и людей, без сомнения, дало первый шаг к сложной идее священной трапезы — идее, получившей дальнейшее развитие на более позднем этапе путем добавления концепции, согласно которой верующий вкушает и пьет настоящее божество.

Я лично считаю, что все жертвоприношения такого богоединоного характера, скорее всего, произошли от настоящего каннибализма; и что позже человеческое мясо было заменено жертвой животного; но я не настаиваю на этом и, строго говоря, не пытаюсь это доказать. Вряд ли это что-то большее, чем глубоко обоснованное подозрение. Тем не менее, я начну для удобства с жертвоприношений каннибалов и со временем перейду к знакомому забою овец и быков, которые, как известно, во многих случаях вытесняли человеческие жертвоприношения.

Рассказ Акосты о мексиканском обычае, пожалуй, лучший из имеющихся у нас примеров ритуала мистического жертвоприношения каннибалов в его полном варварстве. “Они взяли пленника, - говорит этот колоритный древний автор, “ наугад; и прежде чем принести его в жертву своим идолам, они дали ему имя идола, которому его должны были принести в жертву, и одели его в те же украшения, отождествляя его с богом. В течение того времени, пока длилось опознание, которое в одни праздники составляло год, в другие - шесть месяцев или меньше, они благоговели перед ним и поклонялись ему так же, как самому идолу. Тем временем ему разрешалось есть, пить и веселиться. Когда он шел по улицам, люди выходили поклониться ему; и каждый приносил милостыню вместе с детьми и больными, чтобы он мог вылечить их и благословить. Он во всем поступал так, как ему заблагорассудится, за исключением того, что рядом с ним было десять или двенадцать человек, которые не давали ему сбежать. Чтобы его почитали, когда он проходил мимо, он иногда играл на маленькой флейте, призывая людей поклоняться ему. Когда прибыло угощение, и он растолстел, они убили его, вскрыли и, совершив торжественное жертвоприношение, съели ”. Там, по словам компетентного органа, мы имеем простое каннибальское пиршество во всей его наготы.

Вряд ли мне нужно указывать, насколько этот рассказ напоминает кхондский обычай Мериа. Жертва, хотя на самом деле и не королевской крови, искусственно превращается в божественного короля; с ней обращаются со всеми почестями королевской крови и божественности, одевают как божество, с которым ее отождествляют, и, наконец, убивают и съедают. Только последний пункт в значительной степени отличается от случая с Мериа. Нам еще предстоит выяснить: “Почему они его съели?”

Ответ на этот вопрос ведет нас к самому сердцу и сердцевине сакраментальной концепции.

Это распространенное раннее поверье, что употребление в пищу мяса какого-либо конкретного животного придает вам качества этого животного. Мирийцы Северной Индии

ценят мясо тигра для мужчин; оно придает им силу и отвагу; но женщины не должны есть его; это сделало бы их “слишком решительными”. Намакуа воздерживаются от употребления в пищу зайчатины; они стали бы малодушными, если бы проглотили ее; но они едят мясо льва или пьют кровь леопарда, чтобы набраться сил и мужества. Среди даяков молодые мужчины и воины не должны есть оленя; это сделало бы их трусами; но женщинам и очень старым мужчинам разрешается есть его. Мужчины островов Буро и Ару питаются мясом собак, чтобы быть смелыми и ловкими. мистер Фрейзер собрал огромное количество подобных примеров, которые показывают, насколько широко распространены и глубоко укоренились подобные верования. Даже соскоба костей достаточно для получения желаемого результата; в Корее кости тигров стоят дороже, чем кости леопардов, как вдохновители мужества. Сердце льва также особенно хорошо подходит для этой цели, а языки птиц рекомендуются для красноречия.

Опять же, по той же аналогии, плоть и кровь храбрецов употребляют в пищу для того, чтобы вдохновить на храбрость. Австралийские камиларои поедают сердце и печень доблестного воина, чтобы приобрести его храбрость. Жители филиппинских островов пьют кровь своих самых храбрых врагов. В Ширском нагорье Африке те, кто убивает выдающегося бойца, съедают его сердце, чтобы заполучить его храбрость. Мы видели, как негры-слуги Дю Шайю соскребали черепа своих предков и запивали порошок водой. “Наши предки были храбры, - говорили они, - и, выпив их черепа, мы станем такими же храбрыми, какими были они”. И здесь я могу лишь отсылать читателя за многочисленными примерами к неисчерпаемому запасу мистера Фрейзера.

Случай с воинами Дю Шайю, однако, одним прыжком переносит нас в суть предмета. Многие дикари по сходным причинам на самом деле едят своих мертвых отцов. * У Страбона мы узнаем, что древние ирландцы “считали почетным пожирать тела своих родителей”. Так, по словам Геродота, поступали исседоны Центральной Азии. Массагеты использовали “иссострадания” дубинки и поедание своих престарелых людей. Этот обычай был совсем недавно распространен среди батта с Суматры, которые “религиозно и церемониально съедали своих старых родственников”. В Австралии было обычным есть родственников, умерших по несчастливой случайности. О Кукумах мы читаем, что “как только родственник умирал, эти люди собирались и ели его жареным или вареным, в зависимости от того, был он худым или толстым”. Тарианы и туканы, которые пьют прах своих родственников, “верят, что таким образом добродетели умершего будут переданы пьющим”. Араваки считают высшим знаком почета, который они могли бы оказать мертвым, выпить их измельченные кости, смешанные с водой. Вообще говоря, в большом количестве случаев родителей или родственников съедали для того, чтобы “не дать жизни уйти из семьи” или сохранить тела и души в родственном теле; или чтобы обрести мужество и другие качества умершего родственника. *Короче говоря, мертвых поедали сакраментально или, как выразился один писатель, “евхаристически”.* Мистер Хартленд собрал множество поразительных примеров.

* С момента написания этой главы тема почетного каннибализма была гораздо более полно рассмотрена мистером Сидни

Хартленд в главе о погребальных обрядах во втором томе “Легенды о Персее”.

Как возник этот странный обычай, мы можем догадаться из описания похорон в Новой Гвинее, сделанного мистером Уайаттом Джиллом. “Женщины изрезали себе лица и самым трогательным образом били себя в грудь, “ говорит он, - а затем, в безумии своего горя, выдавили вещество из раненого бедра, размазали его по своим лицам и даже облизали его”. О трупях кояри он говорит: “Огонь поддерживается горящим день и ночь у головы и ног в течение нескольких месяцев. Вся кожица снимается с помощью большого и указательного пальцев, и соки размазываются по всему лицу и телу оператора - родителя, мужа или жены умершего. Огонь постепенно иссушает плоть, так что остается лишь скелет”. Это, естественно, приводит к поеданию мертвых, что действительно практикуется в других местах Новой Гвинеи.

Но если люди едят тела своих отцов, которые являются их семейными и бытовыми богами, они также естественным образом будут есть тела искусственных богов земледелия или временных царей, которые умирают за народ. *Вкушая тело бога, вы впитываете его божественность; он и вы становитесь единым целым; он в вас и вдохновляет вас. Это основная идея сакраментальной практики; вы вкушаете своего бога посредством полного единения; вы включаете его в себя; вы и он - одно существо.*

И все же, как вы можете есть своего бога, если вы также закапываете его в виде кукурузного спирта, чтобы использовать как семя? Гонды дают нам ответ на эту очевидную трудность. Ибо, как мы видели, они окропляют кровью жертвы вспаханное поле или созревший урожай, а затем сакраментально пожирают его тело. Такое двойное использование искусственного бога действительно часто можно обнаружить по расплывчатым словам наших авторитетов. Мы видим это в церемонии Потрадж, когда священник, совершающий обряд, выпивает кровь агнца, в то время как остальная часть животного закапывается рядом с алтарем; мы видим это в многочисленных случаях, когда часть жертвы съедается сакраментально, а остальное сжигается и разбрасывается по полям, которые оно должно удобрять. Вы съедаете своего бога частично, чтобы впитать в себя его божественность; но вы хороните его частично, чтобы в то же время сохранить его удобрительные качества для вашей кукурузы или вашего винограда.

Я признаю, что все это определенно мистично; но разглагольствование тайн и странное дублирование личностей с чудесными отождествлениями и мельчайшими различиями всегда составляли значительную часть торгового ассортимента религии. Если бы все культы были простыми, какое место оставалось бы для веры? — было бы меньше возможностей привлекать воображение приверженцев.

А теперь давайте ненадолго вернемся к нашим мексиканским примерам.

На ежегодном празднике великого бога Тецкатлипоки, который, как и большинство подобных праздников, приходился примерно на то же время, что и христианская Пасха, молодой человек был избран представителем бога на двенадцать месяцев. Как и в случае почти со всеми избранными жертвами, он должен был быть человеком с безупречным телом, и его обучали вести себя как бог-король с подобающим достоинством. В течение года своего божественного правления он купался в роскоши; и фактически правящий император позаботился о том, чтобы он был великолепно одет, считая его уже настоящим божеством. Его сопровождали восемь пажей, одетых в королевскую ливрею, что показывает, что он был не только богом, но и королем; и куда бы он ни шел, люди кланялись ему. За двадцать дней до праздника, на котором его должны были принести в жертву, четыре благородные девушки, носящие имена четырех богинь, были отданы ему в невесты. Сам заключительный пир, подобно праздникам Диониса,

Аттиса и Потраджа, занимал пять дней — совпадение между двумя полушариями, которое почти указывает на первоначальную идентичность обычаев до рассеяния рас. В течение этих пяти дней настоящий царь оставался в своем дворце — и это обстоятельство ясно показывает, что жертва принадлежала к обычному классу замещенных и временных божественных царей-богов. Весь двор, с другой стороны, присутствовал при жертвоприношении. В последний день праздника жертву переправили через озеро на крытой барже в небольшой храм в форме пирамиды. Достигнув вершины, он был схвачен и прижат к каменной глыбе — без сомнения, погребальному алтарю, - в то время как священник вспорол ему грудь каменным ножом и вырвал сердце. Это он поднес богу солнца. Голова была подвешена среди черепов предыдущих жертв, без сомнения, для оракульских целей и как постоянный бог; но ноги и руки были приготовлены для стола господ, которые, таким образом, причастились бога сакраментально. Его место немедленно занял другой молодой человек, к которому в течение года относились с таким же уважением, и по истечении этого времени он был точно так же убит.

Я не думаю, что мне нужно указывать на близкое сходство этого ритуала с Кхонд Мериа, Потраджем и празднествами Диониса, Осириса, Аттиса и Адониса. Но я бы также обратил особое внимание на конечное предназначение черепа и его точное соответствие черепу бога-животного в Индии и других местах.

“Идея о том, что убитый таким образом бог в лице своего представителя немедленно оживает, - говорит м-р Фрейзер, - была наглядно представлена в мексиканском ритуале, когда с убитого человека-бога снимали кожу и облачали в его кожу живого человека, который, таким образом, становился новым представителем божества”. Например, на ежегодном фестивале в Мексике приносили в жертву женщину, которая олицетворяла Тоси, Мать Богов, — своего рода ежегодную мексиканскую Кибелу. Она была одета в украшения и носила имя богини, воплощением которой, как считалось, была. После нескольких дней пира ее в полночь отвели на вершину храма и там обезглавили. С ее тела сняли кожу, и один из жрецов, облачившись в эту кожу, стал представителем богини Тоци. Кожа с бедра женщины, однако, была снята отдельно, и молодой человек, олицетворявший бога Цинтеотля, сына Тоци, обернул ее вокруг себя, как маску. Затем последовали церемонии, в ходе которых двое мужчин, одетых в женскую кожу, разыгрывали роли бога и богини. Во всем этом есть многое, что, как мне кажется, напоминает об Изиде и Горе, Кибеле и Аттисе, Семеле и Дионисе, а также о нескольких других восточных ритуалах.

Еще более значительным является ежегодный праздник бога Тотека, который аналогичным образом представлялся жрецом, одетым в кожу человеческой жертвы, и который получал подношения в виде первых плодов и первых цветов, а также пучков кукурузы, которую хранили на семена. Здесь мы имеем самую близкую из возможных аналогий со случаем с Мериа. Подношение первых плодов, совершаемое иногда царю, иногда духам предков, здесь совершается человеческому богу земледелия, который представляет и то, и другое в своем собственном лице.

В Мексике зафиксировано множество других жертвоприношений каннибалов: во многих из них жрец вырывал теплое трепещущее сердце жертвы и преподносил его идолу. Были ли эти жертвоприношения в каждом конкретном случае обычного или мистического типа, не всегда легко решить; вероятно, сами верующие не в каждом конкретном случае делали точное различие. Но как бы то ни было, мы знаем, по крайней мере, следующее: когда человеческие

жертвоприношения были редкостью, жрецы напоминали царям, что боги “умирают от голода”; тогда война развязывалась специально для захвата пленных, “потому что боги просили чего-нибудь поесть”, и таким образом ежегодно убивали тысячи жертв. Кровь жертв приносилась отдельно; и я могу добавить в этой связи, что, как правило, и призраки, и боги скорее испытывают жажду, чем голод. Я полагаю, объяснение этого своеобразного вкуса заключается в том, что кровь и другие жидкости, пролитые на землю могил или на алтарные камни, быстро впитываются, и поэтому кажется, что их выпил или высосал дух или бог; в то время как мясные и твердые приношения кажутся нетронутыми божеством, которому они преподносятся. Второстепенная черта в этой кровожадной привычке богов проявляется в том факте, что мексиканцы также давали богу пить свежую кровь, взятую из их собственных ушей, и что священники также брали кровь из своих ног и мазали ею виски. Подобные смягчения самосожжения можно увидеть в другом месте: жрец Аттиса пускает кровь из своих рук для Аттиса, в древнееврейских жрецах Ваала, “режущих себя для Ваала”, и в знакомом древнееврейском обряде обрезания. Выжившие или верующие постоянно проливают кровь в знак уважения к мертвым или божествам.

Я мог бы привести множество примеров человеческих жертвоприношений мистического ордена в другом месте, но я предпочитаю перейти к различным смягчениям, которым они, как правило, подвергаются в различных сообществах. В своей наиболее полной форме, я полагаю, мистическая жертва должна быть самосожжением божественного царя-жреца, бога и потомка богов, самого по себе, на алтаре своего собственного божественного основания-предка. Но в большинстве случаев, которые мы можем проследить, жертвоприношение уже приняло форму принесения в жертву добровольной жертвы, временного короля, принадлежащего к божественному роду только по усыновлению, хотя иногда это был сын или брат действительного монарха. Дальнейшие модификации заключаются в том, что жертва становится пленником, взятым на войне (что действительно подразумевается в самой этимологии латинского слова *victima*), или осужденным преступником, или слабоумным, которого легче склонить к выполнению роковой обязанности. На все это мы видели намеки, по крайней мере, в предыдущих случаях. Еще более смягченными являются формы, в которых жертве позволено избежать реальной смерти с помощью хитрости, и те, в которых изображению или чучелу позволено выполнять обязанности за живого человека. Из этих промежуточных звеньев мы получаем хороший пример в случае с Бхагатами, упомянутыми полковником. Далтон, который “ежегодно изготавливает изображение человека из дерева, надевает на него одежду и украшения и представляет его перед алтарем Махадео” (или грубого каменного фаллического идола). Человек, который исполняет обязанности священника по этому случаю, говорит: “О, Махадео, мы приносим тебе в жертву этого человека согласно древним обычаям. Дай нам дождь в должное время и обильный урожай”. Затем одним ударом топора голова изображения отсекается, а тело извлекается и закапывается”. Этот странный ритуал демонстрирует нам сохранившуюся, но значительно смягченную форму практики Кхонд Мериа.

Однако, как правило, такие бескровные представления не нравятся богам; и при этом им не удастся по-настоящему освободить призрака или бога зерна. В конце концов, это всего лишь слабые призрачные жертвы. Крови хотят боги, и им дается кровь. Таким образом, наиболее распространенной заменой бога-жертвы из числа людей является бог-жертва из числа животных, многочисленные примеры которого мы уже видели в быке и козленке Диониса, свинье Аттиса и многих других. Представляется вероятным, что большое количество жертвоприношений, если не большинство из тех, при которых убивают домашних животных, в

конечном итоге относятся к той же категории. Таким образом, действительно, мы можем наиболее легко объяснить теорию так называемой “теотропной” жертвы - животного, олицетворяющего человека и бога, - а также точку зрения на жертвоприношение, столь умело разработанную доктором Робертсоном Смитом.

Согласно этой теории, домашние животные рано считались принадлежащими к тому же роду или крови, что и все племя; и заклание быка, козы или овцы могло быть разрешено только в том случае, если это совершалось, подобно закланию королевского сына, жертвенно и сакраментально. По моему собственному мнению, это едва ли означает больше, чем то, что священные домашние животные рано были приняты в качестве замены человеческой жертвы и что их употребляли в пищу жертвенно и сакраментально, поскольку человеческая жертва также была съедена. Но я откажусь от этого несколько спорного пункта и ограничусь предположением, что к жертве животного обычно относились как к божественному существу само по себе и что с ее кровью обращались так же, как с кровью первоначального каннибальского приношения. В то же время жертва обычно приносилась на алтарь какого-нибудь более древнего и, так сказать, более постоянного божества, при этом крови жертвы позволялось стекать по священному камню. Несомненно, как у арабов, так и у евреев, все забой домашних животных, по-видимому, когда-то был жертвоприношением; и даже когда забой перестал обязательно включать формальное жертвоприношение, все еще считалось необходимым заколоть жертву во имя бога и вылить кровь в его честь на землю. Даже в греко-римском мире мясная масса была “мясом, предлагаемым идолам”. Позже мы увидим, что у нынешних дикарей забой домашних животных все еще считается священным обрядом.

Я полагаю также, что, как правило, жертвоприношение крови является самой ранней и распространенной формой умерщвления богов; и что жертва на более ранних стадиях обычно употреблялась причащающимися, поскольку мы знаем, что жертва каннибала употреблялась мексиканцами, и, как мы видели, богочеловеческий козленок был оргиастически съеден почитателями Диониса. Это деталь того, была ли священная жертва съедена сырой или приготовленной; одно употребление преобладало в более ранних и оргиастических обрядах, другое - в более мягких и цивилизованных церемониях. Но в любом случае бог-животное, как и бог-человек, был священно съеден всеми его почитателями, которые таким образом восприняли в себя его божественные качества. Практика сжигания жертвы, с другой стороны, преобладала в основном, я думаю, среди кремационистов, таких как тирийцы и эллины, хотя она, несомненно, распространялась также на многие народы, хоронившие жертвы, такие как евреи и египтяне. В большинстве случаев даже среди кремированных жертв, по-видимому, по крайней мере часть животного была спасена от огня и сакраментально съедена верующими.

Еще раз, сама жертва обычно представляла собой особый вид священного животного. Эта святость выбранного животного имеет более важные последствия, чем мы до сих пор рассматривали. Ибо среди различных скотоводческих рас различные домашние животные сами по себе обладают положительной святостью. Мы знаем, например, что коровы очень почитаемы в большей части Индии, а буйволы - на Декане. Среди африканских народов, относящихся к скотоводческим племенам, обычной пищей являются молоко и дичь; скот редко забивают просто для еды, и всегда в исключительных или священных случаях — тех самых случаях, которые в других местах требуют человеческой жертвы, — таких как объявление войны, религиозный праздник, свадьба или похороны великого вождя. В таких случаях праздник является публичным, и все кровные родственники имеют естественное право присутствовать на

нем. Крааль для скота сам по себе чрезвычайно священен. Хозяева относятся к стаду и его членам с нежностью, почти по-братски.

Необходимо также добавить еще несколько моментов. Среди ранних рас убивать и поедать диких животных или убивать и поедать врагов, не являющихся членами племени, не считалось чем-то неправильным. Но убивать соплеменника - проливать родственную кровь — глубоко греховно; точно так же грешно убивать и поедать домашних стада. Действительно, в старости или когда вы больны и немощны, вы можете без всякой вины убить и съесть своего кровного родственника; и поэтому вы также можете убивать и есть старый или болезненный скот. Но, как правило, вы едите их только сакраментально и жертвенно, при тех же обстоятельствах, когда вы были бы оправданы в убийстве и поедании человеческой жертвы. Таким образом, как правило, у каждого племени есть свой собственный священный зверь, который используется как обычный заменитель человека-бога. У арабов этим животным был верблюд; у индийских народов - бык или буйвол; у пастушьих рас это овца или коза; у германцев - лошадь; у многих оседлых городских народов - свинья; а у самоедов и остяков - единственное их движимое имущество - северный олень.

Кроме того, как правило, корову или другую самку животного обычно не приносили в жертву; ее держали для увеличения надоев. Именно быка, барана, быка, козла чаще всего приносили в жертву и съедали в священных ритуалах. Простые утилитарные соображения вскоре привели бы к такому использованию, точно так же, как наши мясники убивают баранов по собственному выбору и оставляют овец для разведения. Этот обычай, однажды введенный, будет иметь тенденцию становиться священным; ибо все, что делали наши божественные предки, само по себе божественно и не должно быть легко или небрежно изменено. Отсюда мы можем понять ту высшую святость коровы, которая заставила так много рас отказаться приносить ее в жертву, в то время как они приносят в жертву и съедают быка или бычку без позволения или угрызений совести. Таким образом, тогда никогда не ели мясо самки буйвола; но самца они едят раз в год, по ритуалу, и все взрослые мужчины деревни участвуют в церемонии его умерщвления и обжаривания.

Замечательный пример теантропического жертвоприношения такого священного животного приводится нами в рассказе Нила о церемонии, совершавшейся арабами его времени. Священный верблюд, выбранный в качестве жертвы, был привязан к грубой пирамиде из нагроможденных камней. В этом примитивном алтаре мы едва ли можем не узнать могилу вождя древнего племени. Затем лидер оркестра трижды повел верующих вокруг пирамиды в торжественной процессии, распевая на ходу торжественный гимн. Когда были спеты последние слова гимна, он бросился на верблюда (как Потрадж на ягненка), ранил его и поспешно выпил хлынувшую из него кровь. Немедленно вся компания набросилась на жертву со своими мечами, отрубила куски трепещущей плоти и пожирала их сырыми с такой дикой поспешностью, что между восходом дневной звезды и восходом солнца весь верблюд, тело и кости, кожа, кровь и внутренности, был полностью съеден. Мне нет нужды указывать на близкое сходство этого дикарского ритуала с ритуалами Потраджа и Диониса. Однако стоит отметить, что и здесь кровь падает на пирамиду из камней, могилу или алтарь. Я могу отметить, что ежегодное жертвоприношение пасхального агнца у евреев-пастухов, очевидно, является простым смягчением этого варварского обряда. В этом случае, как и следовало ожидать от более цивилизованной расы, жертву поджаривают целиком, но точно так же необходимо, чтобы каждая ее часть была наскоро съедена. Легенда далее сообщает нам, в случае с Пасхой, что

ягненок был заменой человеческой жертвы, и что первенцы были освящены Яхве вместо того, чтобы быть принесенными в жертву. Отметим также, что праздник пасхального агнца занимал ставшее уже привычным пятидневное время: священное животное выбирали в десятый день месяца и приносили в жертву четырнадцатого. Весь церемониал наиболее показателен и полон пережитков.

Хотя это на мгновение прерывает нить моих рассуждений, я считаю невозможным не упомянуть здесь любопытный параллельный случай судебного жертвоприношения у батта на Суматре, которое является человеческим аналогом арабского жертвоприношения верблюдов. Только в этом случае, как и во многих других, жертвоприношение и наказание сливаются друг с другом. “Вместе с ними прелюбодей, ночной вор и те, кто вероломно напал на город, деревню или конкретного человека, были приговорены к съедению народом. Их привязали к трем столбам; их ноги и руки были вытянуты в форме Андреевского креста; а затем, когда был подан сигнал, толпа бросилась на тело и разрезала его на куски топорами или ножами, а может быть, проще говоря, ногтями и зубами. Оторванные таким образом полоски были съедены мгновенно, все сырые и окровавленные; их просто макали в кокосовую миску с заранее приготовленным соусом из лимонного сока и соли. В случае супружеской измены разгневанный муж имел право первым выбрать, какой кусочек ему больше нравится. Приглашенные на пир гости выполняли эту работу с таким рвением, что часто рвали и ранили друг друга”. Я не думаю, что мы можем читать этот отчет, не поражаясь его близкой аналогии со многими нашими предыдущими жертвоприношениями, как богам зерна, так и священным животным. Преступник здесь не более чем замена святой человеческой жертвы.

А теперь мы должны также вспомнить, что в большинстве стран боги были соседями по дому для своих почитателей, постоянно присутствовали в каждом доме и принимали участие в каждой трапезе бок о бок с живыми. Они жили в доме, как и до сих пор в Новой Гвинее. Возлияния в их честь лились из каждой чашки; еду предлагали их призракам, черепам или деревянным статуэткам на каждом семейном собрании. Таким образом, обычные пиршества были просто расширенными праздничными сборищами, на которых жертва была жертвенно заклана и сакраментально съедена; *ипосетители верили, что они вкушают тело и кровь бога для своего собственного спасения.* Более масштабные жертвоприношения, такие как гекатомбы или героическое индейское жертвоприношение лошади, должны были быть относительно редкими; но во всех них мы видим ясное доказательство того, что жертва считалась священным животным, то есть богом в одном из его воплощений.

Наглядным доказательством этой эквивалентности является тот факт, что верующие часто облачались в кожу жертвы, как мексиканцы облачались в кожу ежегодного бога. Иногда шкуру даже используют для украшения идола. При кипрском жертвоприношении овцы богине овец Афродите участники церемонии были одеты в овечью шкуру; в то время как ассирийский поклонник Дагона приносил жертву в виде рыбы богу-рыбе, одетый в рыбью кожу. Аналогичное значение, несомненно, имеет эгис, или козлиная шкура Афины, изображавшейся как богиня-коза, и шкуры, использовавшиеся в дионисийских мистериях. Я без колебаний связываю все это с примитивным обычаем, подобным мексиканскому жертвоприношению канибалов.

Дойдя до этого момента, мы можем далее увидеть, что случай, когда священное животное, представляющее человеческую жертву, забивается перед алтарем более древнего бога, в точности эквивалентен другому известному случаю, когда человеческая жертва забивается

перед закладным камнем города или деревни. В любом случае, происходит явное обновление божественной жизни; действие как бы вливает свежую кровь в древнее божество. Все остальные сопутствующие факторы в точности те же. Так, при фиванском жертвоприношении барана богу-овну Амону верующие оплакивали жертву, как женщины оплакивали Адониса и Аттиса; и в конце концов изображение Амона было завернуто в кожу жертвы, а его тело погребено в священном гробу. Во время Буфонии, или сакраментального забоя быка в Афинах, после умерщвления жертвы проводился обычный судебный процесс, все перекладывали вину друг на друга, пока, наконец, нож, нанесший рану, не был признан виновным в убийстве и брошен в море. (Это бросание в море человека, несущего вину перед обществом, мы встретим снова, когда будем рассматривать доктрину искупления.) Итак, мы видели, что Потрадж бежал после совершения своего кровавого жертвоприношения; точно так же убийца теленка Диониса в Тенедосе бежал, спасая свою жизнь, когда церемония была завершена.

Действительно, мы сталкиваемся со многими промежуточными случаями, такими как случай с козой, наряженной девушкой, которую теантропически приносили в жертву Артемиде Мунихии, или случай с теленком Диониса, одетым в козырьки, с матерью-коровой которого обращались как с женщиной при родах. Для меня все эти случаи являются очевидными попытками как бы подсунуть богам священное животное вместо подлинной человеческой жертвы. Это не более чем божественные юридические фикции, подкрепленные, без сомнения, фикцией родства между стадом и его хозяевами.

Таким образом, в целом мы можем рискнуть сказать, что, возможно, не все, но что огромное количество жертвоприношений, и, безусловно, самые известные среди исторических народов, представляют собой забой животных, заменяющих человеческие жертвы; и что мясо священно употребляется верующими.

Однако существует одна особая форма этого жертвоприношения животных, о которой я не могу здесь обойти полным молчанием. Последней реликвией этого праздника является праздник урожая. мистер Фрейзер полностью разработал эту тему в своем увлекательном эссе: подробное описание этого здесь заняло бы слишком много места; я могу лишь в общих чертах описать его примеры. Первоначально, по-видимому, бог кукурузы или дух кукурузы был задуман во время жатвы как ищущий убежища в последнем оставшемся на месте снопе. Тот, кто срезал этот пучок кукурузы, убил кукурузного духа и, следовательно, был, по аналогии с убийцей божественного царя, сам кукурузным духом. М-р Фрейзер не утверждает абсолютно, что этот представитель человечества изначально был убит и съеден, хотя все аналогии, казалось бы, предполагают это; но то, что он был по крайней мере убит, совершенно очевидно; и убивают его до сих пор, во всяком случае, немой напояк, на многих современных европейских кукурузных полях. Однако чаще предполагается, что дух зерна воплощен в каком-либо животном, которое случайно встречается в последнем снопе, где даже сейчас часто находят убежище маленькие существа вроде мышей и ежей. Однако в прежние времена волки, дикие кабаны и другие крупные животные, по-видимому, часто встречались при аналогичных обстоятельствах. Как бы то ни было, очень многие животные — обычно священные животные — употребляются в пищу как представители бога зерна; в то время как, наоборот, последнему снопу часто придается образ мужчины или еще чаще женщины и его религиозно хранят в течение года, подобно ежегодному царю, до следующего урожая. Иногда петуха обезглавливают и съедают на празднике урожая, при этом его голове придается особое значение, как и голове человеческой жертвы во многих других случаях. Иногда, как в случае с древними пруссаками, тело кукурузной козы было священно съедено. Иногда, как в Шамбери, жнецы нарезают быка и съедают его

сособыми обрядами за ужином. Иногда считается, что это древнее священное тевтонское животное, лошадь, которая обитает в последнем пучке кукурузы. Я добавлю здесь в скобках (что, как я надеюсь, покажет какая-нибудь будущая работа), что, вероятно, в этой и родственных ей идеях кроется происхождение священных и предсказательных голов лошадей и быков, прикрепленных к храмам или встроенных в церкви. Иногда, опять же, это свинья, которая олицетворяет бога, и ее церемониально съедают на празднике урожая.

Вряд ли нужно упоминать, что все эти священные животные, заменяющие изначального бога-человека, находят свои параллели в праздниках Диониса, Аттиса, Осириса, Деметры, Адониса, Литиерса и других великих богов зерна и вина исторических цивилизаций.

Но есть еще одна, более возвышенная форма священного застолья. Поскольку бог зерна и бог вина, будучи убитыми, воскресают в зерне и виноградной лозе, не можем ли мы также есть их тела как хлеб и пить их кровь как вино или сому?

Для людей, уже знакомых сначала с почетной каннибальской формой богоедения, а затем с ее более мягкой модификацией в виде жертвы-животного, ничто не могло быть более естественным, чем эта легкая передача чувств. Более того: *тот, кто с самого начала ел хлеб и пил вино, должен был знать, что он ел и пил тело и кровь бога*. Тем не менее, существует определенная разница между обычной повседневной пищей и священным пиршеством, к которому священный каннибализм и жертвоприношение животных теперь приучили умы людей. Соответственно, во многих случаях мы обнаруживаем, что существует *особое таинственное* вкушение и распитие хлеба и вина, которое более конкретно рассматривается как *вкушение тела и питье крови божества*.

Здесь можно привести несколько любопытных иллюстративных фактов. Поскольку солома и кукуруза вырастают из убитого бога кукурузы, их можно рассматривать как одно из его естественных воплощений. Следовательно, когда человеческие жертвоприношения запрещены, люди иногда заставляют соломенного бога выполнять обязанности за человека. Мы видели, что гонды когда-то похищали священных мальчиков—брахманов - богов по расе, так сказать, но все же чужаков и детей, — разбрызгивали их кровь по полям и священно поедали их тела. Но когда несимпатичное британское правительство вмешалось в боготворческие привычки народа гонд, они, как говорит полковник. Далтон, вместо этого сделали изображение из соломы, которым они теперь аналогичным образом жертвуют. Таким образом, можно отметить, что во многих церемониях “Погребения карнавала” и подобных им, которые я уже цитировал, соломенный человек символически заменяет человеческую жертву. Действительно, в этом уникальном наборе пережитков у нас есть все возможные заменители — мнимый король, слабоумный, притворное убийство, церемониальное пролитие крови, жертва животного и соломенный человек или чучело. Я могу добавить, что даже представление о нашем современном Гае Фоксе как о “человеке из соломы”, таким образом, не является простой случайностью. Но мы видим очень похожее использование кукурузы в любопытной практике создания кукурузной жены и кукурузного ребенка, столь подробно описанной мистером Фрейзером. В этом ослабленном переживании человеческих жертвоприношений сноп кукурузы выполняет обязанности человеческой жертвы и олицетворяет жизнь бога кукурузы или духа кукурузы из года в год. Все существующие свидетельства наводят на мысль о том, что в прежние времена во время сбора урожая была убита кукурузная дева или кукурузная жена, после года обожествления, и что человеческая жертва теперь представлена ее

растительным аналогом или эквивалентом, кукурузой в початке, сноп которой выполняет свои обязанности вместо нее и царствует как кукурузная королева до сбора урожая следующего года. Таким образом, кукурузная крошка - это временная королева, сделанная из кукурузы, а не из человеческой плоти и крови. Мы можем сравнить с этим случаем рассказ о девушке из племени сиу, которая была принесена в жертву пауни: ее сожгли на медленном огне, а затем пронзили стрелами (как Святого Себастьяна). Главный жертвоприношатель вырвал ее сердце и съел его, таким образом съев богиню в истинно каннибальской манере. Пока ее мясо было еще теплым, его разрезали на мелкие кусочки и отнесли на кукурузное поле. Капли крови были выжаты из него на зерна семенной кукурузы, после чего все это было засыпано землей, чтобы сформировать средство для сбора урожая. Наша, казалось бы, невинная комедия о кукурузной крошке, вероятно, является последним сохранившимся пережитком такой жуткой церемонии создания богини. Мистер Фрейзер справедливо связывает ее с культом афинской Коры, Персефоны. Я думаю, действительно, двойная форма имени, “старуха” и “кукурузная крошка”, делает вероятным, что эта пара является растительными эквивалентами как Деметры, так и ее изнасилованной дочери.

Однако в других случаях именно сами хлеб и вино, а не солома или зерно в початке, олицетворяют бога и употребляются в пищу сакраментально. Мистеру Фрейзеру мы обязаны большей частью наших имеющихся знаний о широкой распространенности и религиозной важности этого уникального ритуала.

Мы уже видели, что во многих странах первые плоды урожая преподносятся либо призракам предков, либо великим богам, либо царю, который является живым богом и нынешним представителем божественных предков. Пока это не будет сделано, есть новый урожай будет небезопасно. Бог, заключенный в нем, убьет вас. Но в дополнение к церемониальному подношению первых плодов духам, многие расы также сакраментально “вкушают бога” в виде молодой кукурузы или риса. В Вермланде, в Швеции, жена фермера использует зерно из последнего снопа (в котором, как мы видели, предположительно обитает бог кукурузы или дух кукурузы), чтобы испечь буханку в форме маленькой девочки. Здесь мы видим девушку, которую ранее приносили в жертву как богиню зерна или Персефону, вновь появляющуюся в образе хлеба. Этот хлеб делится между всеми домочадцами и съедается ими самими. Так, во французском Ла-Палиссе человека, сделанного из теста, вешают на елку, которую везут домой в амбар на последней телеге для сбора урожая. Человека из теста и дерево относят в дом мэра, пока не закончится сбор винограда; затем устраивается пир, на котором мэр разламывает человека из теста на куски и раздает их людям на съедение. Здесь мэр явно представляет короля или вождя, в то время как праздник первых плодов и таинственное вкушение объединены, как, возможно, и было изначально, в одной и той же церемонии жертвоприношения. О вине особо не упоминается, но поскольку праздник отложен, чтобы состояться после сбора урожая, вполне вероятно, что кровь бога вина, так же как и тело бога кукурузы, по крайней мере, когда-то использовалась в примитивном ритуале.

Множество подобных праздников сохранилось в Европе; но для того, чтобы увидеть ритуал поедания бога кукурузы в его полной форме, мы должны еще раз отправиться в Мексику, которая также снабдила нас лучшими и наиболее характерными примерами каннибальского богоедения. Дважды в год, в мае и декабре, изображение великого мексиканского бога Уицилопочтли лепили из теста, затем разламывали на куски и торжественно съедали собравшиеся верующие. За два дня до майского праздника, говорит Акоста, служительницы

храма замешивали семена свеклы с жареной кукурузой и лепили из них с медом идола из теста, такого же большого, как постоянный деревянный идол, изображавший бога, вставляя стеклянные бусины вместо глаз и зерна индийской кукурузы вместо зубов. Затем знатные люди принесли растительному богу изысканную и богатую одежду, подобную той, что носил деревянный идол, и нарядили в нее изображение. Сделав это, они несли чучело на носилках на плечах, без сомнения, в знак его королевской власти. Утром в день праздника девственницы бога наряжались в гирлянды из маиса и другие праздничные наряды. Молодые люди, одетые подобным образом, несли изображение в ковчеге или носилках к подножию храма великой пирамиды. *Еговтацили по ступеням под звенящую музыку флейт и труб — обычное сопровождение церемоний богоубийства.* На нем были посыпаны цветы, как это было принято у всех богов растительности, и он стоял в маленькой часовне из роз. Затем были проведены определенные церемонии пения и танцев, с помощью которых паста была освящена на самом теле и костях бога. Наконец, изображение было разобрано и роздано людям, сначала знати, а затем простолюдинам, которые приняли его, мужчинам, женщинам и детям, “с такими слезами, страхом и благоговением, как будто это было свято, говоря, что они действительно ели плоть и кости Бога, чем были опечалены”. Мне нет нужды указывать на близкое сходство здесь ни с оплакиванием тел Аттиса и Адониса, ни с обрядами Диониса.

Декабрьский праздник (который, как и Рождество, приходился на день зимнего солнцестояния) еще больше напоминает каннибальский обычай; ибо здесь изображение бога было сделано из семян, замешанных в тесто с кровью детей. Подобное массовое убийство невинных часто происходит в других местах в сходных связях: мы еще встретимся с этим в следующий раз. Изображение было помещено на главный алтарь храма, и в день его Богоявления король Мексики поднес к нему благовония. Подобные боги-бамбино хорошо известны в других странах. На следующий день статую снесли, и священник метнул в нее стрелу с кремневым наконечником. Это называлось “убить бога, чтобы его тело было съедено”. Затем один из жрецов вырезал сердце статуи и отдал его на съедение настоящему царю, точно так же, как при других жертвоприношениях жрец вырезал пульсирующее сердце человеческой жертвы и клал его в рот богу-каннибалу. Остальная часть изображения была разделена на небольшие кусочки, которые были розданы всем мужчинам общины, взрослым или детям. Церемония называлась “Бог съеден”.

Я не буду умножать примеры главного принципа поедания кукурузного бога в виде маленьких пирожных или человеческих изображений, которые в изобилии собраны по всему миру. Работа мистера Фрейзера - это идеальный тезаурус аналогичных обычаев. Я скорее привлеку внимание к одной или двум особым параллелям с аналогичными обрядами поедания богов, каннибальских или животных, которые происходят в других местах. По окончании сбора урожая риса в Буроу, в Ост-Индии, каждый клан собирается на общую жертвенную трапезу, на которую каждый член клана обязан внести немного своего свежего риса текущего сезона. Это называется “поедание души риса”. Но часть риса также отделяется и предлагается духам — то есть, как я понимаю, призракам предков. Это сочетание похоже на обычный случай, когда человеческая жертва приносилась на алтарном камне более ранних божеств-предков. Среди жителей Целебеса, опять же, именно священник сеет первые семена риса и собирает первый созревший рис на каждом поле. Все это он обжаривает и перемалывает в муку, раздавая по кусочку каждому члену семьи. Здесь священник, без сомнения, представляет древнего племенного царя-жреца. Сообщается о нескольких подобных практиках из Индии, только одна из которых в настоящее время требует нашего задержания. Среди индусов Декана существует

магический ритуал поедания свежего риса; но здесь следует отметить особый интерес тот факт, что часть риса предлагается богу Ганеше, после чего вся семья вкушает этот продукт. Однако у кафиров Наталя и Зулуленда именно в королевском краале люди собираются на свой священный праздник свежих фруктов, где они танцуют и совершают определенные священные церемонии. В данном случае король, живой бог, по-видимому, занимает место бога, мертвого короля, на индийском празднике. Различные зерна смешиваются с мясом приносимого в жертву животного, в котором нам, возможно, будет нетрудно распознать представителя человеческой жертвы богу зерна; и *порцию этой каши кладет в рот каждому человеку сам царь, совершающий здесь церемонию в качестве наследственного жреца*. В свете таких аналогий, я думаю, нам не нужно колебаться при реконструкции первобытного сакраментального праздника, на котором человека приносили в жертву как бога ежегодного производства кукурузы; семена смешивались с его кровью; его плоть сакраментально съедалась народом, накормленным королем; часть его тела также съедал сам король, а часть приносилась в жертву великим богам, или племенному богу, или богу или богине основания деревни или города. После объединения различных пережитков, которые уже приводились, я не думаю, что это слишком масштабное проявление конструктивных способностей.

Интересный смешанный случай богоедения, при котором пирог был испечен не в виде человека, а в виде божественного животного, я сам видел в доме ирландских эмигрантов в Канаде. Из свежей кукурузы делали буханки или булочки в форме маленьких поросят со смородинками вместо глаз, и по одной такой лепешке раздавали каждому из детей. Риску предположить, что этот пример, хотя и рассматривается всего лишь как шуточный обычай, все же имеет свою иллюстративную ценность.

Практика замешивания священных лепешек из крови младенцев, которая, как мы видели, преобладала в случае с мексиканским богом, аналогична практике смешивания их с кусочками мяса жертвы животного в зулусской церемонии. Однако каннибальская форма обряда, должно быть, была очень широко распространена; как мы заключаем из того факта, что христианская секта павликиан обвинялась в этом еще в восьмом веке. Иоанн Осунский, патриарх Армении, написал обличительную речь против этих сектантов, в которой он упоминает тот факт, что они вылепили изображение цветка пшеницы из крови детей и вкушают с ним свое нечестивое причастие. Конечно, в IX веке между Арменией и Мексикой не могло быть прямых сношений; но обвинение показывает, по крайней мере, что подобные церемонии были известны или помнились в Азии как реальная практика. Действительно, жители Харрии в средние века ежегодно приносили в жертву младенца и, вываривая его мясо, пекли из него лепешки, отведать которые разрешалось каждому свободному человеку. В обоих этих случаях мы имеем дело с двумя крайностями поедания бога, объединенными в одной практике — каннибальским обрядом и священным кукурузным пирогом.

Г-н Фрейзер обращает внимание на другой интересный переходный случай. Хлебы, сделанные в форме людей, назывались в Риме Maniae; и, по-видимому, такие хлебы специально готовили в Ариции. Ариция была также единственным местом в Италии, где божественный царь-жрец, Rex Nemoralis, жил, хорошо узнаваемый в самый разгар исторического периода, на старом жестоком поприще убийства своего предшественника. Опять же, Маня - это имя Матери или Бабушки Призраков. Шерстяные изображения, посвященные этой латинской Кибеле, вывешивались в Риме на празднике Компиталии и, как говорили, заменяли человеческие жертвы. М-р Фрейзер предполагает, что буханки в человеческом обличье, которые выпекались в

Арисии, были священным хлебом; и что в старые времена, когда ежегодно убивали Rex Nemoralis, буханки также изготавливались по его образу, как в Мексике, и были священно съедены его почитателями. Я сам, не колеблясь, могу еще раз высказать предположение, что *пряничные пирожные в форме человека*, все еще покрытые богатой позолотой, которые продаются на стольких ярмарках во Франции и Италии, а иногда и в Англии, являются последними умирающими реликвиями подобных ранних сакраментальных образов. Ибо ярмарки по большей части являются уменьшившимися пережитками религиозных праздников.

Поскольку жертва теантропического животного олицетворяет человека и бога, разумно, что пирог в форме животного, испеченный из муки, иногда подходит так же хорошо, как и жертва животного. Ибо, в конце концов, кукуруза - это воплощение бога кукурузы. Поэтому пекари античного мира обычно хранили в тесте изображения различных жертвенных животных для людей, которые были слишком бедны, чтобы позволить себе оригиналы. Таким образом регулярно изображались быки и овцы. Когда Митридат осадил Кизик, и люди не смогли раздобыть черную корову для жертвоприношения Персефоне, они сделали корову из теста и положили ее на алтарь. На афинском празднике Диазии подобным же образом приносились в жертву лепешки в форме животных; а на празднике Осириса в Египте, когда богатые приносили в жертву настоящего поросенка, бедняки обычно предлагали поросенка из теста в качестве замены, вроде поросенка из теста ирландских канадцев.

Но во многих других обрядах сакраментальный и жертвенный пирог полностью утратил всякое подобие человека или животного. Затем бога едят либо в виде бесформенной рисовой каши, либо в виде круглой лепешки или батона без какого-либо изображения, либо в виде вафли с тиснением солнца или христианского креста. Экземпляры этого типа знакомы каждому.

Еще более близким родственником примитивного каннибализма является любопытный ритуал Пожирателя грехов, так хорошо разработанный мистером Сидни Хартлендом. В Верхней Баварии так называемый трупный пирог замешивают из муки и кладут на грудь умершего человека, чтобы впитать в себя добродетели усопшего. Затем этот пирог съедают ближайшие родственники. На Балканском полуострове маленькое изображение умершего человека выпекали из хлеба и ели оставшиеся в живых члены семьи. Это промежуточные стадии между каннибализмом и хорошо известной практикой поедания грехов.

Надеюсь, теперь я прояснил общую принадлежность, которую я пытаюсь если не установить, то хотя бы предположить. Моя идея заключается в том, что вначале некоторые расы пожирали своих собственных родителей или их части, чтобы поглотить божественные души своих предков в своих собственных телах. Позже, когда искусственное изготовление богов стало частым явлением, особенно в связи с сельским хозяйством, люди едят бога или его часть по аналогичной причине. Но они также едят его как кукурузу, батат или рис, священно. Когда богочеловека заменили антропными жертвами, они точно так же едят теантропическую жертву. Также они делали из пасты изображения как человека, так и животного и, рассматривая их как составные части бога, точно так же приносили в жертву и съедали их. И они пили его кровь, на юге как вино, на севере как пиво, в Индии как сому. Если эта линия реконструкции приблизительно верна, то таинства в целом в конечном итоге основаны на выживании после божественного пиршества каннибалов.

Примечательно, что во многих случаях, как на фестивале Потраддж, священник, совершающий обряд, пьет кровь божественной жертвы, в то время как мирянам разрешается есть только ее тело.

ГЛАВА XVI. УЧЕНИЕ ОБ ИСКУПЛЕНИИ.

Еще ОДИН важный элемент остается в сложной концепции жертвы человека или животного, или убитого бога, которую мы должны кратко изучить, прежде чем сможем продолжить с пользой для эволюции христианства; я имею в виду доктрину святоотеческой жертвы — или, другими словами, искупления.

“Без пролития крови, - говорит автор одного из самых ранних христианских трактатов, - нет прощения грехов”. Это общая теория во всех развитых религиях; жертвоприношение рассматривается не только как самосожжение добровольной божественной жертвы или воплощенного бога, но и как искупление совершенных преступлений. “Узрите Агнца Божьего, - говорит Креститель в легенде, - который берет на себя грехи мира”.

Насколько я понимаю, эта идея не примитивна. Грех следует рассматривать как позднейшее этическое вторжение в сферу религии. Древний человек по большей части радостно принимал своих богов. Он был с ними в наилучших отношениях. Он ел, пил и кутил в их присутствии. Они участвуют в его фаллических и вакхических оргиях. Они не являются великими моральными цензорами, подобно благородным творениям еврейских пророков, “у которых глаза чище, чем видеть беззаконие”. Это существа со схожими страстями и недостатками в отношениях с самим собой, — дорогие предки и друзья, всегда готовые не обращать внимания на мелкие человеческие слабости, такие как убийство или грабеж, но проявляющие по большей части отеческую заботу о жизни и судьбе своих потомков или соплеменников. Без сомнения, временами они могут быть разгневаны, но их гнев, как правило, можно легко унять человеческой жертвой или кровью зарезанных коз и быков. При обычных обстоятельствах они - знакомые соседи по дому. Их черепа или изображения украшают очаг. Они помогают на семейных и домашних пирах и с улыбкой слизывают подношения в виде крови или вина, сделанные им. Короче говоря, это обычные члены племени, ушедшие раньше в мир духов; и они продолжают без гордости или аскетизма разделять радости, пиршества и увеселения своих родственников.

Таким образом, идея искупления, за исключением мимолетного смягчения временной размолвки, вероятно, не встречалась в самых ранних и примитивных религиях. Только позже, по мере того как этические идеи начинают вторгаться в священный цикл, постепенно становится очевидным понятие греха, которое в первую очередь представляет собой нарушение установленного богами этикета. Во многих случаях более поздние глоссы, по-видимому, придают особый смысл тому, что изначально, по очевидной аналогии, было простой практической церемонией боготворения и богоубийства. Но на более осознанных философских стадиях религии эта идея искупления завоевывает популярность так быстро, что почти поглощает более раннюю концепцию общения или совместного застолья. Жертвоприношение, таким образом, понимается главным образом как жертвоприношение справедливо оскорбленному или отчужденному божеству; это форма веры, которую мы находим почти везде, встречая нас в гекатомбах гомеровских поэм, как и во многих произведениях эллинской и семитской литературы.

В частности, священное жертвоприношение, по-видимому, выкристаллизовалось и затвердело вокруг священной личности искусственного божества. “Накопленные несчастья и грехи всего народа, “ говорит м-р Фрейзер, - иногда возлагаются на умирающего бога, который, как предполагается, заберет их навсегда, оставив людей невинными и счастливыми”. “Несомненно, он понес наши немощи и понес наши печали”, - говорит один из еврейских поэтов, чьи стихи, предположительно, приписываются Исае, об одном из таких божественных козлов отпущения; “и все же мы считали его пораженным Богом и уничтоженным. Он был изъязвлен за наши грехи; он был изранен за наши беззакония. Наказание нашего мира было на нем, и ранами Его мы исцелились. Яхве возложил на него беззаконие всех нас”.

Идеи, выраженные здесь таким благородным языком, были общими для всех более поздних человекобогов более развитых и этических религий.

Мистер Фрейзер, вероятно, прав, связывая понятие козла отпущения, человека или животного, *спопулярной варварской идеей переноса зла*. Таким образом, в народной магии всех народов болезни любого рода, от серьезных лихорадок и язв, вплоть до головной, зубной боли, бородавок и язвочек, передаются с помощью какой-нибудь простой церемонии колдовства животным, тряпкам или другим людям. Я приведу примеры, но вкратце. Эпилепсию превращают в листья и выбрасывают их на Малайском архипелаге. В Австралии зубную боль помещают в камень. Король бечуана передал свою болезнь быку, которого утопили вместо него, чтобы обеспечить его выздоровление. Мистер Гомм цитирует ужасную историю шотландского дворянина, который передал свою смертельную болезнь своему брату с помощью магической церемонии. “Амулеты” от лихорадки или бородавок обычно содержат какой-то такой приятный элемент переноса неприятности на нитку, тряпку или лист бумаги, которые выбрасываются, чтобы унести зло с собой к человеку, который в следующий раз прикоснется к ним. Многочисленные случаи подобного подтекста можно найти в работах м-ра Гомма и м-ра Хартленда, к которым я бы направил тех, кто интересуется дальнейшими доказательствами.

С этими представлениями о переносе тесно связаны также случайные или периодические церемонии, проводимые для изгнания зла из деревни или общины. Дьяволы, демоны, враждебные духи, болезни и другие несчастья любого рода часто изгоняются таким образом с помощью гонгов, барабанов и других магических инструментов. Часто границы племени или прихода переходят, проводится перлюстрация, и злые влияния вымываются с территории или

насильственно изгоняются. Наш собственный ритуал Преодоления Границ представляет собой одну из многих сторон этой примитивной церемонии. Омовения и макания часто сопровождают ритуал изгнания; в Перу это также было связано с общей чертой таинства бога кукурузы - лепешкой, замешанной на крови живых детей. Периодический экзорцизм обычно проводится раз в год, но иногда раз в два года: он явно связан с принесением в жертву человека или животного. В Европе он до сих пор сохранился во многих местах как ежегодное изгнание ведьм. Мистер Фрейзер так превосходно изложил весь этот предмет, что мне нечего добавить к его превосходному изложению.

Соединяя эти две кардинальные идеи, мы приходим к сложной концепции *козла отпущения*. Козел отпущения - это жертва из числа людей или животных, выбранная для того, чтобы унести с собой сначала несчастья или болезни, а затем грехи и вину общества. Название, которым мы обозначаем его в английском языке, взято из производного ивритского употребления и имеет значение для животных; но, как и во всех аналогичных случаях, я не сомневаюсь, что человек-носитель зла предшествует животному.

Хороший пример этой начальной стадии эволюции козла отпущения можно найти в Онитше, на реке Кворра. Ежегодно там приносят в жертву двух человек, “чтобы смыть грехи с земли”, хотя я подозреваю, что для местных представлений было бы более верным сказать “несчастья”. Число два применительно к жертвам часто всплывает в этой особой связи. Жертвы и здесь “покупаются за определенную цену” — приобретаются по открытой подписке. Ожидается, что все лица, которые в течение предыдущего года совершили грубые нарушения местной этики, внесут свой вклад в оплату расходов жертв. На эти деньги покупаются два болезненных человека, “один для земли, а другой для реки”. Жертв волокут по земле к месту казни лицом вниз. Толпа, которая сопровождает их, кричит: “Злодейство! Злодейство!” Итак, в Сиаме было принято выбирать сломленную жизнью женщину, нести ее на носилках по улицам (что обычно является символом королевской власти или божества) и бросать ее на навозную кучу или колючую изгородь за стеной, запрещая ей когда-либо снова входить в город. В данном случае на востоке имеет место простое изгнание, а не фактическое убийство.

Однако в других случаях божественный характер, приписываемый человеку-козлу отпущения, совершенно очевиден. У индийских гондов на празднике бога урожая божество нисходит на голову одному из верующих, с которым случается припадок, и убегает в джунгли. Считается, что там он умер бы сам, если бы его не привезли обратно и не обращались с ним бережно; но гонды, более милосердные здесь, чем во многих других случаях, забирают его обратно и восстанавливают. Идея состоит в том, что таким образом он выбран для того, чтобы нести грехи остальной части деревни. В Хальберштадте в Тюрингии точно такой же обычай сохранился до позднего средневековья. Человек, запятнанный смертным грехом, был выбран общественным козлом отпущения. В первый день Великого поста он был облачен в траур и изгнан из церкви. Сорок дней он скитался, его кормили только священники, и никто не хотел с ним разговаривать. Он спал на улице. Однако за день до Страстной пятницы ему были отпущены грехи, и, поскольку его звали Адамом, считалось, что теперь он пребывает в состоянии невинности. Это смягченная и христианизированная форма человеческой жертвы за грех.

Опять же, албанцы Восточного Кавказа держали в храме луны несколько священных рабов, многие из которых были вдохновлены и получили пророчества. Когда один из этих людей проявлял необычные симптомы вдохновения, верховный жрец приказывал заковать его в

священную цепь и содержать в течение года в роскоши, подобно мексиканскому богу кукурузы. Этот факт немедленно ставит человека-козла отпущения в один ряд с ежегодными человеческими богами, которых мы уже рассматривали. В конце года его помазали мазью (или, так сказать, окрестили) и повели на заклание. Жертвоприношение совершалось как очистительная церемония.

Мистер Фрейзер, которому я обязан всеми этими примерами, связывает с подобными обрядами любопытную церемонию изгнания Старого Марса, Мамурия Ветурия, в Риме. Каждый год 14 марта (ближе к весеннему равноденствию) человека, названного именем бога, облачали в шкуры - значение этого обряда мы теперь знаем — и после избиения длинными белыми прутьями изгоняли из города. С одной стороны, этот персонаж, без сомнения, представлял бога растительности предыдущего года (поскольку изначально Марс был богом однолетней кукурузы). Но с другой точки зрения, поскольку теперь он больше не был нужен обществу, его использовали с истинно древнеримской бережливостью как козла отпущения и послали расплачиваться за проступки народа. Действительно, похоже, есть некоторые основания полагать, что его загнали на территорию враждебных осканов. В этом случае мы понимаем, что ежегодный бог приносится в жертву за грех за преступления нации.

В Греции мы находим похожие следы человеческого козла отпущения. В Херонее в Беотии главный судья ратуши и каждый домохозяин в своем собственном доме, как мы узнаем от Плутарха (который сам был там магистратом), должны были в определенный день избить раба розгами *изагнус касты* выставить его за дверь со словами: “Вон, голод! здоровья и богатства!” В других местах обычай сохранил более неприятные черты. В Марселе, когда колонию опустошала чума, человек из беднейших классов обычно добровольно приносил себя в жертву за грех или козла отпущения. Здесь мы снова сталкиваемся с обычным эпизодом добровольной жертвы. В течение целого года, как и других ежегодных богов, его кормили за государственный счет и обращались с ним как с джентльменом, то есть царственным человекобогом. По истечении этого времени его облачили в священные одежды — еще один знак божественности — украсили священными ветвями, обычным знаком отличия богов растительности, и провели по городу, в то время как возносились молитвы о том, чтобы грехи людей пали на его голову. Затем он был изгнан из колонии. Афиняне держали нескольких отверженных в качестве общественных жертв за счет города; а когда случались чума, засуха или голод, приносили в жертву двоих из них (обратите внимание на количество) в качестве козлов отпущения. Говорили, что один заменял мужчин, а другой - женщин. Их водили по городу (как будто снова выходили за пределы), а затем, по-видимому, забили камнями до смерти без этого. Более того, периодически каждый год, на фестивале Таргелии, в Афинах двух жертв забивали камнями до смерти в качестве козлов отпущения, одного - для мужчин, а другого - для женщин. Я бы рискнул предположить, что это священное число связано не только с уже отмеченной африканской практикой, но также с двумя царями в Спарте, двумя консулами в Риме и двумя суффетами в Карфагене и других семитских городах. Двойственность королей, действительно, является частым явлением.

Я могу только добавить здесь, что многие другие церемонии, связанные с этими человеческими козлами отпущения, были хорошо изложены и объяснены Маннхардтом, который показывает, что все они носили очистительный характер и что бичевание бога перед тем, как предать его смерти, было необходимым пунктом божественной процедуры. Отсюда значение *agnus castus*.

Итак, вкратце, доказательств, собранных Маннхардтом и Фрейзером, достаточно, чтобы предположить, что человеческий козел отпущения был последним назначением бога, приговоренного к смерти, на чью голову были возложены проступки или несчастья сообщества в качестве замены. Он был заместительной жертвой, который умер за людей.

Однако лишь иногда козел отпущения сохраняет до исторических времен свою первую раннюю форму человеческой жертвы. Гораздо чаще, по крайней мере в цивилизованных странах, мы сталкиваемся с обычным последовательным смягчением этого обычая. Иногда, как мы уже видели в этих случаях, жертву на самом деле не убивают, а просто изгоняют или даже просто шуточно и церемониально изгоняют из города. В других случаях мы получаем знакомую замену осужденного преступника или слабоумного, как в Аттической Таргелии.' Греки Малой Азии действительно сжигали свою искупительную жертву и выбрасывали ее прах в море; но левкадийцы просто сбрасывали осужденного узника со скалы и облегчали его падение, привязывая к нему живых птиц, в то время как они держали внизу лодки, чтобы спасти его от утопления и перевезти далеко за границу. Однако в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с еще более распространенной заменой человеческой жертвы священным животным; и это, по-видимому, в значительной степени является источником этой общей религиозной черты - жертвоприношения святости.

Иногда мы получаем исторические или полуисторические свидетельства перехода от человеческой жертвы к божественному или квазибожественному животному. Так, жители Ниаса приносят в жертву либо рыжего коня, либо буйвола, чтобы очистить землю; но раньше человека привязывали к одному столбу с буйволом, и когда буйвол был убит, человека прогоняли прочь, и ни один туземец не осмеливался принять его или накормить. Прямо указано, что жертвенный верблюд древних арабов, предположительно пиакулар, заменял человеческую жертву. Любимыми жертвами сарацин были молодые и красивые пленницы; но если таковых не удавалось раздобыть, они довольствовались белым и безупречным верблюдом. Отсюда шаг к обычному принесению в жертву или изгнанию божественного животного вместо божественного или квазибожественного человека очень мал. В Малабаре корова - священное животное, и убить или съесть корову - такое же преступление, как и убийство. Тем не менее, брахманы перекладывают грехи людей на корову или коров, которых затем выгоняют туда, куда назначат брахманы. Древние египтяне обычно приносили в жертву быка и возлагали на его голову все беды, которые в противном случае могли бы случиться с ними самими и их страной; затем они продавали голову быка грекам или бросали ее в реку. (Сравните эти усилия по избавлению от проклятой головы с тщательным сохранением священной фигуры и поклонением ей.) Самый известный случай из всех, конечно, - это еврейский козел отпущения, который был священным животным народа-пастуха, погибшим от голода или жажды в пустыне и взявшим на свою голову грехи народа. (Сравните козла отпущения с пасхальным агнцем и сравните с козлами и овцами страшного суда.) Когда среди аборигенных племен Индии свирепствует холера, они берут козу или буйвола — в любом случае самку, самый священный пол в индийских жертвоприношениях, и всю черную, как Апис и мневис; они выгоняют ее из деревни с помощью магических церемоний и не позволяют ей возвращаться в их пределы. Во многих других подобных пуджах жертвой является коза. Мистер Фрейзер собрал здесь, как и в других местах, огромное количество ценных и показательных примеров.

Как правило, человеко-бог или божественное животное, выбранное в качестве козла отпущения, на самом деле не убивают в полной форме ритуала; его прогоняют, или бросают в

море, или оставляют умирать от голода и жажды. Иногда, однако, его сжигают как жертву холокоста: иногда его забрасывают камнями, а иногда убивают. А в более поздних и менее совершенных формах жертвоприношения животных забой был правилом, за исключением тех случаев, когда его вытесняло сожжение. Действительно, во многих случаях бывает трудно распутать различные элементы сложной проблемы. Люди привыкли к определенным формам жертвоприношения и смешивали их без разбора, так что иногда один и тот же обряд кажется сакраментальным, жертвенным и святотатственным одновременно. Так, доктор Робертсон Смит пишет о древнем Египте: “Быки приносились в жертву на алтаре, и часть мяса съедалась на жертвенном пиру; но жертвоприношение было разрешено только в виде *piaculum*, ему предшествовал торжественный пост, и оно сопровождалось публичным оплакиванием, как при смерти родственника”. Сравните ежегодный траур по Адонису; а также аналогичный союз жертвоприношения, таинства и искупления в Мессе, которой на великом празднике воскресения христианского года, Пасхе, в равной степени предшествуют пост и торжественный траур в Страстную пятницу.

Итак, я не претендую на точное разграничение в этих очень смешанных случаях между одним элементом и другим в составном ритуале. Достаточно часто все различные черты богоубийства, таинства и публичного искупления явно присутствуют. Обычно жертву также закалывают перед алтарем или священным камнем какого-нибудь более раннего и великого бога, и ее кровь проливается за него. Таким образом, в еврейском ритуале как холокоста, так и жертвоприношения за грех жертва закалывается на алтаре, “перед Яхве”, и излияние крови на священную плиту имеет особое значение. В семитской традиции, как отмечает доктор Робертсон Смит (и, я бы добавил, в большинстве других), *“фундаментальная идея жертвоприношения заключается не в священной дани, а в совместном общении бога и его почитателей посредством совместного употребления живой плоти и крови священной жертвы”*. Но идентичность бога и жертвы часто совершенно ясна; таким образом, как мы видели ранее, Афродите-овце поклонялись на Кипре с ежегодным мистическим жертвоприношением овцы; и сами поклоняющиеся были одеты в овечьи шкуры, ритуал, значение которого теперь для нас совершенно очевидно.

Итак, в целом, на той стадии, которой мы наконец достигли, я не буду пытаться проводить различие в каждом конкретном случае между различными накладываемыми друг на друга идеями церемонии жертвоприношения. Большинство жертвоприношений, в конечном счете, являются заменой жертвоприношений между человеком и богом. Большинство из них, по-видимому, являются сакраментальными, и большинство из них более или менее отчетливо носят религиозный характер. Я даже не знаю, восстанавливал ли я заново для других серию ритуалов, идеи которых постепенно прояснялись в моем собственном уме благодаря рассмотрению многочисленных смешанных примеров, всегда ли я размещал каждый конкретный факт в его наилучшем и наиболее эффективном положении для иллюстрации. Элементы проблемы так запутанны и так тесно взаимосвязаны. Например, я не сомневаюсь, что великие финикийские и карфагенские массовые убийства людей, к которым я был вынужден поначалу относиться крайне неадекватно, были в основном преднамеренными; я также не сомневаюсь, что греческая гекатомба (или уничтожение сотни быков) была смягчением таких гигантских человеческих убийств, как эти, или приписываемых британским друидам. Асклепиад прямо заявляет, что каждая жертва изначально рассматривалась как замена человеческого жертвоприношения; и поэтому в элохистическом повествовании о происхождении всесожжения баран принимается как замена жизни Исаака, горячо любимого сына, которого

вождь или царь Авраам намеревается принести в качестве царственной жертвы своему племенному богу. Авраам говорит, что бог сам приготовит жертву; и тогда баран как бы добровольно приносит себя в жертву. Так, в великом храме Астарты в Эриксе, где жертвы приносились из священных или божественных стад, содержащихся в святилище, считалось, что выбранное животное само по себе приходит к алтарю. На Дуполии подобным образом несколько быков были согнаны вместе вокруг священного стола; и был выбран бык, который добровольно подошел и съел священные лепешки; таким образом, он показал себя не только добровольной жертвой, но и вдвойне божественным, во-первых, потому что он принял пищу, предназначенную для бога, и, во-вторых, потому что он проглотил священное зерно, которое само по себе является дубликатом тела божества. (Сравните, конечно, еврейский хлеб предложения.) Мне нет необходимости развивать эту мысль дальше. *Должно быть очевидно, что многие жертвоприношения, по крайней мере, являются сакраментально-пикульными церемониями богоубийства, и что в большинстве из них бог убивается сам по себе, в человеческом или животном обличье, во искупление преступлений против его собственного величия. Мне также нет необходимости указывать, что эта сложная концепция лежит в самом корне богословия Павла.*

Однако я хотел бы добавить, что сформулированные здесь идеи должны придать новый смысл многим моментам, которые мы поначалу не могли понять в церемониях, упомянутых в наших предыдущих главах. Я приведу только один пример — место жертвоприношения самоедов, которое барон Норденшельд видел на острове Вайгац. Теперь мы можем догадаться о значении кучи оленьих черепов, наваленных вокруг грубого святилища под открытым небом; ибо северные олени - священные и антропные животные северных рас; в то время как сохранение их голов на гипотральном алтаре старших богов или призраков имеет свое обычное святое и пророческое значение. Мы также можем догадаться, почему сбоку виднелись остатки очага, на котором обычно готовились жертвенные и сакраментальные трапезы; и почему рты идолов были вымазаны кровью, чтобы сделать старых богов или призраков участниками праздника. Действительно, любой читатель, который следил за мной до сих пор и который теперь вернется к предыдущим главам этой книги, обнаружит, что многие детали предстают перед ним в совершенно ином свете, и поймет, почему я заранее настаивал на некоторых второстепенных моментах, которые, должно быть, казались ему в то время совершенно несущественными.

Многие другие любопытные церемонии, которые поначалу кажутся столь же бессмысленными в рассказах о путешествиях, при таком рассмотрении также обретают значительный смысл. Например, м-р Чалмерс рассказывает нам, что среди аборигенов Новой Гвинеи, проживающих в определенных районах, “свиней никогда не убивают, кроме как в одном месте, а затем их приносят в жертву духу. Там выливают кровь, а тушу затем относят обратно в деревню, где ее разделяют, варят и съедают. Свиные черепа хранятся и подвешиваются в доме. Еду для застолья, например, при строительстве дома” — весьма содержательный намек, — “кладут возле столба, где висят черепа, и произносят молитву. Когда центральный столб установлен, духам преподносят валлаби, рыбу и бананы, и их умоляют, чтобы этот дом всегда был полон еды и чтобы она не упала при сильном ветре”. Если мы вспомним другие случаи в других местах, то вряд ли сможем усомниться в том, что свиней в этих случаях убивают как священные жертвы на могиле главного предка семьи; особенно когда м-р Чалмерс также говорит нам, что “у каждой семьи есть священное место, куда они приносят подношения духам умерших предков, которых они очень боятся”. Когда случаются болезни, голод или нехватка рыбы, именно этих духов нужно умиловить. И если мы еще раз вспомним, что во многих случаях центральный столб

хижины основан на жертве человека или животного, как в Новой Гвинее, так и в других местах, мы вряд ли сможем усомниться в том, что этому домашнему богу или духу-основателю преподносятся подношения на центральном столбе. Наконец, черепа свиней, которые содержатся в доме и подвешиваются на столбах, напоминают нам, с одной стороны, о черепах богов-предков, сохраненных аналогичным образом, а с другой стороны, о черепах антропоморфных жертв, которые жители Индии хранили на своих праздниках или прикрепляли древними греками и римлянами к своим храмам. “Они варят головы своих убитых врагов, ” снова говорит мистер Чалмерс, “ чтобы получить чистые черепа для размещения в священных местах”. Однако для адекватного развития предложенных таким образом намеков потребовалась бы еще одна книга, такая же длинная, как настоящая.

Но вот еще один подобный намек, от того же автора, слишком содержательный, чтобы его можно было опустить.

Когда туземцы начинают сажать, они сначала берут связку бананов и сахарного тростника, идут в центр плантации и называют имена умерших, принадлежащих к их семье, добавляя: ‘Вот ваша пища, ваши бананы и сахарный тростник; пусть наша пища растет хорошо, и пусть ее будет в изобилии. Если она не будет расти хорошо и обильно, вы все будете опозорены, и мы тоже”.

“Когда они отправляются в торговые экспедиции, они преподносят свою еду духам у центрального столба дома и просят духов пройти перед ними и подготовить людей, чтобы торговля была процветающей.

“Когда в семье случается болезнь, свинью приносят в священное место великого духа” (вероятно, главного духа предков) “и убивают. Затем тушу относят в священное место семьи, и духов просят принять ее. Исповедуются грехи, такие как съеденные бананы или кокосовые орехи, но ни один из них не был преподнесен, и не разрешается есть их. ‘Вот свинья; прими и избавь от болезни”. Следует смерть, и наступает день похорон. Все друзья встают вокруг открытой могилы, и сестра или двоюродная сестра вождя” (первобытная жрица) “громко кричит: ‘Ты рассердилась на нас за взятые нами бананы (или кокосовые орехи, в зависимости от обстоятельств), и ты в своем гневе забрала этого ребенка. Теперь пусть этого будет достаточно, и похорони свой гнев’. Затем тело кладут в могилу и засыпают землей”.

Здесь мы имеем вкратце совершенное воплощение дикой теологии, дикого церемониала и дикого искупления. Я мог бы немало рассказать о его многочисленных последствиях.

Единственная цитата из работы мистера Сэвиджа Лэндора о волосатых айнах Японии также послужит прекрасным обобщением такой энциклопедической варварской теологии. “Если у них вообще есть какая-то вера, - говорит он, - то это несовершенный вид тотемизма, и центральным моментом этой веры является их собственное происхождение от медведя. Это не включает в себя ни малейшего почтения к своему предку. Они захватывают свой Тотем и держат его в неволе; они разговаривают с ним и кормят его; но никаких молитв ему не возносят. Когда медведь становится жирным, его вытаскивают из клетки, чтобы все присутствующие мужчины жестоко обращались с ним и травили его травлей ”. Как Кхонд Мериа и пытки мучеников. “Его привязывают к столбу” или *ставросу*, или проклятому дереву, “и вонзают ему в пасть шест; и когда бедное животное достаточно помучено, его колют заостренными палками, стреляют затупленными стрелами, ”как в святого Себастьяна“, побивают камнями, ”как в святого Стефана“, обезумевшего от ярости и жестокого обращения, его убивают на месте, и, каким бы

предком оно ни было, из него делают главное блюдо и *смысл существования* праздника, на котором все члены общества собираются вместе. племя вкушает его плоть. Затем владелец хижины, в которой проходит пиршество, насаживает череп на раздвоенный шест и выставляет его снаружи вместе с другими черепами в восточном конце своей хижины. Из кожи делают одежду или расстилают на земле для сна. ” Вряд ли нужно говорить, что здесь мы имеем дело с жертвоприношением, таинством, ориентацией, священной головой, использованием кожи в качестве покрывала верующего и всеми другими чертами антропной замены.

Однако сейчас нашей цели больше соответствует запоминание этих двух кардинальных моментов: *во-первых, умирающий бог, человек или животное, обычно выбирается в качестве удобного средства для искупления грехов людей; и, во-вторых, что “без пролития крови нет прощения грехов”*. Эти две доктрины были широко распространены во всем мире, но особенно в том Восточно-средиземноморском мире, где впервые зародилось христианство. Более того, они были настолько общепризнанны, что авторы самых ранних христианских трактатов, апостольских посланий, принимали их как должное, как самоочевидные - как принципы, истинность и убедительность которых сразу признал бы каждый разумный человек.

ГЛАВА XVII. МИР ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Христианство росло. Это был натуральный продукт. Она не возникла в полном объеме из мозга какого-то одного человека, как Афина возникла из головы Зевса. Это даже не было изобретено какой-либо небольшой группой или школой людей, Петром или Павлом, апостолами или учениками, ранней церковью Иерусалима, Антиохии или Александрии. Христианство росло — медленно. Она развивалась шаг за шагом в течение трех долгих столетий, постепенно обретая форму во всех перенаселенных центрах римского мира; и даже после того, как она приняла последовательную форму Святой Католической Церкви, она все еще продолжала расти в умах людей, причем рост, который никогда не заканчивается, но который проявляется даже сейчас тысячью способов, от Ватиканского собора до последнего ухода последней новой группы американских сектантов.

Христианство росло в многолюдных космополитизированных морских портах и городах Римской империи - в Антиохии, Александрии, Фессалониках, Кирене, Византии, Риме. Ее магистралью было море. Хотя по происхождению она частично еврейская, с самых первых дней своего существования она предстает, по сути, как универсальная и интернациональная религия. Следовательно, мы можем получить некоторое приблизительное представление о его

происхождении и предшествующих событиях, рассмотрев религиозное состояние этих различных крупных городов то время, когда христианство начало спонтанно возникать в их среде. Мы можем составить некоторое представление о самом продукте, наблюдая за средой, в которой он создавался.

И снова христианство росло — по большей части среди низших слоев населения космополитических морских портов. Оно сформировалось среди рабов, вольноотпущенников, еврейских, сирийских и африканских иммигрантов, галлов-друидов и бриттов Рима, мелких лавочников, разорившихся клиентов, младенцев и грудных младенцев из густонаселенных центров. Таким образом, будучи основанной на иудаизме, она гостеприимно вобрала в себя все те элементы религиозной мысли и религиозной практики, которые были общими для всего мира, и особенно для бассейна Восточного Средиземноморья. Более того, она гостеприимно вобрала в себя, в частности, те элементы, которые принадлежали к более древней и глубоко укоренившейся части народных религий, а не те, которые принадлежали к цивилизованным, эллинизированным и признанным модификациям государственных религий. Это был скорее демократический, чем официальный продукт. Следовательно, мы должны обратить внимание на более древний, чем на более молодой слой религиозной мысли в больших городах, на влияние, которое повлияло на формирование христианства. Я действительно не отрицаю, что новая вера была затронута и окрашена во всех своих высших проявлениях прекрасными влияниями неоплатонизма, александрийского иудаизма и других полумистических философских систем; но для того, чтобы найти ее существенную основу, нам еще предстоит обратиться к корневому слою религиозной практики и верований в Антиохии и Александрии, во Фригии и Галатии, в Иерусалиме и Риме. *Она основывалась прежде всего на таинстве, жертве, искуплении и воскресении.* И снова, христианство зародилось прежде всего среди еврейского, сирийского или семитского населения этих крупных городов империи в самый момент ее полной космополитизации; оно быстро распространилось от них, несомненно, сначала с серьезными изменениями, к смешанной массе моряков, рабов, вольноотпущенниц и горожан, которые, по-видимому, были его первыми приверженцами. Следовательно, мы должны искать в нем тесную смесь иудаизма с центральными идеями популярных религий, арийских или хамитских, Средиземноморского бассейна. Мы должны ожидать в нем многого из того, что было обычным явлением в Сирии, Малой Азии, Эллад и Египте, — кое-чего даже из Галлии, Испании, Карфагена. Его первым из великих апостолов, если мы можем верить нашим авторитетам, был некто Савл или Павел, наполовину эллинизированный еврей из семитского и торгового Тарса в Киликии и римский гражданин. Его первые великие церкви возникли в оживленных портах и торговых центрах Леванта. *Само название "христианский" было дано ему впервые в многолюдном и космополитичном городе Антиохия.*

Таким образом, именно здесь, в этих огромных, населенных рабами ульях эллинизированной и романизированной торговли, мы должны искать материнские идеи христианства.

Антиохия, несомненно, была в древнейшие времена главной колыбелью новой религии. *Я не имею в виду, что Иерусалим, скорее всего, не был местом, где люди впервые начали формировать небольшую секту эзотерических христопоклонников, или что Галилея не была регионом, где в основном жил и учил сам Христос, если такой человек действительно когда-либо существовал.* В этих вопросах традиции, дошедшие до нас в относительно поздних Евангелиях, могут быть совершенно правильными, а могут и нет. Но христианство в том виде, в каком мы его знаем, христианство посланий Павла и более поздних сочинений, таких как

Евангелия и творения Отцов Церкви, должно было быть, по сути, культом более широкого распространения в Сирии и среди язычников. Оно включает в себя элементы, которые, несомненно, сохранились в более или менее укромных уголках среди массы людей даже в самой Иудее, хотя и игнорировались приверженцами священнического и официального поклонения Яхве; но которые были неотъемлемой частью популярной и даже признанной религии по всей северной Сирии.

Антиохия, где христианство, таким образом, сделало свои первые слабые шаги, была красивым и шумным торговым городом, столицей греческих царей-Селевкидов и признанной метрополией Сирии. *Во времена Павла (если Павел вообще существовал)* в нем, вероятно, проживало полмиллиона человек; это, безусловно, был самый большой город в Азии, и по великолепию его зданий его можно было сравнить с самим Римом. Многие в его положении заслуживают внимания. Он стоял на берегу Оронта, священного ручья, расположенного на богатой сельскохозяйственными угодьями равнине, в четырнадцати милях от устья реки. Его Остия находилась в Селусии, гавани, откуда осуществлялась вся экспортная торговля Сирии и востока в направлении Эллады и Италии. Средиземное море спереди соединяло его с Римом, Александрией, Малой Азией, Грецией; караванные пути через сирийскую пустыню в тылу обеспечивали связь с базарами Месопотамии и более отдаленного востока. Таким образом, это было главное предприятие сквозной торговли между двумя важными мирами. Венеция того времени, она находилась в центре, где сходились магистрали Европы и Азии.

Известные ученые указали на тот факт, что еще раньше, чем во времена Павла, буддийские идеи из Индии, по-видимому, проникли в сирийский мир и повлияли на него, подобно тому как зороастрийские идеи немного позже проникли в александрийскую мысль и повлияли на нее: и этому проникновению мотивов с мистического востока придавалось определенное значение. Теперь я не собираюсь отрицать, что нарождающееся христианство, возможно, оказало большое влияние на его ритуальную и еще больше на этическую сторону плавающие элементы буддийских взглядов: что младенчество Христа, возможно, было вскормлено волхвами. Но в целом, я думаю, фактов, которые мы только что рассмотрели относительно изготовления искусственных человеческих богов, а также природы и значения церковных жертвоприношений, будет достаточно, чтобы показать, что христианство было в основном растением домашнего выращивания. Родная почва уже содержала все необходимые элементы, которые были необходимы для ее питания, — учение о Воплощении, смерти Человека-Бога, искупительной силе его Крови, Воскресении и Вознесении. Так что, придавая должное значение этому своеобразному международному положению Антиохии как двуличных ворот Януса между Европой и Азией, я не склонен думать, что особенности буддизма обязательно оказывали какое-либо преобладающее влияние на эволюцию новой религии. Ибо мы должны помнить, что сам буддизм лишь включил в свою ткань идеи, которые были общими для Перу и Мексики, Греции и Индии, Сирии и Египта и которые проявились в новых формах, поднявшись снизу, в символе веры христианского мира. *Если что — то и прояснилось из наших предыдущих исследований, так это то, что на самом деле в мире никогда не было более одной религии — “со многими названиями, единой центральной формы”,* как выразился поэт.

Сирийский народ, семиты по расе и культу, попал, как и весь остальной восточный мир, под эллинское владычество преемников Александра. Быстрый и утонченный народ, очень гибкий и пластичный, они подверглись быстрой и легкой эллинизации. Для них было легкой задачей принять греческую культуру и греческую религию. Поклоняющийся Адонису не испытывал

особых трудностей с переименованием своего главного бога в Диониса и продолжением практиковать свои старые обряды и церемонии в честь новоявленного божества по наследственному образцу. Астарта, которую восток дал Элладе под псевдонимом Афродита, снова вернулась как Афродита в старые святилища Астарты. Идентификация богов и культов была всего лишь простым делом, поскольку, в конце концов, так много богов были по существу схожи по происхождению и функциям. Таким образом, добродушный сириец не испытывал особых угрызений совести по поводу проведения своих примитивных церемоний под иностранными названиями или признания гостеприимства своих семитских храмов эллинским божествам царствующей Антиохии.

Селевкиды, однако, не преуспели в своей попытке навязать чуждых богов свирепым фанатикам-иеговистам южных гор. Антиох IV тщетно пытался навязать культы навязчивого эллинизма своему новому королевству Палестина. Он не рассчитывал на своих хозяев. Население Иерусалима не отказалось бы от его "идолопоклоннических" обрядов — не позволило бы поклонению Зевсу и Палладе, Артемиде и Афродите узурпировать место в священном городе Яхве. Восстание Маккавеев обеспечило, по крайней мере, религиозную независимость Иудеи с раннего периода Селевкидов вплоть до дней Веспасиана и Тита. Нижняя Сирия на своих засушливых холмах оставалась верна исключительно и монотеистическому культу Бога Израиля. И в то же время еврей распространился повсюду по окрестным странам, унося с собой не только свою соломку и свою корзину, но и свои укоренившиеся и неискоренимые предрассудки.

Таким образом, в Антиохии, после поглощения римлянами Сирии, по-видимому, существовала самая космополитичная религия, содержащая смешанные семитские и эллинские элементы, наполовину ассимилированные друг с другом, что было в высшей степени характерно для ранней империи. И среди популярных культов великого города мы, безусловно, должны высоко поставить культы Адониса и Диониса, Афродиты-Астарты и местных богов или богинь, ваалим и Аштарет, таких как девушка, которая, как мы узнали от Малалы, была принесена в жертву при первоначальном основании города и с тех пор почиталась как его Тайче, или Фортуна. *Другими словами, концепция бога-человека, бога зерна и вина, смерти бога и его славного воскресения, должно быть, были прекрасно знакомы жителям Антиохии и Сирии в целом.*

Отметим здесь также, что особая группа почитателей Яхве, среди которых, как говорят, Христос нашел своих личных последователей, были не людьми иерусалимского священнического типа, а галилейскими крестьянами с северных гор, отделенными от наиболее ортодоксальной группы евреев навязчивым клином самаритян-еретиков и вплотную граничащими с языческим финикийским побережьем — "берегами Тира и Сидона". Здесь иудаизм и язычество шли рука об руку; здесь Яхве имел своих почитателей среди озерных рыбаков, в то время как эллинизм обосновался в более величественных виллах Тверии и Птолемаиды.

Александрия была еще одним из великих космополитических портовых городов, где христианство приняло первых новообращенных и восприняло немало его отличительных догматов. Теперь, в Александрии, эллинизм и незапамятно древняя египетская религия оказались лицом к лицу на очень близком расстоянии. Это правда, город в своем историческом аспекте был в основном греческим, основанным самим великим македонянином и гордящимся своей чисто эллинской культурой. Но масса представителей низших сословий, заполонивших его аллеи, несомненно, состояла из более или менее беспородных египтян, все еще

цепляющихся со всем старым египетским консерватизмом за идеи, обычаи и обряды своих отцов. Кроме того, мы получаем намеки на многочисленное космополитическое население мореплавателей, среди которых странные верования и экзотические боги нашли широкое признание. Помимо величественных форм греческого пантеона и мумифицированных египетских божеств со звериными головами, импортированное сирийское поклонение Адонису приобрело прочную основу; *ежегодный праздник убитого бога был одним из главных праздников*; и другие сирийские или более отдаленные религии сумели обеспечить себе особых последователей. Гибридный Серапис занимал самый величественный храм гибридного города. В этом огромном и оживленном улье, действительно, каждая форма культа находила признанное место, и допускалось любое вероучение, которое не предполагало вмешательства в равную религиозную свободу других.

Семья Птолемеев сама по себе олицетворяет эту любопытную приспособляемость греко-египетского александрийского разума. В Александрии и в Дельте цари предстают перед нами как добрые эллины, поклоняющиеся божествам своих предков в великолепных храмах; но в Фиваиде бог Птолемей или богиня Клеопатра воздвигли здания в честь Птаха или Хема в точности в древнеегипетском стиле и появлялись на своих пропилах в облике фараонов, поклоняющихся Амон-Ра или Осирису. Сам великий Александр положил начало этой системе, когда выдал себя за сына “Зевса Аммона”; и его косвенные представители повсюду применяли ее со странным дуализмом, который оправдывал себя за завесой произвольных отождествлений. Таким образом, сам Серапис был мертвым быком Аписом, наделенным атрибутами Осириса и эллинского Аида; в то время как Амон-Ра был Зевсом в египетском воплощении.

Большая еврейская колония в Александрии также подготовила почву для окончательного примешивания неоплатонизма к христианской вере; в то время как *египетская вера в Триады богов сформировала основу для будущего учения о Троице*, за которое так упорно боролся александриец Афанасий. Верно, что Ампер и Преллер упорно отрицали какую-либо египетскую примесь в александрийской философии; и их рассуждения могут быть достаточно убедительными относительно высшего слоя мысли; но, по крайней мере, следует признать, что народная вера в город Птолемеев, должно быть, была глубоко окрашена идеями и верованиями его египетского субстрата. Теперь, в период роста христианства, значение имели люди, а не официальные классы, ученые или философы. Мы не должны приписывать населению лондонского Ист-Энда теологию Пьюзи или эволюционизм Герберта Спенсера.

Христианство, по-видимому, также приняло часть, по крайней мере в своей форме, в Риме. И поскольку римское влияние распространялось также на все части огромной империи, я должен сказать здесь несколько слов о происхождении и росте римской религии.

Эта религия, какой она предстает перед нами в тех немногих проблесках, которые мы получаем от ее ранней италийской и доэллинизированной формы, была одной из самых грубых и примитивных, почти дикой в своей крайней простоте. Оно почти не знало великих богов по именам: те немногие божества, которыми оно обладало, оно выражало только по большей части именами прилагательными. Немногочисленны, я говорю, по типу, ибо что касается числа индивидуумов, то имя им действительно было легион; они пронизывали весь мир в том безрассудном множестве, которое отличает простых призраков или духов древних охотничьих или скотоводческих народов. При римлянах эта множественность, повсеместность и

неопределенность сохранились до относительно оседлого и цивилизованного состояния сельского хозяйства. Огромное количество мелких ведомственных богов, с небольшим количеством великих или вообще без них — таково первое состояние римского пантеона.

Центральным моментом древнеримской религии, несомненно, был дом; семейные призраки или *ларисы* были самыми почитаемыми богами. Мы можем поучительно сравнить рассказ м-ра Чалмерса о богословии Новой Гвинеи. Рядом с этими наследственными тенями, или почти идентично с ними, находились *пенаты* или практические божества кладовой, возможно, представители жертв, убитых как призраки фундамента при первом возведении здания. Из этих двоих Лары, несомненно, были усопшими предками семьи; они жили недалеко от того места, где были впервые похоронены (поскольку древние римляне были похоронщиками), и они все еще руководили домом, как при жизни, подобно его отцам и сенаторам. Им ежедневно поклонялись с молитвами и простыми подношениями еды и питья; их маски или бюсты, висевшие на стене, возможно, были изображениями или, в древние времена, покровами древних голов или черепов оракулов; поскольку сами черепа, возможно, были запечатаны в воске, как это часто случалось в других местах более раннего периода. * Пенаты, которым поклонялись вместе с Ларами, по-видимому, олицетворяли дух семьи в более общем смысле; они олицетворяют непрерывность и постоянство ее Состояния; и поэтому, если мы можем доверять аналогии с Состоянием города, они, вероятно, являются призраками жертв основания или обновления. Оценивая все это, мы не можем придавать слишком большого значения аналогии негритянских и полинезийских обычаев.

К этому использованию головы оракула я бы рискнул также отнести обычное использование маленьких масок в качестве амулетов: использование, которое, как справедливо замечает Боттигер, объясняет “огромное количество подобных предметов, встречающихся в античных драгоценных камнях”.

Другие божества более публичны. Но большинство из них, по-видимому, принадлежат к простейшему и наиболее непосредственному призрачному слою. Они имели отношение к севу, жатве и сбору урожая - другими словами, были богами кукурузы или вина. Или же они имели отношение к судоходной реке Тибр и порту Остия, который лежал в ее устье, — другими словами, были богами весны и реки. Или же они имели отношение к войне и экспедициям — другими словами, были убиты боги кампании по образцу Ифигении, Беллоны и жертвы сражений.

Среди этой смутной толпы древних искусственных божеств Сатурн, бог посева, скорее всего, был ежегодной жертвой кукурузы; его прилагательное само по себе наводит на такой вывод. Терминус, бог границы, нам уже знаком. По крайней мере, в этих двух мы вряд ли можем ошибиться. Рыжеволосый мужчина (как в Египте), без сомнения, предшествовал в качестве ежегодной жертвы кукурузе рыжеволосым щенкам, которых до сих пор забивают ради урожая в пределах досягаемости Феста. Сейя, Сегетия, Тутилина, сменяющие друг друга божества кукурузы, мы уже рассматривали. Кажется, они приравниваются к последовательным девушкам, убитым за зерно в других общинах, и до сих пор увековечиваются среди нас в виде кукурузного младенца и кукурузной жены. На каждой стадии созревания кукурузы желательной считалась соответствующая стадия возраста человеческой жертвы. Но как согласовать эту

идею с существованием многочисленных мелких функциональных божеств — богов двери и петель? — с Куниной, которая охраняет ребенка в колыбели, и Статиной, которая заботится о нем, когда он начинает вставать? Я отвечаю: все это всего лишь прилагательные боги, простые призраки или духи, неизвестные сами по себе, но задуманные как выполняющие эту конкретную функцию. “Бог, который делает то-то и то-то” - это просто удобное выражение, не более; оно служит своей цели, и этого было достаточно для практичного римлянина. Насколько легко они могли смириться с этими грубыми отождествлениями, мы знаем на примере Аия Локуция и Deus Rediculus.

Таким образом, каждый Терминал и каждый Сильванус — это бог или дух—покровитель каждого пограничного камня или каждой священной рощи - не имя собственное, а класс - не конкретный бог, а *вид* духа. Обобщенные и абстрактные боги являются более поздними объединениями всех индивидуумов, входящих в каждый род. Янус, как я понимаю, сначала был жертвой, которую когда-то ежегодно приносили в жертву перед каждым воротами города, как его приносят в жертву до сих пор на западном побережье Африки: как бога открытия, его убивали в начале каждого нового года; и год, наоборот, начинал свое течение месяцем, посвященным богу открытия. Возможно, он также был убит как форчун в начале каждой войны. Веста - богиня домашнего очага; и в каждом доме была своя Веста; возможно, первоначально это была заколотая жертва для домашнего очага. Точно так же каждый мужчина обладал своим Гением, наследственным духом-покровителем; соответствующим хранителем женщины была ее Юнона; они восходят к христианству, особенно в его наиболее характерной римской форме, как ангелы-хранители. Марс был духом зерна; только позже его отождествили с богом экспедиции. Его ежегодное изгнание в качестве человеческого козла отпущения уже рассматривалось. Юпитер, или Иовис, был множественным богом вина, несомненно, в каждом случае ежегодной жертвой, приносимой Дионису на благо виноградаря. В каждой деревне и на каждой ферме когда-то был свой Джовис, которому особо поклонялись и, я не сомневаюсь, изначально убивали при вскрытии первой в году бочки с вином в апреле. Но его имя показывает, что, как обычно, он также отождествлялся с тем очень древним богом Неба, который является общим для всей арийской расы; конкретный Иовис, вероятно, был принесен в жертву самому себе перед алтарем древнего бога Неба, как и везде жертва Дионису в святилище Диониса.

Я знаю, что эти отождествления могут показаться причудливыми простым ученым-классикам, незнакомым с недавними достижениями антропологии, и я бы не рискнул выдвигать их на более ранней стадии нашего сложного спора; но теперь, когда мы увидели и научились распознавать необычайное сходство всех пантеонов по всему миру, я думаю, что точное соответствие этих божеств богам стен, богам ворот, богам кукурузы, богам вина, богам границ, богам лесов, богам фонтанов и богам рек повсюду, безусловно, должно быть немного обосновано. вес при их аналогичном размещении.

Поздняя римская религия только расширяется, если вообще расширяется, за счет включения все более крупных племенных элементов. Таким образом, Deus Fidius, который руководил каждым отдельным союзом, я принимаю за призрак жертвы, убитой для заключения соглашения; точно так же, как в Африке по сей день, *когда два племени заключают мирный договор, они распинают раба, “чтобы утвердить сделку”*. Природа таких жертв завета была хорошо проиллюстрирована профессором Робертсоном Смитом, но рост богов завета, которые в конце концов приобрели очень широкое значение, - это тема, которую соображения объема не позволяют мне включить в нашу нынешнюю сферу. Жертва, поначалу, без сомнения,

человек, позже превратилась в теантропное животное; так же поступили Джо-визави-жертва и представители других прилагательных или ведомственных божеств. Римский Марс и сабинянин Уиринус могли быть легко объединены в Марс Уиринус, если мы вспомним, что Марс, вероятно, является общим названием и что любое количество Мартов могло быть принесено в жертву в любое время. Таким образом, Иовис из города Рима становится, наконец, величайшим и могущественнейшим Юпитером из всех и представителем римского союза. Однако под влиянием эллинизации все эти второстепенные боги в конце концов возвышаются до обобщенных божеств; и приносимые им жертвы животных становятся просто почетными или культовыми жертвоприношениями, которые вообще вряд ли отождествляются с великими изображениями, которые их получают.

Действительно, процесс эллинизации зашел в Риме так далеко, что древнеримская религия была полностью затемнена и почти исчезла, за исключением ее домашнего характера. В доме Лары по-прежнему занимали первое место. В других местах Вакх занял место Либера, в то время как черты Гермеса были закреплены за прилагательным римского духа сделки Меркурия. И все же, несмотря на это, римлянин сохранил свою примитивную веру в богов зерна и вина под более новыми обличьями; свою Цереру он считал единой с аттической Деметрой; его сельские церемонии все еще оставались неизменными за счет смены атрибутов, которые заразили и преобразили городские храмы. Более того, римляне, а позже и космополитическое население Рима, во все возрастающем количестве свободно заимствовали богов и богини извне. В очень ранние времена они заимствовали из Этрурии; позже они позаимствовали Аполлона из Греции и (из-за этимологической ошибки) приписали своему собственному Геркулесу черты Геракла. По случаю эпидемии чумы они публично призвали Асклепия, греческого бога-пиявку из Эпидавра; и в самый критический момент конфликта не на жизнь, а на смерть с Ганнибалом они привезли священный полевой камень, известный как Кибела, Мать Богов, из Пессина во Фригии. Народ Пессина со странной уступчивостью отпустил свою богиню, и весь оргиастический культ Аттиса был, таким образом, целиком перенесен на итальянскую землю. Обряды великого праздника совершались в Риме почти так же, как прежде во Фригии; так что азиатское богослужение самого буйного толка нашло прочную официальную опору в центре империи. Священник, действительно, все еще был азиатом или, по крайней мере, не римлянином; но изгнание Ганнибала из Италии, последовавшее за принятием чужеземного бога, должно было значительно повысить престиж и репутацию чужого и оргиастического божества.

Роскошная Афродита из Эриксы на Сицилии прибыла в Рим примерно в одно время с Кибелой. Первоначально семитская богиня, она сочетала в себе эллинские и восточные идеи и отождествлялась в Италии со старолатинской Венерой.

Еще позже извне были завезены другие боги. Новые божества потекли из Азии и Африки. Население города времен ранней империи почти перестало быть римским, за исключением высших слоев; огромное количество рабов со всех частей света составляло самый нижний слой в переполненных хранилищах: средний ряд заполняли сирийцы, африканцы, греки, сицилийцы, мавры и вольноотпущенники — люди всех мест и рас, от Испании или Британии до Евфрата и Нила, степей и пустынь. Оронты, по словам Ювеналия, затопили Тибр. Среди этой смешанной массы всех вероисповеданий и цветов кожи, темнокожих или золотоволосых, выросла любопытная смесь религий. Некоторые из них были просто готовым иностранным импортом — поклонение Изиде из Египта; поклонение Яхве из Иудеи; странные восточные, северные или

африканские культы из самых отдаленных частей Понта или Мавритании. Другие были смесью или рационализацией старых религий, таких как христианство, в котором смешались иудаизм и элементы Адониса или Осириса; таких как гностицизм, который, начавшись с проникновения зороастризма, в конце концов превратил всех богов мира в своего собственного верховного мистика и бога магии Абраксаса.

Взглянув немного глубже на империю в целом, мы видим, что со времен Августа потребность в новой космополитической религии, соответствующей новому космополитическому государству, начала смутно ощущаться и признаваться. Солдаты, завербованные в одной стране, перенесли культ и изображения своих богов в другую. Убивающему быка Митре (в котором мы вряд ли можем не увидеть солнечную форму бога-быка, который приносит в жертву быка самому себе перед своим собственным алтарем) поклонялись тут и там, как показывают многочисленные барельефы, от Персии до Британии. Галл пытался отождествить своих местных богов войны с римским Марсом, который, в свою очередь, был эллинизирован и стал дубликатом греческого Ареса. Британец видел своих речных богов, переделанных мозаикой в изображения, подобные римскому Тибру, или снабженных четырьмя лошадьми, которые тащат римского Нептуна, поскольку Нептун позаимствовал это изображение, по крайней мере, у греческого Посейдона. И это было тем легче, что повсюду в жертву морю или реке приносились одинаковые лошади вместо человеческих жертв; точно так же, как повсюду боги зерна были одеты в зеленое, и повсюду боги вина носили короны из виноградных листьев на своих священных челах. Мужчины почувствовали истину, которую я пытался им внушить, что *везде и всегда существует только одна религия*. Атрибуты и происхождение были настолько похожи, что богослужение быстро подвергалось космополитизации названия, поскольку оно уже обладало сходством обрядов и основных черт. Сам язык способствовал этому объединяющему процессу. На западе, по мере распространения латыни, латинские имена богов вытеснили местные; на востоке, по мере распространения греческого языка, эллинские божества присвоили свои титулы и красивые формы местным изображениям. Искусственное единство было введено и закреплено традиционным списком греческих и римских эквивалентов; и на западе, по мере того как греческое искусство набирало силу и распространялось, благородные греческие изображения высших богов в идеальном человеческом облике стали повсеместным явлением.

Но этого было недостаточно. Поскольку правительство было единым при сильном централизованном деспотизме, вполне естественно, что религия также должна была быть единой под властью такого же всемогущего божества. *Человек создает свои небеса по образу и подобию земли*; его пантеон соответствует его политической конституции. В средневековом небесном зале восседал на своем царственном троне имперский Бог, подобный Отону или Фредериксу, окруженный двором великих баронов и аббатов в образе ангелов и архангелов, святых и мучеников: новые религии, такие как спиритуализм и теософия, которые возникают в современном демократическом мире, являются религиями свободных и независимых духов, которые трудно даже назвать теистическими. Таким образом, Римская империя требовала единой религии под руководством единого сильного бога. Оно имело тенденцию находить это если не в Гении Траяна или Антонина, то в каком-нибудь Митре, убивающем быков, или в каком-нибудь вселенском Абраксасе. Материалисты довольствовались поклонением императору или городу Риму; идеалисты обращались скорее к Исиде или Христу.

Существовала одна религия, которая могла бы ответить на поворот империи: чистый и идеальный монотеизм Иудеи. Но культ Яхве был слишком локальным и слишком национальным; он никогда не распространялся за пределы настоящих или приемных сынов Израиля. Тем не менее, это привлекало прозелитов высокого ранга в Риме, особенно среди женщин; что касается мужчин, то болезненная и унижительная церемония посвящения в иудаизм, должно быть, всегда серьезно мешала обращенным. И все же, несмотря на этот недостаток, во всех космополитических городах, где были поселены евреи, были прозелиты; люди, которые любили свою нацию и построили ей синагогу. Если бы иудаизм только мог избавиться от своей национальной исключительности и смог бы включить в своего бога еще некоторые из тех гениальных и универсальных черт, которые он слишком рано отбросил, если бы он мог стать менее строгим, менее абстрактным и в то же время менее локальным, — был шанс, что он мог бы стать религией человечества. Мечта пророков все еще может сбыться, и весь мир приблизится к Сиону.

В этот критический момент среди евреев и галилеян, в Иерусалиме и Антиохии, начала появляться малоизвестная маленькая секта, которая в замечательной степени сочетала в себе все основные требования новой мировой религии. И чего бы ни недоставало культу Иисуса в этом отношении при его зарождении, по ходу дела это восполнялось поглощением и пронизыванием.

Это была католическая Церковь: она олицетворяла мир, а не племя или нацию. Это была Святая Церковь: она придавала большое значение этическому элементу. Это была римская церковь: она росла и процветала по всей Римской империи. Она превратила город в то, что когда-то было миром. Откуда он взялся и как вырос, должно быть нашим следующим и заключительным вопросом.

ГЛАВА XVIII. РОСТ ХРИСТИАНСТВА.

В то время, как мир, таким образом, бурлил и бродил от новых верований, символ веры Христа впервые появился на побережье Азии. Несмотря на некоторые замечания в моей первой главе, *я не такой “грубый эвгемерист”, чтобы догматически настаивать на историческом существовании личного Иисуса. О самом Христе, если Он вообще существовал, мы знаем мало или вообще ничего. Рассказ о его жизни, дошедший до нас в Евангелиях, настолько лишен авторитета и настолько полностью составлен из чудесных фрагментов, почерпнутых откуда-то еще, что нам вполне можно простить серьезные сомнения в том,*

что его скорее следует причислить к Святому Георгию и Святой Екатерине, Персею и Артуру, к полностью мифическим и воображаемым фигурам легенд и религии.

С другой стороны, вполне возможно или даже вероятно, что где-то в начале нашей общепринятой эры в Галилее действительно жил учитель и реформатор, носивший семитское имя, которое окончательно эллинизировано и латинизировано для нас как Иисус. Если это так, то не кажется маловероятным, что этот неизвестный человек был распят (или, скорее, повешен на столбе) римлянами в Иерусалиме при прокураторе К. Понтии Пилате; и что после его смерти его ближайшие последователи поклонялись ему более или менее как богу. Такое зерно истины вполне может существовать в позднем и производном евангельском рассказе; зерно истины, но заключенное в массу неисторических мифов, которые неявно отождествляют его со всеми известными богами зерна и вина Восточного Средиземноморья.

Более того, возможно даже, что Христос был преднамеренно предан смерти по наущению еврейской черни как один из тех временных божественных царей, природу и значение которых мы уже обсуждали. Если это предположение кажется невероятным из-за отсутствия какого-либо подобного зарегистрированного случая в скудных еврейских летописях, я бы ответил, что официальные исторические источники редко дают нам какой-либо намек на подобные обычаи, все еще сохранившиеся в цивилизованных европейских странах; что многие народные обряды существуют неслышанно повсюду; и что в средние века широко распространено мнение, что евреи распинали христианских мальчиков, подобно святому Хью Линкольнскому, на определенных нерегулярных и непризнанных этнических церемониях. Более того, чтобы не подумали, что я привожу этот пример из антисемитских побуждений (которыми я ни в малейшей степени не обладаю), я могу добавить, что даже среди христиан, как полагают, в наши дни в сельских районах Италии существуют сходные обычаи - есть деревни, где ежегодно умирает человек как представитель Христа; и что, по моему мнению, "Обераммергау" и другие Страсти являются пережитками подобных представлений, в которых осужденный преступник, обычная замена, когда-то действительно исполнял роль Христа. Короче говоря, я без колебаний могу сказать, что *церемонии богоубийства, более или менее смягченные, сохранились повсюду в неясных формах среди народных обрядов и обычаев самых цивилизованных народов.*

Однако, не делая более краткого указания на эту возможность, я перехожу к тому, чтобы сказать, что *если когда-либо действительно существовал личный Христос, и если его последователи начинали со смутной веры в его воскресение, легенда, как мы ее понимаем, очевидно, составлена из собранных фрагментов всех богоубийственных обычаев и верований, которые мы подробно рассматривали в последних шести или семи главах.* В Евангелии от его более поздних последователей, после того как секта широко распространилась среди язычников в городах, *Иисус рассматривается как бог зерна и вина, временный царь, убитый на кресте в качестве личного искупления и воскресший из мертвых через три дня обычным для всех богов зерна и вина способом.* Возможно, конечно, что первые верующие могли связать все эти идеи, так сказать, со случайным осуждением и казнью; но возможно также, что *Христос действительно мог быть предан смерти на великом весеннем празднике Пасхи в соответствии с каким-то неясным и непризнанным народным обрядом иерусалимской черни.* Я даже не претендую на то, что у меня есть мнение по этому поводу; я не утверждаю и не отрицаю никаких исторических фактов: я удовлетворен тем, что *история в целом представляет нам Христа исключительно в образе временного короля, убитого с*

помощью церковных обрядов как бога зерна и вина. По крайней мере, в этом случае я не догматичный эвгемерист.

Я думаю, что именно профессор Фримен однажды причудливо описал буддизм как “богохульную предвосхищающую пародию на христианство”. *Идея ученого историка, очевидно, заключалась в том, что автор всего зла, заранее зная о божественных намерениях, изобрел буддизм до пришествия Христа, чтобы предвосхитить христианский план Спасения.* Если это так, мы должны рассматривать все другие религии как подобные богохульные попытки опередить Бога: ибо по мере продвижения мы увидим, что каждая из них содержит бесчисленные предвосхищения христианства — или, наоборот, что христианство включает их все в себя в виде высококонцентрированного и эфирного раствора.

В самых ранних христианских документах, Посланиях Павла и других апостольских посланиях, мы находим мало информации об истории реального или мифического Христа. Одни лишь туманные намеки на распятие и воскресение оправдывают наше пристальное внимание. Но сквозь словесный туман мы ясно видим две или три вещи. Христос описывается как сын Божий, то есть еврейское божество; и о нем постоянно говорится как о насаженном на столб или дерево, священный символ стольких старых религий. Он умирает, чтобы спасти человечество; и спасение предлагается во имя его всем людям. Внимательное прочтение посланий с этой точки зрения даст краткое изложение самого раннего и наименее догматичного, но очень доктринального христианского богословия. *Его кардинальных точек четыре — воплощение, смерть, воскресение, искупление.*

Более поздние рассказы, которые мы находим в Евангелиях, гораздо более ясны. Легенда к тому времени обрела форму: она стала ясной и последовательной. *Все элементы убитого и воскресшего бога зерна и вина присутствуют в совершенстве. Для краткости я сведу все эти рассказы воедино, добавив к ним некоторые черты еще более позднего происхождения.*

Аспект Христа как переживания бога-зерна уже ясно виден в аргументации Павла в Первом Послании к Коринфянам о воскресении тела. Этот аргумент сразу же поразил бы каждого грека и каждого азиата. “То, что вы сеете, не оживет, пока не умрет. И когда вы сеете, вы сеете не тело, которое должно быть, а голое зерно; это может быть пшеница или любое другое зерно. Но Бог придает ему форму по своему усмотрению; каждому семени - свое собственное тело”. Вся эта пятнадцатая глава, самое раннее изложение христианской веры, должна быть прочитана в этой связи каждым, кто желает понять тесную связь идеи посева с воскресением. Это мог быть написан любым поклоняющимся Адонису или Осирису, который хотел порекомендовать свою особую доктрину о телесном воскрешении сомневающемуся стороннику кремации, знакомому с культом Диониса и Аттиса.

Самым ранним известным обрядом христианской церкви было совместное таинственное вкушение хлеба и вина; считалось, что этот обряд посвящен смерти Господа и его тайной вечере, когда он ел и пил хлеб и вино со своими учениками. *Язык, вложенный в его уста по этому поводу в Евангелиях, особенно в Четвертом, явно принадлежит богу зерна и вина. “Я есмь истинная виноградная лоза; вы - ветви”. “Я есмь хлеб жизни”. “Примите, ядите, сие есть тело Мое”. “Это моя кровь нового Завета”.* Бесчисленные другие штрихи подобного рода разбросаны по речам. В притче о винограду Бог Отец описывается как владелец винограда, который посылает своего единокровного сына получить его плоды, а работники убивают его. Первое чудо в Кане Галилейской - это чудо превращения воды в вино рукой

Иисуса: и так далее в длинной серии любопытных примеров, которые читатели могут обнаружить сами, изучив.

В раннехристианском искусстве, выставленном в римских катакомбах, чаще всего изображается настоящая виноградная лоза, а также корзины с хлебами и соответствующее чудо с хлебами и рыбами. *Умножение хлеба и вина - естественные атрибуты бога зерна и вина.* Самое раннее из имеющихся у нас описаний Христа, сделанное Иоанном Дамаскиным, гласит, что цвет его лица был “пшеничного цвета”; в то время как в апокрифическом письме Лентула Римскому сенату мы читаем в том же духе, что его волосы были “винного цвета”. Греческое описание, сделанное Епифанием Монахом, гласит, что Христос был шести футов ростом; его волосы были длинными и золотистого цвета; и лицом он был румяным, как его отец Давид. На все эти описания, очевидно, повлияло отождествление хлеба и вина евхаристии с личностью Иисуса.

В церковном обиходе с самых ранних дней было принято вкушать тело Христа в виде хлеба и пить его кровь как вино во время причастия. В католической церкви эта непрерывная церемония проходит у алтаря, содержащего священные кости, и представлена как приношение Бога самому себе в форме мистической и святоотеческой жертвы. Священник пьет вино или кровь; миряне едят только хлеб или тело.

Любопытный обычай, который встречается во многих церквях Сицилии на Пасху, еще больше усиливает это единство Христа с культом более ранних богов зерна и вина, таких как Адонис и Осирис. Женщины сеют пшеницу, чечевицу и канареечные семечки в тарелки, которые держат в темноте и поливают через день. Растения вскоре дают всходы; затем их связывают красными лентами, а тарелки с ними устанавливают на надгробия, которые с изображениями умершего Христа устанавливаются в римско-католических и греческих церквях в Страстную пятницу, “точно так же, как сады Адониса, “ говорит мистер Фрейзер, - были установлены на могиле умершего Адониса”. В этой любопытной церемонии мы получаем пережиток самого низшего слоя поклонения богу кукурузы; слоя, где убивают настоящую человеческую жертву, а над его телом сеют кукурузу и другие культуры. Даже там, где сам посев больше не сохранился, гробница остается как реликвия того же древнего ритуала. Такие гробницы повсеместно встречаются на Пасху, как и колыбели бога-младенца на празднике зимнего солнцестояния. Пьета - это окончательная форма оплакивания бога зерна святыми женщинами.

Переходя к другим аспектам Христа как бога зерна и богочеловеческой жертвы, мы видим, что он признается вдвойне как бог и человек, подобно всем подобным богам ранних рас. В речах, вложенных в его уста его биографами, он постоянно называет еврейского бога своим отцом. Более того, он царь; и его царственное происхождение от его предка Давида с некоторой настойчивостью подчеркивается в генеалогиях. Он - воплощенный Бог; но также он - Царь Иудейский и Царь Славы. Мудрецы приходят с востока, чтобы поклониться ему, и приносят дары из золота, смирны и ладана младенцу-Богу в его яслях-колыбели. Но, кроме того, он Христос, помазанник Божий; и, как мы видели, помазание является общим элементом со многими другими богочеловеческими жертвами.

Еще раз, он - сын короля; и он - единородный сын, *нежно любимый сын, который был убит во искупление грехов народа.* Небеса открываются, и голос с них провозглашает: “Сей есть сын мой возлюбленный, в котором Мое благоволение”. Как и все другие подобные жертвы, он связан с более древним этническим богом, Джах-вехом; и хотя он сам является Богом и един с

Отцом, он приносится в жертву самому себе во искупление греха, совершенного людьми против божественного правосудия. Все это было бы действительно знакомой теологией для поклоняющегося Осирису, Адонису и Аттису.

Обычным еврейским приношением был пасхальный агнец; следовательно, Христос рассматривается как Агнец Божий, который берет на себя грехи мира. На картинах катакомб Спаситель мира чаще всего изображается в виде агнца. Как агнец, он воскрешает другого агнца, Лазаря; как агнец он превращает воду в вино; как агнец он бьет живительные источники из скалы на шпандрилах саркофага Юния Басса. Но его рождение в яслях также знаменательно: его виноградная лоза и голубь встречаются почти так же часто, как его ягненок в катакомбах.

Евангельская история представляет страсти Христовы, по сути, как жертвоприношение временного царя, наделенное всеми знакомыми элементами этого раннего ритуала. Христос входит в Иерусалим с царственным видом, под народные аплодисменты, подобные тем, которые всегда сопровождают временного царя, а также Аттиса или Адониса. Он восседает на осле, царственном животном семитов. Люди сбрасывают ветви деревьев на его пути, как они всегда сбрасывают части зеленых деревьев перед богами растительности. В Вербное воскресенье его церкви до сих пор украшают пальмовыми ветвями или ветками ивового сережек. Подобные обряды с зелеными предметами составляют неотъемлемую часть всех старых ритуалов бога дерева или бога кукурузы, а также всех современных европейских пережитков фольклора — они в равной степени присутствуют на дионисийском празднике и в "Джеке в зеленом" в дни английских ярмарок. Связь с деревьями также хорошо прослеживается во всех Евангелиях; и чудо бесплодной смоковницы особо упоминается в тесной связи со входом в Иерусалим. Люди, когда он вошел, восклицали "Осанна" сыну Давидову, и предполагалось, что исполнятся пророческие слова: "Вот, царь твой грядет к тебе, кроткий, сидящий на осле и молодом осленке, жеребенке ослицы".

Христос идет на крест как добровольная жертва; он не всерьез просит, чтобы чаша миновала его. Он предсказывает свою собственную смерть и добровольно подчиняется ей, но он также куплен дорогой ценой — тридцатью сребренниками, заплаченными Иуде. Из всего этого у нас были предсказания в кхондских, мексиканских и различных других ритуалах.

Более того, есть суд — двойной суд, перед первосвященником и перед Пилатом. Такие суды, как мы видели, являются обычными элементами деградации псевдокороля. Подобно всем другим подобным жертвам, Христос, после того как с ним обращались как с монархом, подвергается поношению и плевкам, ударам и оскорблениям. Его связывают веревками и приводят к Пилату. Прокуратор спрашивает его: "Ты ли царь Иудейский?" и Христос косвенно признает справедливость этого титула. Все последующие эпизоды мучительной драмы нам уже знакомы. Священную жертву жестоко бичевали, чтобы у нее потекли слезы. Как и в других случаях, он увенчан цветами или корой, чтобы обозначить свое положение царя растительности, так и здесь он увенчан венком из шипов, который усиливает его позор. Священная кровь должна течь из священной головы. Но, тем не менее, он облачен в пурпур и приветствуется словами: "Здравствуй, царь Иудейский!" с торжественной иронией. Солдаты бьют его тростью по голове, но даже нанося удары, они преклоняют колени и поклоняются ему. Они дали ему выпить вина, смешанного со смирной, "но он не принял его". Затем его распинают на Голгофе, месте, где находится череп, * на кресте, древней священной эмблеме стольких религий; на нем по приказу

прокуратора выгравировано: “Царь Иудейский”. После смерти Христа его оплакивают, подобно Адонису и Осирису, святые женщины, включая его мать. *Я не думаю, что мне нужно подробно указывать на множество близких сходств, которые существуют между Матерью Богов и Богородицей—Богородицей.*

* Согласно средневековой легенде, череп принадлежал Адаму, и священная кровь, попавшая на него, оживила его. На распятиях череп обычно изображается у подножия креста.

Уразбойников, распятых вместе со Спасителем, переломаны ноги, как и у многих других священных жертв; но у самого Христа не сломана ни одна кость, как у пасхального агнца, который был еврейской заменой первобытной человеческой жертвы. Таким образом, обе идеи на эту тему, более ранняя и более поздняя, по-видимому, находят соответствующее место в истории. Однако вместо того, чтобы переломать ноги, Христу пронзили бок; и из него вытекает мистическая кровь искупления, в которой теоретически омываются все христиане; это крещение кровью (буквальная реальность в старых культах) уже было знакомым образом во времена Апокалипсиса, когда одежды избранных добела омываются кровью закланного агнца.

После распятия Христа снимают с креста и хоронят. Но, как и все другие боги зерна и вина, *он воскресает из мертвых на третий день — сам этот трехдневный период уже является обычным в подобных случаях.* Все вокруг напоминает об Осирисе и Аттисе. И снова первыми его видят женщины, а затем мужчины. Наконец, он возносится на небеса, к своему Отцу, перед изумленными глазами своих учеников и своей матери. В каждом из этих пунктов нет ничего такого, с чем мы уже не были бы знакомы в других местах.

Я не буду проводить аналогию дальше. Делать это было бы бесконечно. Действительно, я не думаю, что в евангельской истории есть элемент, который не подтверждал бы предложенную здесь параллель. Незначительный инцидент с визитом к Ироду, например, в точности аналогичен визиту ложного Осириса в современном Египте в дом правителя и визиту временного или мнимого царя во многих других случаях во дворец настоящего царя. Эпизод, в котором Ирод и его воины облачают Христа в великолепное одеяние, является эквивалентом эпизода, в котором мексиканский король облачает жертву богу в королевские одежды, а также находит параллели во множестве других подобных драм в других местах. Женщины, готовящие специи и мази для тела, вспоминают обряды Адониса; Пилат, омывающий руки от вины осуждения, вспоминает частый эпизод, когда убийцы бога возлагали вину на других, или бросали ее на нож, или кричали: “Мы купили тебя дорогой ценой; мы невиновны”. Тот, кто внимательно прочтет евангельские повествования наряду с хорошо подобранным собранием рассказов мистера Фрейзера о псевдокоролях, сам увидит, что в этой истории всплывают бесконечные другие второстепенные черты, которые можно приравнять к многочисленным подобным случаям смерти и воскресения человека-бога в других местах.

Сами сюжеты притч знаменательны сами по себе: хозяин виноградника, который посылает своего сына, которого наниматели убивают; работники, которые приходят в одиннадцатый час; сеятель и хорошая и плохая земля; горчичное зерно; закваска фарисеев; семя, растущее тайно; сыновья в винограднике. Обнаружится, что почти все они затрагивают ключевые темы хлеба и вина или, по крайней мере, посева семян.

Трудно сказать, на каких именно этапах возникла и закрепились история галилейского богочеловека вокруг личности реального или мифического Иисуса. Уже в посланиях мы можем уловить случайные проблески, в зародыше, большей части этого. Мы уже замечаем странные намеки и предзнаменования. Вероятно, первые ученики-евреи пришли к общему пониманию существующей истории еще до того, как язычники начали добавлять свои цитаты. И когда мы смотрим на документы, столь перегруженные чудесами и легендами, как Евангелия и Деяния Апостолов, нам действительно трудно отделить какой-либо элемент исторической правды от огромного нагромождения мифов и преданий. Тем не менее, я не вижу серьезных оснований сомневаться в общей истинности идеи о том, что христианская вера и практика возникли сначала среди галилейских евреев, и что от них она со сравнительной быстротой распространилась среди народов Сирии и Малой Азии. Кажется даже вероятным, что некий Савл или Павел действительно был тем человеком, который первым задумал проповедовать новую религию по всей империи, и особенно в крупных городах, как веру, которую могли бы принять как евреи, так и язычники.

Конечно, хотя молодой культ содержал большинство лучших черт иудаизма, рассматриваемого как возможная универсальная религия, — его монотеизм, его чистоту, его сравнительную свободу от мерзких и абсурдных легенд о богах и их любовных похождениях, — он превзошел старую веру в приемлемости для мира в целом, и особенно для народов Сирии и западной Азии. Каждый из них мог бы с совершенной правдой сказать: “Ничего не изменилось; есть только еще один бог, которому нужно поклоняться”.

По мере распространения церкви легенда быстро разрасталась. К раннему рассказу о смерти и воскресении царя Иудейского более поздние рассказчики добавили историю о его чудесном рождении от матери-девственницы, которая зачала непосредственно от духа Божьего, сошедшего на нее. Широкий размах и происхождение этой веры в концепцию богов и героев были полностью исследованы мистером Сидни Хартлендом в его замечательном исследовании Легенды о Персее. Новообращенные далее снабдили своего божественного лидера царской генеалогией от Давида вниз и с помощью довольно окольного аргумента заставили его родиться в Вифлееме, согласно предполагаемому пророчеству — хотя, если Иисус вообще когда-либо существовал, казалось бы, единственным фактом, в котором мы могли быть сносно уверены относительно него, был тот факт, что он был человеком из Назарета. Более поздние авторы вложили в его уста высокое для своего времени моральное учение, несколько предвосхищенное Гиллелем и другими раввинами и, возможно, частично буддийского происхождения; они также заставили его провозгласить для себя ту божественную роль посредника и искупителя, которую они сами провозгласили Спасителем Человечества. Он называет себя виноградной лозой, хлебом жизни, добрым пастырем; Иоанн Креститель, энтузиаст, слава которого наконец привлекла его к христианской легенде, называет его *“агнцем Божьим, который берет на себя грехи мира”*. Очень рано старый обряд водоосвящения, или крещения, принятый Иоанном, использовался как одна из главных христианских церемоний, церемония посвящения, которая с выгодой заменила кровавое и опасное еврейское обрезание.

Это допускало гораздо более свободный прозелитизм, чем иудаизм мог когда-либо ожидать; и хотя, без сомнения, поначалу христиане считали себя сектой евреев, и хотя они всегда полностью принимали еврейские священные книги и еврейского Бога со всей еврейской историей, космогонией и мифологией, все же новая религия с самого начала была космополитической и проповедовала слово всем народам. Такая вера, пришедшая в такой

момент и говорящая людям именно то, во что они были готовы поверить, заранее была уверена в довольно общем принятии. Когда Константин сделал христианство официальным вероучением империи, ясно, что он всего лишь официально одобрил революцию, которая долгое время становилась все более и более неизбежной.

Одним словом, христианство восторжествовало, потому что оно объединило в себе все наиболее важные элементы всех религий, существовавших в то время в мире, почти без примеси местного, национального или неприятного; и оно добавило им всем высокую этическую ноту и социальную доктрину человеческого братства, особенно подходящую для эпохи объединения и систематического правления.

Иногда, даже в самих Евангелиях, мы встречаем странные мимолетные отголоски таинственного отождествления Христа с древнееврейским этническим богом, не только как Владыки Вселенной, но и смутно вспоминаемого как священный камень ковчега, Скала Израиля. “Камень, который отвергли строители, этот камень стал украшением угла”. “Всякий, кто упадет на этот камень, разобьется; но на кого бы он ни упал, он сотрет его в порошок”. И в речи, вложенной в уста Христа, он говорит Петру: “Ты - Скала, и на этой Скале Я создам мое собрание”. *

* Я могу честно заверить полемизирующего протестантского священника, что я хорошо осведомлен о гендерной разнице в этом отрывке - и о его полной неважности. Имя Питер вряд ли можно было бы сделать женским, чтобы соответствовать определенной игре слов или предвосхитить возражения определенного набора тривиальных словосочетаний.

Иногда также в посланиях попеременно прорабатываются две идеи бога зерна и бога-камня основания. “Я насадил; Аполлос поливал”. “Вы - Божье земледелие; вы - Божье созидание”. “Я заложил основание, и другой строит на нем. Пусть каждый человек заботится о том, как он строит на нем. Ибо никто не может заложить другого основания, кроме того, которое заложено, которое есть Христос, Иисус”. Или еще: “Вы построены на основании апостолов и пророков, Иисуса, Христа, который сам является главным краеугольным камнем”. Всякий, кто перечитает послания в свете аналогий, предложенных в этой книге, обнаружит, что они положительно изобилуют аналогичными ссылками на знакомую теологию различных убитых человекобогов, которая, должно быть, была известна каждому на берегах Средиземного моря.

Церковь, которая была построена на этой скале — и этой Скалой был Христос, — продемонстрировала свою преемственность с более ранними религиями тысячью способов и с помощью тысячи аналогий. Солнечные и астрологические элементы были свободно допущены наряду с теми, которые напоминают о богах зерна и вина. Главные праздники все еще связаны с солнечными праздниками равноденствий и солнцестояний. Таким образом, каждый год церковь празднует, имитируя смерть и воскресение Христа, подобно тому, как народы Средиземноморья праздновали смерть и воскресение Аттиса, Адониса, Диониса, Осириса. Он отмечает праздник в обычное для большинства подобных праздников время - весеннее равноденствие. Более того, он выбирает в качестве фактического дня воскресения, обычно называемого в английском языке Пасхой, а на латинских диалектах пасхальным праздником (или *Râques*), тройную астрологическую дату. Праздник должен быть как можно ближе к

весеннему равноденствию, но он должен быть после полнолуния и в день, посвященный солнцу. Перед праздником совершается длительный пост, по окончании которого Христа убивают в виде чучела и торжественно кладут в имитацию гробницы. Страстная пятница - годовщина его трагической смерти и особый день ежегодного траура по Адонису и Аттису. *В Пасхальное воскресенье он воскресает из мертвых, и каждый добрый католик обязан пообщаться — съесть тело своего зарезанного бога на ежегодном весеннем фестивале возрождающейся растительности.* Сравнение церемоний Страстной недели в Риме с другими ежегодными праздниками, от мексиканского праздника зерна и индийского обряда Потрадж до Аттиса и Адониса, будет сочтено чрезвычайно поучительным — я имею в виду, конечно, церемонии, какими они были, когда папа, царь-священник, представитель ежегодного праздника Аттиса в Пессине, публично совершал богослужение в Сикстинской капелле под пасхальную музыку, известную как Плач, и вознесение Воинства под рев труб. На этот счет я ограничусь самым простым намеком. Тот, кто решит следовать столь содержательной подсказке, обнаружит, что она приведет его к любопытным аналогиям и почти невероятным находкам.

Точно так же рождение Христа празднуется в день зимнего солнцестояния, хорошо известной даты для многих более ранних церемоний богов растительности. Затем младенческий бог лежит без сознания в своей колыбели. Всякий, кто читал великий труд мистера Фрейзера, поймет связь падуба, омелы и рождественской елки с этим вторым великим праздником христианского мира, очень важным на тевтонском севере, хотя на юге он намного уступает празднику весеннего прилива, когда бога убивают и съедают по необходимости. Я ограничусь тем, что скажу, что все рождественские обряды - это обряды рождения бога кукурузы.

Теперь известно, что даже христианский крест не использовался в качестве символа веры до дней Константина и был позаимствован у солнечного колеса галльских богопоклонников солнца, составлявших основную массу преуспевающих императорских легионеров.

Таким образом, сейчас мы находимся в совершенно ином положении для понимания причин, приведших к возникновению и развитию христианской религии, чем в начале нашего исследования. Тогда нам пришлось грубо принять тот голый факт, что примерно в первом веке нашей эры среди части приморского народа Нижней Сирии возник определенный культ Божественного Человека, Иисуса. Этот факт, каким мы его сначала восприняли, стоял изолированным и не связанным своей обнаженной сингулярности. Теперь мы можем видеть, что это был всего лишь еще один пример всеобщей тенденции к боготворчеству в человеческой природе, высокой или низкой; и в нашей последней главе мы обнаружим, что эта всеобщая тенденция к поклонению мертвым с тех пор сохранилась так же полно, как и прежде, и фактически является центральным элементом всего религиозного инстинкта человечества.

Главный эмоциональный аккорд, на котором играло христианство в первые дни своего существования — и, по сути, главный аккорд, на котором оно играет до сих пор, — это, я полагаю, всеобщее чувство обожествления или беатификации умерших с желанием бессмертия со стороны каждого отдельного верующего лично. Как и все другие религии, но даже больше, чем любая другая религия, бывшая в то время в моде, христианство взывало к этим двум взаимосвязанным и глубоко укоренившимся стремлениям человеческой природы. С одной стороны, он взывал к бескорыстным эмоциям и привязанностям человечества, обещая близкое, физическое, личное и скорейшее воссоединение живого верующего с его умершими

родственниками и друзьями. С другой стороны, она взывала к эгоистичным желаниям каждого, давая каждому человеку верную надежду на славное воскресение. Как и все другие вероучения, но превыше всех других вероучений, это была религия бессмертия, воскрешения мертвых, нового мира: в эпоху сомнений, скептицизма, упадка веры она дала свежую жизнь и совершенно новую основу старым верованиям — возможно, старым заблуждениям — религиозной природы.

Неизбежным следствием всеобщего брожения и смешения пантеонов повсюду в первые дни существования Римской империи был определенный плавучий скептицизм по отношению к богам в целом, который достигает высшей точки в насмешливом юморе Лукиана или еще раньше в эпикурейском атеизме Лукреция и римской философии в целом. Но хотя этот зарождающийся скептицизм был очень реальным и широко распространенным, он скорее повлиял на существующие представления о личности и истории различных богов, чем лежащую в основе концепции божества в абстрактном виде. Даже те, кто смеялся, и те, кто не верил, сохранили в глубине души множество суеверий и сверхъестественных представлений. Их скептицизм, как в наше время, был вызван не фундаментальной критикой самого понятия сверхъестественного, а очевидной неадекватностью существующих богов требованиям образованных космополитов. Божества того времени были слишком грубыми, слишком инфантильными, слишком вульгарными для своих почитателей. Общую философскую позицию цивилизованного Рима и культурной Александрии можно до некоторой степени сравнить с позицией наших собственных унитариев, которые на самом деле не враждебны концепции теологии по ее собственной природе, но которые возражают против самой чудесной и сверхъестественной части популярной доктрины.

Однако в массах религиозное беспокойство проявлялось главным образом, как оно всегда проявляется в такие критические моменты, в общей привычке гоняться за новыми и странными религиями, от той или иной из которых озабоченный исследователь надеется получить какой-то божественный ответ на свои сомнения и трудности. Когда старые религии приходят в упадок, появляется место для новых. Как и следовало ожидать, эта тенденция наиболее отчетливо проявилась в больших космополитических торговых городах, где люди многих наций общались плечом к плечу и где разного рода диковинные культы имели свои храмы и своих приверженцев. Особенно это касалось Рима, Александрии и Антиохии, столиц соответственно римского, эллинского и семитского миров. В греко-египетской метрополии поклонение Серапису, сложному божеству гибридного происхождения, постепенно переросло в главный культ перенаселенного города. В Антиохии эллинские божества вытесняли ваалов. В Риме поклонение Исиде, Яхве, сирийским и другим более отдаленным восточным богам продолжалось постоянно растущей массой иностранного, коренного и подневольного населения. Это были места распространения христианства. Мужчины в деревнях долгое время были, как до сих пор причудливо выражается мир, “язычниками”.

The Странные культы, которые объединились, постепенно вытеснив старые местные и национальные пантеоны по всему римскому миру, имели по большей части два общих признака: они были более или менее мистическими; и они более или менее тяготели к монотеизму. Солярный миф, синкретизм, эзотерические жреческие интерпретации и общее распространение греческих философских представлений, смешанных с более тонкими восточными и зороастрийскими идеями, - все это способствовало возникновению и разрастанию мистического элемента, в то время как смутное монотеистическое движение уже

давно было очевидно в высшей мысли Египта, Греции, Италии и Востока. В результате возникшего конфликта и смешения идей иудаизм, как одна из самых мистических и монотеистических религий, имел бы хорошие шансы стать мировой верой, если бы не фатальная тяжесть его строгого и упрямого национального характера. Несмотря на это, еврейские общины были разбросаны по всем торговым городам греко-римского мира; еврейская колония оказала сильное влияние на Александрию; и еврейские учителя обращали в свою веру в Риме, в самом сердце императорского двора.

Влияние, которое, таким образом, существовало на Оронте, Ниле и Тибре, должно было также, в несколько меньшей степени, распространиться на все космополитические морские порты и торговые города великой и разнородной военной империи. То, что было верно для Рима, Александрии и Антиохии, частично, как у нас есть все основания полагать, было верно для Дамаска, Византии, Синопы, Эфеса; для Родоса, Кирены, Афин, Карфагена; возможно, даже для Массилии, Гадеса, Бурдигалы, Лугдунума. По крайней мере, по всему восточному Средиземноморью бурлили новые религии, назревали новые идеи, развивался новый мистицизм, новые суеверия возникали, подобно Фениксу, из догорающих углей разлагающихся вероучений. Оставляя в стороне простые экзотические или гибридные культы, такие как поклонение Серапису в Александрии и Исиде в Риме, или простые неудачные попытки, такие как недолговечное поклонение Антиною в Египте, мы можем сказать, что три из этих новых религий сильно отвечали потребностям того времени: и этими тремя были митраизм, гностицизм и христианство.

Все они были похожи друг на друга, несколько эклектичны по характеру; и все могли претендовать на определенный космополитический и католический дух, неведомый культам старых национальных пантеонов. Все они пришли в греческий и римский мир с мистического востока, страны восходящего солнца, магию которого даже в наши дни ощущают приверженцы теософии и эзотерического буддизма. Какое из трех должно было победить в конце концов, могло бы показаться одно время крайне сомнительным: на самом деле, я не верю, что окончательный триумф христианства, наименее впечатляющий из трех, каким бы неизбежным он в конце концов ни стал, изначально был каким-либо образом предрешен. Религия Иисуса, вероятно, была в такой же степени обязана тому, что мы называем случайностью, то есть игре чисто личных и случайных обстоятельств, как и своим собственным существенным внутренним характеристикам. Если бы Константину или любому другому проницательному военачальнику случилось принять символы Митры или Абраксаса вместо имени Христа, вполне возможно, что весь цивилизованный мир сейчас поклонялся бы мистическому божеству трехсот шестидесяти пяти эманаций так же усердно, как он на самом деле поклоняется окончательному теологическому результату древнееврейского Яхве. Но были и определенные реальные преимущества, которые, я полагаю, по самой природе вещей говорили в пользу Христа по сравнению с чеканкой Василида или дальневосточного бога солнца. Другими словами, Константин мудро выбрал свою религию. Это был культ, в точности соответствовавший времени: прежде всего, в течение двух столетий или около того, прошедших с момента его возникновения (поскольку мы должны отнести реальную эволюцию христианской системы значительно позже, чем жизнь или смерть самого Иисуса), он показал себя способным полностью привлечь на свою сторону глубочайшие интересы и эмоции религиозной природы.

Мы также должны помнить, что во время всех религиозных кризисов, в то время как вера в реальных богов и вероучения быстро ослабевает, не происходит соответствующего ослабления

основополагающих чувств, на которых в конечном счете основываются все религии. Отсюда очевидный парадокс, заключающийся в том, что периоды сомнений почти всегда являются также периодами сильной доверчивости. Человеческий разум, сброшенный с якоря, которого ему долгое время было достаточно, беспокойно блуждает в поисках какого-нибудь нового пристанища, в котором он мог бы укрыться от ужасов неопределенности и неверности. И его новая вера - это всегда всего лишь свежая форма старой. Бог или боги, молитва, восхваление и таинства являются существенными элементами. Особенно это касается тех случаев, когда доверие к великим богам начинает ослабевать, их место на данный момент занимает слепое стремление на ощупь к некромантии, спиритизму и знаниям о привидениях в целом. Мы видели, как спиритуалисты и другие в полной мере продемонстрировали эту тенденцию в наше время; не менее ярко она проявилась и в буре противоречивых идей, которая разразилась в римском мире со времен Антонинов до падения империи. Дело в том, что средний человек, в конце концов, мало заботится о своих богах и богинях, рассматриваемых как личности. Они всего лишь выход для его собственных эмоций. Он обращается к ним за помощью до тех пор, пока продолжает верить в их действительную полезность: он готов задобрить их жертвоприношениями крови или польстить им хвалой и молитвой, до тех пор, пока он ожидает получить какую-то настоящую или будущую выгоду, телесную или духовную, в обмен на свое усердное преклонение. Но как только его вера в их существование и могущество начинает рушиться, он мирится с потерей их божественности, что касается их самих, без малейшего чувства разочарования или неудобства. В религии его трогает нечто совсем иное: это его надежды на собственное вечное благополучие и благополучие после смерти тех, кто его любит.

Следовательно, за упадком веры в великих богов немедленно следует возрождение самого варварского и оригинального элемента в религии — культа призрака, некромантии, прямого поклонения мертвым или общения с мертвыми: привычки исследовать положительные шансы человека на бессмертие. Этот некромантический дух хорошо замечен в гностических останках и во фрагментарной магической литературе упадочного греко-римского мира. Это точно та же тенденция, которая порождает спиритуализм в наше время: и она обусловлена желанием найти какую-то новую и экспериментальную основу для обычной человеческой веры в бессмертие души или воскресение тела.

И здесь мы получаем ключ к серьезному изменению, которое христианство произвело в религиозных чувствах западного мира: изменению, важность и ретроградный характер которого, я полагаю, никогда еще не были полностью осознаны. Ибо христианство, хотя с одной точки зрения, как монотеистическая или квазимонотеистическая религия, было огромным шагом вперед по сравнению с эстетическим язычеством Греции и Италии, с другой точки зрения, как религия воскресения, а не религия бессмертия, было шагом назад для всей Западной Европы.

Однако даже среди самих евреев новый культ, должно быть, распространился со всей силой "поддержки веры" в скептически настроенном поколении. За границей, среди еврейских эллинистов, греческая философия, должно быть, во многом подорвала фанатичный и патриотический энтузиазм по отношению к Яхве, который становился все сильнее и сильнее в самой Иудее во времена Маккавеев и асмонеицких князей. Обрывки смутных платонических теорий о природе Божественного занимали у этих изгнанников место твердой старой догматической веры в Скалу Израиля. На родине эллинизирующие тенденции дома Ирода и значение в Иерусалиме саддукеев, "которые говорят, что воскресения нет", поражали самые

корни надежды и веры, которые благочестивые евреи лелеяли больше всего. Вместо того, чтобы Израиль обратил мир, мир, казалось, скорее всего, обратит Израиль. Увязнув в великой поглощающей и ассимилирующей империи, Иудамог последовать по пути Ефрема. И таким образом, работа Израиля в мире может быть сведена на нет или, скорее, сведена на нет навсегда.

Как раз в этот самый момент, когда все религии были явно близки к своему падению, крошечная группа безвестных галилейских крестьян, которые, возможно, последовали за диким местным энтузиастом из своих родных холмов в беспокойный Иерусалим, возможно, были охвачены заблуждением, не столь противоестественным или непривычным в их особых обстоятельствах; но которого, тем не менее, оказалось достаточно, чтобы повернуть или, по крайней мере, глубоко изменить весь последующий ход мировой истории. Их лидер, если мы можем доверять универсальной традиции секты, изложенной много лет спустя в их легендарных Евангелиях, был распят в Иерусалиме при К. Понтии Пилате. Если какой-либо факт на земле об Иисусе является правдой, помимо факта его проживания в Назарете, то это факт распятия, правдоподобность которого обусловлена тем, что он всегда был тесно связан с именем этого конкретного римского чиновника. Но три дня спустя, гласит легенда, тело Иисуса не смогли найти в гробнице, куда положили его друзья: и постепенно распространился слух, что он воскрес из мертвых и его видели женщины, которые оплакивали его, и различные его ученики. Короче говоря, то, во что повсеместно верили обо всех других и более древних человеческих богах, было специально утверждено заново в более новом случае о человеке Христе Иисусе. Идея соответствовала потребностям времени, и учение о Воскресении Иисуса Христа стало краеугольным камнем новорожденной христианской религии.

Ничто не может быть яснее, чем факт, признаваемый всеми, что это событие стало центральным пунктом проповеди апостолов. Именно на Воскресении Иисуса, рассматриваемом как залог всеобщего воскресения для всех его последователей, они больше всего настаивали в своих словах и писаниях. Именно воскресение обратило мир Западной Европы. “Ваша вера слабеет”, - фактически говорили ранние христиане своим собратьям-язычникам. “Ваши боги полумертвы; ваши представления о вашем собственном будущем и нынешнем состоянии ваших ушедших друзей весьма расплывчаты и туманны. В противовес всему этому мы предлагаем вам верную надежду; мы рассказываем вам историю из реальной жизни, причем недавней; мы проповедуем бога знакомого образца, но очень близкого вам; мы представляем вам образец реального воскрешения. Мы приносим вам благую весть об Иисусе как Мессии, и о том, что он распят: для иудеев - камень преткновения; для греков - глупость; но для тех, кто спасен, - ясное свидетельство силы Бога Израиля. Примите наше слово: пусть ваши мертвые уснут во Христе в наших катакомбах, как когда-то они спали в Осирисе в Абидосе или покоились на том, кто покоится в Филе”. “Если Христос не воскрес, ” говорит один из первых христианских писателей в страстной проповеди, - тогда наша проповедь тщетна, и ваша вера тоже тщетна; но как бы то ни было, Христос воскрес из мертвых и стал первым плодом усопших”. “Иначе что им делать, ” продолжает он, задевая за живое укоренившееся человеческое желание общения с усопшими, “ что делать тем, кто крещен за умерших, если мертвые вообще не воскресают? Почему же тогда они крестятся за умерших?” Короче говоря, это, помимо элементов, общих для всех вероучений, три великих двигателя первобытного христианства: один догматический, воскресение Иисуса; другой эгоистичный, спасение индивидуальной души; третий альтруистический, желание воссоединения с умершими среди своих возлюбленных.

Сирия и Египет могли легко принять новую доктрину. Для них это не предполагало серьезной смены фронта, значительного отхода от идей и церемоний, которые всегда формировали их округлую концепцию человеческого существования. В маленьком храме на крыше в Дендере есть изображение воскресения Осириса, которое может сойти за христианскую иллюстрацию воскресения Иисуса. Для сирийцев и египтян воскресение действительно было всего лишь особым современным примером хорошо известного факта; свежим основанием доказательств, на котором можно было прочно возвести шаткое здание их старых убеждений.' Короче говоря, вначале христианство было, по сути, восточной религией; быстрее всего оно распространилось в бассейне восточного Средиземноморья, где иудаизм уже прочно утвердился: в Риме он, по-видимому, привлекал главным образом восточное население. И знаменательным фактом является то, что его официальное принятие в качестве государственной религии римского государства было актом того же государя, который намеренно перенес резиденцию своего правительства с Тибра на Босфор и в значительной степени изменил характер империи с латинского на греко-азиатский. Все новые религии, которые вместе боролись за господство над миром, были восточными по происхождению: триумф христианства был лишь отдельным эпизодом в общем триумфе агрессивного ориентализма над западным элементом римской системы.

Я полагаю, что Египет, в частности, имел гораздо большее отношение к догматическому формированию раннего христианства и утверждению христианской символики и христианского мистицизма, чем обычно признают официальные историки первоначальной церкви. Там, где идея воскресения уже была настолько универсальной и где каждый человек желал быть "оправданным Осирисом", христианство вскоре легко завоевало народ, веру которого оно так мало изменило. И Египет легко оказал свое влияние на пластичного молодого крида. Допускается, что учение о Троице сформировалось среди поклонников Триады на берегах Нила и что едва ли менее важное учение о Логосе было заимствовано из философии александрийских евреев. Никто не может смотреть на фигуры Иисуса и младенца Гора в любом египетском музее, не будучи сразу пораженным очевидным прообразом коптской и византийской Мадонны с Младенцем. Тайна, возникшая вокруг новых доктрин; странный синкретический союз Отца, Сына и Святого Духа в единую Троицу; чудесное зачатие Богородицей или матерью Божьей — четкий вариант в одном аспекте более старой идеи Хатхор; и родовое существование Христа небесах до его воплощения; все это насквозь египетское по своему характеру, со слабой примесью александрийского еврейского эллинизма. Любовь к символам, которую молодая церковь столь рано проявляет в катакомбах и других местах, в равной степени отдает птолемеевскими воспоминаниями о Фивах и Мемфисе. Мумия Лазаря; рыба, которая составляет такую хитроумную буквенную идеограмму для имени и титулов Иисуса; голубь, символизирующий Святого Духа; животные образы четырех евангелистов — все это по большей части египетские отголоски, созвучные тому же духу, который породил иероглифы и символику великих нилотских храмов. В то же время следует помнить, что священная рыба была обычным явлением в Сирии и что подобные отождествления богов с животными встречались нам на каждом шагу в нашем предыдущем исследовании.

Более того, сами детали христианской символики часто восходят к ранним египетским образцам. Главная христианская эмблема, крест, священен во всем мире: это священное дерево, и каждая раса приспособила его к своим собственным предвзятым идеям и символам. Но в коптском христианстве оно имеет очевидное сходство с *scrux ansata*. В коптском зале Нового музея в Гизе находится раннехристианский памятник с греческой унциальной надписью, на

которой изображен крест из четырех равных частей с расширенными ребрами, во все четыре щели которого вставлен сгнанный *ansata*. В коптской церкви Абу-Сиргех в Старом Каире встречается похожий крест, также с намеками на Тау-подобное происхождение, но с другими равновеликими крестами, заменяющими *cruces ansatae* по углам. Насколько египетские христиане таким образом просто перенесли свои старые идеи в новую веру, можно понять из одного любопытного примера. В коллекции священных жуков мистера Лофти есть скарабей, содержащий изображение распятия с двумя пальмовыми ветвями; на других скарабеях изображены христианские кресты, “некоторые из них, “ говорит мистер Лофти, - очень узнаваемы”. Если мы вспомним, насколько священным считался скарабей в египетской религии, а также то, что он считался символом воскресения, мы не можем не оценить важность этого подтекста. Действительно, александрийский отец Епифаний говорит о Христе как о “скарабее Божьем”, фраза, которая может быть еще лучше понята, если я добавлю, что в трактате об иероглифах, известном под именем Гореполло, скарабей, как говорят, обозначает “единородного”. Таким образом, “агнец Божий” на языке Израиля становится “скарабеем Божьим” в устах говорящего на египетском языке. Короче говоря, я верю, что мы можем сказать с истиной, в смысле, далеко отличном от того, который подразумевался пророком или евангелистом: “Из Египта призвал Я сына моего”.

* Интересная работа графа Гобле д'Альвиэллы о

Миграция символов хорошо иллюстрирует этот общий синкретизм и взаимозаменяемость символических знаков, которые проходят параллельно с синкретизмом богов и религий.

Однако на западе результаты распространения христианства были гораздо более революционными. Действительно, я не думаю, что культ Иисуса вообще мог бы когда-либо распространиться в Риме, если бы не значительная численность населения города в более поздние времена сирийцами и африканцами. И если бы христианство не распространилось в Риме, оно вообще никогда не смогло бы закрепиться в арийском мире, ибо по сути своей это не арийская религия по тону и чувствам: она стала возможной среди арийских народов только благодаря тому, что в ходе своего продвижения на запад они претерпели, наконец, значительные изменения в духе, хотя и не в значительной степени в форме. На это изменение указывает первый великий раскол, который отделил латынь от греческого общения.

Главным из изменений, с которыми христианство столкнулось в Италии и остальной западной Европе, был ретроградный переход от веры в бессмертие и нематериальность души, с кремацией как ее практическим результатом, к вере в воскресение тела, с возвращением к вышедшей из употребления и дискредитированной практике погребения как ее нормальному аналогу. Катакомбы были необходимым результатом этого обратного движения; а вместе с катакомбами появилась возможность поклоняться реликвиям, мученикам и святым и их трупам. В следующей главе я более подробно прослежу отдаленные последствия этого любопытного возрождения основного элемента религии — культа мертвых; здесь достаточно кратко указать на то, что оно явилось логическим следствием веры в воскресение Христа и последующего восстановления практики погребения. Более того, для политеистов эта привычка открывала практическую возможность для культа многих божеств посреди номинального монотеизма,

которым итальянцы и многие другие, по сути, политеистические народы, не замедлили воспользоваться. И здесь разница между более монотеистичным и синкретичным востоком, который налагает запрет на изваяния, и более политеистичным и разделяющим западом, который свободно допускает использование скульптуры, не так уж значительна. Верно, что теоретически поклонение святым и мученикам никогда не рассматривается как настоящее богослужение; но вряд ли мне нужно говорить, что подобные технические различия всегда являются простой частью искусственной теологии схоластических священнослужителей, и широкий антропологический кругозор может так же безопасно игнорировать их, как и все остальные причудливые выдумки метафизических брахманов и богословов повсюду. Подлинные факты религии - это факты и обряды популярного культа, которые остаются у каждой расы в течение длительных периодов времени по существу единообразными.

Таким образом, мы рано получаем две основные формы христианства, как официальную, так и популярную: одну восточную — греческую, коптскую, сирийскую; более мистическую по типу, более символическую, более философскую, более монотеистическую; другую западную — латинскую, кельтскую, испанскую; более арийскую по типу, более практичную, более материальную, более политеистическую. *И они в более позднее время подкрепляются третьей, или северной формой, — тевтонской и протестантской; в которых этические идеи преобладают над религиозными, а поклонение Книге в ее наиболее буквальном и часто глупом толковании вытесняет более раннее поклонение Мадонне, святым, картинам, статуям и эмблемам.*

В период, когда христианство впервые начинает выходить из первобытной безвестности своего формирующего нисуса, однако, мы находим, что оно практически состоит из следующих элементов, которые представляют *общий союз младшего бога, принесенного в жертву старшему, с которым он отождествляется.*

Прежде всего, в качестве подразумеваемой основы, принимаемой как должное во всех ранних еврейских писаниях, существует современный иудаизм в той форме, которую иудаизм постепенно принял в четвертом, третьем и втором веках до христианской эры. Это включает в себя в качестве своего основного принципа культ единого бога Яхве, который теперь больше не рассматривается под этим личным именем или как строго этническое божество, а скорее рассматривается как Господь Бог, обитающий на небесах, во многом такой, каким его представляют современные христиане. Это включает также скрытую веру в небесную иерархию ангелов и архангелов, двор Господень (модификации более ранней астрологической концепции, Воинство Небесное) и в принцип зла, сатану или дьявола, обитающего в аду и подобным образом окруженного толпой второстепенных демонов или помощников. Кроме того, он неявно принимает из более раннего иудаизма воскресение мертвых, суд над добрыми и злыми, доктрину будущих наград и наказаний (возможно, в ее наиболее полной форме эллинистический импорт из Египта, хотя также обычно встречается в большинстве спонтанных религий) и многие другие догматы современной еврейской веры. Короче говоря, самые ранние христиане, будучи, вероятно, по большей части евреями, галилеянами и прозелитами, или же сирийцами и африканцами иудействующих тенденций, не пытались избавиться от всех своих предвзятых религиозных мнений, когда они стали христианами, а просто добавили к ним в качестве нового элемента особый культ обожествленного Иисуса.

С другой стороны, по мере распространения Евангелия среди язычников не считалось необходимым обременять новообращенных всем подробнейшим церемониалом иудаизма, и особенно трудным и неприятным обрядом посвящения - обрезанием. Простая символическая люстрация, известная как крещение, была всем, что требовалось от новых приверженцев веры, с воздержанием от любого участия в “языческих” жертвоприношениях или церемониях. До такой степени старой исключительности поклонения Яхве, культу ревнивого Бога, все еще позволялось заявлять о себе. И общий авторитет еврейских Писаний, особенно как исторического отчета о развитии иудаизма, из которого возникло христианство, был более или менее полностью признан, сначала только намеком или цитатой, но впоследствии обдуманно и общепризнанным голосом всего христианского собрания. Перевод этой смешанной массы исторических документов, ранних космогоний, плохо освещаемых и искаженных еврейских традиций, неверно истолкованных стихотворений и сознательных подделок в латинской версии, известной как Вульгата, привел к тому, что Европа на многие столетия получила фальшивый свод древней истории, который, должно быть, в значительной степени задержал развитие расы вплоть до нашего времени, и пагубные последствия которого еще не прошли среди наиболее невежественных и консервативных библиопоклоннических классов современного общества.

На этот субстрат современного иудаизма с его поклонением Яхве наложился особый культ Иисуса, поклонение конкретному умершему галилейскому крестьянину. Этот элемент был добавлен к культу Отца, великого бога, который медленно и незаметно развился из священного камня, который, как считалось, сыны Израиля привезли с собой из земли Египта. Но как в религии, претендующей на монотеизм, можно было примирить или объяснить эти два различных культа двух таких разных богов? Благодаря знакомому учению о воплощении и вере в бога-человека, который приносится в жертву самому себе как святое приношение. Еврейской традиции и более тонкого египетского мистицизма было достаточно, чтобы сгладить очевидную аномалию. Евреи с нетерпением ожидали таинственного избавителя, нового Моисея, Мессию, который должен был исполнить предназначение Израиля, объединив все народы под скипетром Давида и приведя язычников к ногам Бога Израиля. Иисус, говорили христиане, провозгласил себя тем самым Мессией, Христом Божьим; он часто называл великое еврейское божество своим отцом; он претендовал на поклонение Господу небес. Возможно, дальше этого еврейский разум без посторонней помощи вряд ли пошел бы: он удовлетворился бы отведением убитому человеку-богу Иисусу второстепенного места как едиnorodному Сыну Божьему, который отдал себя в качестве добровольной жертвы — положение, возможно, едва ли более важное, чем то, которое занимает Мухаммед в системе ислама. Такова, как мне кажется, в целом концепция, пронизывающая синоптические Евангелия, представляющие идеи сирийского христианского мира. Но здесь проявился острый греко-египетский ум с его прекрасными различиями и мистическими отождествлениями. Действительно, был только один бог; и все же этот бог был, по крайней мере, двояким (не будем пока заходить дальше). У Него было две личности, Отец и Сын: и Вторая Личность, отождествляемая с александрийской концепцией Логоса, хотя и уступала Отцу в том, что касалось его мужественности, была равна Отцу в том, что касалось его божества — в точности так, как мы видели это обычным образом при описании отношений Осириса и Гора и отождествлении жертвы Аттиса или Адониса с более ранним богом, которого он представлял. “Я и Отец Мой - одно”, - говорит Христос из Четвертого Евангелия, воплощение Александрийского Логоса. И на самом переднем плане

этого манифеста неоплатонического христианства стоит догматическое утверждение: “В начале был Логос; и Логос обитал с Богом; и Логос *был* Богом”.

Даже в этом случае основа нового вероучения все еще не завершена. Отец и Сын представляют собой целостное составное божество, как его обычно понимало массовое сознание, везде и всегда. Но схоластический и теологический интеллект нуждался в Третьем Лице для завершения Троицы, которая для всего человечества, особенно для жителей Востока, является единственной совершенной и всесторонне округлой фигурой. В более поздние времена, без сомнения, Мадонна была бы выбрана для заполнения этого пробела и, по аналогии с Исидой, заполнила бы его наиболее эффективно. На самом деле, в символе веры христианского мира, каким его знают католики, Мадонна действительно является одним из самых важных персонажей. Но в те ранние времена становления культ Богородицы едва ли еще приобрел свое полное значение: возможно, действительно, верующие евреи были бы шокированы самим фактом поклонения женщине, повторным принятием Астарты, Царицы Небесной, в веру Израиля. Следовательно, нужно было найти другой объект обожания. Оно было открыто в этой смутной сущности, *Святом Духе, или Божественной Мудрости, чье постепенное развитие и отделение от самого Бога является одной из самых любопытных глав во всей истории искусственного боготворения*. “Дух Яхве” часто упоминался в еврейских писаниях; и с таким невидимым и неприступным божеством, как еврейский Бог, его часто заставляли выполнять обязанности посланника или посредника там, где личное присутствие самого Яхве противоречило первым требованиям бестелесной божественности. Это был “дух Яхве”, который сошел на пророков: это была “мудрость Яхве”, которую описывали поэты, и которая в конце концов стала отделяться от личности Бога и упоминалась почти как живая личность. В ранней церкви предполагалось, что этот “дух Божий”, этот “святой дух” будет излит на головы верующих: он сошел на самого Иисуса в видимой форме голубя с небес и на учеников в день Пятидесятницы в виде языков пламени. *Постепенно концепция личного Святого Духа приобрела форму и определенность: александрийский монах настаивал на необходимости Триады богов, которые в то же время были единым Богом: и к тому времени, когда были записаны первые символы веры зарождающейся церкви, Дух стал в один ряд с Отцом и Сыном как Третье лицо во присносвятой Троице*.

К этому времени также стало совершенно ясно, что изначальная мужественность Иисуса слилась с идеей его вечного божества; он считался Логосом, сошедшим с небес, где он существовал до всех миров, и воплощенным Святым Духом в Деве Марии. Другие догматы христианской веры постепенно группировались вокруг этих первичных элементов: миф набирал силу; мистицизм усиливался; второстепенные божественные существа, или святые, значительно увеличивались в количестве; и элемент иудаизма постепенно исчезал, в то время как новый политеизм и новый жреческий культ быстро пускали корни в арийском мире. Однако в своих заключительных главах я постараюсь показать, как даже до самого конца поклонение мертвым остается центральной силой современного христианства: как религия, какой бы ни была ее форма, никогда не может отклониться далеко от этой фундаментальной реальности; и как всякий раз, когда в силу обстоятельств боги становятся слишком далекими от человеческой жизни, так что доктрина воскресения или личного бессмертия на какое-то время оказывается под угрозой, а воссоединение с родственниками в другом мире становится сомнительным или ненадежным, обязательно наступает реакция, которая снова возвращает все к этим фундаментальным концепциям, наиболее стойкому и постоянно повторяющемуся элементу во всем мире. религиозное мышление.

ГЛАВА XIX. ПЕРЕЖИТКИ В ХРИСТИАНСКОМ МИРЕ.

Мы, по-видимому, уже далеко ушли от той примитивной стадии боготворчества, когда единственными известными богами были трупы, мумии, черепа, призраки или души умерших вождей или умерших друзей и родственников. Бог христианства в его полностью развитой форме, особенно в том виде, в каком он известен мыслителям и теологам, является существом настолько обширным, таким абстрактным, таким вездесущим, таким вечным, что, кажется, у него вообще нет точек соприкосновения с простым духом предков или священным камнем, от которого, в конечном счете, он, по-видимому, произошел. Однако даже здесь мы должны остерегаться быть введенными в заблуждение слишком личным мировоззрением. В то время как высшие умы христианского мира, несомненно, представляют себе христианского Бога в терминах Мэнсела и Мартино, низшие умы даже среди нас представляют его гораздо проще и материальнее. Тщательный опрос простых англичан различных классов, не всегда самых бедных, убеждает меня в том, что для большого числа из них Бог представляется обладающим материальной человеческой формой, более или менее газообразной по составу; что, несмотря на тридцать девять предметов, у него есть тело, части тела и страсти; что он обычно представляется мысленному взору примерно в десять или двенадцать футов ростом, с головой, руками, глазами и ртом, привыкшим видеть и говорить по-человечески; и что он восседает на троне, подобно королю, которым он и является, окруженный видимым двором ангелов и страстей. архангелы. Итальянское искусство неизменно представляет его с откровенностью, неизвестной протестантскому христианскому миру. Вместо того, чтобы находиться во всех местах одновременно, пронизывая природу и лежа в ее основе, большинство его почитателей воспринимают Божество просто как обладающее способностью уничтожать пространство и в данный момент находиться там, где ему заблагорассудится. Его всеведение и всемогущество легко признаются, но его абстрактность и нематериальность на самом деле не осознает ни один из тысячи верующих в него в Британии.

Дело в том, что столь абстрактная концепция, как высшая теологическая концепция Бога, не может быть реализована иначе, как символически, и то лишь на несколько мгновений, в полной изоляции. В тот момент, когда о Боге определенно думают в связи с какой-либо космической деятельностью, тем более в связи с какой-либо человеческой потребностью, о нем неизбежно думают по человеческим аналогиям и он более или менее полностью очеловечивается в мозгу верующего. Будучи по происхождению ответвлением человеческого разума, великим обожествленным человеческим существом, он обязательно сохраняет до сих пор, для всех, за

исключением нескольких очень мистических или онтологических душ, очевидные признаки своего окончательного происхождения от призрака или духовной сущности. Действительно, на ментальной стороне, в противоположность телесной, он делает это для всех нас; поскольку даже богословы свободно приписывают ему такие человеческие чувства, как любовь, привязанность, чувство справедливости, дух милосердия, истины, мудрости: знание, волю, силу интеллекта, все существенные и фундаментальные человеческие способности и эмоции.

Таким образом, как бы далеко мы ни ушли от наших основ в самых возвышенных представлениях о Боге, мы все еще ближе к нему, чем большинство из нас воображает. Более того, несмотря на ту высоту, на которую высочайшие умы подняли свое представление о Божестве как о творце, опоре и двигателе вселенной, каждая религия, какой бы монотеистической она ни была, все еще продолжает создавать себе новых второстепенных богов из мертвых по мере их смерти и поклоняться этим богам с еще более усердным поклонением, чем великому Богу христианского мира или великим богам центрального пантеона. И христианская религия почитает таких второстепенных божеств ничуть не меньше, чем всех других. *Дело в том, что религиозные эмоции берут свое начало из привязанности и уважения, испытываемых к умершим оставшимися в живых, смешанных с надеждой и верой в то, что они могут принести какую-то пользу, мирскую или духовную, тем, кто взывает к ним;* и эти примитивные верования и чувства остаются настолько укоренившимися в самой сердцевине человечества, что даже самая абстрактная из всех религий, такая как протестантский раскол, не может полностью заглушить их, в то время как рецидивы первоначального вероучения и обычаев время от времени возникают в форме спиритуализма, теософии и других религий. смутные виды простого поклонения привидениям.

Однако большинство передовых религий, и особенно христианство в его центральной, истинной и главной форме католицизма, *сочли необходимым время от времени обновлять список второстепенных богов, которые здесь условно называются святыми,* подобно тому, как более старые религии считали необходимым из года в год обновлять богов-основателей, богов зерна и вина, а также других особых божеств искусственного порядка, путем постоянного приношения теантропических жертв. Однако я хотел бы более конкретно указать здесь на то, что *подавляющее большинство культовых сооружений по всему миру, как и в самом начале, все еще воздвигаются над телом умершего мужчины или женщины;* что главными объектами поклонения в каждом святилище по—прежнему, как всегда, являются столь почитаемые тела умерших мужчин и женщин; и что примитивная связь религии со смертью ни на минуту практически не прерывалась в большей части мира, даже в протестантской Англии и Америке.

Мистер Уильям Симпсон был одним из первых, кто указал на эту любопытную глубинную связь между церквями, храмами, мечетями или верхушками и могилой или памятником. Он очень полно доказал свою точку зрения, и я бы отсылал читателя, желающего подробно изучить эту ветвь предмета, к его интересным монографиям. В этой работе я сосредоточу свое внимание главным образом *на продолжающемся присутствии этого элемента смерти в христианстве;* но в качестве иллюстрации я предварю свои замечания несколькими случайными примерами, взятыми наугад из соседней и интересной области ислама.

Во всем мире нет религии, которая провозглашала бы себя более чисто монотеистической по своему характеру, чем магометанство. Единство Бога, в самом строгом смысле этого слова, является единственной догмой, вокруг которой строится все вероучение ислама. Больше, чем

любой другой культ, он представляет собой особую реакцию против многобожия и суеверий окружающих религий. Изоляция Аллаха является его единственной великой догмой. Следовательно, если мы обнаружим даже в этой наиболее монотеистической из существующих религиозных систем значительный элемент практически политеистического выживания — если мы обнаружим, что даже здесь Поклонение Мертвым остается главным компонентом религиозной практики, если не религиозной теории, мы будем иметь полное право заключить, я думаю, что такие составляющие действительно составляют саму суть религиозного мышления, и мы значительно укрепимся в выводах, к которым пришли ранее, относительно того, что *вера в бессмертие или продолжение жизни умерших на самом деле является ядром и основой поклонения божеству*.

Примерно восемь или десять лет назад, когда я впервые практически соприкоснулся с исламом в Алжире и Египте, я был немедленно поражен широким распространением среди мусульманского населения форм богослужения, к которым я был мало подготовлен из всего, что я ранее читал или слышал о природе и практике этой исключительной и демонстративно монотеистической веры. Действительно, два момента бросаются в глаза любому посетителю, который впервые имеет возможность понаблюдать за мусульманской общиной в ее родных окрестностях. Первая - это всеобщая привычка женщин посещать кладбища и оплакивать или молиться над могилами своих родственников в пятницу, священный день ислама. Вторая причина - частое появление Куббас, или маленьких побеленных мечетей - гробниц, воздвигнутых над останками марабутов, фальшивомонетчиков или местных святых, которые являются настоящими центрами религии и богослужения в каждой деревне. Ислам, на практике, является религией паломничества к могилам умерших. В Алжире каждый склон холма усеян этими живописными маленькими побеленными куполами, каждый из которых осенен священной финиковой пальмой, каждый окружен небольшой оградой или *теменос* из опунции или агавы, и за каждым ухаживает местный служитель, который заботится о гробнице и подаваниях верующих. Святое тело, священный камень, дерево, колодец и священник — ни в одном элементе первоначального культа мертвых не было недостатка. Набожные люди совершают многочисленные паломничества к этим куббам, и по вечерам в пятницу маленькие дворiki почти неизменно заполнены толпой нетерпеливых и преданных верующих. Внутри кости святого человека хранятся в рамке, увешанной четками, картинами и другими подношениями его ревностных учеников, точно так же, как в случае с римско-католическими часовнями. Святой, по сути, является таким же институтом монотеистического ислама, как и любой другой религии, с которой я практически знаком.

Эти две особенности культа ислама сразу бросаются в глаза незнакомцу при самом случайном посещении. Однако, когда он начинает рассматривать этот вопрос более внимательно, он обнаруживает также, что большинство более крупных мечетей в главных городах сами построены аналогичным образом, чтобы содержать и оберегать кости святых личностей, более или менее почитаемых в их непосредственной близости. Некоторые из них действительно настолько святы, что их кости были продублированы в точности как дерево истинного креста, и в отдельных местах, где, как говорят, похоронены все предполагаемые останки или их часть, были построены две гробницы. В качестве примера таких святых гробниц я укажу только священный город Керуан в Тунисе, который по мнению всех правоверных западных мусульман занимает второе место после Мекки и Медины. Здесь самым почитаемым зданием является усыпальница “Спутника Пророка”, который покоится в катафалке, покрытом покрывалами из черного бархата и серебра, — самом похоронном памятнике, который мне где-либо известен.

Рядом стоит катафалк индийского святого, в то время как в городе множество других мечетей-усыпальниц. В городе Алжир самым святым местом также является мечеть-усыпальница Сиди Абд-эр-Рахмана, в которой хранятся святыня и тело этого святого, умершего в 1471 году. Вокруг него, чтобы разделить с ним священное место захоронения (подобно египтянам, которые хотели быть похороненными вместе с Осирисом), лежат тела нескольких Дейсов и пашей. У гробницы святого постоянно горят огни, она по старой семитской моде завешена разноцветными драпировками, а с украшенного потолка вокруг нее демонстративно свисают знамена и страусиные яйца, дары верующих. Еще более священным в своем роде является почитаемое святилище Сиди Окба близ Бискры, одно из самых древних мест поклонения в мусульманском мире. Гробница великого святого находится в часовне, отгороженной от величественной мечети, образующей вестибюль, и увешана шелками и другими изысканными подношениями. На лицевой стороне надпись, сделанная очень древними куфическими буквами, сообщает нам, что “Это могила Окбы, сына Нафы: да смилуется над ним Аллах”. Мечеть является известным местом паломничества, и существует поверье, что при правильном обращении к Сиди определенный минарет перед ней кивнет в знак согласия с выбранным верующим. Я мог бы множить экземпляры до бесконечности, но намеренно воздерживаюсь. Все главные мечети в Тлемсене, Константине и других ведущих городах Северной Африки аналогичным образом собираются над телами святых или *марабутов*, к которым обращаются в молитве и которым совершается каждый акт поклонения.

По всему исламу мы встречаем такие священные мечети-усыпальницы. Гробница Пророка в Медине возглавляет список: не менее священная гробница его дочери Фатимы. Среди шиитов могила Али в Неджефе и могила Хосейна в Кербеле столь же священны, как и могила Пророка в Медине. Святилища имамов очень почитаемы в Персии. Могилы пэров в Индии, зиареты фальшивомонетчиков в Афганистане демонстрируют ту же тенденцию. В Палестине, говорит майор Кондер, поклонение могилам местных святых “представляет собой настоящую религию крестьянина”.

Первоначально я действительно намеревался включить в эту работу специальную главу об этих пережитках ислама, огромное количество которых я собрал в разных местах; но моя книга уже разрослась до таких размеров, на которые я изначально рассчитывал, что я вынужден неохотно отказаться от этого исследования.

Одно слово, однако, следует сказать о Египте, где культ мертвых всегда был столь заметной чертой развитой религии, и где ни христианство, ни ислам не смогли затушевать эту примитивную тенденцию. Ничто так не бросается в глаза в долине Нила, как необычный способ, которым сохранились обычаи и представления о погребении и сохранении мертвых, несмотря на двойные и быстрые изменения в религиозной теории. В Саккаре и Фивах каждый знаком с улицами и домами-гробницами, регулярно расположенными таким образом, чтобы образовать в самом строгом смысле настоящий Некрополь, или город мертвых. Недалеко от Каира, на краю пустыни, и по сей день существует точно такой же современный некрополь, регулярно планируемый по улицам и кварталам, с усыпальницей каждой семьи, стоящей в отдельном дворе или ограде и часто очень напоминающей обычные египетские дома с круглой крышей или куполом. В этом городе мертвых тел теперь можно наблюдать все различия по рангу и богатству. Богатые похоронены в великолепных мавзолеях с большими архитектурными претензиями; бедняки занимают скромные гробницы, чуть возвышающиеся над поверхностью пустыни и отмеченные с головы до ног грубыми и простыми египетскими надгробиями. Тем не

менее, весь облик такого кладбища - это облик города. В северном климате мертвые спят своим последним сном под поросшими травой небольшими холмиками, совершенно непохожими на городские улицы: в Египте и по сей день мертвые занимают, как и при жизни, целые переулки вечных домов. Даже дух, породивший Пирамиды и Гробницы королей, заметен в современном или средневековом Каире вкюсе, породившем эти огромные мечети с куполами, известные как Гробницы халифов и Мамлюков. Все, что является самым большим в окрестностях древнего Мемфиса, при осмотре оказывается местом последнего упокоения Умершего Человека и местом поклонения.

Почти каждая из великих мечетей Каира является либо гробницей, построенной для себя правителем — и это более частый случай, — либо святыней какого-нибудь святого ислама. Однако это характерно для Египта, где король и бог всегда были так тесно связаны, что, в то время как в других местах мечеть обычно является молитвенной усыпальницей святого человека, в Каире это обычно мемориальный храм султана, эмира, вице-короля или хедива. После всего, что мы видели относительно особой святости головы оракула, интересно также обнаружить, что, возможно, в самой священной из всех этих мечетей находится голова Хосейна, внука Пророка. Церемониальное омовение особо упоминается в истории его перевода. Мечеть султана Хасана с ее великолепным мавзолеем является особенно прекрасным примером каирских храмов-усыпальниц.

Однако я не буду больше задерживаться на границах ислама, кроме как упомянуть тот важный факт, что великим центральным объектом поклонения мусульманского мира является Кааба в Мекке, которая сама по себе, как давным-давно указал мистер Уильям Симпсон, носит очевидные следы того, что была одновременно гробницей и священным алтарным камнем. Первоначальный набросок этого мистического предмета сэром Ричардом Бертоном изображен как квадратный и ничем не украшенный храм-усыпальница, покрытый повсюду черным покрывалом с кисточками — самым похоронным предметом - так называемым “священным ковром”. По сути, это простой катафалк. Поскольку Кааба была заимствована непосредственно Мухаммедом из раннего семитского язычества Аравии, и поскольку к ней всегда относились с одинаковым уважением, я не думаю, что мы можем избежать очевидного вывода о том, что эта очень древняя гробница была задрапирована таким же образом, как гробницы в Бискре, Алжире и Керуане, со времени ее первого возведения. Этот случай, таким образом, проливает свет на драпировку *ашеры*, а также на разноцветные драпировки и завесы катафалков святых в Алжире и Тунисе.

Также не могу удержаться от мимолетного упоминания о фестивале Мохаррам, который, как говорят, проводится в память о смерти Хосейна, сына Али (святая голова которого хранится в Каире). Это грубая актерская игра, в которой графически представлены события, предположительно связанные со смертью Хосейна; и она заканчивается священной процессией, подобной Адонису или Осирису, в ходе которой тело святого несут и оплакивают. Похороны — это грандиозная часть представления; для святого трупа сооружаются катафалки, покрытые зеленой и золотой мишурой - зеленый цвет, очевидно, является последним напоминанием о боге растительности. В Бомбее, после того как мертвое тело и святыню пронесли по улицам под плач и причитания, их, наконец, бросают в море, как на королевском карнавале. Я думаю, нам вряд ли стоит сомневаться в том, что здесь мы имеем дело с недолговечным пережитком ритуалов бога кукурузы, заканчивающихся заклинанием дождя и очень напоминающих ритуалы Адониса и Осириса.

Но если в исламе главными объектами поклонения являются гробница Кааба в Мекке и Могила Пророка в Медине, то для христианского мира самым святым местом в мире является Гроб Господень. Именно за обладание этим самым священным местом паломничества христиане сражались с мусульманами на протяжении средневековья; и именно туда, пока вера в человека Христа была сильна и энергична, по-прежнему направлялось подавляющее большинство наиболее достойных паломничества. Поклониться у могилы воскресшего Искупителя было высшей надеждой набожного средневекового христианина. Копии Гроба Господня в изобилии встречаются по всей Европе: одна существует в церкви Святого Стефано в Болонье; другая, благодаря гению Альберти, хорошо известна в капелле Ручеллаи во Флоренции. Вряд ли мне нужно вспоминать Сакро Монте в Варалло.

Однако по большей части в христианском мире, и особенно в тех частях христианского мира, которые удалены от Палестины, люди довольствовались более близкими и домашними святынями. С самого раннего времени мы видим в катакомбах рост этой практики вознесения молитвы телами Умерших, почивших во Христе (или к ним). Часовня или *капелла*, как указал декан Бургон, первоначально означала сводчатую гробницу в стенах катакомб, у которой впоследствии обычно совершались молитвы; а надземные часовни были построены позже по образцу этих древних подземных святилищ. Во второй главе я кратко упомянул о вероятном происхождении крестообразной церкви от двух галерей катакомб, пересекающих друг друга под прямым углом; главный Алтарь находится там над телом или мощами Умершего Святого; а часовни представляют собой другие небольшие гробницы, сгруппированные вокруг него в виде ниш в катакомбах. Таким образом, часовня - это, как выразился мистер Герберт Спенсер, "гробница в гробнице"; а большой собор - это сомкнутый ряд таких совокупных гробниц, одна построена рядом с другой. Иногда часовни представляют собой настоящие могилы, иногда - кенотафы; но связь со смертью всегда одинаково очевидна. По этому поводу я бы снова отсылал читателя к страницам мистера Спенсера.

До тех пор, пока христианство было запрещено в Риме и по всей империи, поклонение мертвым должно было продолжаться только безмолвно и сосредоточиваться в катакомбах или у могил святых и мучеников — последние были практически простыми христианскими преемниками добровольных жертв более ранних религий. "Быть признанным достойным страданий" было сердечным желанием каждого искреннего христианина — как и до сих пор среди новых и живых сект, таких как Армия спасения; и кредо самопожертвования, само название которого выдает его происхождение от человеческих жертв, было почти универсальным. Однако, когда христианство восторжествовало и получило не только официальное признание, но и официальный почет, культ мучеников и других усопших верующих стал в христианском Риме настоящей страстью. Святые Невинные, святой первомученик Стефан, безымянные мученики Десяти гонений, вместе с Поликарпом, Вивией Вечной, Фелицитой, Игнатием и всеми остальными получили от церкви такую форму почитания, которую только тонкое богословское мышление могло позволить нам отличить от настоящего богослужения. Великая процессия закланных за Христа на мозаиках Сант-Аполлинаре-Нуово в Равенне дает хороший исчерпывающий список наиболее важных из этих ранних святых (по крайней мере, для арийских верующих), возглавляемых святым Мартином, святым Климентом, святым Юстином, святым Лаврентием и святым Ипполитом. Позже появились более мифические и поэтические фигуры, происходящие, по-видимому, от языческих богов — святой Екатерины, святой Варвары, Святого Георгия, Святого Христофора. По ходу дела они образуют совершенно новый пантеон,

вращающийся вокруг фигур самого Христа и его матери Мадонны, которая, в свою очередь, быстро растет, превращаясь из Исиды, Астарты и Артемиды в Царицу Небесную.

Праздники любви или *агапо* ранних христиан обычно проводились в катакомбах или где-либо еще над телами мучеников. Впоследствии останки усопших святых были перенесены во внешние церкви, такие как Сант-Аньезе и Сан-Паоло, где они были помещены под освященный таким образом алтарь или священный камень, с вершины которого тело и кровь Христа были распределены в Евхаристии. Мы знаем, что еще в четвертом веке ни одна церковь не обходилась без какой-либо подобной реликвии; и с того периода страсть к мученикам распространилась так сильно, что за один раз в Сан-Прасседе было похоронено не менее 2300 трупов святых людей вместе взятых. Только в самом Риме теперь можно в достаточной степени понять всю важность этого культа мучеников или адекватно признать ту большую роль, которую он сыграл в развитии христианства. Возможно, читателю-протестанту проще всего познакомиться с этой стороной вопроса, прочитав очень интересный и наглядный отчет, приведенный во втором томе "*Священного и легендарного искусства*" миссис Джеймсон.

У меня есть место только для нескольких иллюстративных примеров.

Когда святой Амвросий основал свою новую церковь в Милане, он пожелал освятить ее какими-нибудь святыми реликвиями. В видении он увидел двух молодых людей в сияющих одеждах, и ему было открыто, что это были святые мученики, тела которых лежали недалеко от того места, где он жил в городе. Соответственно, он раскопал их и нашел два тела, которые оказались телами двух святых, Гervasия и Протасия, пострадавших за веру в царствование Нерона. Они были установлены в новой базилике, построенной Амвросием в Милане. Церкви в их честь сейчас существуют по всему христианскому миру, наиболее известными из которых являются церкви в Венеции и Париже.

Тело святой Агнессы, святой и мученицы, которая всегда изображается с этой знакомой эмблемой - агнцем, которого она копирует, - покоится в саркофаге под Главным алтарем Сант-Аньезе за Воротами Пиа, где всего через несколько лет после мученической кончины святой Константином Великим над останками была воздвигнута базилика. Тело святой Чечилии точно так же покоится в церкви Санта-Чечилия-ин-Трастевере. В этом последнем случае первоначальный дом, где Сесилия была предана смерти, как говорят, был освящен как место поклонения по очень ранней дикарской моде, комната, где она страдала, обладала особой святостью. Папа Симмах проводил там собор в 500 году. Эта самая ранняя церковь пришла в упадок во время нашествия варваров, и папа Пасхалий I, великий покровитель охоты за реликвиями, построил новую в честь святого в девятом веке. Во время работы ему приснился сон (общего характера), когда ему явилась Сесилия и показала место, в котором она была похоронена. Были произведены обыски, и тело было найдено в катакомбах святого Каликста, завернутое в саван из золотой ткани, а у ее ног лежала льняная ткань, смоченная священной кровью ее мученичества. Рядом с ней были захоронены останки Валериана, Тибуртия и Максима, все они более или менее замешаны в ее легенде. Тело было перенесено в существующую церковь, а маленькая комнатка, где скончался святой, сохранилась как часовня. В шестнадцатом веке священное здание было снова отремонтировано и отреставрировано в чудовищном вкусе того времени; и саркофаг был открыт на глазах нескольких прелатов, включая кардинала Барониуса. Тело было найдено целым, а затем

помещено в серебряную раку, в которой оно покоемся до сих пор. Таким образом, почти каждая церковь в Риме имеет своего святого покровителя, чаще всего мученика первых гонений.

Во многих подобных случаях огромное значение придается тому факту, что тело остается, как говорится, “неповрежденным”; и я могу упомянуть в этой связи, что на частых изображениях воскрешения Лазаря, которые встречаются в качестве “эмблем воскресения” в катакомбах, тело Лазаря представлено в виде мумии, часто заключенной в то, что кажется футляром для мумий. Действительно, это больше всего напоминает египетские изображения Осириса.

Я перехожу к другим, более интересным примерам выживания в культе трупов.

Великим центральным храмом католической церкви является собор Святого Петра в Риме. Само тело распятого святого покоемся под высоким алтарем в саркофаге, привезенном из катакомб близ Сан-Себастьяно. На этой скале основаны собор Святого Петра и католическая церковь. Ана-клетус, преемник Климента, воздвиг памятник на костях блаженного Петра; и если Петр вообще историческая личность, я не вижу причин сомневаться в том, что там действительно покоемся его настоящее тело. Святой Павел делит с ним одно святилище; но только половина двух тел покоемся сейчас в величественной Исповедальне в ризнице папской базилики: другая часть Святого Петра освящает Латеранский собор; другая часть Святого Павла дарует святость Сан-Паоло фуори ле Мура.

Другими наиболее почитаемыми телами в Риме являются тела Кватро Коронати в одноименной церкви; Святого Пракседиса и Святого Пудентиана в их соответствующих церквях; Святого Космо и Святого Дамиана; и многих других, слишком многочисленных, чтобы упоминать. Несколько римских церквей, таких как Сан-Клементе, стоят на месте дома святого, которому они посвящены или чье тело они хранят, напоминая таким образом о ранней новогвинейской практике. Другие занимают место его предполагаемой мученической смерти или окружают столб, к которому он был привязан. Легенды обо всех этих римских святых полны значительных отголосков язычества. Посетитель Рима, который непредвзято осматривает церкви и катакомбы, должен быть поражен, обнаружив, что достопримечательности, мифы и церемонии на каждом шагу напоминают знакомые языческие святыни или истории. В единственной церкви Сан-Заккария в Венеции я снова нашел тела святого Захарии (отца Иоанна Крестителя), святой Сабрины, святого Тарасия, св. Нерая и Ахилла, и многих других святых, которых слишком много, чтобы упоминать.

Насколько большое значение придавалось обладанию настоящим трупом или мумией святого, мы особенно хорошо видим на примере Венеции. Перенесение тела или мумии святого Марка из Александрии в лагуны долгое время считалось самым важным событием в истории республики; церковь, в которой оно находилось, является самой благородной в христианском мире и содержит бесконечную серию записей о связи святого Марка с городом и людьми, которые так по-королевски приняли его. Душа, как видно на знаменитой картине Тинторете, перелетела через море вместе с телом в Венецию, по пути предупредила моряков об опасности и с тех пор всегда защищала гостеприимную Республику во всех ее предприятиях. Нужно долго прожить в городе Лагун и проникнуться самим его духом, чтобы понять, насколько безоговорочно он отождествлял себя со своим покровителем Евангелистом. “Мир тебе, Марсе, евангелиста метис” - таков девиз на его зданиях. Лев Святого Марка возвышался на Пьяцетте на всеобщее обозрение; он повторяется в каждой детали скульптуры или живописи во дворце Дожей и общественных зданиях города. Тело, лежавшее под золотым покровом в большой

церкви на Пьяцца, было настоящим Палладиумом, самым настоящим помощником в трудную минуту. Для венецианцев это было не просто чувство или фантазия; они знали, что на их собственной земле и под куполами их собственных церквей покоятся тело и душа второго из евангелистов.

И это был не единственный важный помощник, которым могла похвастаться Венеция. В ней также находилось тело святого Георгия в Сан-Джорджо Маджоре и тело святого Николая в Сан-Никколо-ди-Лидо. Прекрасная легенда о доже и рыбаке (увековеченная для нас карандашом Париса Бордоне на одной из самых благородных картин, которые когда-либо видел мир) рассказывает нам, как три великих святых-хранителя, святой Марк, Святой Георгий и святой Николай, однажды взяли гондолу у своих церквей и вышли в море во время бушующего шторма, чтобы обойти демонов, которые пришли с бурей, чтобы сокрушить Венецию. Четвертым святым, гораздо более позднего времени, которого венецианцы также похитили хитростью, был святой Рок из Монпелье. Этот святой человек был очень важной санитарной мерой предосторожности против чумы, которой город был сильно подвержен из-за своей восточной торговли. Поэтому венецианцы просто обманным путем украли тело из Монпелье и построили в его честь изысканную церковь и Скуолу Сан-Рокко, великий музей искусств Тинторет. Тот факт, что простое обладание святым телом само по себе имеет большое значение, не может быть лучше продемонстрирован, чем эти насильственные похищения.

Тело святого Николая, который был высоко почитаемым епископом Мир Ликийских, покоится, как я уже сказал, под главным алтарем Сан-Никколо ди Лидо в Венеции. Но другое и более подлинное тело того же великого святого, покровителя моряков, а также школьников, также покоится под главным алтарем великолепной базилики Сан-Никола в Бари, благодаря чему святой епископ широко известен как Святой Николай Барийский. Из останков выделяется чудодейственная жидкость "Манна ди Бари", высоко ценимая благочестивыми людьми. Над гробницей возвышается великолепный собор. Такое тщательное копирование тел и реликвий чрезвычайно распространено как в христианском мире, так и в исламе.

Я взял за правило посещать святилища огромного числа выдающихся святых в различных частях Италии; и мог бы посвятить целый том их достопримечательностям. Тело св. Августин, например, покоится в Павии в великолепном ковчеге, одном из самых роскошных памятников, когда-либо воздвигнутых искусством человека, а также одним из самых красивых. Падуя также может похвастаться телом святого Антония Падуанского, местного жителя, известного как "иль Санто", и гораздо более важного в его родном городе, чем весь остальной христианский пантеон, вместе взятый. Многокупольная церковь, воздвигнутая над его останками, значительно больше, чем собор Святого Марка в Венеции; а само тело святого заключено в изысканную мраморную часовню, спроектированную Сансовино и украшенную всеми самыми благородными произведениями искусства эпохи Возрождения. Доминиканские монахи и монахини совершают паломничества в Болонью, чтобы поклониться телу святого Доминика, который умер в этом городе и чье тело заключено в великолепный саркофаг в церкви, посвященной ему, и украшено изысканной скульптурой разных рук от времен Никколо Пизано до Микеланджело. Особой славой Сиены славится святая Екатерина вторая — первая была мифической принцессой Александрийской; и дом этой экстатичной монахини до сих пор сохранился в первозданном виде как молельня для благочестивых. Ее голова, положенная в серебряную раку или ларец, украшает алтарь ее часовни в Сан-Доменико, где знаменитые фрески Содомы слишком часто завладевают всем вниманием посетителей с севера. Сравните

со святой головой Хосейна в Каире. Великая францисканская церковь в Ассизи снова хранит останки основателя францисканцев, которые ранее покоились под главным алтарем; церковь Санта-Мария-дельи-Анджели под ней окружает маленькую хижину, которая была первым узким жилищем зарождающегося ордена. Я мог бы продолжать без числа приводить подобные примеры; надеюсь, этих немногих будет достаточно, чтобы читатель-протестант почувствовал, насколько реально то почтение, которое до сих пор оказывают самим телам и домам святых в Италии. Если бы он когда-нибудь присутствовал в Милане на празднике Сан-Карло Борromeо и увидел, как крестьяне из соседних деревень сотнями стекаются поцеловать мощи святого человека, как это видел я, он бы без колебаний связал нынешнее христианство с самыми примитивными формами трупопоклонства и поклонения мумиям.

К северу от Альп, опять же, я не могу удержаться от упоминания нескольких характерных примеров, которые помогают обеспечить соблюдение уже провозглашенных принципов. В Париже почитаются два великих местных святых - Сен-Дени и Сент-Луис. Женевьева. Сен-Дени был первым епископом Лютеции и всего прихода: говорят, что он был обезглавлен вместе с двумя своими товарищами на Монмартре, Монс Мартирум. Впоследствии он шел, обхватив голову руками, от этого места (ныне покрытого маленькой церковью Сен-Пьер, по соседству с новой базиликой Сакре-Кур) до места, где он благочестиво желал быть похороненным. Святая женщина по имени Катулла (обратите внимание на это последнее эхо) совершила для него последние обряды в том месте, где величественная аббатская церковь Сен-Дени сейчас хранит его память. Первый собор на этом месте был возведен еще до франкского нашествия; второй, построенный Дагобертом, был освящен (как показало видение) самим Христом, который спустился для этой цели с небес в окружении апостолов, ангелов и Святого Дениса. Настоящая голова или череп святого долгое время хранился в базилике в великолепном реликварии из чистого серебра, подарке Маргариты Французской, точно так же, как голова Хосейна до сих пор хранится в Каире, и как множество других чудесных голов или голов оракулов хранятся дикарями в других местах. Действительно, исследователь-антрополог может быть склонен предположить, что отделение головы от тела и сохранение ее над землей общепринятым способом позже породило своеобразную, но ни в коем случае не уникальную легенду. Сравните голову медведя в суевериях айно, а также оракульных германских и скандинавских нитстангах.

Что касается Ste. Женевьевы, она сначала упокоилась в посвященной ей церкви на месте, которое сейчас занимает Пантеон, который все еще частично, хотя и секуляризован, хранит память о ней. Ее тело (или то, что от него осталось) в настоящее время покоится в соседней церкви Сент-Этьен-дю-Мон, где каждый парижанин, проезжая через владения Сент-Этьен-дю-Мон, несомненно, отдает дань уважения святыне в самом живописном и оригинальном здании, которое есть в городе. Geneviève. Насколько реальной все еще является преданность народа, можно увидеть в любое утро рабочей недели, и еще больше в октаву праздника святого.

Однако, как и во многих других случаях, останки девы-покровительницы Парижа неоднократно переносились с места на место для безопасного хранения. Первоначально тело было похоронено в склепе старой аббатской церкви Святых Апостолов на острове Сите. Когда норманны захватили страну, монахи унесли его с собой в деревянном ящике в безопасное место. Как только мир был снова восстановлен, тело было помещено в великолепную *усыпальницу*, в то время как к пустой могиле по-прежнему относились с величайшим почтением. Говорят, что во время Революции настоящие кости были уничтожены, но саркофаг или кенотаф пережил шторм и был перенесен в Сент-Этьен. По всему Невену

тысячи верующих до сих пор стекаются поклониться ему. Считается, что в саркофаге до сих пор хранятся некоторые священные части тела святого, спасенные от крушения благочестивыми приверженцами.

Другие знакомые примеры придутся на ум каждому, например, кости волхвов или Трех королей, хранящиеся в реликварии в кафедральном соборе Кельна; кости Святой Урсулы и 11 000 дев; кости святого Стефана и Святого Лаврентия в Риме; кости святого Губерта, извлеченные из-под земли и найденные неповрежденными в одноименном городе в Арденнах; и кости святого Лонгина в его часовне в Мантуе. Все эти реликвии и тела совершают поразительные чудеса, и все они были центрами важных культов в течение значительного периода времени.

В Британии с первых этапов становления христианства почитание тел святых было наиболее заметным, и история их странствий составляет важную часть наших ранних летописей. На самом деле, я так долго останавливаюсь на этом вопросе, потому что немногие современные северяне могут в полной мере оценить ту большую роль, которую Мертвое тело играет и сохраняло на протяжении многих веков в христианском богослужении. Только те, кто, подобно мне, долго жил в насквозь католических странах, совершал паломничества к многочисленным знаменитым святыням и пробирался сквозь груды англосаксонских и других документов раннего средневековья, могут по-настоящему понять этот этап христианской агиологии. Таким людям совершенно ясно, что настоящее Мертвое тело какого-нибудь святого мужчины или женщины было во многих местах главным объектом почитания миллионов христиан на протяжении последующих поколений. Хороший британский пример можно найти в случае с трупом святого Катберта. Рассказ о его странствиях слишком длинный, чтобы приводить его здесь полностью; его следует прочитать в любой хорошей истории Дарема. Я кратко перечисляю. Тело преданного миссионера севера сначала некоторое время хранилось в Линдисфарне. Когда по прошествии одиннадцати лет гробница святого была вскрыта, его внешний облик был обнаружен все еще нетленным; считалось, что так оно и оставалось более 800 лет. Он находился в Линдисфарне до 875 года, когда датчане-пираты вторглись в Нортумбрию. Монахи, считая святого Кутберта своим величайшим сокровищем, бежали вглубь страны, унося святое тело с собой на собственных плечах. Такие переводы священных тел распространены в христианской и языческой истории. После долгих скитаний, во время которых с ним обращались с величайшей заботой и преданностью, освященное тело нашло на некоторое время убежище на Честер-ле-стрит в 883 году. В 995 году он был перенесен в Рипон, где даже за столь короткое время освятил собор; но в том же году он снова отправился на север, в Линдисфарн. Однако по пути он чудесным образом обозначил (упорным отказом двигаться) свое желание навсегда остановиться в Дареме — городе, сильное природное положение и способность к обороне которого делают честь военному суждению святого. Здесь, заключенный в дорожную святыню, он продолжал творить ежедневные чудеса вплоть до Реформации. Более поздняя могила была вскрыта в 1826 году, когда было обнаружено, что в гробу находится другой, сделанный в 1104 году: и в нем снова содержался третий, который соответствовал описанию саркофага, сделанного в 698 году, когда святой был поднят из своей первой могилы. В самом сокровенном ящике находилось на самом деле не нетленное тело Катберта, а скелет, все еще целый и завернутый в прекрасные одежды из расшитого шелка. Ни одна известная мне история не проливает больше света на поклонение трупам, чем эта, если читать ее со всеми наглядными подробностями, приведенными оригинальными источниками.

Но повсюду в Британии мы встречаем похожих местных святых, чьи тела или кости совершали удивительные чудеса и ревностно охранялись от святотатственных злоумышленников. Сам Беда уже полон таких святых трупов, а в последующие дни их число увеличилось на сотню. Рука Албана, первомученика Британии; “белая рука” Сент-Освальда, которая, когда все остальное погибло, осталась белой и нетленной, потому что была благословлена Эйданом; Святая Этельреда в Эли, еще один замечательный и показательный пример; Эдуард Исповедник в Вестминстерском аббатстве; это лишь немногие из сотен примеров, которые сразу придут на ум изучающим нашу историю. И я добавлю, что иногда легенды об этих святых неожиданно отсылают нас к гораздо более ранним видам языческого богослужения; например, когда мы читаем о святом Эдмунде из Восточной Англии, покровителе Похороненного святого Эдмунда, что Ингвар викинг взял его силой, привязал к дереву, жестоко бичевал, сделал мишенью для стрел язычников-датчан и, наконец, обезглавил. Либо, говоря я, богоугодное жертвоприношение северных язычников; либо, в противном случае, воспоминание, подобно святому Себастьяну, о таких богоугодных обрядах, которые сохранились в легендах о древних мучениках. Сравните здесь еще раз жертвоприношение медведя айно.

Но в позднее средневековье священным Телом Британии, превыше всех остальных, несомненно, было тело Томаса А'Бекета в Кентерберии. Сюда, как мы знаем, совершала паломничество вся Англия; и ничто не могло более полно показать быстроту канонизации в подобных случаях, чем тот факт, что даже могущественный Генрих II. пришлось пасть ниц перед телом своего старого врага и подвергнуться публичному бичеванию в святилище новоиспеченного мученика. В течение нескольких сотен лет после его смерти не может быть никаких сомнений в том, что культ святого Фомы Кентерберийского был самым реальным и живым культом во всей Англии; его единственными серьезными соперниками в популярности были культ святого Катберта к северу от Хамбера и культ святой Этельреды в восточных графствах.

Святые головы, в частности, были распространены в Британии до Реформации. Известный шотландский случай связан с головой святого Фергюса, апостола Банфа и пиктского нагорья, перенесенной в королевскую резиденцию Сконе и хранящейся там. “Клянусь святым Фергюсом Хайдом в Сконе” было любимой клятвой шотландских монархов, так же как “клянусь святым Денисом” была клятвой их французских современников.

Опять же, почти во всех этих случаях, вплоть до наших дней, народное признание происходит задолго до официальной римской канонизации. Чудеса сначала совершаются у гробницы, и молитвы получают ответ; нерегулярный культ предшествует официальному. Даже в наши дни, всего через несколько недель после смерти кардинала Мэннинга, в католических газетах Лондона появились рекламные объявления, в которых выражалась благодарность за духовные и мирские благословения, полученные благодаря вмешательству Богоматери, святых “и нашего любимого кардинала”.

Эта популярная канонизация часто намного опережала обычное официальное признание, как в случае с Жанной д'Арк во Франции в наши дни или с “мастером Джоном Шорном, рожденным блаженным человеком” в средневековом Кенте. Таким образом, такие страны, как Уэльс и Корнуолл, полны местных и патристически настроенных святых, часто сомнительной католической принадлежности, таких как святой Кадок, Святой Падерн, Святой Петрок, Святой Пиран, Святой Руан и Св. Иллтид, не говоря уже о более распространенных случаях, таких как

святой Асаф и святой Давид. Дело в том, что люди повсюду испытывали естественное желание иметь близкого, знакомого, недавнего и настоящего бога или святого; они поклонялись скорее умершим, которых любили и почитали сами, чем старшим богам и более отдаленным мученикам, у которых нет тела среди них, нет личной святыни, нет местных ассоциаций, нет живых воспоминаний. “Я видел в Бретани, ” рассказывает французский корреспондент мистера Герберта Спенсера, “ украшенную гирляндами могилу благочестивого и милосердного священника: люди сотнями стекались к ней, чтобы помолиться ему о том, чтобы он даровал им выздоровление и защитил их детей”. Там, с христианским добавлением верховного Бога, мы еще раз получаем основную идею религии.

Я хотел бы добавить, что помимо такого фактического почитания тел святых и мучеников, в римской церкви всегда существовала определенная теория, согласно которой ни один алтарь не может существовать без реликвии. Алтарь, будучи сам по себе монументальным камнем, нуждается в теле или части тела, чтобы оправдать и освятить его. Доктор Рок, высокий авторитет, говорит в своей *Иерархии*: “Правилами Церкви предписано, чтобы Святая Жертва Мессы приносилась на алтаре, который содержит камень, освященный епископом, заключающий в себе мощи какого-либо святого или мученика; и быть покрытым тремя льняными тканями, которые были благословлены для этой цели соответствующей формой благословения”. Освящение алтаря, действительно, считается даже более серьезным, чем освящение самой церкви; ибо без камня и его реликвии церемония Мессы вообще не может быть совершена. Даже когда нужно отслужить мессу в частном доме, священник приносит с собой освященный камень и его реликвию; другие такие камни носили *в тумбах* или переносных алтарях, столь распространенных в военных экспедициях средневековья. Таким образом, церковь является гробницей с усыпальницами вокруг нее; в ней находится каменный памятник, прикрывающий мертвое тело или часть тела; и в ней изготовлено и выставлено Тело Христа в виде освященной и преобразованной облатки.

Однако алтарь таким образом представляет собой не только уменьшенную или символическую гробницу, и не только часто располагается над телом святого, как в соборах Святого Марка и Святого Петра, но и иногда сам состоит из каменного саркофага. Один такой саркофаг находится в соборе Сен-Мало; я видел другие алтари в форме гробов в монастыре Ла Траппе близ Алжира и в других местах. Однако, когда алтарь стоит, как в соборе Святого Петра, над настоящим телом святого, ему не обязательно содержать реликвию; в противном случае это так. То есть это должен быть либо настоящий, либо уменьшенный и символический саркофаг.

В восточной церкви для надлежащего совершения Святой Евхаристии необходим своего рода мешочек с реликвиями, называемый Антиминсом. Он состоит из квадратной ткани, положенной на алтарь или завернутой в его покрывала, и украшен картиной, изображающей погребение Христа Иосифом Аримафейским и Святыми Женщинами. Это очень приближает его к церемониям Адониса и Хосейна. Но в нем обязательно должна быть какая-нибудь святая реликвия.

Помимо поклонения трупам и реликвиям святых, в католическом христианском мире уже давно существует ежегодное поминовение усопших, *День смерти*, который напрямую связан с более ранним поклонением предкам. Это правда, официально и, без сомнения, правильно утверждается, что это празднование обязано своим происхождением (в его признанной форме) конкретной исторической личности, Адаму де Сен-Виктору: но когда мы рассматриваем,

насколько универсальными были такие поминовения и ежегодные праздники умерших во все времена и в разных местах, мы едва ли можем сомневаться, что церковь всего лишь приняла и освятила практику, которая, хотя, возможно, и считалась языческой, никогда не умирала среди массы верующих. Само желание быть похороненным в церкви или на церковном кладбище и все, что оно подразумевает, в христианском обиходе еще раз отправляет к примитивному трупопоклонничеству. Сравните с мертвыми, которые спят с Осирисом. В средние века многих людей хоронили в часовнях, где хранилось тело (или реликвия) их святого покровителя.

Короче говоря, от начала до конца религия никогда не уходит далеко от этих своих самых ранних и глубоких ассоциаций. “Бог и бессмертие” — вот две ее ключевые ноты. И эти двое суть одно; ибо бог в конечном счете есть не что иное, как бессмертный призрак, эфирный и протяженный.

С другой стороны, всякий раз, когда религия уходит слишком далеко от своей эмоциональной и первичной основы в культе ближайших умерших, она должна либо постоянно обновляться свежими и знакомыми объектами поклонения, либо имеет тенденцию растворяться в простом расплывчатом пантеизме. Постоянно необходим новый бог, новый святой, “возрождение религии”. Жертвоприношение во время Мессы мудро повторяется через частые промежутки времени; но одного этого недостаточно; люди хотят уверенности в более близком, более знакомом божестве. В наше время, и особенно в протестантской и скептически настроенных Англии и Америке, эта потребность дала о себе знать ростом спиритуализма и родственных верований, которые являются всего лишь доктриной о духе или тени в ее очищенной форме, отдельно, как правило, от более высокой концепции верховного правителя. - А что такое сам позитивизм, как не почитание могущественных мертвецов, лишь приправленное смутным этическим стремлением к абстрактному служению живому человечеству? Я знал многих интеллектуальных людей, которые, пережив тяжелую утрату — потерю жены или горячо любимого ребенка, - находили прибежище на время либо в спиритуализме, либо в католицизме. Первое, по-видимому, дает им практическую уверенность в действительном телесном общении с умершими посредством медиумов или переворачивания столов; второе снабжает их теорией смерти, которая делает воссоединение вероятным будущим для них. Это стремление к прямому общению с мертвыми, как мы видели, проявилось на очень ранней или примитивной стадии в случае с женами манданов, которые с любовью разговаривали с черепами своих мужей; вероятно, это лежит в основе распространенной привычки сохранять голову при погребении тела, широко распространенные последствия которой мы так часто наблюдали. Я знал двух современных спиритуалистов, которые подобным же образом бальзамировали тела своих жен, чтобы дух мог вернуться и вселиться в них.

Таким образом, культ мертвых, который является древнейшим источником всех религий в смысле богослужения, также является последним пережитком религиозного духа, пережившим постепенный упадок веры из-за современного скептицизма. К этой причине я в целом отношу спиритуалистические высказывания столь многих наших лидеров современной науки. Они отвергли религию, но они не могут отвергнуть унаследованные и укоренившиеся религиозные эмоции.

ГЛАВА XX.—ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

И теперь мы, наконец, подошли к концу нашего долгого и кропотливого исследования. Вряд ли мне нужно говорить тем, кто настаивал на своем до сих пор, что я ни в коем случае не считаю ни одну часть всего этого окончательной. Действительно, в этой книге нет главы, которую я не мог бы расширить вдвое или утроить ее нынешний объем, если бы решил включить в нее десятую часть собранных мною свидетельств по предмету, которому она посвящена. Но по многим адекватным причинам сжатие было необходимо. Некоторые из величайших трактатов, когда-либо написанных по этому глубоко важному и интересному вопросу, привлекли гораздо меньше внимания, чем они того заслуживали, потому что были настолько громоздкими и перегруженными доказательствами, что читатель с трудом различал лес за деревьями; он терял нить аргументации в лабиринте примеров. В моем собственном случае у меня была или верил, что была центральная идея; и я хотел изложить эту идею с такой простой краткостью, которая позволила бы читателю ухватить ее и следовать ей. Я выступаю, так сказать, только перед Большим жури присяжных. Я не претендую на то, что в каком-либо конкретном случае доказал свои доводы; я удовлетворен, если я изложил *prima facie* аргументы для дальнейшего расследования.

Следовательно, моей целью в настоящем реконструктивном трактате было просто изложить в настолько краткой форме, насколько это соответствовало ясности моего представления о шагах, по которым человечество пришло к своему представлению о Боге. Я не пытался представить доказательства по каждому шагу в полном объеме; я лишь попытался представить широкой публике грубый набросок психологической реконструкции и в то же время предложить ученым и антропологам некоторое представление о том, в каком направлении с наибольшей вероятностью можно найти доказательства в пользу предложенной мной реконструкции. Таким образом, эта книга представляет собой не более чем краткое изложение вероятностей. Если ей удастся привлечь внимание и пробудить интерес к столь обширному и фундаментальному предмету, я надеюсь, что в будущем за ней последуют другие, в которых будут подробно рассмотрены различные составляющие элементы моей теории, а оригинальные авторитетные источники будут обильно процитированы с самыми полными ссылками. Поскольку, однако, в этом предварительном изложении моих взглядов я мало касался, за исключением хорошо известных фактов, и полагался по большей части на привычные сочетания свидетельств, я не считал нужным загромождать свои страницы частыми и педантичными сносками, относящимися к цитируемым отрывкам или лицам. Ученый будет достаточно хорошо знать, где искать нужные ему доказательства, в то время как обычный читатель может судить о моем приблизительном изложении гипотезы только в зависимости от того, впечатлен он ее правдоподобием или наоборот.

Если, с другой стороны, этот *авангард* обоснованной системы не заинтересует публику, я волей-неволей вынужден довольствоваться тем, что воздержусь от углубления в печати этой увлекательной темы, по которой у меня все еще есть огромное количество идей и фактов, которые я хотел бы публично изложить.

Прежде чем закончить, я хотел бы также отметить, что я не придерживаюсь догматически всей или какой-либо части разработанной доктрины, здесь предварительно предложенной. Я

слишком часто менял свое собственное мнение по этим вопросам в ходе своей личной эволюции, чтобы когда-либо думать, что достиг полной завершенности. Действительно, пятнадцать или двадцать лет назад я был достаточно опрометчив, чтобы подумать, что встал на якорь, когда впервые прочитал очерк происхождения религии мистера Герберта Спенсера в первом томе "*Принципов социологии*". Десять или двенадцать лет назад сомнения и трудности снова дали о себе знать. Шесть лет назад, еще раз, когда *The Golden Bough*, после того как эта книга была задумана и частично реализована, я был вынужден полностью отказаться от многих лелеемых прежних мнений и пересмотреть многие вопросы, которые, как я наивно полагал, были для меня давным-давно закрыты. С тех пор на меня постоянно проливался новый свет извне или приходил ко мне изнутри: и я смиренно продолжаю этот набросок сейчас, чего бы он ни стоил, не с мыслью, что я каким-либо образом постиг всю обширную правду, но в слабой надежде, что, возможно, я заглянул кое-где немного глубже в бездонные пропасти под нами, чем это удавалось большинству предыдущих исследователей. В то же время вряд ли мне нужно повторять свое ощущение огромных обязательств, которые я несу перед многими из них, и в первую очередь перед мистером Спенсером, мистером Фрейзером, мистером Хартлендом и доктором Тайлором. Мое единственное утверждение состоит в том, что я, возможно, изложил схему реконструкции, которая, возможно, окажется верной в некоторых частях и ошибочной в других.

С другой стороны, строго ограничив свое внимание собственно религиозными особенностями, исключая мифологию, этику и все другие внешние наслоения или случайности, я надеюсь, что смог более ясно, чем это делалось до сих пор, продемонстрировать тесную связь, которая всегда существует между культами в целом и поклонением Мертвому Богу, естественному или искусственному. Даже если мне не совсем удалось побудить сторонника примитивного анимизма пересмотреть свою основную догму о происхождении богов от всепроникающих духов (о принадлежности которых я не вижу доказательств в представленных нам свидетельствах), я осмеливаюсь думать, что я, во всяком случае, заставил его почувствовать, что поклонение Предкам и Культ Мертвого Бога сыграли гораздо большую и более глубокую роль, чем он до сих пор был готов признать, в генезисе религиозных эмоций. Хотя я, возможно, и не возвел поклонение Умершему Человеку на высшую и уникальную ступень в процессе боготворения, я, по крайней мере, надеюсь, что возвел его в положение более важное, чем оно занимало до сих пор, даже после публикации эпохальных исследований мистера Герберта Спенсера. Я полагаю, что достаточно ясно дал понять, что огромная масса существующих богов или божественных личностей, когда мы приступаем к их анализу, на самом деле оказываются мертвыми и обожествленными человеческими существами. Короче говоря, я надеюсь, что мне удалось реабилитировать эвгемеризм.

Здесь не место в самом конце столь долгого исследования рассматривать теорию первобытного анимизма. Поэтому я хотел бы лишь кратко сказать здесь, что я не отрицаю действительного существования того глубоко анимистического склада ума, который м-р Им Турн так хорошо изобразил среди индейцев Гвианы; ни того, который существует среди индейцев Сибири; ни того, который встречается нам на каждом шагу в исторических описаниях древнеримской религии. Я вполне готов признать, что людям, находящимся на этой стадии религиозной эволюции, мир кажется просто переполненным духами со всех сторон, каждый из которых часто выполняет свои особые функции и обладает особыми прерогативами. Но я не вижу, чтобы какая-либо из этих идей была явно примитивной. Чаще всего мы можем проследить происхождение призраков, духов и богов от конкретного человека: там, где духи существуют в

изобилии и пронизывают всю природу, я все еще не понимаю, почему их нельзя отнести к единственному известному источнику всех призрачных существ. Совершенно очевидно, что никакое различие в имени или обряде обычно не отделяет этих вездесущих и неопределенных духов от тех домашних богов, происхождение которых прекрасно помнят в семейном кругу. Поэтому я беру на себя смелость предположить, что в каждом подобном случае мы имеем дело с неизвестными и обобщенными призраками — с призраками самой разной степени древности. Если кто-нибудь может показать мне расу верующих в духов, которые не поклоняются духам своих предков, или может привести какое-либо эффективное основное различие между духом, который когда-то был живым человеком, и духом, который вообще никогда не был человеком, я с радостью выслушаю его. Однако до настоящего времени ни одна такая раса не была указана, и никаких подобных различий никогда не устанавливалось.

The Правда в том, что сейчас у нас вообще нет первобытных людей. Существующие люди - это потомки людей, у которых были религии, по всей вероятности, более миллиона лет. Следовательно, лучшее, что мы можем сделать, - это проследить, каких богов мы можем, до их первоначального источника и поверить, что остальные имеют схожее развитие. И куда мы их проследим?

“Насколько я смог проследить происхождение наиболее известных второстепенных провинциальных божеств, - говорит сэр Альфред Лайалл, говоря об Индии в целом, - обычно это люди прошлых поколений, которые заслужили особое продвижение и почетное звание среди бестелесных призраков.... Из многочисленных местных богов, о которых известно, что они были живыми людьми, гораздо большая часть происходит от обычной канонизации святых персонажей.... Количество святилищ, воздвигнутых таким образом только в Бераре этим отшельникам и людям, умершим в благоухании святости, велико, и оно постоянно увеличивается. Некоторые из них уже достигли ранга храмов”. Мы видели, что проникательный наблюдатель Эрман пришел к аналогичному выводу относительно богов тех самых остяков, которых часто приводят в качестве типичных примеров примитивных анимистов. В последние годы по всему миру многочисленные непредвзятые исследователи, такие как мистер Дафф Макдональд и капитан Хендерсон, аналогичным образом пришли к выводу, что все боги туземцев, среди которых они работали, имели человеческое происхождение; в то время как мы знаем, что некоторые целые великие национальные верования, такие как синтоизм в Японии, вообще не признают никаких божеств, кроме живых королей и умерших духов предков. В этих обстоятельствах, оценивая неизвестное по известному, я не решаюсь сделать очень смелый шаг и установить какой-либо новый и причудливый источник для небольшого количества неразгаданных богов, человеческое происхождение которых нам менее определенно известно.

Одним словом, я считаю, что поклонение трупам - это протоплазма религии, в то же время признавая, что фольклор - это протоплазма мифологии и ее более современного и философского ответвления, теологии.